

В. И. ШИШКИН

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ

КОМИТЕТЫ

СИБИРИ

**В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ**

**1919-
1921 гг.**

9(с18)
Ш-65

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В. И. ШИШКИН

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
КОМИТЕТЫ
СИБИРИ
В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ

(август 1919 — март 1921 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1978

Восстановление и упрочение Советской власти в Сибири после ее освобождения от интервентов и колчаковцев неразрывно связано с созданием и деятельностью чрезвычайных государственных органов диктатуры пролетариата — революционных комитетов.

Настоящая работа — первая попытка монографического исследования данной проблемы. В книге на основе обобщения литературы и изучения широкого круга новых источников выясняются причины и порядок организации ревкомов в Сибири, их социальный и партийный состав, главные формы, методы и результаты работы, направленной на защиту завоеваний Октябрьской революции.

Книга рассчитана на научных сотрудников, преподавателей вузов, студентов, всех, интересующихся историей советской Сибири.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. Я. Гущин

Ш 10604—842 62—78
042(02)—78

© Издательство «Наука», 1978

Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...

В. И. Ленин

ВВЕДЕНИЕ

Ленинские слова, взятые нами в качестве эпиграфа, прозвучали 22 октября 1918 г. в Колонном зале Дома Союзов на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. В тех условиях, когда молодая Советская республика была окружена кольцом белогвардейско-интервентских фронтов, эти слова стали огромным по силе воздействия мобиливающим призывом, обращенным вождем пролетарской революции к Коммунистической партии, к рабочему классу и трудящемуся крестьянству нашей страны, призывом, зовущим на защиту социалистического Отечества.

Однако ленинский вывод об исторической «стоимости» той или иной революции в зависимости от ее способности защитить себя следует рассматривать не только в связи с конкретными событиями, в которых он был сформулирован. В действительности вывод В. И. Ленина имеет более глубокое и всеобъемлющее, общесоциологическое значение. Он является положением программного характера, которое, как показывает международный опыт классовой борьбы, необходимо учитывать всем революционным силам современности.

Данным обстоятельством, острой политической злободневностью проблем, связанных с защитой революционных завоеваний, обусловлен пристальный интерес советских и зарубежных исследователей к тому, как решала этот вопрос величайшая в мире социальная революция, совершенная российским пролетариатом и беднейшим крестьянством в октябре 1917 г.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что в годы гражданской войны и интервенции Великая Ок-

тябрьская социалистическая революция прошла беспрецедентную в мировой истории проверку на социальную зрелость. Одержав победу над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции, она отстояла право на собственное существование, чем подтвердила свою объективную закономерность и глубокую жизненность, оказала колоссальное влияние на мировой революционный процесс. В этом, как известно, В. И. Ленин видел всемирно-историческое значение Октябрьской революции в широком смысле слова.

Историки-марксисты, всесторонне раскрывая именно это, безусловно доминирующее направление в исследовании проблемы, в то же время должны изучать и другую ее сторону: значение Октябрьской революции в узком смысле слова, заключающееся и в том, что она показала непревзойденные образцы того, как надо защищать себя.

В годы гражданской войны и интервенции выдающуюся роль в деле защиты завоеваний Великого Октября сыграли чрезвычайные органы государственной власти — революционные комитеты, которые в ряде районов страны временно заменили собой конституционные органы — Советы и их исполкомы. Ревкомы различных типов в разное время создавались почти на всей территории страны: в тылу — для борьбы с контрреволюционными вооруженными мятежами, в прифронтовой полосе — из-за близости театра военных действий, на освобожденной от белогвардейцев и интервентов территории — для скорейшей ликвидации последствий антисоветских режимов. Подобно военно-революционным комитетам, сыгравшим решающую роль в установлении Советской власти, в ее «триумфальном шествии» в ноябре 1917 — марте 1918 г., и комитетам бедноты, способствовавшим развитию социалистической революции в деревне летом — осенью 1918 г., ревкомы в период гражданской войны и интервенции внесли громадный вклад в дело сохранения и упрочения Советской власти. Поэтому достоверную и полную картину грандиозной борьбы и социалистического строительства в первые годы Советской власти невозможно представить без всестороннего освещения организации и многогранной деятельности ревкомов.

Обращение к истории ревкомов будет во многом содействовать плодотворному решению и другой важной научной проблемы: выявлению особенностей советского государственного строительства в период гражданской войны и интервенции, обусловленных спецификой того времени, внутренними социально-политическими процессами и международным положением страны.

К сожалению, несмотря на научную и политическую актуальность проблемы, историю ревкомов периода гражданской войны и интервенции нельзя отнести к числу хорошо исследованных. Сошлемся, например, на такой важный показатель изученности темы, как наличие монографических публикаций. К настоящему времени имеется лишь восемь монографий, выполненных в региональном масштабе¹, и одна — в общесоюзном². Причем в последней работе исследование ревкомов ведется не в историческом, а в юридическом, правовом аспекте. Это дает основание утверждать, что обобщающей монографии, в которой проблема ревкомов периода гражданской войны и интервенции была бы поставлена и решена на конкретно-историческом материале в масштабе всей страны, до сих пор нет.

Как выяснено Н. Ф. Бугаев и Р. Т. Шамсутдиновым, недостаточно изучен вопрос об участии ревкомов в сломе старого, контрреволюционного и создании нового, советского государственного аппарата в освобожденных от белогвардейцев и интервентов местностях; скудные сведения содержатся о социальном и партийном составе ревкомов, особенно низовых; слабо раскрыто партий-

¹ Гюев М. И. Деятельность революционных комитетов в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957; Потарикина Л. Л. Ревкомы Украины в 1918—1920 гг. Киев, 1957; Петриков П. Т. Организация и деятельность революционных комитетов на территории Белоруссии в 1920 году. Минск, 1962; Он же. Ревкомы Белоруссии. Минск, 1975; Иванова З. М. Ревкомы в борьбе за упрочение Советской власти в левобережных районах Молдавии (в 1919 — первой половине 1921 г.). Кишинев, 1963; Ахалая И. Д. Революционные комитеты Грузии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 — март 1922 г.). Сухуми, 1968; Исрапилов А. К. — М. Рожденные революцией. Деятельность революционных комитетов в Дагестане. Махачкала, 1969; Бугай Н. Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа (1919—1920). Нальчик, 1977.

² Литвинова Г. И. Революционные комитеты в годы гражданской войны. М., 1974.

ное руководство ревкомов, их взаимодействие с военными и вышестоящими советскими органами; особенно нуждаются в специальных исследованиях такие направления работы ревкомов, как аграрные и продовольственные мероприятия, а также помощь пострадавшим от контрреволюции. Необходимо более полно и конкретно показать участие в деятельности ревкомов широких рабочих-крестьянских масс³.

Такое состояние историографии проблемы не позволяет, по нашему мнению, в настоящее время создать обобщающую монографию о ревкомов в масштабе всей страны. Для этого отсутствуют необходимые предпосылки в виде серии специальных работ, посвященных, во-первых, отдельным мало исследованным вопросам организации и деятельности ревкомов; во-вторых, ревкомов различных уровней и звеньев, особенно волостному и сельскому; в-третьих, ревкомов ряда крупных административно-территориальных единиц. В том числе в более обстоятельном изучении нуждаются ревкомы Сибири, одного из немногих районов страны, где они в течение нескольких месяцев существовали повсеместно и на всех уровнях. Содействовать по мере возможности восполнению этого последнего пробела — так предварительно и в самом общем виде можно сформулировать задачу данной работы.

Историографический анализ литературы о ревкомов Сибири⁴ свидетельствует о том, что познание этого исторического феномена шло традиционным для науки путем: от общей постановки проблемы к углубленному изучению частных вопросов. Дифференциация исследований осуществлялась по следующим направлениям: во-первых, по линии изучения главных мероприятий, проводимых ревкомов (аграрных, военных, продоволь-

ственных и т. п.); во-вторых, специальному анализу подвергались различные звенья ревкомовской системы (преимущественно областное и губернское); в-третьих, освещалось состояние и деятельность отдельных составных частей исполнительного аппарата ревкомов (органов управления, охраны социалистической законности и порядка).

Благодаря вышедшим в свет публикациям и диссертациям набросан в основном верный эскиз картины ревкомов Сибири периода гражданской войны и интервенции. Дальнейшая задача историков заключается в том, чтобы оживить имеющийся эскиз, наполнив его красками многогранной деятельности ревкомов. И палитра этих недостающих красок еще довольно велика. Совершенно не исследованы волостные и сельские ревкомы, взаимоотношения ревкомов с военными органами и между собой. Далеко не полностью выяснены такие вопросы, как необходимость повсеместного создания ревкомов в Сибири и пути их образования, социальный и партийный состав, партийное руководство ревкомов, формы, методы и итоги их деятельности, приведшей в конечном счете к образованию конституционных органов Советской власти.

Состояние изученности темы во многом продиктовало задачи и план настоящей работы. В ней предполагается исследовать организацию и деятельность ревкомов Сибири как процесс, с одной стороны, вызванный к жизни чрезвычайной обстановкой, с другой — направленный на устранение этих чрезвычайных условий и создание предпосылок для восстановления конституционных советских органов. Вопросы о социальном и партийном составе, структуре, направлениях, формах, методах и результатах деятельности ревкомов, составляющие основное содержание этого комплекса проблем, рассматриваются как своеобразная движущая сила и внутренний механизм анализируемого процесса, обеспечившие его поступательное развитие. Причем исследование всех указанных вопросов осуществляется дифференцированно применительно к областному, губернскому и уездному, волостному и сельскому звеньям ревкомовской системы в Сибири. Мы считаем, что предложенный подход будет в наилучшей мере способствовать решению поставленных задач.

³ Шамсутдинов Р. Т. Советская историография о ревкомов в национальных республиках. — В кн.: Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР. Душанбе, 1970; Бугай Н. Ф. Проблема революционных комитетов периода гражданской войны в советской историографии. — «Вопросы истории», 1973, № 2.

⁴ Шишкин В. И. Советская историография революционных комитетов Сибири периода гражданской войны. — В кн.: Вопросы историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1977.

* *

*

Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены возникновением и завершением деятельности подавляющего большинства ревкомов Сибири. Начальная грань — август 1919 г., когда был создан Сибирский революционный комитет, ставший первым ревкомом Сибири. Конечная грань — март 1921 г., являющийся переломной вехой в истории всей Советской республики. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) провозгласил переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Новый политический курс стал рубежом и в истории советского государственного строительства. В рамках означенного периода начали и завершили свою деятельность почти все ревкомы Сибири, созданные в конце 1919 — начале 1920 г., за исключением областного и немногих других, находившихся в национальных районах.

Внутри указанных хронологических рамок применительно к различным звеньям ревкомовской системы сделаны самостоятельные хронологические «срезы», определяемые временем существования таковых. Но в отдельных случаях это общее правило нарушалось, и мы обращались к документам и событиям более позднего времени с тем, чтобы с их помощью ретроспективно скорректировать оценки и выводы, полученные на материалах изучаемого периода.

Территориальные рамки исследования — «сибревкомовская» Сибирь. Традиционно так называется регион, состоящий из губерний и областей, подчинявшихся Сибревкому в административном, военном и хозяйственном отношениях. Его границы в течение рассматриваемого периода не оставались неизменными. В разное время в ведении Сибревкома находились Алтайская, Енисейская, Иркутская, Омская, Томская, Семипалатинская, Челябинская, Тюменская, Якутская губернии и Акмолинская область. В монографии исследование проблемы ревкомов ведется преимущественно в границах шести первых губерний, которые в изучаемое время всегда подчинялись Сибревкому. В то же время в отдельных случаях при анализе начального этапа работы Сибрев-

кома дополнительно использовался фактический материал по Тюменской и Челябинской губерниям.

Ревкомы Якутской губернии и некоторых других административных единиц, населенных в изучаемый период главным образом коренными меньшинствами, не исследуются. По нашему мнению, такое исключение допустимо по двум обстоятельствам. Во-первых, в связи с особенностями национального состава населения задачи, стоявшие перед ревкомом этих районов, формы и методы их работы по сравнению с большинством ревкомов Сибири имели значительную специфику, что требует обширного дополнительного анализа. Во-вторых, деятельность ревкомов этих национальных районов, находившихся под управлением Сибревкома, достаточно полно отражена в специальных и обобщающих публикациях.

Ограничение территориальных границ исследования в основном шестью избранными губерниями допустимо также по следующим соображениям. В этих губерниях проживало подавляющее большинство сибирского населения, находился основной экономический потенциал края, а совершавшиеся в них социально-экономические и политические процессы определяли положение всей Сибири.

Глава первая

СИБИРСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

(август 1919 — март 1921 г.)

Завершение разгрома колчаковщины, ликвидация ее последствий, первые шаги и достижения в социалистическом преобразовании Сибири неразрывно связаны с деятельностью чрезвычайного органа диктатуры пролетариата — Сибирского революционного комитета. В течение шести с половиной лет, с августа 1919 до декабря 1925 г., Сибревком руководил советским строительством в Сибири. Современники называли его «сибирским Совнаркомом». И это было не просто лестное сравнение, а признание заслуг Сибревкома перед Советской властью.

НЕОБХОДИМОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ, ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, КОМПЕТЕНЦИЯ И СТРУКТУРА

Сибревком был образован в августе 1919 г. Не будет преувеличением сказать, что он родился буквально в огне гражданской войны.

Причины, вызвавшие его создание и продолжительное существование, не оставались неизменными, а претерпели значительную эволюцию. Между тем это обстоятельство не принимается исследователями во внимание. К тому же потребность в Сибревкоме объясняется в литературе только местными, сибирскими, условиями, что также неверно. По нашему мнению, организация Сибревкома вызывалась военно-политическим положением всей Советской республики, диктовалась совокупностью общероссийских и региональных факторов.

Лето 1919 г. ознаменовалось крупными успехами Советской власти на Восточном фронте. Красная Армия вела победоносное наступление на Колчака, освободила Урал и Зауралье. Однако в результате весенне-летнего наступления Деникина на Южном фронте, поддержанного белополяками и петлюровцами, положение Советской республики резко ухудшилось. По мнению В. И. Ленина, наступил «один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»¹.

К концу июля 1919 г. белополякам, деникинцам и петлюровцам удалось развить успех на Западном и Южном фронтах. Центральным районам страны угрожал белогвардейский конный корпус генерала Мамонтова. В создавшейся обстановке В. И. Ленин, определяя главную задачу текущего момента, потребовал напрячь все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики для того, чтобы «отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь»².

В своих письмах, написанных в июле — августе 1919 г., первое из которых от имени ЦК РКП(б) было адресовано местным партийным организациям, а второе — рабочим и крестьянам³, Владимир Ильич не только сформулировал главную военно-политическую задачу текущего момента, но и наметил пути ее выполнения. Единственным шансом диктатуры пролетариата победить Деникина и Колчака, считал В. И. Ленин, является поголовное вовлечение во все мероприятия Советской власти населения, «испытывшего ужасы колчаковской «демократии», продолжение наступления на Сибирь до *полной победы* революции в Сибири»⁴. Таким образом, максимальная мобилизация людских и материальных ресурсов освобождавшихся от колчаковцев территорий для ведения борьбы с Деникиным и окончательного разгрома Колчака должна была явиться первоочередным мероприятием Советской власти на Урале и в Сибири.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 44.

² Там же, с. 45.

³ Там же, с. 44—63, 151—159.

⁴ Там же, с. 54.

В целях успешного решения этой задачи требовалось строго централизовать деятельность всех советских органов, направить ее в одно русло, в русло борьбы с контрреволюцией. Причем, как писал об этом первый председатель ЦИК Советов Сибири (Центросибири) Б. З. Шумяцкий, напоминая сибирским коммунистам о событиях полуторагодичной давности, следовало «сделать невозможным повторение печальных явлений начала 1918 года, когда каждый сибирский Совдеп мнил себя вершителем судеб всей русской революции»⁵.

Достижением полной победы социалистической революции в Сибири — вот чем, считал В. И. Ленин, должно было завершиться наступление Красной Армии на Восточном фронте. Решение этой задачи представляло исключительную трудность, потому что в Сибири совместными усилиями русской контрреволюции и ее иностранных союзников был создан мощный государственный аппарат колчаковщины, выражавший интересы помещиков и буржуазии. В силу этого полная победа социалистической революции на востоке страны была невозможна без слома колчаковской государственной машины и создания вместо нее органов, способных эффективно выполнять функции диктатуры пролетариата: установить твердый революционный порядок, подавить остатки контрреволюции, предпринять энергичные меры по восстановлению разрушенной экономики и положить начало ее социалистическому переустройству.

Осуществлять эти задачи предстояло в сложных социально-политических условиях в обширнейшем по масштабам и многонациональном по составу регионе с низкой плотностью населения, слабо обеспеченном коммуникациями. По сравнению с центральными районами РСФСР удельный вес промышленного пролетариата здесь был меньше, а кулачества — больше; в крае имела значительная прослойка казачества, участвовавшего в вооруженной борьбе против Советской власти; местная беднота не прошла такой важной школы классовой борьбы, как комбеды; районы, населенные преимущественно аборигенами, существенно отставали по уровню социально-экономического и культурного разви-

⁵ «Советская Сибирь», Челябинск, 1919, 5 окт.

тия от местностей, где проживали выходцы из европейской части страны, и т. п.

Все это предъявляло к органам Советской власти в Сибири повышенные требования: они должны были в своей работе отличаться оперативностью, гибкостью, революционной решительностью, сочетать самостоятельность в принятии решений с умением подчинять местные нужды общегосударственным интересам. И не случайно, что вопрос о том, какие шаги наиболее целесообразно предпринять в сфере государственного строительства для того, чтобы содействовать скорейшему освобождению Сибири и упрочению в ней позиций Советской власти, стал предметом пристального внимания центральных органов и лично В. И. Ленина.

В мае — июне 1919 г. В. И. Ленин дважды встречался с членом Центросибири В. Д. Виленским (Сибиряковым), а в середине июля — с Б. З. Шумяцким, работавшим в сибирском подполье. В ходе бесед В. И. Ленин интересовался не только положением колчаковского тыла, настроениями сибирского крестьянства, партизанским движением, но и соображениями В. Д. Виленского и Б. З. Шумяцкого о будущей политике Советской власти в Сибири⁶. Вероятно, по просьбе В. И. Ленина В. Д. Виленский написал для «Известий ВЦИК» статью «Борьба за Сибирь», в которой высказал мнение о необходимости тщательно подготовиться к предстоящей партийной и советской работе в Сибири с тем, чтобы «использовать революционное настроение сибирского крестьянства и закрепить за собой его симпатии»⁷. В принципе эта же мысль проводилась в тезисах об организации советской работы в Сибири и докладе «Очередные мероприятия Советской власти в Западной Сибири», написанных в середине июля 1919 г. Б. З. Шумяцким для В. И. Ленина⁸. С В. Д. Виленским солидаризовался еще один крупный советский работник — Ф. Е. Орлов. В статье «Подготовка к работе в Сибири», опубликованной в конце июля 1919 г. в «Правде», он

⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. Март — ноябрь 1919 г. М., 1976, с. 219, 280, 396.

⁷ «Известия ВЦИК», 1919, 18 июля.

⁸ Багаев Б. Ф. Борис Шумяцкий. Очерк жизни и деятельности. Красноярск, 1974, с. 119, 120.

предложил создать при ЦК партии специальный организационный центр, «который не только взял бы на учет все силы, работавшие в Сибири, и всех работников, которых можно двинуть в Сибирь, но в то же время принялся бы и за подготовительную организационную работу»⁹.

Предложения сибиряков, направленные во ВЦИК и в Совнарком, нашли полное одобрение и поддержку. 31 июля 1919 г. Совнарком учредил в качестве своего временного органа комиссию по сибирским делам¹⁰ в составе члена Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирнова (председатель), члена коллегии Наркомпрода М. И. Фрумкина, заместителя Наркома внутренних дел М. Ф. Владимирского, члена президиума Высшего совета народного хозяйства Г. И. Оппокова (А. Ломова) и В. Д. Виленского. По воспоминаниям последнего, комиссии были даны директивы «наметить основные моменты советской политики в Сибири на основании учета пережитого опыта, а равно наметить тезисы дальневосточной политики и принципы организационного строительства»¹¹.

Принимая во внимание характер и объем задач, которые предстояло решать Советской власти в Сибири, а также условия их реализации, комиссия по сибирским делам рекомендовала ВЦИК и Совнаркому положить в основу советского строительства на освобождаемой от колчаковцев территории чрезвычайные органы государственной власти — ревкомы. В том числе предлагалось создать областной, Сибирский ревком. Предусматривалось, что Сибревком будет существовать непродолжительный период времени: до подготовки условий, необходимых для передачи власти органам советского управления, избранным в соответствии с Конституцией РСФСР.

Основываясь на рекомендации комиссии по сибирским делам, 27 августа 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил проект постановления о Сибревкоме¹². 3 сентября оно было опубликовано сначала как постановление Президиума ВЦИК, а на следующий день — как поста-

⁹ «Правда», 1919, 30 июля.

¹⁰ В ряде документов она называется иначе: комиссией для обсуждения или по постановке советской работы в Сибири.

¹¹ «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 17 февр.

¹² Декреты Советской власти. Т. 6. 1 августа — 9 декабря 1919 г. М., 1973, с. 73, 74.

новление ВЦИК «Об организации гражданского управления в Сибири»¹³.

Сибревком был создан в составе трех человек: председателя — И. Н. Смирнова и членов — В. М. Косарева и М. И. Фрумкина. Постановление ВЦИК не раскрывало подробно права, обязанности и тем более не определяло структуру Сибревкома. В нем только говорилось, что Сибревком учреждается на правах областного руководящего центра, которому должны подчиняться все органы гражданского управления Сибири. В действительности же, как свидетельствует особый порядок образования Сибревкома, его компетенция по сравнению с другими областными советскими учреждениями, созданными в соответствии с конституционными нормами, являлась более широкой. Сибревком, будучи тоже областным по масштабам деятельности, вместе с тем в силу того, что был назначен ВЦИК, как бы «автоматически» получил в сфере гражданского управления краем чрезвычайные права, права полномочного представителя центральной Советской власти. Правда, рамки этих прав сначала никак не были оформлены юридически. В одном из отчетов Сибревкома позднее справедливо отмечалось, что в постановлении ВЦИК от 27 августа 1919 г. «вопрос о правах Сибревкома почти не был затронут»¹⁴. Здесь же, немного опережая ход событий, заметим, что из-за недостаточной определенности, ясности компетенции Сибревкома в дальнейшем возникло несколько конфликтов между наркоматами, Реввоенсоветом 5-й армии и некоторыми губернскими ревкоматами Сибири, с одной стороны, и самим Сибревкомом — с другой.

Необходимо отметить, что постановлением ВЦИК из компетенции Сибревкома как чрезвычайного областного органа гражданского управления было сделано одно изъятие: кредиты для местных сибирских органов, ведавших военными и продовольственными делами, а также управлявших промышленностью, утверждались не Сибревкомом, а проходили через ВСНХ, Наркомвоен и Наркомпрод. Такое решение не было случайным; его принятие вызывалось обстановкой гражданской войны, разрухой в промышленности, недостатком продоволь-

¹³ «Известия ВЦИК», 1919, 3 и 4 сент.

¹⁴ VI лет работы Советов в Сибири. Новосибирск, 1926, с. 5.

ствия, что диктовало наибольшую централизацию руководства именно этими сферами жизни. Для Сибревкома до тех пор, пока он не проявил себя с положительной стороны, такое ограничение компетенции было вполне оправданным.

Фактически же первое время Сибревком обладал еще меньшими правами. Представители почти всех наркоматов, направленные в распоряжение Сибревкома, работали, как правило, по планам и заданиям своих руководящих центров, находясь лишь под номинальным контролем Сибревкома. В этом отношении особенно показательна инструкция президиума ВСНХ, данная своему представителю при Сибревкоме — В. З. Гинсбургу. В ней говорилось, что представителю президиума ВСНХ при Сибревкоме поручается образование местных органов народного хозяйства, руководство их работой и всей промышленностью Сибири в соответствии с заданиями ВСНХ. Местные совнархозы должны были отчитываться перед представителем президиума ВСНХ. Командируемые в Сибирь сотрудники главков, центров и отделов ВСНХ также поступали в распоряжение представителя президиума ВСНХ; через него же проходило авансирование и утверждение смет кредитов местных совнархозов¹⁵.

Такие отношения между Сибревкомом и уполномоченными наркоматов на первых порах, пока Сибревком на практике не завоевал достаточного доверия и авторитета, были, вероятно, объективно неизбежны. Однако они не отвечали букве, а тем более духу постановления ВЦИК о Сибревкоме как областном органе и не устраивали руководство Сибревкома. Это побудило Сибревком принять ряд ответных мер для приведения своего реального положения в соответствие с данными ему полномочиями. 10 октября 1919 г. Сибревком решил ходатайствовать перед Совнаркомом о предоставлении ему права смещать, увольнять и заменять представителей отдельных комиссариатов, направленных в Сибирь¹⁶. 14 октября Сибревком принял постановление о зачислении в штат постоянных работников всех со-

трудников, временно командированных в его распоряжение. Советским учреждениям вменялось в обязанность зачислять на должности всех вновь прибывших только с разрешения Сибревкома¹⁷.

Известное представление о том, каким мыслили себе Сибревком его руководители, дает постановление Сибревкома от 22 октября 1919 г., в котором впервые была зафиксирована основная структура Сибревкома, определены количество и перечень отделов, распределены обязанности между членами Сибревкома по непосредственному руководству и контролю за ними. В соответствии с этим постановлением предполагалось создать при Сибревкоме следующие отделы: управления, народного хозяйства, труда, земельный, продовольственный, финансовый, социального обеспечения, народного образования, здравоохранения, юстиции, военный, иностранных дел и ВЧК¹⁸.

Анализируя постановления Сибревкома, принятые в октябре 1919 г., особенно намеченную структуру, правоммерно сделать вывод, что руководство Сибревкома, напротив, стремилось расширить свою компетенцию. Это выразилось в том, что Сибревком решил — и, как мы полагаем, ошибочно — взять на себя функции, не возлагавшиеся на него постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 г. Например, нельзя признать правильным решение Сибревкома от 10 октября 1919 г. по кадровому вопросу, хотя оно и мотивировалось достаточно серьезными причинами: дальностью расстояний и плохой связью между Москвой и Сибирью.

Ошибочным следует считать и постановление Сибревкома от 22 октября в части, касающейся иностранного отдела. Напомним, что еще в апреле 1918 г. В. И. Ленин определенно высказался против образования иностранного комиссариата при Центросибири. Он полагал, что так называемая самостоятельность Сибири в дипломатическом деле только облегчит формально ее аннексию с Востока, со стороны Японии. В. И. Ленин предложил Центросибири не создавать собственного иностранного комиссариата, а рекомендовал воспользоваться институтом комиссаров (уполномоченных), назначаемых Наркоматом иностранных дел РСФСР¹⁹.

¹⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12а, л. 14.

¹⁸ Там же, д. 2263, л. 43.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 50, с. 366.

¹⁵ Сибирский Революционный Комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925. Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959, с. 73, 74.

¹⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 13.

Летом 1919 г. установка, данная В. И. Лениным более года тому назад, была реализована благодаря назначению В. Д. Виленского уполномоченным РСФСР по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке. В дальнейшем эти функции выполняла Сибирская миссия иностранных дел во главе с В. Д. Виленским и Я. Д. Янсоном, подчинявшаяся непосредственно Наркоминделу РСФСР. Следовательно, можно утверждать, что организация иностранного отдела Сибревкома не вызывалась и практическими нуждами.

Едва ли было целесообразно создавать осенью 1919 г., когда Сибирь превратилась в арену боевых действий, военный отдел Сибревкома. Здесь уже имелся Реввоенсовет 5-й армии, одним из членов которого состоял председатель Сибревкома. В принципе в конце 1919 — начале 1920 г. этого было достаточно для обеспечения надлежащего управления и координации деятельности военных и гражданских органов Сибири, а образование военного отдела Сибревкома привело бы к возникновению в крае двух руководящих военных центров, в известной мере действовавших параллельно и дублировавших работу друг друга. По-видимому, из этих соображений и исходили центральные советские учреждения, создавая Сибревком в качестве органа только гражданского управления.

На основании косвенных данных, имеющихся в нашем распоряжении, можно утверждать, что решение Сибревкома об учреждении СибЧК на правах отдела Сибревкома встретило возражения со стороны коллегии ВЧК. Несмотря на ходатайство Сибревкома перед В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским²⁰, руководство ВЧК не дало санкции на существование СибЧК. Такая позиция коллегии ВЧК в общем была правильной. Она полностью отвечала существовавшему в ВЧК принципам организационного строительства, проникнутым строгим централизмом.

На самом же деле постановление Сибревкома от 22 октября 1919 г. фактически не проводилось в жизнь. Из-за отсутствия в своем распоряжении достаточного количества квалифицированных кадров советских со-

²⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 237, л. 29; ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 680, л. 136.

трудников Сибревком до начала 1920 г. к созданию намеченных отделов по существу не приступал, если не считать назначения заведующих несколькими отделами.

В результате в конце 1919 — начале 1920 г. значительную часть работы по образованию и руководству деятельностью органов государственной власти, возложенной на Сибревком, на практике осуществляли представительства или уполномоченные центральных органов, направленные в Сибирь. Например, в восстановлении промышленности и железнодорожного транспорта Сибири большую роль сыграли Урало-Сибирская комиссия ВСНХ и экспедиция заместителя Наркома путей сообщения В. М. Свердлова, наделенного правами члена Реввоенсовета 5-й армии; деятельность гражданских продовольственных органов Сибири до апреля 1920 г. в значительной мере направлялась Особой продовольственной комиссией Восточного фронта (Опродкомвост), которую сначала возглавлял заместитель Наркома продовольствия Н. П. Брюханов, а потом — М. И. Фрумкин.

Максимальная опора на уже имевшиеся, проверенные и хорошо зарекомендовавшие себя на практике представительства и уполномоченных центральных органов, действовавших в Сибири по заданию ВСНХ (Урало-Сибирская комиссия), НКПС (экспедиция В. М. Свердлова), народных комиссариатов государственного контроля (А. К. Пайкес), земледелия (А. Р. Воронов, А. А. Пономарев), почт и телеграфа (А. И. Ермоленко), продовольствия (Д. Е. Гольман, Г. Е. Дронин, Б. И. Моностырский), финансов (Ф. А. Земпт, Э. Я. Матч), юстиции (Ф. С. Бондарь-Диброво, А. Г. Гойхбарг) в условиях конца 1919 — начала 1920 г. была единственно правильной для Сибревкома, располагавшего тогда крайне незначительным числом опытных сотрудников, знакомых с сибирской спецификой. В то же время руководство Сибревкома хорошо сознавало, что грандиозную по масштабам задачу возрождения советской Сибири невозможно осуществить без создания собственного аппарата управления органами власти на местах. Показательна телеграмма председателя Сибревкома от 3 декабря 1919 г., адресованная в Совнарком и Реввоенсовет республики. Высказав в ней мнение о ближайшем освобождении от колчаковцев всей Западной Сибири и Енисейской губернии, И. Н. Смирнов констатирует

вал, что перед 5-й армией и Сибревкомом «встали на первый план организационные задачи»²¹. И действительно, вопросы, относившиеся к организации как самого Сибревкома, так и местных ревкомов, заняли в конце 1919 — начале 1920 г. главное внимание Сибревкома.

Постепенно, в процессе решения этих задач стало выявляться наиболее целесообразное место Сибревкома в системе органов пролетарской диктатуры в Сибири: уточнялись его компетенция и структура, определялись принципы взаимоотношений с представительствами и уполномоченными наркоматов, выяснялись права и обязанности его отделов по отношению к местным органам Советской власти. Характерно, что только в ноябре 1919 — январе 1920 г. на заседаниях Сибревкома четырежды (3 ноября, 2 декабря, 3 и 10 января) рассматривались вопросы о правах и обязанностях Сибревкома и его отделов. В конечном счете 10 января 1920 г. после продолжительного обсуждения было принято положение об отделах Сибревкома, разработанное комиссией в составе А. Г. Гойхбарга, С. И. Канатчикова и В. Н. Соколова. В положении устанавливалась новая, более соответствовавшая задачам и условиям работы структура Сибревкома; были внесены изменения в его компетенцию и уточнены взаимоотношения с наркоматами; сформулированы задачи отделов Сибревкома и их права по отношению к отделам губернских ревкомов Сибири.

На этот раз при Сибревкоме намечалось образовать следующие отделы: управления, труда и социального обеспечения, земельный, финансовый, народного образования, здравоохранения, юстиции, почт и телеграфа, продовольственный, народного хозяйства, путей сообщения, государственного контроля. При этом оговаривалось, что четыре последних отдела существуют на особых основаниях. Характер их особого статуса в положении не раскрывался. На практике же до апреля — мая 1920 г. функции общесибирского руководящего продовольственного органа продолжала выполнять Опродкомвост, управлением народного хозяйства ведала Урало-Сибирская комиссия ВСНХ, железнодорожным и водным транспортом — экспедиция и уполномоченные Наркомпу-

²¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 680, л. 129; VII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенограф. отчет. М., 1920, с. 95.

ти, деятельностью органов государственного контроля руководил член коллегии этого Наркомата А. К. Пайкес. Таким образом, все четыре названных отдела Сибревкома создавались номинально. Фактически вместо них по-прежнему действовали специальные аппараты и уполномоченные центральных органов, находившиеся под общим контролем Сибревкома и координировавшие с последним свою работу по заданиям соответствующих наркоматов и ВСНХ.

Более правильно решался вопрос о подборе руководящих кадров, необходимых для работы в Сибревкоме. В положении устанавливалось, что заведующие отделами назначаются Сибревкомом по соглашению с соответствующими наркоматами. Заведующим отделами рекомендовалось не создавать руководящих коллегий и более мелких структурных подразделений (подотделов, секций). Отрицательное отношение Сибревкома к разветвлению своих отделов не объяснялось. По нашему мнению, могли существовать три причины, побудившие Сибревком принять эту рекомендацию: либо предположения о скором собственном упразднении, либо отсутствие необходимого количества сотрудников, либо опубликование в центральной печати декрета ВЦИК и Совнаркома об упрощении гражданского аппарата Советской власти, в котором предлагалось во всех возможных случаях заменять комиссионную и коллегияльную работу единоличной²². Скорее всего руководство Сибревкома, хорошо сознававшее необходимость длительного периода существования учреждения, руководствовалось в своей деятельности двумя последними соображениями.

На отделы возлагались обязанности организовывать аппараты губернских ревкомов, инструктировать, координировать и осуществлять контроль за их деятельностью. В свою очередь, аппараты губревкомов должны были раз в месяц отчитываться перед отделами Сибревкома. Задачи, возложенные на отделы Сибревкома, предлагалось выполнять, откомандировав на места инструкторов-организаторов, перемещая их из одной губернии в другую. В случае острой необходимости отделам предоставлялась возможность готовить сотрудников

²² Декреты Советской власти. Т. 7. 10 декабря 1919 г. — 31 марта 1920 г. М., 1974, с. 53—57.

в областной партийно-советской школе и на краткосрочных курсах. Заведующим отделами Сибревкома вменялось в обязанность по возможности устраивать совещания с губернскими работниками для ознакомления, обобщения и распространения на всю Сибирь «наиболее удачных приемов организации местных учреждений»²³.

Следовательно, в положении об отделах был аккумулирован опыт первых месяцев работы Сибревкома, установлена наиболее целесообразная и достаточно полная для того времени структура, в основном определен характер взаимоотношений Сибревкома с выше- и нижестоящими органами Советской власти, намечены ближайшие организационные задачи и средства их решения. Забегая вперед, можно сказать, что это положение явилось для Сибревкома своеобразным руководством к действию на последующие 3—4 месяца работы.

* * *

Пожалуй, единственным существенным для того времени пробелом в определении компетенции Сибревкома, который не был устранен принятием положения об отделах Сибревкома, являлся вопрос о взаимоотношении Сибревкома с Реввоенсоветом 5-й армии. В течение осени 1919 — зимы 1920 г., когда велась борьба за освобождение Сибири и на первом плане стояли военные задачи, Сибревком направлял свои усилия и работу подчиненных ему органов на первоочередное обеспечение нужд 5-й армии. Оперативное выполнение Сибревкомом заданий военного командования достигалось благодаря пребыванию Реввоенсовета-5 и Сибревкома в одних и тех же административных центрах (Челябинск, Омск), а также тому, что председатель Сибревкома одновременно являлся членом Реввоенсовета 5-й армии. «Практика показала, — сообщал в середине февраля 1920 г. корреспонденту «Известий Иркутского военно-революционного комитета» В. Д. Виленский, — что такое сочетание является наиболее удачным для устранения трений между гражданской и военной властью»²⁴.

²³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264, л. 19.

²⁴ «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 17 февр.

Однако в начале 1920 г. ситуация изменилась. В связи с разгромом основных сил колчаковской армии и освобождением Западной Сибири произошло уменьшение объема деятельности Сибревкома, направленной на обеспечение военных операций 5-й армии. На передний план выдвинулись задачи по налаживанию гражданского управления краем, а это требовало соответствующей перегруппировки сил. Уже в телеграмме от 13 декабря 1919 г., адресованной В. И. Ленину, И. Н. Смирнов ходатайствовал об отзыве его из Реввоенсовета армии для сосредоточения усилий на работе в Сибревкоме²⁵.

Ходатайство И. Н. Смирнова было частично удовлетворено. В январе 1920 г. Реввоенсовет-5 стал работать в новом, более широком составе (командарм — М. С. Матиясевиц, члены — К. И. Грюнштейн, Б. П. Позери и И. Н. Смирнов), в котором И. Н. Смирнов отвечал главным образом за согласование деятельности военных и гражданских властей в Сибири, с чем, по его собственному признанию, он не всегда справлялся²⁶. По мере того, как линия фронта отодвигалась на восток, контакты между Сибревкомом, резиденция которого с ноября 1919 г. находилась в Омске, и Реввоенсоветом, следовавшим за наступающими частями армии, ослаблялись. Координация деятельности обоих органов ухудшилась. В результате в феврале 1920 г., когда военные операции по разгрому колчаковских войск почти завершились, между Реввоенсоветом-5 и Сибревкомом стали возникать отдельные разногласия, преимущественно на почве руководства местными ревкомом, переросшие в конечном счете в серьезный конфликт.

19 февраля 1920 г. М. С. Матиясевиц, К. И. Грюнштейн и Б. П. Позери издали в Красноярске приказ № 119. В нем до сведения военных и гражданских органов Сибири доводилось, что приказы и распоряжения Реввоенсовета обязательны для всех ревкомов, находящихся на контролируемой 5-й армией территории, причем указывалось, что Сибревком не имеет права отменять данные приказы и распоряжения или отдавать свои, им противоречащие. Одновременно Реввоенсовет приказал военным органам оказывать местным ревкомам всемерное содействие и всю свою деятельность, по

²⁵ ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 680, л. 136.

²⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 41.

мере возможности, согласовывать с ревкомами²⁷. В тот же день Реввоенсовет 5-й армии отправил в адрес Совнаркома, Реввоенсовета республики и Сибревкома телеграмму с изложением своего мнения о характере взаимоотношений с Сибревкомом. Существование Сибревкома, говорилось в телеграмме, не устраняет «обязательность приказов и распоряжений Реввоенсовета армии для всех ревкомов в районе расположения армии». Все приказы и распоряжения Сибревкома, не соответствовавшие или противоречившие приказам и распоряжениям Реввоенсовета, безапелляционно квалифицированы как ошибочные и незаконные²⁸.

Получив сведения о действиях Реввоенсовета 5-й армии, Сибревком принял ответные меры. 21 февраля В. М. Косарев и М. И. Фрумкин (И. Н. Смирнов в это время находился в командировке в Иркутске) обратились в ЦК РКП(б), Совнарком и Реввоенсовет республики. Они проинформировали центральные партийные, советские и военные учреждения о причинах конфликта между Реввоенсоветом 5-й армии и Сибревкомом, которые видели главным образом в необоснованном стремлении Реввоенсовета-5 подчинить себе органы гражданского управления, просили категорически предписать Реввоенсовету армии «не вмешиваться в область гражданского управления за исключением случаев объявления местности [на] военном или осадном положении, когда власть переходит в руки военных органов». В противном случае, считали члены Сибревкома, «неокрепшие ревкомы, столкнувшись с разноречивыми приказами Сибревкома и Реввоенсовета, будут совершенно дезорганизованы»²⁹. В тот же день В. М. Косарев и М. И. Фрумкин направили всем губернским ревкомам Сибири (копию — для сведения Реввоенсовету-5) телеграмму, в которой обязывали их принимать все приказы Сибревкома к неуклонному исполнению. В случае получения приказов от других органов или их сотрудников, противоречивших распоряжениям Сибревкома, категорически предписывалось таковые не исполнять без получения санкции Сибревкома³⁰.

²⁷ «Красноярский рабочий», 1920, 21 февр.

²⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 79; ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 475, л. 69.

²⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 84.

³⁰ ГААК, ф. 9, оп. 2, д. 2, л. 169.

Разногласия между Реввоенсоветом 5-й армии и Сибревкомом по вопросу о характере взаимоотношений постепенно усиливались. Они, к сожалению, не ограничились только правовой стороной дела, а перешли и в практическую плоскость. Было отдано несколько приказов Реввоенсовета и распоряжений Сибревкома, противоречивших друг другу, что негативно сказалось на работе местных военных и гражданских учреждений³¹.

На наш взгляд, конфликт возник главным образом по субъективным причинам и виновны в нем в равной мере обе стороны, неправоммерно стремившиеся расширить свои полномочия. В то же время нельзя не признать, что стремление Реввоенсовета 5-й армии быть вышестоящей над ревкомами Сибири инстанцией имело под собой определенное юридическое основание. Дело в том, что в своих действиях Реввоенсовет руководствовался положением ВЦИК от 24 октября 1919 г. «О революционных комитетах», согласно которому ревкомы должны были подчиняться Реввоенсовету образовавшей их армии и центральным советским учреждениям — наркоматам³². Между тем в этом положении не была учтена специфика Сибири, заключающаяся в том, что здесь существовал областной государственный орган, обладавший чрезвычайными полномочиями представителя центральной Советской власти. Следовательно, отсутствие согласованности положения ВЦИК о ревкомах с постановлением о Сибревкоме, нечеткое определение прав Сибревкома не содействовали однозначному пониманию компетенции Сибревкома, установлению правильных взаимоотношений между ним и Реввоенсоветом-5.

Центральные руководящие органы не стали определять виновных в происшедшем конфликте, но Реввоенсовет республики указал И. Н. Смирнову, что он несет всю ответственность за последствия трений между Сибревкомом и Реввоенсоветом 5-й армии³³.

³¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 238, л. 3, 4; д. 295, л. 68, 69, 87, 92; ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 122, л. 40.

³² Советы в эпоху военного коммунизма. Сб. документов, ч. 1. М., 1928, с. 92—94.

³³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 86; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 499, л. 61.

Так как несогласованные действия и тем более конфликты между Реввоенсоветом-5 и Сибревкомом могли осложнить политическое положение Сибири, было выдвинуто несколько вариантов их предотвращения в дальнейшем. 3 марта 1920 г. заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянский обратился к И. Н. Смирнову с предложением образовать при Сибревкоме военный отдел во главе с В. И. Шориным, назначив последнего членом Сибревкома и подчинив ему 5-ю армию, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа. Но председатель Сибревкома высказался против такого варианта, считая военный отдел «вредным загромождением, требующим лишних людей»³⁴. Эту же точку зрения он развивал и на заседании Сибирского областного бюро РКП(б) совместно с членами Сибревкома, состоявшемся 18 марта 1920 г. И. Н. Смирнов предложил оставить 5-ю армию в непосредственном подчинении Реввоенсовету республики и Главкому, ограничив район ее расположения Восточной Сибирью. Для согласования действий Сибревкома и Реввоенсовета-5 он полагал достаточным иметь лишь представителя Сибревкома при 5-й армии. Вместо создания военного отдела И. Н. Смирнов считал целесообразным усилить Западно-Сибирский военный округ, назначив на должность окружного военного комиссара В. И. Шорина и подчинив ему 13-ю кавалерийскую, 26 и 59-ю стрелковые полевые дивизии. Политического комиссара штаба округа в этом случае планировалось ввести в состав Сибревкома в качестве его члена. Сибоблбюро согласилось с предложениями И. Н. Смирнова и поручило ему доложить данную точку зрения в центральных руководящих органах. До решения этого вопроса в вышестоящих инстанциях Сибоблбюро постановило временно разграничить сферы влияния Реввоенсовета-5 и Сибревкома по аналогии с порядком, существовавшим между Реввоенсоветами фронтов (армий) и конституционными советскими органами: в прифронтовой полосе вся полнота власти признавалась за Реввоенсоветом, на остальной территории — за Сибревкомом³⁵.

Тогда же Сибоблбюро обсудило вопрос о терри-

³⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 23, л. 71.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 499, л. 61.

ториальных масштабах деятельности и составе Сибревкома. Вероятно, И. Н. Смирнов склонялся к тому, чтобы ограничить работу Сибревкома Западной Сибирью. Большинство же членов облбюро партии поддержало другую точку зрения, высказанную М. И. Фрумкиным, который полагал целесообразным подчинить Сибревкому всю Сибирь, а состав Сибревкома в связи с увеличением масштабов его деятельности и в целях поднятия продуктивности работы расширить до семи человек за счет представителей важнейших наркоматов. И. Н. Смирнов заверил облбюро партии и Сибревком в том, что он доложит в центральных органах мнение большинства руководящих работников Сибири³⁶.

Анализ постановлений, принятых 18 марта 1920 г. Сибоблбюро, и высказывавшихся точек зрения позволяет утверждать, что они в значительной мере не согласовывались друг с другом. В первом случае проводилась мысль о Сибревкоме как органе гражданского управления в масштабах Западной Сибири, во втором — предлагалось распространить полномочия Сибревкома на всю Сибирь, но при этом по-прежнему оставался открытым вопрос о взаимоотношениях Реввоенсовета-5 и Сибревкома. Поэтому нельзя считать случайностью, что позиция руководящих работников Сибири не нашла поддержки в центральных органах.

* * *

Значительный вклад в разгром колчаковщины, руководство местными ревкоматами, успешная разработка применительно к сибирским условиям и проведение в жизнь политики Советской власти — все это подтвердило целесообразность создания Сибревкома. Однако в его деятельности имелись пробелы и недостатки, которые вызвали справедливые нарекания работников губернского масштаба. С их стороны, в частности, правильно указывалось на отсутствие руководящих указаний по ряду вопросов советского строительства. И наилучшую возможность устранить пробелы и недостатки в руководстве

³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 499, л. 61.

губернским звеном советского аппарата в Сибири некоторые партийные и советские сотрудники видели в упразднении самого Сибревкома, в установлении непосредственной связи с Москвой. Например, руководство Енисейского губбюро РКП(б), рассмотрев в апреле 1920 г. вопрос об отношении к Сибревкому, сделало вывод о необходимости его ликвидации «за ненадобностью» и направило в ЦК партии доклад с изложением своей точки зрения³⁷.

Мы считаем, что в данном случае руководство Енисейской партийной организации переоценило возможности губернских ревкомов Сибири самостоятельно вести работу, получая директивы непосредственно из Москвы. К тому же им были неправильно поняты пробелы и недостатки в деятельности Сибревкома, которые возникли главным образом из-за отсутствия достаточного количества сил для работы в общесибирском масштабе и в новых условиях, в обстановке перехода от войны к мирному строительству на территории Сибири и временной мирной передышки, полученной всей страной благодаря разгрому Деникина и Колчака.

Весной 1920 г. характер задач, поставленных перед Сибревкомом центральными органами и диктуемых местными условиями, стал меняться, а их объем продолжал возрастать. Советская Россия по-прежнему остро нуждалась в сибирском продовольствии и сырье, перевозка которых в центральные районы страны была невозможна без удовлетворительной постановки работы местного железнодорожного транспорта, каменноугольных копей и лесозаготовительных органов. В то же время после разгрома колчаковщины перед Сибревкомом в иной плоскости встал военный вопрос, претерпели изменения задачи в области советского строительства.

В связи с необходимостью укрепления дальневосточной границы, стабилизации внутривосточного положения Сибири и создания резервов на случай нового нападения белогвардейцев и интервентов центр тяжести в военном вопросе постепенно перемещался из области обслуживания боевых операций 5-й армии в сферу учета, мобилизации и подготовки резервов, что требовало

³⁷ ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 44; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2178, л. 89, 98, 99; ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 498, л. 53.

перестройки органов военного управления, резко повышало значение военных комиссариатов.

Для военно-административного и хозяйственного управления краем, проведения организационно-мобилизационных мероприятий в конце 1919 — начале 1920 г. здесь были учреждены уездные, губернские и два окружных военных комиссариата: Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. Но из-за отсутствия необходимого количества квалифицированных военных специалистов, сочувствовавших Советской власти, и из-за слабой связи с вышестоящими военными органами они до весны 1920 г. не могли завершить свое формирование. Прямое подчинение окружных комиссариатов Всероссийскому Главному штабу через голову руководящих сибирских учреждений привело к отрыву военных органов края от гражданских. Сошлемся на компетентное заключение военных специалистов. Гражданские советские учреждения, писали они по этому поводу, «были совершенно обособлены от местных военных организаций, должного живого контакта между ними не было установлено, и вся их работа, не объединенная общим руководством, шла по разным направлениям, нередко параллельным и даже противоречащим друг другу»³⁸. Такое состояние дел никак нельзя было признать удовлетворительным, тем более, что внутривосточное положение Сибири оставалось сложным: здесь скрывались остатки разбитой колчаковской армии, значительная часть взрослого населения обладала опытом военной подготовки и располагала боевым оружием, на очереди дня перед советскими органами стояли введение продразверстки и осуществление военных мобилизаций.

Внушало тревогу и положение на сибирской границе. 5-й Красной Армии, молодой Народно-революционной армии Дальневосточной республики и местным партизанским формированиям, способным в общей сложности выставить в Забайкалье и в Маньчжурии около 100 тыс. штыков, противостояли два таких крупных потенциальных военных противника, как Япония (12 дивизий) и семеновцы, насчитывавших вместе около 300 тыс. штыков и сабель³⁹.

³⁸ ГАНО, ф. 11, оп. 2, д. 47, л. 25.

³⁹ Там же, л. 23.

В области советского строительства предстояло безотлагательно приступить к укреплению тех органов власти, которые были поспешно созданы в Сибири в ходе антиколчаковской вооруженной борьбы. Но именно отделов, необходимых для руководства местной промышленностью, железнодорожным транспортом, военным и продовольственным делом, а также органами РКИ в структуре Сибревкома фактически не существовало. И выход из этого положения, в отличие от Енисейского губбюро РКП(б), ЦК партии видел не в упразднении, а, напротив, в укреплении Сибревкома.

В конце марта — начале апреля 1920 г. во время пребывания И. Н. Смирнова в Москве был обсужден вопрос о расширении полномочий и состава Сибревкома. ЦК предложил ввести в него представителей важнейших наркоматов, в том числе военного, и создать под их руководством соответствующие отделы. 5-ю армию, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа намечалось подчинить военному отделу Сибревкома. Осуществление этих изменений привело бы к тому, что Сибревком превратился в чрезвычайный областной орган, наделенный правами военной и гражданской власти. ЦК РКП(б) через председателя Сибревкома запросил мнение членов Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии по этому вопросу. В. М. Косарев и М. И. Фрумкин согласились с предложением ЦК, считая его отвечающим условиям Сибири⁴⁰. Изменения в положении Сибревкома были санкционированы апрельским (1920 г.) Пленумом ЦК партии, что послужило Сибревкому основанием для сосредоточения в своих руках руководства всеми гражданскими и военными органами края.

В порядке реализации постановления Пленума ЦК РКП(б) при Сибревкоме стали создаваться недостающие отделы. В начале апреля 1920 г. на совещании ответственных работников Сибири, созванном в связи с упразднением Опродкомвоста, на правах отдела Сибревкома был учрежден новый общесибирский руководящий орган — Сибирский продовольственный комитет во главе с М. И. Фрумкиным. Совещание губпродкомиссаров Сибири, проходившее 12—18 апреля

⁴⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 116, л. 148, 149, 181.

1920 г., одобрило создание Сибпродкома и приняло положение о нем⁴¹.

В апреле 1920 г. президиум ВСНХ, руководствуясь резолюцией IX съезда РКП(б) «Об очередных задачах хозяйственного строительства»⁴², назначил Сибирское бюро ВСНХ в составе А. В. Шотмана (председатель), А. П. Брыкова и С. М. Франкфурта (члены)⁴³. 5 мая Урало-Сибирская комиссия ВСНХ, рассмотрев выработанное президиумом ВСНХ положение о Сиббюро ВСНХ, постановило считать «сибирскую часть» Урало-Сибирской комиссии Сибирским совнархозом (отделом народного хозяйства Сибревкома), а Сиббюро ВСНХ — президиумом Сибсовнархоза. На этом же заседании Урало-Сибирской комиссии были утверждены первые 15 отделов Сибсовнархоза⁴⁴.

20 апреля 1920 г. для управления военными делами Сибири Реввоенсовет республики учредил пост помощника Главнокомандующего вооруженными силами республики по Сибири. Помглавкому по Сибири на правах главнокомандующего фронтом подчинялись 5-я армия, оба сибирских военных округа и укрепленные районы. Реввоенсовет республики вменил образовать при Помглавкоме специальный штаб, который одновременно становился бы военным отделом Сибревкома, а самого Помглавкома обязал войти в состав Сибревкома на правах его члена⁴⁵. Возглавить военный отдел Сибревкома было поручено видному советскому военачальнику В. И. Шорину. 4 мая 1920 г. В. И. Шорин прибыл в Омск и вступил в должность. Фактически же, если судить по времени издания приказа № 1, военный отдел приступил к работе с 19 мая 1920 г.⁴⁶

⁴¹ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 17, л. 79; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 579, л. 5; д. 711, л. 1.

⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 155, 156.

⁴³ Отчет Сибирского областного бюро ВСНХ за 1920 год. Омск, 1921, с. 3.

⁴⁴ ГАНО, ф. 918, оп. 1, д. 19а, л. 224.

⁴⁵ Молоков И. Е. Военный отдел Сибирского революционного комитета (Сибревкома), его структура и функции. — «Научные труды Омской высшей школы милиции», 1970, вып. 4, с. 134, 135.

⁴⁶ Борьба Красной Армии с контрреволюционными мятежами и остатками белогвардейщины в Сибири в 1920—1923 гг. Новосибирск, 1974, с. 17.

Одновременно для руководства железнодорожным и водным транспортом Сибири постановлением Совнаркома был образован Сибирский округ путей сообщения (Сибопс). 11 апреля 1920 г. Нарком путей сообщения утвердил положение о Сибопсе. Его политическим руководителем — комиссаром назначили члена коллегии НКПС С. Т. Ковылкина, ставшего также членом Сибревкома. В конце апреля — первой половине мая 1920 г. отдельные подразделения Сибопса приступили к работе, а 16 мая Сибопс начал свою деятельность в полном объеме⁴⁷.

На основании приказа Наркома РКИ 17 апреля 1920 г. временно вступил в должность заведующего всеми учреждениями РКИ в Сибири главный полевой контролер и политический комиссар полевого контроля 5-й армии А. И. Вилесов⁴⁸. Через месяц для руководства сибирскими органами РКИ была учреждена новая должность — уполномоченного Наркомата РКИ в Сибири. Им стал член коллегии Наркомата РКИ А. К. Пайкес, который одновременно занял пост члена Сибревкома — представителя Наркомата РКИ. В июне 1920 г. при уполномоченном образовался небольшой аппарат, составивший первый сибирский областной руководящий орган РКИ — его Сибирское отделение⁴⁹.

Все вновь организованные отделы Сибревкома наделались широкими правами. Например, президиум ВСНХ предложил считать Сиббюро ВСНХ «полномочным хозяйственным органом на всей территории советской Сибири, имеющим все права и обязанности президиума ВСНХ для разрешения вопросов хозяйственного характера и организационного строительства в пределах общих положений и директив ВСНХ»⁵⁰. Помглавному, возглавлявшему военный отдел Сибревкома, предоставлялось право «отступать от точного исполнения директив центра применительно к местным условиям»⁵¹. В целом же военный отдел в решении вопросов организации, под-

⁴⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 58; Краткий отчет о деятельности Сибирского округа путей сообщения за 1920 г. Омск, 1921, с. 1.

⁴⁸ Горестов А. М. Органы рабоче-крестьянской инспекции в Сибири в 1920 году — первой половине 1921 года. — В кн.: Из истории крестьянства Восточной Сибири. Красноярск, 1966, с. 8.

⁴⁹ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 11, л. 3.

⁵⁰ Сибревком, с. 78.

⁵¹ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 46, л. 20.

готовки и действия вооруженных сил Сибири «мог быть вполне самостоятельным и даже вносить в общие законоположения свои дополнения и изменения частичного порядка, вызываемые особыми условиями Сибири»⁵².

Таким образом, весной 1920 г. в соответствии с новыми задачами и условиями деятельности структура, компетенция и состав Сибревкома изменились; дополнительно образовались военный отдел, отдел народного хозяйства и продовольствия, заведующие которыми стали членами Сибревкома с решающим голосом. К лету 1920 г. все вновь организованные отделы, областные представительства наркоматов путей сообщения и РКИ, руководители которых также были введены в состав Сибревкома на правах его членов с решающим голосом, сформировали необходимый на первых порах штат сотрудников и приступили к работе по управлению краем. Благодаря этому Сибревком превратился в областной военный и гражданский орган, наделенный чрезвычайными полномочиями.

* * *

В результате изменений в структуре и компетенции Сибревкома его состав увеличился. Представители важнейших наркоматов и ВСНХ были назначены членами Сибревкома с решающим, остальных наркоматов — с совещательным голосом. Персонально состав Сибревкома с апреля — мая 1920 г. стал таким: его председателем оставался И. Н. Смирнов, членами с решающим голосом являлись от НКВД В. М. Косарев, Наркомвоена — В. И. Шорин, НКПС — С. Т. Ковылкин (заместитель Рудый), Наркомзема — В. Н. Соколов, Наркомпрода — М. И. Фрумкин (с 11 мая 1920 г. его заменил П. К. Коганович), РКИ — А. К. Пайкес, ВСНХ — А. В. Шотман (заместитель С. М. Франкфурт); право совещательного голоса в Сибревкоме имели от Наркомздрава — И. И. Пузырев, наркомата почт и телеграфа — А. И. Ермоленко, Наркомпроса — С. И. Канатчиков, наркомата труда и социального обеспечения — А. М. Бахутов, Наркомюста — А. Г. Гойхбарг. Уполномоченным Центрального статистического управления при Сибревкоме по совместитель-

⁵² Там же, д. 47, л. 22.

ству являлся В. Н. Соколов. В тесном контакте с Сибревкомом, не входя в его состав, работали руководитель полномочного представительства ВЧК в Сибири И. П. Павлуновский и уполномоченный Наркомвнешторга в Сибири Ф. И. Локацков.

Изменения в компетенции и структуре Сибревкома вызвали потребность юридически оформить его новый статус. 31 мая 1920 г. члены Сибревкома рассмотрели проект положения, составленный А. Г. Гойхбаргом, в котором предпринималась попытка узаконить Сибревком в качестве чрезвычайного областного органа военного и гражданского управления. В проекте положения Сибревком именовался «делегацией ВЦИК для осуществления высшей власти в пределах освобожденной Сибири и для выполнения в пределах Сибири задач общероссийского характера». Предусматривалось, что все постановления ВЦИК должны распространяться на Сибирь, если в них не делалось соответствующей оговорки. Сам Сибревком по отношению к подчиненным ему органам предлагалось наделить правами, аналогичными правам Совнаркома. В состав Сибревкома должны были входить председатель и члены с решающим и совещательным голосом. По проекту количество членов Сибревкома соответствовало числу отраслевых управлений (отделов), создававшихся наркоматами при Сибревкоме. Назначение членов Сибревкома объявлялось прерогативой ВЦИК. В проекте предусматривалось, что каждый член Сибревкома будет единолично или при помощи коллеги, утвержденной Сибревкомом, руководить одним из отделов. Сибревком единогласно одобрил проект положения и поручил А. Г. Гойхбаргу и А. В. Шотману добиться его утверждения во ВЦИК⁵³.

Подготовленный А. Г. Гойхбаргом проект развивал и дополнял постановление ВЦИК от 27 августа 1919 г. о Сибревкоме. В частности, в нем впервые формулировались отдельные положения, раскрывавшие чрезвычайный характер Сибревкома: определенно указывалось на особый по сравнению с конституционными советскими органами порядок образования, а также на более широкие полномочия, обусловленные тем, что Сибирский ревком являлся представительством центральных орга-

⁵³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264а, л. 90.

нов власти. К сожалению, с юридической точки зрения разделы проекта о компетенции Сибревкома были сформулированы недостаточно четко, вопрос же о его структуре совсем не затрагивался. Вероятно, структура Сибревкома, сложившаяся весной 1920 г., в принципе ни у кого не вызвала возражений. Не было единства мнений лишь по одному вопросу: об иностранном отделе, на создании которого настаивал председатель Сибревкома⁵⁴.

Что же касается отсутствия в проекте положения четкого определения компетенции Сибревкома, то это, по-видимому, объясняется разногласиями по данному вопросу между руководством Сибревкома и некоторыми центральными органами. Суть расхождений состояла в том, что Сибревком стремился расширить свои права, а ВСНХ и ряд наркоматов — сузить полномочия Сибревкома. Например, в положении о Сиббюро ВСНХ, утвержденном президиумом ВСНХ, устанавливался явно недостаточный срок деятельности этого областного органа. Он определялся периодом времени, необходимым для создания органов управления трестированной промышленностью Сибири и налаживания тесной связи между ними и центральными органами ВСНХ⁵⁵. 31 мая 1920 г. Сибревком, обсудив это положение, признал его не отвечающим требованиям IX съезда РКП(б), принципиально неприемлемым и поручил А. В. Шотману начать переговоры с ВСНХ о выработке более отвечающего директивам партии и обстановке в Сибири положения о Сиббюро ВСНХ⁵⁶.

Нередкими были и случаи, когда наркоматы, минуя Сибревком, вступали в непосредственные контакты с губревкомами Сибири и их отделами. В ответ на такие действия Сибревком со своей стороны 8 мая 1920 г. принял постановление, запрещавшее губернским учреждениям Сибири обращаться непосредственно в наркоматы. Принятие этого решения аргументировалось соображениями как технического, так и юридического порядка: крайней загруженностью телеграфа и тем, что

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Сибревком, с. 78—80.

⁵⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264а, л. 90.

«Сибирский революционный комитет является высшим органом Советвласти в Сибири»⁵⁷.

Нет необходимости доказывать, что постановление Сибревкома не отвечало основополагающему принципу советского строительства — демократическому централизму. В спор, подспудно ведомый наркоматами и Сибревкомом, был вынужден вмешаться НКВД. В июне 1920 г. заместитель наркома внутренних дел М. Ф. Владимирский обратился с запросом о возможности прямых контактов наркоматов непосредственно с губернскими органами Сибири, минуя Сибревком. Позднее было решено, чтобы наркоматы по всем местным вопросам сносились с Сибревкомом и лишь в исключительных случаях — с губернскими властями, посылая при этом копию отношения в Сибревком⁵⁸. 10 июня постановление Оргбюро ЦК было проведено через Президиум ВЦИК. Президиум ВЦИК также отменил постановление Сибревкома, запрещавшее губернским ревкомам и исполкомам обращаться непосредственно в Центр⁵⁹.

Выполняя постановление Сибревкома, в середине июня 1920 г. А. Г. Гойхбарг и А. В. Шотман при встречах с В. И. Лениным и секретарем ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинским обсудили вопрос о возможности утверждения проекта положения о Сибревкоме. Как сообщал в Омск А. Г. Гойхбарг, В. И. Ленин выразил сомнение в допустимости представления Сибревкому полномочий Совнаркома и предложил передать проект на обсуждение в Политбюро ЦК⁶⁰. Ряд замечаний высказал Н. Н. Крестинский⁶¹. 22 июня 1920 г. Политбюро обсудило проект положения о Сибревкоме и рассмотрело доставленный еще весной 1920 г. доклад Енисейского губбюро РКП(б), содержащий предложение ликвидировать Сибревком за ненадобностью. Политбюро поста-

⁵⁷ «Известия Сибирского Революционного Комитета», Омск, 1920, № 2, с. 4. В порядке исключения губернским ревкомам и исполкомам Сибири разрешалось устанавливать непосредственные контакты с наркоматами лишь тогда, когда они не были согласны с постановлениями Сибревкома и намеревались обжаловать их в центральных органах.

⁵⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 180, л. 77.

⁵⁹ «Власть Советов», М., 1920, № 8, с. 16.

⁶⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 269, л. 51; ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 498, л. 49, 50.

⁶¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 498, л. 51.

новило передать проект на доработку в комиссию в составе М. Ф. Владимирского, М. И. Калинина, и Н. Н. Крестинского, а также решило дополнительно запросить личное мнение председателя Сибревкома о проекте положения⁶². В нашем распоряжении нет документов о работе комиссии, созданной Политбюро. Известно только, что этот проект положения так и не был утвержден. Но до октября 1920 г. в своей деятельности Сибревком руководствовался данным положением (с учетом постановлений Оргбюро ЦК и Президиума ВЦИК), рассматривая его как временное⁶³.

Несмотря на то, что компетенция Сибревкома того времени так и осталась с юридической точки зрения неопределенной, составить представление о ней можно по косвенным данным. В преамбулах многих постановлений и распоряжений Сибревкома отмечается, что они издаются на основе, в развитие и дополнение декретов и постановлений ВЦИК, Совнаркома, Совета Труда и Оборона. В ряде случаев центральные руководящие органы даже специально оговаривали право Сибревкома издавать по тем или иным вопросам постановления и распоряжения, дополняющие правительственные декреты и постановления и обязательные для всех советских учреждений Сибири⁶⁴.

Фактически же постановления и распоряжения Сибревкома нередко не только дополняли, но и применительно к сибирским условиям видоизменяли декреты и другие нормативные акты центральных советских учреждений. Не анализируя в данном случае это направление деятельности Сибревкома, поскольку оно освещено ниже, сошлемся на два авторитетных свидетельства. Первое принадлежит заместителю председателя Сибревкома В. Н. Соколову, который, выступая 20 июня 1920 г. перед заведующими отделами Иркутского губревкома, официально заявил, что Сибревком пользуется правом вносить коррективы в декреты ВЦИК⁶⁵. Не менее важен и второй документ — ответ управляющего делами Сиб-

⁶² Там же, л. 53.

⁶³ «Сиб. огни», Новониколаевск, 1925, № 6, с. 187, 188.

⁶⁴ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия (1917—1920 гг.). М., 1921, с. 172; Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу, кн. 5, 1 июля — 31 декабря. 1920 г. М., 1921, с. 528—530.

⁶⁵ ГАНО, ф. 13, оп. 2, д. 1, л. 103—105.

ревкома Л. А. Данциса на запрос бюро жалоб Омского губернского отделения РКП о компетенции Сибревкома. Сибревком, сообщил Л. А. Данцис, в своей деятельности вышел за пределы полномочий, предоставленных областным советским органам по Конституции и согласно постановлению VI Всероссийского съезда Советов. За ним, писал Л. А. Данцис, в силу особых обстоятельств «явочным порядком установилось право издания постановлений, видоизменяющих постановления и декреты центральной власти. Это фактически установившееся и необходимое в сибирских условиях право не встречает протеста со стороны и самой центральной власти»⁶⁶.

* * *

К концу лета — началу осени 1920 г. на большей части территории Сибири был осуществлен переход от ревкомов к Советам в уездном масштабе, началась подготовка к губернским съездам Советов. Задачи, первоначально вызвавшие создание Сибревкома, были в основном решены. В связи с этим некоторые губернские работники Сибири вновь стали настаивать на упразднении Сибревкома. Наиболее сильными такие настроения были в Енисейской губернии. 24 июля 1920 г. на заседании Енисейского губкома РКП(б) при обсуждении вопроса о целесообразности оставления Сибревкома после перехода от ревкомов к Советам в губернском масштабе семь членов губкома высказались за ликвидацию и лишь четыре — за сохранение Сибревкома⁶⁷.

Особенно активизировались противники существования Сибревкома накануне II Сибирского партийного совещания, проходившего 30 июля — 4 августа 1920 г. Руководители енисейской губернской делегации А. И. Окулов и А. П. Спундэ настаивали на включении в повестку дня партийного совещания вопросов об отношении к Сибревкому и его военному отделу. Сибирское бюро ЦК РКП(б)⁶⁸ высказалось против расширения повест-

⁶⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 220, л. 58.

⁶⁷ ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 75.

⁶⁸ Сибирское бюро ЦК РКП(б) — полномочный орган ЦК РКП(б) в Сибири, заменивший Сибоблбюро РКП(б); создано на апрельском (1920 г.) Пленуме ЦК партии.

ки дня совещания. Оно решило, не обсуждая вопроса о Сибревкоме специально, поставить на голосование тезисы о задачах Советской власти в Сибири, где содержалась обстоятельная аргументация в пользу дальнейшего сохранения и укрепления Сибревкома. Рассмотрение вопроса о военном отделе Сибревкома на столь широком форуме, как областное партийное совещание, Сиббюро считало неправомерным и по политическим соображениям недопустимым. Вместо этого Сиббюро постановило обсудить вопрос о военном отделе Сибревкома на расширенном заседании Сиббюро с участием военных делегатов — представителей 5-й армии и обоих военных округов⁶⁹. Однако в целях предотвращения возможных противоречий между руководством Сибревкома и губревкомов Сибири вопрос об их взаимоотношениях был заслушан 30 июля 1920 г. на заседании Сиббюро совместно с представителями Енисейской, Иркутской и Томской губернских партийных организаций. Участники заседания почти единодушно (при одном против) высказались за сохранение Сибревкома⁷⁰.

Наиболее полное представление об аргументах, которыми оперировали сторонники сохранения Сибревкома, отстаивая свою точку зрения, дают тезисы Сиббюро ЦК РКП(б) о задачах Советской власти в Сибири, представленные партийному совещанию. В них необходимость Сибревкома обосновывалась как наличием некоторых старых, так и появлением ряда новых обстоятельств, препятствовавших упрочению диктатуры пролетариата в Сибири: малочисленностью сибирского пролетариата; политической неразвитостью крестьянства; отсутствием достаточного количества опытных партийных и советских работников; сохранением остатков колчаковского государственного аппарата, ставших центрами контрреволюционных заговоров; важностью Сибири как источника продовольствия и сырья для промышленного центра. Сиббюро считало, что в таких условиях выполнить возложенные на Сибирь государственные задания можно будет только в случае сохранения крепкого, почти военного типа областного органа Советской власти. Сиббюро призвало местные партийные организации до-

⁶⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 27.

⁷⁰ Там же, л. 29.

биваться немедленного устранения всякой несогласованности как внутри губернских органов, так и в их отношениях с Сибревкомом⁷¹.

Партийное совещание, заслушав доклад о деятельности Сибревкома и обсудив тезисы Сиббюро, согласилось с мнением последнего. В специально принятой резолюции совещание констатировало, что за прошедший период Сибревком «заложил лишь основы советских организаций на местах, но не довел еще до конца всего советского строительства в Сибири». Оно высказалось за сохранение Сибревкома и призвало партийные организации к полному содействию его работе⁷².

В ходе работы партийного совещания Сиббюро ЦК РКП(б) провело 1 и 4 августа два специальных заседания, посвященных военному вопросу. На втором из них, проходившем с участием представителей 5-й армии и обоих военных округов, дискутировался вопрос о военном отделе Сибревкома. Против существования военного отдела Сибревкома выступил комиссар Восточно-Сибирского военного округа А. И. Окулов. Свою точку зрения А. И. Окулов аргументировал не принципиальными, а практическими соображениями — преимущественно отсутствием систематического руководства со стороны штаба Помглавкома. Против предложения А. И. Окулова решительно высказался председатель Сибревкома. Военный отдел, говорил он, «вполне справился с возложенной на него задачей. Наблюдавшиеся недочеты вызваны главным образом недостатком хороших работников». Задачу Сиббюро ЦК партии председатель Сибревкома видел не в упразднении, а в укреплении штаба Помглавкома квалифицированными политическими и военными руководителями. Он выразил уверенность в том, что такая помощь позволит устранить недочеты в работе военного отдела. Принявшие участие в прениях комиссар Западно-Сибирского военного округа И. Л. Коган и представитель 5-й армии Н. К. Гончаров поддержали И. Н. Смирнова. На примере Западно-Сибирского округа и 5-й армии они доказывали целесообразность и практическую полезность штаба

Помглавкома. Заслушав мнения руководителей высших военных органов Сибири, Сиббюро ЦК пришло к выводу о необходимости сохранить и укрепить военный отдел Сибревкома.

Заручившись авторитетной поддержкой партийного совещания и Сиббюро ЦК РКП(б), руководство Сибревкома приняло меры по дальнейшему упрочению его положения. Поскольку права и обязанности Сибревкома, принципы его взаимоотношений с центральными и местными советскими органами не были точно определены и оформлены с правовой точки зрения, в сентябре 1920 г. член Сибревкома А. К. Пайкес выработал новый проект положения о Сибревкоме. В нем предлагалось узаконить существование Сибревкома как чрезвычайного областного органа гражданского и военного управления и полномочного представителя высших органов Советской власти в Сибири. Одновременно И. Н. Смирнов и А. К. Пайкес обратились лично к В. И. Ленину с просьбой сохранить Сибревком и утвердить проект его положения⁷³. Представлять интересы Сибревкома в Москве было поручено В. М. Косареву. 4 октября В. М. Косарев встретился с В. И. Лениным. В. И. Ленин в принципе одобрил проект и обещал свою поддержку при его рассмотрении в Совнаркоме⁷⁴.

5 октября в Совнаркоме состоялось первое обсуждение проекта положения. Совнарком принял решение сдать проект на доработку в комиссию в составе М. Ф. Владимирского, В. М. Косарева и Д. И. Курского. Комиссии было предложено привлечь к обсуждению проекта представителей всех заинтересованных наркоматов⁷⁵. М. Ф. Владимирский и представители наркоматов высказали ряд замечаний о компетенции и структуре Сибревкома, которые были учтены при доработке проекта⁷⁶. 12 октября Совнарком вторично рассмотрел и, приняв во внимание сделанные комиссией поправки, утвердил проект положения о Сибревкоме⁷⁷.

⁷³ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 390, л. 68, 69.

⁷⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 251, л. 59, 62.

⁷⁵ Там же, д. 92, л. 25; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 389, л. 2.

⁷⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 26, 28; ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 76.

⁷⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 390, л. 4—6.

⁷¹ «Советская Сибирь», Омск, 1920, 31 июля; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», Омск, 1920, 1 авг.

⁷² Сибревком, с. 52, 53.

В положении был юридически оформлен статус Сибревкома как высшего полномочного представителя центральной Советской власти, по отношению к которой он объявлялся исполнительным органом. В свою очередь на Сибревком возлагались обязанности поддерживать революционный порядок в крае и предоставлялись права руководить всеми его административно-хозяйственными органами. Деятельность Сибревкома должна была осуществляться в соответствии с постановлениями и распоряжениями центральных советских органов: ВЦИК, Совнаркома и наркоматов, а постановления и распоряжения Сибревкома подлежали обязательному исполнению всеми местными советскими учреждениями Сибири.

В положении определялась структура Сибревкома и характер его взаимоотношений с наркоматами. При Сибревкоме утверждались отделы во главе с представителями наркоматов. В состав Сибревкома включались с правом решающего голоса представители ВСНХ и наркоматов: внутренних дел, военных дел, земледелия, продовольствия, труда, путей сообщения и РККИ. Представители остальных комиссариатов и ЦСУ наделялись правом совещательного голоса. Наркоматы обязывались все распоряжения отдавать, как правило, через своих представителей при Сибревкоме, т. е. через отделы Сибревкома. Непосредственные контакты комиссариатов с местными органами Советской власти в Сибири допускались в особо исключительных случаях с одновременным уведомлением Сибревкома. Все уполномоченные, командируемые в Сибирь центральными ведомствами, были обязаны подчиняться Сибревкому через представителей данного наркомата. Для отделов Сибревкома устанавливалось двойное подчинение: отчетность перед Сибревкомом и своим комиссариатом. Штаты и сметы Сибревкома подлежали утверждению Совнаркомом, а отделов — соответствующими наркоматами при наличии предварительного заключения Сибревкома⁷⁸.

Тогда же был решен вопрос о персональном составе Сибревкома. 7 октября Оргбюро ЦК РКП(б), заслушав информацию В. М. Косарева о кандидатах в состав Сибревкома, предложенных Совнаркомом и наркоматами, рекомендовало Президиуму ВЦИК назначить председателем Сибревкома И. Н. Смирнова, членами с

⁷⁸ Сибревком, с. 53, 54.

правом решающего голоса С. Т. Ковылкина (НКПС), П. К. Когановича (Наркомпрод), В. М. Косарева (Наркомтруд), А. К. Пайкеса (РКИ), В. Н. Соколова (Наркомзем), В. И. Шорина (Наркомвоен), А. В. Шотмана (ВСНХ) и Б. З. Шумяцкого (НКВД)⁷⁹. На следующий день Президиум ВЦИК утвердил рекомендованный Оргбюро ЦК состав Сибревкома, а 12 октября секретарь Президиума ВЦИК дал визу на публикацию списка членов Сибревкома в печати⁸⁰.

После возвращения в Омск на заседании Сибревкома, проходившем 20 октября 1920 г., В. М. Косарев сделал доклад об утверждении в Совнаркоме положения о Сибревкоме. Участники заседания признали необходимым уточнить и более тщательно согласовать отдельные пункты положения, поручив эту работу специальной комиссии⁸¹. 31 октября председатель комиссии заведующий отделом юстиции А. Г. Гойхбарг предложил внести в положение о Сибревкоме важное дополнение, регламентирующее порядок взаимоотношений отделов Сибревкома с наркоматами. Было признано обязательным, чтобы заведующие отделами обращались в наркоматы по всем вопросам принципиального характера не непосредственно, а через Сибревком⁸². Благодаря такому дополнению Сибревком получил возможность более эффективно контролировать деятельность представителей различных наркоматов в Сибири. Данное положение о Сибревкоме стало основополагающим документом, определяющим задачи, регламентирующим права и обязанности, принципы организации и структуру Сибревкома.

* *
*

К концу 1920 г. положение Советской власти в Сибири упрочилось, улучшилась работоспособность губернского и уездного советского исполнительного аппарата. Ссылаясь на достигнутые успехи, некоторые руководители губернского масштаба вновь стали выдвигать предложения о ликвидации Сибревкома вообще или по крайней мере его военного и административных отделов. Та-

⁷⁹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 37, д. 3, л. 153.

⁸⁰ Там же, л. 155; д. 5, л. 207.

⁸¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264в, л. 21.

⁸² Там же, л. 42.

кой точки зрения придерживалось большинство членов Енисейского, Иркутского и Омского губкомов партии⁸³. Они полагали, что губернские советские органы Сибири смогут самостоятельно, без помощи Сибревкома успешно проводить в жизнь задания центральных органов и правильно решать местные вопросы. Судя по всему, сторонники упразднения Сибревкома имелись и среди руководителей некоторых наркоматов. Во всяком случае на такую мысль наталкивают участившиеся случаи установления отдельными наркоматами непосредственных контактов с губернскими ревкоматами и исполкомами Сибири, минуя Сибревком. Сибревком направил в Москву протест против прямых контактов между наркоматами и сибирскими губернскими органами. 31 января 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело протест Сибревкома и обязало Президиум ВЦИК дать наркоматам соответствующие инструкции⁸⁴. Острая дискуссия по вопросу о Сибревкоме развернулась накануне и в период работы III Сибирской партийной конференции, проходившей в феврале 1921 г.⁸⁵

Наиболее исчерпывающее обоснование точка зрения противников существования Сибревкома получила в документах Енисейского губкома РКП(б).

Енисейский губком партии выдвинул требование устранить Сибревком прежде всего в связи с успехами в области советского строительства на местах: поскольку «процесс изначальной стройки советского аппарата уже прошел», вместо ревкомов созданы исполкомы Советов, которые должны перейти «на прямую политическую и административную связь с Советской Россией».

Вторым по значимости аргументом в системе доказательств Енисейского губкома являлась ссылка на отсутствие в Сибири специфических экономико-этнографических условий, которые порождали бы центробежные⁸⁶ силы и вызвали потребность в мощном областном центре, способном нейтрализовать их влияние.

⁸³ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 531, л. 4; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 176; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 840, л. 467; ПАОО, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 8; «Известия Енисейского губкома РКП(б)», Красноярск, 1921, № 1-2, с. 1, 2.

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 95, д. 154, л. 46.

⁸⁵ Протоколы и материалы конференции см.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 498.

⁸⁶ В документе ошибочно напечатано «центростремительные». Исправление внесено нами на основании контекста.

Далее в адрес Сибревкома следовали упреки в бюрократизме и канцелярской волоките. Нельзя не отметить, что руководство Енисейского губкома не всегда сохраняло в своих оценках объективность, иногда демагогически критиковало работу Сибревкома. В частности, совершенно необоснованными являлись утверждения Енисейского губкома о том, что Сибревком обладал «лишь видимостью власти» и ни один важный вопрос не решал самостоятельно, без консультации с центральными руководящими учреждениями; что в Сибири правительственные декреты не проводились оперативно в жизнь, так как для их принятия к исполнению якобы требовалось разрешение Сибревкома; что отделы Сибревкома являлись лишь передаточными механизмами, отрезавшими губернские руководящие органы Сибири от Совнаркома и наркоматов, а Сибревком превратился в орган, политически отживший.

Вместо «слабых (по терминологии Енисейского губкома. — В. Ш.) отделов слабого политического областного центра» предлагалось создать «мощный областной хозяйственный орган», наделив его функциями инспекции и правом административного воздействия в целях выполнения заданий единого государственного хозяйственного плана, возлагавшихся на Сибирь. Все отделы Сибревкома неэкономического профиля требовалось ликвидировать, поскольку они выполнили стоявшие перед ними задачи⁸⁷.

Не анализируя возражений конкретно-исторического характера, сформулированных Енисейским губкомом РКП(б), заметим, что с теоретической точки зрения противопоставление политических аспектов руководства экономическим являлось неправомерным и глубоко ошибочным. Аксиоматично, что принятие любого экономического решения — это акт политического порядка, успешное претворение которого в жизнь, в свою очередь, невозможно без создания надлежащих экономических и политических предпосылок.

В пользу сохранения Сибревкома как чрезвычайного областного органа Советской власти со всеми его пол-

⁸⁷ «Известия Енисейского губкома РКП(б)», 1921, № 3-4, с. 2, 3, 22.

номочиями было выдвинуто много аргументов экономического и политического характера. Наиболее важные из них были изложены в резолюции III Сибирской партийной конференции, принятой по организационному вопросу. В резолюции констатировалось, что Сибирь является самостоятельным экономическим районом, занимающим определенное место в системе общественного разделения труда; имеет собственный хозяйственный план, являющийся составной частью общероссийского; обращалось внимание на большой удельный вес значительного крестьянства и кулачества, способного оказать сопротивление Советской власти, и большую протяженность границы. Анализ социально-экономического и политического положения края завершился выводом о необходимости Сибревкома «как боевого органа, обладающего всей полнотой власти на территории Сибири»⁸⁸.

Развивая на конференции аргументацию за сохранение Сибревкома, член Сиббюро ЦК РКП(б) К. Х. Данишевский говорил: «Организационный вопрос должен решаться только в зависимости от требований жизни. Условия же последней не дают нам ни малейших оснований к коренной ломке того аппарата, который один только может выполнить боевые задания»⁸⁹.

Мнение подавляющего большинства руководящих партийных работников Сибири полностью разделяли крупнейшие военные специалисты. Так, в докладе штаба Помглавкома, составленном в январе — феврале 1921 г., констатировалось, что условия, вызвавшие к жизни военный отдел Сибревкома, «в настоящее время не только сохраняют всю свою силу, но и более чем когда-либо не позволяют возвратиться к кустарнически революционным приемам военного строительства периода борьбы с Колчаком — созданию войсковых частей и военных учреждений по мере надобности и по требованиям момента». Думать иначе, утверждалось в заключении, «значило бы не учитывать уроков жизни»⁹⁰.

Правота этой точки зрения подтвердилась уже в ходе работы партийной конференции. В конце января 1921 г. начался крупный западносибирский контррево-

⁸⁸ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1921, 5 марта.

⁸⁹ «Советская Сибирь», 1921, 23 февр.

⁹⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 46, л. 18.

люционный мятеж. Вторично, как и в 1919 — начале 1920 г., задачи, связанные с борьбой против внутренней контрреволюции, выдвинулись в деятельности Сибревкома на первый план. Вопрос о ликвидации Сибревкома или его военного и административных отделов был снят самой жизнью.

Было бы, однако, неверно не сказать, что партийное и советское руководство Сибири, отстаивая необходимость сохранения Сибревкома как чрезвычайного областного органа гражданского и военного управления краем, не учитывало целесообразности уточнения его компетенции и совершенствования структуры применительно к изменяющейся обстановке. Так, реагируя на критические замечания делегатов III Сибирской партийной конференции в адрес отделов Сибревкома, 28 февраля 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) заслушало вопрос о пересмотре структуры Сибревкома и ликвидации некоторых его отделов. Сиббюро создало комиссию в составе заместителя председателя Сибревкома С. Е. Чуцкаева⁹¹, члена Сибревкома В. М. Косарева и представителя СибРКИ, которой поручило в течение месяца изучить состояние отделов Сибревкома и дать заключение о возможности сокращения штатов в одних и полной ликвидации других⁹². С. Е. Чуцкаев 11 марта обратился к секретарю ЦК РКП(б) Е. М. Ярославскому с просьбой выяснить в наркоматах здравоохранения, по делам национальностей, просвещения, социального обеспечения и юстиции вопрос о целесообразности сохранения их представительств при Сибревкоме в виде отделов⁹³. Никаких сведений о том, делал ли такие запросы Е. М. Ярославский, и если делал, то как реагировали на них наркоматы, нами не обнаружено. Тем не менее обращение к Е. М. Ярославскому свидетельствует о том, что руководство Сибревкома в принципе занимало правильную позицию.

Еще более показателен другой пример. 9 марта 1921 г. новый заведующий отделом юстиции Сибревко-

⁹¹ С. Е. Чуцкаев приступил к исполнению обязанностей заместителя председателя Сибревкома с 7 февраля 1921 г. Его назначение было вызвано тем, что занимавший ранее этот пост Б. З. Шумяцкий отказался от работы в Сибревкоме.

⁹² ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 20, л. 22.

⁹³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 498, л. 24.

ма С. В. Александровский представил С. Е. Чудкаеву доклад о деятельности Сибюста за весь период его существования. В докладе сообщалось, что из-за острого недостатка специалистов Сибюст не смог развернуть возложенную на него работу по руководству губернскими отделами в полном объеме. Основное содержание его деятельности свелось к консультированию отделов Сибревкома, подготовке заключений по их запросам, сбору и обобщению отчетного материала, поступавшего от сибирских губюстов. Вопросов принципиального значения Сибюст почти не решал.

В то же время в начале 1921 г. положение губюстов Сибири достаточно упрочилось. В своей деятельности они пользовались постоянной поддержкой губернских исполкомов и ревкомов, имели тесные контакты с Наркомюстом. В отдел юстиции Сибревкома за содействием в проведении своих мероприятий губюсты обращались исключительно редко.

Исходя из создавшегося положения, С. В. Александровский считал существование Сибюста в прежнем виде, как особой руководящей инстанции, промежуточной между Наркомюстом и губюстами Сибири, нецелесообразным. Он предложил сохранить для связи Сибревкома с губюстами лишь представительство Наркомюста в лице специального уполномоченного с небольшим штатом сотрудников, возложив на них обязанность ревизовать губернские органы юстиции, руководить сибирскими совещаниями губюстов и председателей советов народных судей⁹⁴.

9 апреля 1921 г. по докладу С. В. Александровского Сибревком реорганизовал Сибюст, утвердив новые, вдвое меньшие штаты и структуру только из инструкторско-ревизионного и консультационного подотделов. «Необходимость отдела юстиции в таком виде, — делал позднее заключение С. В. Александровский, — являющегося, с одной стороны, представительством НКЮ (Наркомюста — В. Ш.), а с другой — чисто техническим аппаратом Сибревкома — очевидна; гибкость же, приданная ему, дает полное основание рассчитывать на его жизненность»⁹⁵.

⁹⁴ ГАНО, ф. 467, оп. 1, д. 95, л. 4, 5.

⁹⁵ Там же, л. 15.

Итак, можно констатировать, что необходимость создания и существования Сибревкома в исследуемый период вызывалась более широким кругом причин, чем те, которые выяснены в имеющейся по данному вопросу литературе. До настоящего времени организация и деятельность Сибревкома объяснялись преимущественно необходимостью ликвидации колчаковщины и ее последствий, спецификой социально-экономической структуры, национального состава и политического положения края, и почти не принималась во внимание роль Сибири в жизни Советской республики, важное значение возлагавшихся на нее общегосударственных задач, успешно справиться с которыми собственными силами, без руководства со стороны Сибревкома местные советские органы не могли. Вероятно, такая традиция в трактовке вопроса идет от начала 20-х годов, когда часть руководящих работников Сибири губернского масштаба связывала потребность в Сибревкоме преимущественно только с двумя первыми причинами и недооценивала влияние других общественно-политических факторов. Главным образом этим объяснялись их требования упразднить Сибревком или его неэкономические отделы.

Изменение обстоятельств, вызвавших сначала создание, а потом длительное сохранение Сибревкома, обусловило эволюцию его компетенции и структуры. По постановлению ВЦИК от 27 августа 1919 г. Сибревком возник как временный чрезвычайный областной орган гражданского управления, причем первое время его функции были ограничены как постановлением ВЦИК (в финансовом вопросе), так и объективными условиями работы: слабостью собственного исполнительного аппарата, направлением из Центра представительств и уполномоченных ряда наркоматов, не подчинявшихся непосредственно Сибревкому.

В начале 1920 г., когда Колчак был в основном разгромлен и Советская власть приступила к социалистическим преобразованиям в политической, экономической и культурной жизни Сибири, положение Сибревкома как чрезвычайного областного органа гражданского управления упрочилось. В январе 1920 г. образовалось боль-

шинство отделов Сибревкома, которые стали осуществлять руководство подчиненными им советскими органами края.

Компетенция Сибревкома значительно расширилась в апреле — мае 1920 г. Благодаря учреждению должности Помглавкома по Сибири и созданию его штаба, ставшего военным отделом Сибревкома, последний получил также права высшей областной военной инстанции. Начали действовать ранее отсутствовавшие отделы народного хозяйства и продовольствия, в состав Сибревкома на правах его членов с решающим голосом были введены представители наркоматов путей сообщения и РКИ. В результате к концу весны 1920 г. в основном завершилось складывание структуры Сибревкома. С этого времени Сибревком фактически действовал как областной орган гражданского и военного управления, обладавший чрезвычайными полномочиями представителя центральной Советской власти в Сибири. Попытка закрепить новую компетенцию была предпринята самим Сибревкомом, принявшим 31 мая 1920 г. специальное положение. Но официально эти права, обязанности и структура были узаконены постановлением Совнаркома от 12 октября 1920 г., оформленным как положение о Сибревкоме.

РУКОВОДСТВО БОРЬБОЙ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ

В деятельности Сибревкома в годы гражданской войны и интервенции прослеживаются два этапа, хронологическим рубежом между которыми является весна 1920 г. Именно к этому времени в Сибири завершились два важнейших взаимообусловленных процесса: с одной стороны, были полностью разгромлены колчаковские вооруженные силы, с другой — повсеместно восстановлены органы Советской власти. Именно весной 1920 г. произошли важные изменения в компетенции и структуре самого Сибревкома, вызванные новыми задачами и условиями их реализации.

Содержание, направления, формы и методы работы Сибревкома в различные периоды его существования определялись конкретными стратегическими и тактиче-

скими задачами, стоявшими перед Советской республикой в целом и на востоке страны в частности. Если говорить о начале деятельности Сибревкома, то она осуществлялась в трудных условиях. По свидетельству В. М. Косарева, Сибревком выехал из Москвы в Челябинск в начале сентября 1919 г., имея первоочередную директиву ЦК РКП(б) восстановить Советскую власть в Сибири и снабдить Советскую Россию хлебом⁹⁶. Директива ЦК партии основывалась на объективном анализе соотношения революционных и контрреволюционных сил, в том числе на Восточном фронте и в Сибири. Факты морально-политического и военного краха колчаковского режима были налицо. Это — поражение белогвардейской армии на Урале, рост дезертирства из ее рядов, увеличение масштабов партизанского движения в тылу, перераставшего, по словам В. И. Ленина, в сибирскую революцию, в полную победу «всей массы сибирского населения над колчаковщиной»⁹⁷. Тем не менее Колчак оставался сильным, был полон решимости оказать сопротивление и при благоприятных условиях взять реванш за потерянный Урал. «Враг, — прозорливо предупредал в августе 1919 г. В. И. Ленин, — далеко еще не уничтожен. Он даже не сломлен окончательно»⁹⁸.

И действительно, в середине сентября 1919 г. выявилась невозможность дальнейшего наступления Красной Армии на Колчака. По мнению советского командования, успешное продолжение военных операций на Восточном фронте было немислимо без отдыха и пополнения наших войск. За освобождение Сибири предстояла упорная борьба, в которой Сибревкому надлежало правильно определить свое место: наметить направления деятельности, найти формы и методы работы, соответствовавшие обстановке и времени.

В основу практической деятельности Сибревкома были положены указания В. И. Ленина и ЦК РКП(б). С учетом ленинских требований, оценок политического положения Урала и Сибири, значения в борьбе с колчаковщиной и в ликвидации ее последствий революционного настроения трудящихся масс, переживших ужасы белогвардейского режима, проводились все мероприятия

⁹⁶ «Советская Сибирь», 1920, 4 авг.

⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 39.

⁹⁸ Там же, с. 151.

Сибревкома и подчиненных ему органов. На подведомственной Сибревкому территории немедленно осуществлялись меры, направленные на укрепление Красной Армии и ее тыла. Об этом убедительно свидетельствуют уже первые шаги, предпринятые Сибревкомом в сентябре — ноябре 1919 г., когда он находился в Челябинске.

В это время в распоряжении Сибревкома находились только две губернии, освобожденные от белогвардейцев, — Тобольская (Тюменская) и Челябинская. Малочисленным был и штат ответственных сотрудников, выделенных центральными партийными, советскими и военными учреждениями в непосредственное распоряжение Сибревкома. До переезда в Омск он, вероятно, не превышал 35—40 человек, в число которых входили А. И. Бакаев, М. Ю. Бобе, Ф. С. Бондарь-Диброво, В. Д. Виленский, В. З. Гинсбург, А. Г. Гойхбарг, Е. К. Голубева, В. Ф. Дружницкий, Ф. А. Земит, Б. Г. Закс, С. И. Канатчиков, О. Е. Коган, М. Ф. Левитин, Б. И. Монастырский, П. Л. Раппопорт, А. Г. Рогов, А. А. Пономарев, А. П. Спундэ, А. Н. Торопов, В. Н. Соколов, А. А. Селезнев, Р. И. Эйхе, А. С. Якубов и некоторые другие.

Однако даже в таких условиях Сибревком внес существенный вклад в укрепление Советской власти на Урале и в Зауралье, в создание условий для последующего освобождения Сибири. Например, на своем первом заседании, состоявшемся 18 сентября 1919 г., Сибревком заслушал доклады о деятельности Кустанайского и Тюменского ревкомов, принял решение об их усилении руководящими кадрами, улучшении инструктирования и финансирования⁹⁹. На следующем заседании, проходившем через день, Сибревком постановил откомандировать В. М. Косарева для обследования деятельности и инструктирования Тюменского губревкома и его отделов. На этом же заседании Сибревком направил некоторых своих сотрудников для работы в Челябинский и Тюменский губревкомы. Ф. С. Бондарь-Диброво, О. Е. Коган и В. Н. Соколов были соответственно назначены временно заведующими отделами юстиции, финансов и земледелия Челябинского губревкома, а Б. И. Монастырский — членом Тюменского губревкома¹⁰⁰. Позже Сибревком

⁹⁹ ГАНО. ф. 1, оп. 1, д. 2263, л. 20.

¹⁰⁰ Там же, л. 24.

откомандировал еще нескольких своих сотрудников для укрепления Тюменского и Челябинского губревкомов¹⁰¹. В сентябре — ноябре 1919 г. В. М. Косарев, М. И. Фрумкин, М. Ю. Бобе, Ф. А. Земит, С. И. Канатчиков, Б. И. Монастырский, А. К. Пайкес, А. П. Спундэ неоднократно принимали участие в заседаниях Урало-Сибирской комиссии ВСНХ, Тюменского и Челябинского губревкомов и их отделов¹⁰², содействуя тем самым налаживанию работы советских органов Урала и Зауралья.

Сибревком совместно с Реввоенсоветом-5 руководил подготовкой пополнения для Красной Армии, налаживал производство вооружения и снаряжения, заготовку продовольствия. Как вспоминал М. Н. Тухачевский, в то время командовавший 5-й армией, вся эта работа «была проведена с фантастической быстротой»¹⁰³. Только в Челябинской губернии в течение первой половины октября 1919 г., т. е. через две недели после объявления мобилизации, Красная Армия получила 24 тыс. новых бойцов пополнения¹⁰⁴. Нередко крестьяне, призванные в Красную Армию, являлись в полном обмундировании, с лошадьми и с седлами. По меткому выражению члена Реввоенсовета-5 К. И. Грюнштейна, в Челябинской губернии мобилизация фактически превратилась в само-мобилизацию трудящегося населения¹⁰⁵.

С большим подъемом прошла мобилизация в Ялуторовском уезде Тобольской (Тюменской) губернии, который дал Красной Армии 7725 добровольцев¹⁰⁶. Крестьяне губернии, не успевшие вступить в Красную Армию, создали в тылу противника несколько партизанских отрядов, из которых, как докладывал председатель Тобольского (Тюменского) губревкома Б. З. Шумяцкий, образовался «такой ударный кулак, что враг вынужден был бежать...»¹⁰⁷. В целом же на подведомственной Сибревкому территории, сообщал корреспонденту газеты «Прав-

¹⁰¹ Там же, л. 35; «Советская Сибирь», 1919, 21 окт.

¹⁰² ГАНО. ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 2, 51, 70, 93, 114; д. 30, л. 128; д. 61, л. 1—5, 15, 26, 28, 32.

¹⁰³ Тухачевский М. Н. Избранные произведения, т. 1. М., 1964, с. 266.

¹⁰⁴ Великий Октябрь. 7 ноября 1917 — 7 ноября 1922. Новониколаевск, 1922, с. 13.

¹⁰⁵ «Советская Сибирь», 1919, 24 окт.

¹⁰⁶ ГАНО. ф. 1, оп. 1, д. 61а, л. 13; «Советская Сибирь», 1919, 17 окт.

¹⁰⁷ ГАНО. ф. 1, оп. 1, д. 61а, л. 16.

да» М. И. Фрумкин, «добровольно явилось такое количество крестьян, которого никто не ожидал»¹⁰⁸. В результате 14 октября 1919 г. 5-я армия смогла перейти в наступление на колчаковцев, численно превосходя противника на 8 тыс. штыков и сабель и, кроме того, имея 12 тыс. бойцов подготовленного пополнения, в то время как резервы белогвардейцев на этом участке фронта не превышали 5 тыс. человек.

После месяца упорных боев, 14 ноября 1919 г. красные войска взяли Омск, бывший столицей Колчака. Потеря Омска обернулась для колчаковской армии непоправимой катастрофой. Как организованная сила, противостоящая советским войскам и управляемая из единого центра, она фактически перестала существовать. После Омска, докладывало В. И. Ленину руководство Сибревкома, Красная Армия продвигалась на восток «почти без сопротивления»¹⁰⁹.

Освобождение от колчаковцев Омска позволило перенести резиденцию Сибревкома на территорию Сибири. 23 ноября 1919 г. аппарат Сибревкома прибыл в Омск. С этого времени круг вопросов, подлежащих решению Сибревкома, существенно расширился, а масштабы его работы стали приобретать областной характер. Не случайно, что именно после передислокации Сибревкома в Омск было образовано Сибирское областное бюро РКП(б) как полноправный руководящий партийный орган края.

С декабря 1919 г. деятельность Сибревкома стала осуществляться под руководством Сибоблбюро РКП(б) и в более тесном, чем раньше, контакте с Реввоенсоветом 5-й армии. В практике их работы в период борьбы за освобождение Сибири от колчаковщины и восстановление в крае Советской власти сложилась традиция, в соответствии с которой важнейшие решения по организационным, военно-политическим и хозяйственным вопросам, как правило, принимались либо совместно с Сибревкомом, либо с участием его представителей. Особенно хорошо это можно проследить на примере осуществления двух тесно взаимосвязанных мероприятий, занимавших зимой 1919—1920 гг. центральное место в деятельности Реввоенсовета 5-й армии, Сибоблбюро и

¹⁰⁸ «Правда», 1919, 25 окт.

¹⁰⁹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 680, л. 136.

Сибревкома: координации действий Красной Армии с сибирскими партизанами по разгрому остатков колчаковской армии и интервентов и предотвращении и ликвидации так называемой «партизанщины» — проявлений в партизанских рядах мелкобуржуазного анархизма, направленного против революционной законности и пролетарского правопорядка.

К зиме 1919 г. партизаны Сибири внесли большой вклад в борьбу против восточного оплота контрреволюции. Партизанское движение в Сибири приняло поистине всенародный характер, о чем свидетельствуют его масштабы. В конце 1919 — начале 1920 г. только в крупных партизанских соединениях и отрядах насчитывалось около 140—150 тыс. человек¹¹⁰. С превращением Сибири в непосредственный театр военных действий красных и белых армий предстояло как можно эффективнее использовать этот мощный людской и военный потенциал в интересах Советской власти. Вместе с тем существовали опасения, что на гребне массового антиколчаковского выступления рабочего класса и крестьянства Сибири местное кулачество, анархисты, меньшевики, эсеры и остатки белогвардейцев попытаются внести разложение в партизанское движение, увести его с советской платформы, породить мародерство, бандитизм. Нет необходимости доказывать, какую опасность представляла бы «партизанщина» для Советской власти в Сибири. Поэтому понятны неоднократные требования В. И. Ленина, адресованные командованию Восточного фронта, о необходимости ее недопущения¹¹¹.

Руководствуясь директивами Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу о развитии партизанского движения в Сибири, личными указаниями В. И. Ленина, Реввоенсовет 5-й армии, Сибоблбюро РКП(б) и Сибревком заблаговременно разработали план работы среди партизан и превентивные меры борьбы против «партизанщины». Они включали в себя установление тесных контактов советских органов с партизанами, активное их использование для ликвидации колчаковцев и интервентов, вовлечение в мирное социалистическое

¹¹⁰ ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 680, л. 129; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 789, л. 92; Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, с. 22.

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 51, с. 15, 18.

строительство, оказание финансовой и материальной помощи пострадавшим от контрреволюции.

С самого начала Реввоенсовет-5 принял правильное решение о недопущении на территории освобожденной Сибири сохранения самостоятельных партизанских отрядов, которые могли бы стать источником сибирской «махновщины». Было решено использовать партизан для пополнения частей 5-й армии, одновременно проводя среди них большую политико-просветительную работу¹¹². В дальнейшем в соответствии с изменением обстановки на фронте и получением более полной информации о состоянии партизанских соединений и отрядов ранее намеченные мероприятия конкретизировались и уточнялись. Например, 10 декабря 1919 г. Реввоенсовет-5 принял ряд важных решений, в которых учитывались интересы как Красной Армии, так и партизан. В том числе он постановил использовать для пополнения 5-й армии лишь часть партизан, необходимую для успешного завершения антиколчаковских операций, а остальных решил демобилизовать. Пополнение партизанами должно было осуществляться в основном через запасные полки 5-й армии, где новобранцам надлежало пройти военную и политическую подготовку¹¹³. 12 и 15 декабря Реввоенсовет-5 дал военным советам дивизий директивы об использовании партизанских командиров и об отношении к партизанским отрядам. Он предложил зачислять в ряды Красной Армии только командиров, имевших достаточную военную подготовку, преданных революции, «незараженных духом партизанщины и поддающихся влиянию порядка, законности и дисциплины»¹¹⁴. Командирам и комиссарам Красной Армии, с одной стороны, предписывалось в отношении партизан сочетать «непреклонную твердость с величайшим тактом», с другой — вменялось в обязанность решительно пресекать любые попытки неподчинения советскому командованию и мародерство, строго за это наказывая¹¹⁵.

Такая постановка вопроса полностью соответствовала указаниям центральных партийных, советских и воен-

ных органов, была поддержана командованием партизанской армии Западной Сибири во главе с Е. М. Мамонтовым. 25 декабря 1919 г. на совместном заседании Реввоенсовета-5, Сибревкома и штаба партизанской армии было решено в случае упрямой неподчинения каких-либо партизанских отрядов командованию 5-й армии их «принуждать к повиновению» в общих интересах¹¹⁶.

В соответствии с этими решениями и велась в дальнейшем работа среди партизан. Реввоенсовет 5-й армии, Сибоблбюро РКП(б) и Сибревком через связных, передовые отряды регулярных войск, разведчиков устанавливали связь с партизанами. Реввоенсовет давал партизанским соединениям и отрядам общие военные директивы и ставил конкретные боевые задачи, выполнение которых должно было дезорганизовать белогвардейский тыл, нарушить его коммуникации, затруднить управление войсками.

До установления непосредственных контактов с регулярными частями Красной Армии партизанские отряды выполняли распоряжения советского командования, оперируя самостоятельно. Соединение партизанских отрядов с Красной Армией привело к изменению характера их деятельности. Многие партизаны влились в регулярные красные войска. По свидетельству И. Н. Смирнова, непрерывный приток партизанского пополнения являлся единственным средством, восстанавливавшим численность и боеспособность 5-й армии в Сибири¹¹⁷. Подавляющее же большинство партизанских отрядов, оставаясь в организационном отношении по-прежнему самостоятельными боевыми единицами, поступило в прямое подчинение красного командования. И лишь некоторые партизанские отряды, как правило оперировавшие на отдаленных направлениях и в основном небольшие по численности, вплоть до окончательного разгрома колчаковцев почти полностью сохраняли свою самостоятельность. Координация действий Красной Армии и партизан позволила быстро и без значительных потерь изгнать белогвардейцев и интервентов из Алтая, Кузбасса, Енисейской и Иркутской губерний. Как и предвидел В. И. Ленин, этот успех был достигнут благодаря тому,

¹¹² ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 40, л. 146.

¹¹³ Там же, л. 153, 154.

¹¹⁴ Там же, оп. 3, д. 193, л. 22.

¹¹⁵ Партизанское движение в Западной Сибири, с. 665—667.

¹¹⁶ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 40, л. 167.

¹¹⁷ «Сиб. огни», Новосибирск, 1927, № 5, с. 136.

что «сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь Красной Армии»¹¹⁸.

Оценивая впоследствии характер совместных действий 5-й армии и партизан Сибири, направленных на окончательный разгром колчаковских войск, М. Н. Тухачевский справедливо назвал их блестящей маневренной операцией, сопровождавшейся «социальным походом сибирского крестьянства против белогвардейщины под организующим началом Красной Армии»¹¹⁹.

Нужно отметить, что части 5-й армии не могли непосредственно, без предварительной политической и военной обработки вобрать в себя всех или хотя бы большинство сибирских партизан без ущерба для своего идейно-политического и боевого состояния. Объяснялось это тем, что социальный и партийный состав сибирских партизан не был однородным. На заключительном этапе борьбы с колчаковщиной и интервентами к партизанам стали широко примыкать колеблющиеся, неустойчивые и даже чуждые Советской власти элементы: белогвардейские дезертиры, выходцы из кулацких семей, представители мелкобуржуазных элементов и т. п. В партизанских соединениях и отрядах была слабая дисциплина, на командных и политических должностях находилось много беспартийных или членов мелкобуржуазных партий. М. И. Фрумкин, например, ознакомившись с состоянием западносибирской партизанской армии Е. М. Мамонтова, не без тревоги писал, что советским органам Сибири «предстоит сложная задача переварить и усвоить этот материал»¹²⁰.

Сибоблбюро РКП(б), Реввоенсовет-5 и Сибревком уделяли работе среди партизан много внимания. Сибоблбюро направило в районы развитого партизанского движения лучших партийных работников и наибольшее количество агитационно-пропагандистской литературы¹²¹, а Реввоенсовет-5 и Сибревком — группу армейских политработников (А. Кудельского, В. Эльцина, П. Юшкина), наделив ее функциями походного отделения Сибревкома. Выполняя директивы центральных руководящих органов об эффективном использовании сибирских партизан и недопущении «партизанщины», Реввоенсо-

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 177.

¹¹⁹ Тухачевский М. Н. Указ. соч., с. 270.

¹²⁰ ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 789, л. 92.

¹²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 499, л. 33, 34; д. 501, л. 7.

вет-5 и Сибревком после переговоров со штабом партизанской армии Западной Сибири издали 26 декабря 1919 г. совместный приказ № 1117. По приказу все партизаны в возрасте до 35 лет, входившие в западносибирскую армию, за исключением 4-го корпуса и не занятых выполнением оперативных заданий, должны были влиться в запасные полки 5-й армии для прохождения боевой и политической подготовки. Весь командный состав партизан зачислялся на краткосрочные курсы в целях расширения политического кругозора и получения специальных знаний, дающих право на занятие командных должностей в Красной Армии¹²². 4 января 1920 г. партизанский главком Е. М. Мамонтов издал приказ, подтверждавший директивы Реввоенсовета и Сибревкома о слиянии партизанской армии Западной Сибири с 5-й армией¹²³.

Подавляющее большинство западносибирских партизан подчинилось приказам Реввоенсовета-5, Сибревкома и Е. М. Мамонтова: одни через запасные полки вступили в Красную Армию и в ее рядах продолжили борьбу против белогвардейцев и интервентов, другие демобилизовались и активно включились в социалистическое строительство¹²⁴. Лишь незначительная часть партизан из 4-го корпуса М. В. Козыря, отрядов П. К. Лубкова и Г. Ф. Рогова, находившихся под влиянием анархистов и эсеров, отказалась подчиниться требованиям советских органов. Однако коммунистическая агитация среди заблуждавшихся партизан и принуждение по отношению к явным врагам Советской власти позволили пресечь эти явления. В результате в Западной Сибири «партизанщина» не получила широкого распространения.

Большую помощь Советской власти и Красной Армии в освобождении Восточной Сибири оказало второе по величине партизанское соединение — Крестьянско-Рабочая армия Минусинского фронта под командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, насчитывавшая в своих рядах около 20 тыс. бойцов. Для решения вопроса о слиянии партизан Минусинского фронта с регулярными частями 5-й армии советское руководство соз-

¹²² Партизанское движение в Западной Сибири, с. 676—678.

¹²³ ЦГАСА, ф. 883, оп. 1, д. 17, л. 49.

¹²⁴ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 42.

вало специальный съезд партизанской армии, проходивший 23—24 января 1920 г. в Красноярске. В ответ на предложение председателя Сибревкома вступить в ряды Красной Армии на общих основаниях партизаны высказали просьбу включить их в 5-ю армию в качестве отдельной боевой единицы во главе со своим командным составом, приравняв ее к дивизии и закрепив за последней звание Енисейской¹²⁵.

25 января 1920 г. председатель Сибревкома проинформировал Совнарком и Реввоенсовет республики о просьбе партизанского съезда. Он отметил верность партизанских командиров Советской власти, сознательность и революционный энтузиазм рядовых бойцов и высказался за удовлетворение ходатайства армейского съезда партизан¹²⁶. Совнарком и Реввоенсовет пошли навстречу просьбе партизан Минусинского фронта. По свидетельству бывшего командующего 5-й армии Г. Х. Эйхе, на заключительной стадии борьбы Енисейская дивизия выполняла «оперативные задания наряду с регулярными дивизиями 5-й Краснознаменной армии»¹²⁷.

Как показали последующие события, непосредственное включение минусинских партизан в 5-ю армию в качестве самостоятельной воинской единицы без должной политической работы, проверки рядового и командного состава не оправдало себя полностью. Контрреволюционные и несознательные элементы, находившиеся в рядах партизан, развернули в частях Енисейской дивизии антисоветскую и противокommунстическую агитацию, стали совершать грабежи и насилия над гражданским населением. Некоторые командиры дивизии не только не стали решительно бороться с нарушениями революционной законности и воинской дисциплины, но и пошли на поводу у различного рода провокаторов. В итоге назрела угроза вооруженного конфликта между частями регулярной 5-й армии и бывшими партизанами.

Для пресечения преступных акций, дискредитировавших Советскую власть и Красную Армию, в целях предотвращения нежелательных эксцессов Реввоенсовет-5

был вынужден издать в конце февраля 1920 г. приказ о расформировании Енисейской дивизии и об аресте ее командования¹²⁸. Исполнение приказа возлагалось на сводный отряд под командованием начальника 35-й дивизии С. Д. Павлова. Части сводного отряда блокировали район дислокации Енисейской дивизии и предложили «енисейцам» сдать оружие. В ряде приказов и обращений к бывшим партизанам С. Д. Павлов указал причины, побудившие советское командование расформировать Енисейскую дивизию. Так, в приказе № 5 от 29 февраля 1920 г. он разъяснил, что разоружение не следует понимать как нанесение оскорбления доблестным красным партизанам, а необходимо расценивать как выявление и обезвреживание элементов, подрывавших устои Советской власти¹²⁹. Под влиянием коммунистической агитации 28 февраля дала согласие добровольно сдать оружие 1-я бригада, возглавлявшаяся П. Е. Щетинкиным, а затем и другие части Енисейской дивизии. Оперативное применение решительных мер военного и политического порядка позволило быстро устранить почву для возникновения «партизанщины» в Енисейской губернии — крупнейшем очаге партизанского движения в Восточной Сибири. Отчитываясь в мае 1921 г. перед сессией ВЦИК, заместитель председателя Сибревкома С. Е. Чулкаев оценил итоги работы Сибревкома по слиянию партизан с Красной Армией и по ликвидации «партизанщины» как довольно удачные¹³⁰.

Наряду с мобилизацией людских ресурсов на разгром Колчака Сибревком исключительно много внимания уделял заготовке и отправке в Европейскую Россию продовольственных продуктов. С первых дней своей деятельности, говорится в одном из его отчетов, Сибревком считал снабжение центра страны продовольствием своей важнейшей обязанностью¹³¹.

Руководство Сибревкома продовольственной работой представляет исключительный интерес, поскольку деятельность Сибревкома в продовольственной области — это образец глубоко творческого решения вопроса, ле-

¹²⁵ Документы героической борьбы (1918—1920 гг.). Красноярск, 1959, с. 425—429.

¹²⁶ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 134, л. 314.

¹²⁷ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966, с. 349.

¹²⁸ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 300, л. 19; ф. 185, оп. 1, д. 115, л. 14, 16.

¹²⁹ Там же, ф. 185, оп. 1, д. 115, л. 17.

¹³⁰ Сессии Всероссийского Центрального исполнительного комитета VIII созыва. Стенограф. отчет. М., 1922, с. 211.

¹³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 498, л. 178.

жавшего в первые годы Советской власти, по определению В. И. Ленина, «в основе всего строительства социализма»¹³². Как известно, в годы «военного коммунизма» основополагающими принципами советской продовольственной политики были запрещение частной торговли и государственная монополия на основные продукты питания. При проведении хлебной монополии в жизнь Советская власть пользовалась различными методами, обусловленными расстановкой и соотношением классовых сил в стране, ее экономическим положением. В связи с тем, что советское государство не имело возможности дать крестьянству эквивалентную компенсацию за изъятые продовольственные продукты, ко времени освобождения Сибири от Колчака реализация хлебной монополии в центральных районах страны осуществлялась на внеэкономической основе — путем разверстки.

Перспективы освобождения Сибири со всей остротой поставили перед Сибревкомом вопрос о путях подхода к сибирскому крестьянству и способах извлечения продовольственных излишков, остро необходимых Советской республике. 23 сентября 1919 г. Сибревком издал постановление «О порядке частной торговли», в котором разрешил в Зауралье и Сибири свободную торговлю продовольственными продуктами¹³³. В соответствии с постановлением предполагалось осуществить мобилизацию хлебных ресурсов восточных районов страны в государственный фонд не разверсткой, а «самотеком», за счет добровольных поставок крестьян на основе купли-продажи. Потребляющему населению предоставлялась возможность дополнительно к государственному снабжению приобретать сельскохозяйственные продукты на рынках непосредственно у крестьян, благодаря чему продовольственные органы могли сосредоточить свои усилия главным образом на помощи Центральной России. Изменения, внесенные Сибревкомом в продовольственную политику, были одобрены центральным партийным и советским руководством¹³⁴.

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 167.

¹³³ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 1, с. 7.

¹³⁴ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 52; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 54—56; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 26 мая.

По вопросу о причинах, побудивших Сибревком допустить свободную торговлю сельскохозяйственными продуктами и отказаться от разверстки как способа заготовок, в современной исторической литературе нет единой точки зрения. Например, В. Т. Агалаков рассматривает ориентацию на «самотек» и разрешение свободной торговли как малоэффективную, но объективно вынужденную меру, вызванную отсутствием предпосылок (прод-аппарата, агитационно-массовой и организационной работы среди трудящегося крестьянства) для введения продразверстки в освобождаемой Сибири. В результате «самотек» и свободная торговля оцениваются им как тактическое отступление от основополагающих принципов советской продовольственной политики, предпринятое в целях создания условий для последующего перехода к разверстке¹³⁵.

В. М. Лойко полагает, что «самотек», добровольные поставки хлебных излишков государству были проявлением инициативы крестьянских масс, инициативы, на которую на первых порах делала ставку Советская власть. Верно отмечая, что расчет на «самотек» в Сибири оправдался, В. М. Лойко, однако, не объясняет причин отказа от него и перехода к разверстке в последующем¹³⁶. Э. М. Шагин считает, что разрешение свободной торговли и заготовка «самотеком» являлись временной, возможной и целесообразной уступкой, предпринятой в целях закрепления и упрочения военно-политического союза рабочего класса с сибирским отрядом трудящегося крестьянства, сложившегося в ходе совместной антиколчаковской борьбы. Причины допущения этой уступки исследователь объясняет наличием условий, позволявших пойти на нее¹³⁷.

Со всеми вышеперечисленными выводами нельзя не согласиться. Вместе с тем необходимо возразить Э. М. Шагину, который, развивая третью точку зрения,

¹³⁵ Агалаков В. Т. Продовольственные мероприятия Советской власти в Восточной Сибири в 1920—1921 гг. — В кн.: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917—1961 гг. Новосибирск, 1965, с. 29, 30.

¹³⁶ Лойко В. М. Борьба за хлеб. (К истории первых хлебозаготовок в Западной Сибири). — «Сиб. огни», 1957, № 4, с. 174.

¹³⁷ Шагин Э. М. Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири в первые годы Советской власти. — В кн.: Проблемы истории советского общества Сибири, вып. 3. Новосибирск, 1970, с. 112.

выдвинул гипотезу о том, что особенности советской продовольственной политики в Сибири были продиктованы не только обстоятельствами времени и места, но и явились следствием целенаправленного поиска Советской властью нормальных экономических отношений между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, аналогичных отношениям, установленным после перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Сибирь, как считает Э. М. Шагин, в известном смысле явилась «базой для апробации ряда элементов нового экономического курса, прежде чем перейти к нему в масштабах всей страны»¹³⁸.

На наш взгляд, важнейшим непосредственным фактором, который определил особенности продовольственной политики, выработанной Сибревкомом, и влияние которого недооценивают исследователи, был революционный подъем всех трудящихся слоев Сибири, вызванный разгромом Колчака, интервентов и восстановлением Советской власти. Революционный порыв, на некоторое время охвативший почти все слои сибирской деревни, позволил достаточно успешно осуществлять мобилизацию продовольственных запасов края на основе добровольных поставок крестьян. В мерах принуждения на первых порах не было никакой необходимости. Напротив, как правильно полагало руководство Сибревкома, они могли отрицательно сказаться на продовольственных заготовках и на политических настроениях трудящегося крестьянства Сибири¹³⁹. В интервью, данном в январе 1920 г. корреспонденту газеты «Красноярский рабочий», председатель Сибревкома отметил, что «отношение центральной власти к сибирскому крестьянину, проявившему столько революционного мужества, непоколебимости и энтузиазма, самое благожелательное. Ни о каких продовольственных «нажимах» на сибирских крестьян поэтому не может быть и речи»¹⁴⁰.

¹³⁸ Шагин Э. М. О некоторых особенностях политики партии в деревне Сибири и Дальнего Востока в 1920 — начале 1921 г. — В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971, с. 122.

¹³⁹ См. доклады и интервью председателя и членов Сибревкома: ЦГАСА, ф. 1454, оп. 1, д. 106, л. 29, 30; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 297, л. 156; «Правда», 1919, 25 окт.; «Власть Советов», Барнаул, 1919, 17 дек.

¹⁴⁰ «Красноярский рабочий», 1920, 27 янв.

Результаты продовольственной работы в Сибири, основанной на «самотеке», в конце 1919 — начале 1920 г. вполне оправдывали предположения. Только до января 1920 г. на подведомственной Сибревком территории таким образом было заготовлено более 4 млн. пудов хлеба и зернофуража¹⁴¹. «Целым рядом сообщений, — отмечали «Известия ВЦИК», — подтверждается благожелательное отношение сибирских крестьян к Советской власти, выражающееся в желании идти на помощь Красной Армии и голодающему центру. Ссыпные пункты загружаются хлебом, излишки сдаются без давления со стороны советской администрации»¹⁴². Железнодорожный транспорт не успевал вывозить продовольствие в центр. Кроме того, много сельскохозяйственных продуктов, минуя продорганы, поступало для городского и потребляющего сельского населения на рынки.

Так Сибревком выполнял поставленные перед ним задачи и директиву ЦК РКП(б), сформулированную в ленинском письме «Все на борьбу с Деникиным!». Он принял все возможные меры по мобилизации имевшихся в его распоряжении сил и средств для победы над Колчаком. В опаснейшей обстановке второй половины 1919 г., когда в центральных районах Советской России и в окрестностях Петрограда шла ожесточенная борьба с Деникиным и Юденичем, население Урала и Сибири явилось единственным источником пополнения 5-й армии, завершившей разгром Колчака. Центральная Россия получила первые миллионы пудов продовольствия, заготовленного в Зауралье и Сибири. Сибирский хлеб послужил серьезным подспорьем для Советской власти и Красной Армии в их борьбе против внутренней и внешней контрреволюции. В этом состоит первая большая заслуга Сибревкома.

¹⁴¹ Подсчитано по: ГАНО, ф. 1, оп. 1, л. 304, л. 204; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 789, л. 79.

¹⁴² «Известия ВЦИК», 1920, 15 февр. Игнорируя предшествующую литературу, Р. С. Штейнман высказала необоснованную точку зрения о том, что «Сибревком допустил серьезную ошибку в продовольственной политике, разрешив в Сибири в первые дни своей деятельности свободную продажу хлеба и хлебопродуктов». Грубо фальсифицируя факты, она утверждает, что В. И. Ленин затратил «немало усилий для разъяснения Сибревкому этой ошибки». (См.: Штейнман Р. С. Сибирский Революционный Комитет. Автореф. канд. дис. Свердловск, 1975, с. 28).

Как подчеркивалось в обращении ВЦИК и Совнаркома к трудящемуся населению Сибири, задача освобождения восточных районов страны от белогвардейцев и интервентов не сводилась только к разгрому их вооруженных сил. Необходимо было решительно и навсегда покончить с замыслами контрреволюции использовать Сибирь как плацдарм для борьбы против диктатуры пролетариата, опираясь на японские штыки, рассчитывая на остатки колчаковщины и мощное сибирское кулачество. Наилучшей гарантией этого явилось бы создание надежных органов Советской власти, способных вовлечь все трудящееся население в социалистическое строительство, изолировать активных участников антисоветской борьбы, улучшить материальное положение городского и сельского населения, ликвидировать последствия колчаковщины, использовать материальные и людские ресурсы Сибири для завершения борьбы против белогвардейцев и интервентов. Поэтому организация чрезвычайных советских органов — ревкомов, руководство их деятельностью, конкретизация применительно к сибирским условиям и претворение в жизнь политики Советской власти стали второй по очередности и по значимости задачей Сибревкома.

Особенно остро стоял перед Сибревкомом вопрос о квалифицированных кадрах советских сотрудников. Красная Армия стремительно продвигалась на восток. Требовались сотни людей, способных работать в аппарате Сибревкома, возглавить губернские и уездные ревкомы и их отделы. Сибирь же была в буквальном смысле обескровлена. В борьбе с контрреволюцией сибирские партийные организации понесли невосполнимые потери. По свидетельству В. М. Косарева, в Омске и Красноярске, являвшихся в 1917—1918 гг. важнейшими центрами борьбы за власть Советов в Сибири, после их освобождения от колчаковцев старых партийных работников почти не осталось — все погибли¹⁴³. «С приходом Советской власти в Сибирь, — докладывал председатель Сибревкома Совнаркому, — первым отрицательным фактом, с которым пришлось столкнуться, это было отсутствие опытных советских работников. Коммунисты, которых в завоеванных пунктах находила Советская власть, были

¹⁴³ ЦГАОР, ф. 393, оп. 22, д. 463, л. 106.

сплошь и рядом местные подпольные работники, оторванные от Советской России и не имевшие понятия о [новых] формах организации советского аппарата»¹⁴⁴.

В этих условиях большую помощь Сибревкомом в решении кадрового вопроса оказал ЦК РКП(б). Кадры для предстоящей работы в Сибири ЦК партии стал подбирать и готовить заблаговременно. В середине августа 1919 г. через газету «Правда» он поставил губкомы РКП(б) и советские учреждения в известность о том, что партийные и советские сотрудники, желающие работать в Сибири, должны подать заявление в Оргбюро ЦК. По постановлению ЦК было создано специальное бюро по приему и отбору партийных работников для Сибири¹⁴⁵. К концу августа 1919 г. в бюро зарегистрировалось несколько десятков человек¹⁴⁶. По инициативе или с согласия ЦК партии почти сразу же после образования Сибревкома в его распоряжение было передано большинство советских сотрудников, работавших в Сибири до белочешского мятежа¹⁴⁷. Среди них, кроме упоминавшихся ранее, — В. Д. Вегман, Г. Е. Дронин, Е. В. Полюдов, И. Д. Чугурин, А. В. Шишков, Б. З. Шумяцкий и другие.

ЦК обязал все наркоматы откомандировать в распоряжение Сибревкома своих представителей для руководства соответствующими областями общественно-политической жизни и подведомственными им отраслями народного хозяйства. В результате, если судить по количеству мандатов, выданных Московским бюро Сибревкома, до 23 апреля 1920 г. для работы в Сибирь из центра прибыло более 600 человек¹⁴⁸.

В свою очередь, Реввоенсоветы Восточного фронта и 5-й армии, политотделы дивизий временно откомандировали в распоряжение Сибревкома таких опытных политработников, как Л. Е. Гольдич, Н. К. Гончаров, В. Ф. Дружицкий, Б. А. Норман, А. В. Самсонов, В. П. Файдыш, В. П. Шумкин. Однако положение Со-

¹⁴⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 142.

¹⁴⁵ Впоследствии на его основе было организовано Московское бюро Сибревкома, отвечавшее за обеспечение тесной связи между Москвой и Сибирью.

¹⁴⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 1; «Правда», 1919, 30 авг.

¹⁴⁷ Отчет о деятельности Центрального Комитета РКП(б) с VIII до X съезда. М., 1921, с. 12.

¹⁴⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 53.

ветской республики в целом было таким, что Сибирь не могла рассчитывать на большую помощь из центра и из Красной Армии. Неоднократные настойчивые просьбы руководства Сибревкома о дополнительном откомандировании партийных и советских работников, обращения к ЦК РКП(б) и Совнаркому, не удовлетворялись. «По-моему,— писал В. И. Ленин в Оргбюро ЦК РКП(б),— в Сибирь больше не давать: у нас нет». В. И. Ленин выражал твердую уверенность в том, что позиции Советской власти в Сибири крепки, и она не погибнет¹⁴⁹.

Сообразуясь с обстановкой, Сибревком широко привлёк к советской работе активных участников сибирского подполья — В. Л. Букатого, Д. П. Долбешкина, Н. Г. Калашникова, Д. Д. Киселева, А. А. Малиновского, Л. А. Папардэ, М. Ф. Позигуна, Г. К. Соболевского, М. И. Сумецкого, Г. И. Чусова, А. А. Ширямова, А. Д. Шнейдера, А. Я. Флюкова, Я. Д. Янсона, руководителей партизанского движения — Ф. И. Архипова, Ф. Я. Бабкина, А. И. Бобру, М. И. Ворожцова, И. В. Громова, А. Д. Кравченко, Е. К. Рудакова, Х. С. Скибу, С. К. Сургуладзе, В. Г. Яковенко и многих других. В соответствии с постановлением Сибревкома от 20 ноября 1919 г. для подготовки руководящих кадров была организована партийно-советская школа, слушателями которой зачислялись выходцы из рабоче-крестьянской среды и трудовой интеллигенции, хорошо зарекомендовавшие себя на общественной работе. За первый год существования школа сделала три выпуска курсантов общим количеством около тысячи человек¹⁵⁰. Выпускники школы стали важным резервом Сибревкома в его деятельности по восстановлению и упрочению Советской власти в Сибири.

С ноября 1919 г., по мере освобождения территории края от колчаковцев и интервентов, Сибревком приступил к организации ревкомов и руководству их работой. Сибревком и его походное отделение совместно с Сибоблбюро РКП(б) и Реввоенсоветом 5-й армии назначили или утвердили состав всех губернских и ряда уездных ревкомов Сибири. Одновременно началось обследование их деятельности и инструктирование. Члены Сибревкома лично ознакомились со всеми губернскими и крупными

уездными центрами Сибири: в поябре 1919 — марте 1920 г. И. Н. Смирнов посетил Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск; в декабре 1919 — январе 1920 г. В. М. Косарев совершил инспекционную поездку по Алтайской и Семипалатинской губерниям, а в марте 1920 г. М. И. Фрумкин — по Томской. Как правило, в таких случаях члены Сибревкома принимали участие в заседаниях губернских и уездных ревкомов, заслушивали их доклады, давали необходимые указания по наиболее важным вопросам и т. п.

Тогда же Сибревком начал создавать собственный исполнительный аппарат — отделы, на которые он возложил организацию и руководство отделами губернских и уездных ревкомов. Отсутствие достаточного количества квалифицированных сотрудников, однако, серьезно тормозило решение этой задачи. «Работа в Сибревкоме,— писала 2 декабря 1919 г. «Советская Сибирь»,— находится еще в периоде организации. Связь с учреждениями на местах еще не налажена».

Ликвидируя данный пробел, Сибревком в первой половине декабря 1919 г. устроил десятидневные партийно-советские курсы, 99 слушателей которых были оставлены при Сибревкоме для работы в отделах¹⁵¹. Тем не менее в декабре 1919 г. ни один из отделов Сибревкома, кроме финансового, не смог развернуть свою работу в областном масштабе. Более того, из-за недостатка сотрудников наметилась тенденция объединять отделы Сибревкома с отделами Омского губернского и, таким образом, ограничивать их деятельность пределами только одной, Омской губернии. Сибревком, рассмотрев 3 января 1920 г. вопрос о работе своих отделов, осудил такую практику. Он принял постановление, в котором признал главной обязанностью заведующих отделами Сибревкома организацию и руководство деятельностью соответствующих губернских отделов¹⁵².

Постановление Сибревкома содействовало тому, что в январе 1920 г. образовалось, а затем и открыло свои действия в областном масштабе большинство отделов Сибревкома. Особенно важное значение имело создание отдела управления, на который возлагалось проведение в жизнь постановлений центральных советских органов

¹⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 51, с. 91.

¹⁵⁰ История Сибири, т. 4. Л., 1968, с. 152.

¹⁵¹ «Советская Сибирь», Омск, 1919, 13 дек.

¹⁵² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 13.

и Сибревкома, общее руководство и наблюдение за деятельностью местных ревкомов. Первое время из-за недостатка квалифицированных сотрудников и их частого отъезда на другие ответственные должности отдел управления занимался преимущественно размножением и рассылкой постановлений и распоряжений центральных органов и Сибревкома, в основном по вопросам, относившимся к ведению отделов управления. А. К. Цветков-Просвещенский, отчитываясь позднее за этот период работы, писал, что отдел управления «не мог в полной мере в пределах своей компетенции выполнять возложенные на него обязанности»¹⁵³.

Постепенно наряду с информационной работой отдел начал вести и инструктирование. 29 января 1920 г. в специальном циркулярном письме он дал указание о структуре губернских, уездных, волостных и сельских ревкомов¹⁵⁴. В феврале—марте отдел самостоятельно разработал и разослал на места ряд положений, инструкций и циркуляров: о создании коммунальных отделов губернских и уездных ревкомов (14 февраля), об организации подотделов записи актов гражданского состояния (24 февраля), об инструкторах губернских отделов управления и информационно-инструкторских подотделах отделов управления (2 марта), о проведении подготовительных съездов по выборам в Советы (4 марта), о ставках для волостных и сельских советских работников (6 марта), о переходе от ревкомов к Советам, об отделах управления губревкомов, об организации информационной части при губернских отделах управления и др.¹⁵⁵. В конце января—начале февраля 1920 г. инструкторы отдела провели первую ревизию местных советских органов: обследовали отделы управления и народного хозяйства Омского губревкома и Калачинский уездный ревком¹⁵⁶. Только в январе—феврале 1920 г. по почте и телеграфом отдел управления дал ответы на 750 запросов с мест; общее же количество бумаг, вышедших из отдела за это время, составило около 1500¹⁵⁷.

¹⁵³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 56.

¹⁵⁴ Сибревком, с. 37.

¹⁵⁵ ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 562, л. 22—26; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 99, л. 176; «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 1, с. 24, 25, 28, 29, 30—35, 37—41.

¹⁵⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 8.

¹⁵⁷ Там же, оп. 1, д. 188, л. 134; д. 219, л. 56.

Принимались меры и для упрочения обратной связи — местных ревкомов с отделом управления. До 1 марта в адрес отдела поступило 580 телеграмм и 856 других бумаг различного содержания¹⁵⁸. 7 февраля 1920 г. на основе поступивших с мест данных информационно-инструкторский подотдел отдела управления составил первый информационный листок, в котором освещался процесс советского строительства в Сибири¹⁵⁹. В связи с тем, что корреспонденция с мест, особенно от уездов, поступала крайне нерегулярно, в апреле 1920 г. отдел управления потребовал от ревкомов обязательной присылки протоколов, докладов, двухнедельных сводок, в которых должны были освещаться организация и работа местных органов власти, настроения населения, партийная, культурная и экономическая жизнь¹⁶⁰. Меры, принятые отделом управления, позволили Сибревкому быть в курсе основных событий, происходивших в Сибири, помочь унифицировать исполнительный аппарат ревкомов и более рационально использовать имеющиеся в их распоряжении кадры политических руководителей и специалистов; своевременно нацеливали местные советские органы на осуществление первоочередных задач; способствовали распространению и применению ценного опыта, накопленного в процессе государственного строительства в центральных районах страны, в работе губернских и уездных ревкомов Сибири.

Анализ первых месяцев деятельности других отделов Сибревкома свидетельствует о том, что она осуществлялась примерно по таким же направлениям¹⁶¹. Доклады, отчеты и другой информационный материал, присылаемый с мест, давал возможность отделам Сибревкома судить о структуре, составе, формах и методах деятельности подчиненных им органов, позволял своевременно обнаруживать пробелы, недочеты и ошибки в их работе. В таких случаях отделы Сибревкома давали заключения по представленному материалу, в которых либо содержалось одобрение мероприятий губернских отделов, либо высказывались замечания и рекомендации, способ-

¹⁵⁸ Там же, д. 188, л. 134.

¹⁵⁹ Там же, д. 228, л. 8.

¹⁶⁰ Там же, д. 51, л. 3, 59.

¹⁶¹ Там же, ф. 467, оп. 1, д. 44, л. 4—6; «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 17, 18, 23—27.

ствовавшие устранению выявленных недостатков¹⁶². В результате создание отделов содействовало тому, что деятельность Сибревкома по руководству губернскими и уездными ревкомками постепенно становилась все более конкретной, оперативной, систематической и, главное, квалифицированной.

С самого начала важным направлением работы Сибревкома являлись конкретизация и дальнейшее развитие советского законодательства применительно к сибирским условиям. В своей деятельности Сибревком руководствовался обращением ВЦИК и Совнаркома к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири, а также требованием В. И. Ленина «сразу взять правильный курс, усвоенный партией на основании учета двадцатимесячной работы»¹⁶³. В обращении ВЦИК и Совнаркома было провозглашено восстановление на освобожденной от колчаковцев территории всех советских порядков. Считая, что одним из важнейших условий упрочения диктатуры пролетариата в Сибири является решение в интересах трудящихся вопроса о землеустройстве, ВЦИК и Совнарком заявили, что Советская власть, борясь с нетрудовыми элементами и опираясь главным образом на пролетарские слои деревни, ставит своей задачей всемерную защиту интересов трудящегося крестьянства Сибири.

В аграрной области эту декларацию предполагалось осуществить следующим образом. Безземельные и малоземельные крестьяне Сибири всех категорий (старожилы, новоселы, «неприписанные») и казаки должны были дополнительно наделяться национализированной землей, ранее находившейся во владении казны, Кабинета, войскового запаса, казачьего офицерства и чиновничества. Земли фактического пользования национальных меньшинств не подлежали никаким урезкам и ограничениям. Более того, при недостатке у них земли предлагалось произвести дополнительные прирезки за счет имеющегося вблизи свободного земельного фонда. Землепользование хозяйств, основанных только на личном труде, ограничению не подлежало.

¹⁶² См., например: ГАНО, ф. 467, оп. 1, д. 53, л. 14; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 29, л. 182.

¹⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 55.

Наряду с обеспечением земель трудящегося крестьянства ВЦИК и Совнарком признали необходимым в целях поднятия сельскохозяйственного производства Сибири осуществить такие меры, как широкое обеспечение бедноты и середняков сельскохозяйственными машинами и орудиями, улучшенными семенами, организацией ремонта инвентаря. «Все эти мероприятия, — указывалось в обращении, — должны быть проведены при широком использовании кооперативного опыта самого сибирского населения»¹⁶⁴.

Основываясь на обращении ВЦИК и Совнаркома, Сибревком издал приказ № 1 по сибирскому казачьему войску и декларацию о порядке наделения и пользования землей. В приказе и декларации было объявлено о национализации в Сибири казенных, кабинетских, частновладельческих, церковных, офицерских, чиновничьих земель. Различия сельского населения по разрядам (старожилы, казаки, переселенцы, инородцы) уничтожались, а связанные с ними податные обязательства перед государством и недоимки по платежам отменялись. Купля-продажа земли запрещалась, торговые сделки, заключенные во время белогвардейского режима, провозглашались недействительными. Земли фактического пользования в пределах трудовой нормы (независимо от видов землепользования — единоличное, заимочное, аульное, общинное, юртовое) провозглашались неприкосновенными и не подлежащими урезкам. Напротив, указывалось в декларации Сибревкома, «должны быть приняты все возможные меры к развитию на них трудового хозяйства путем расширения трудового землепользования в пределах трудовой нормы и поднятия производительности труда».

Безземельных и малоземельных крестьян предлагалось наделить землей до трудовой нормы, размеры которой устанавливались земельными органами в зависимости от местных хозяйственных условий. Дополнительное наделение рекомендовалось осуществлять главным образом за счет неиспользованных земель переселенческих участков и казенно-оброчных статей сельскохозяйственного пользования. Из свободных земель переселенческих участков прежде всего следовало обеспечить до трудо-

¹⁶⁴ Декреты Советской власти, т. 6, с. 30.

вой нормы первоначальных засельщиков и самовольно поселившихся, уже ведущих на этих участках хозяйство. Земли казенно-оброчных статей, арендовавшиеся сельскими обществами, приравнивались к наделным крестьянским.

Сибревком указал, что подлежит ограничению землепользование только кулацких хозяйств, основанных главным образом на наемном труде и по своим размерам приближающихся к помещичьим. Что же касается трудящихся крестьян, то им временно, до проведения социалистического землеустройства, разрешалось арендовать и сдавать друг другу в аренду свои участки и нанимать дополнительную рабочую силу.

Сибревком признал необходимым на базе крупных национализированных частновладельческих имений создать советские и коллективные хозяйства и добиваться их превращения в образцово-показательные школы для крестьянства¹⁶⁵.

Следовательно, после разгрома Колчака аграрная политика Советской власти в Сибири была направлена преимущественно на ликвидацию тех феодально-крепостнических пережитков (казенное, кабинетское, частное, церковное землевладение), в устранении которых было заинтересовано все крестьянство, и на расширение землепользования всех единоличных трудовых хозяйств. Исходя из продовольственных потребностей страны, говорил в марте 1920 г. на I Сибирском партийном совещании заместитель председателя Сибревкома В. Н. Соколов, мы «стараясь повысить трудовую норму каждого хозяйства»¹⁶⁶. Полная отмена привилегий казачества и старожилов Сибири в обеспечении земель (чего можно было добиться только уравнительным переделом всех наделных земель) как самостоятельная задача перед советскими земельными органами не ставилась, так как она затронула бы интересы середняцкой части казачества и старожилов, могла привести к подмене классовой борьбы групповой враждой, вызвать упадок сельского хозяйства.

Зажиточность среднего крестьянства Сибири, значительная часть которого вела свое хозяйство на арендо-

¹⁶⁵ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 1, с. 4—6; Сибревком, с. 275—279.

¹⁶⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 54.

ванной земле с применением наемного труда, обусловила допущение трудовой аренды и найма. Разрешение трудовой аренды и найма являлось не ошибочным отступлением от основ советского аграрного законодательства, а диктовалось как практической целесообразностью, всесторонним учетом особенностей местного середняцкого хозяйства, так и насущной необходимостью максимально использовать возможности Сибири в качестве источника продовольствия для Советской России.

Нельзя было не учитывать и соображения политического порядка. Из-за немногочисленного слоя промышленного пролетариата перед Советской властью в Сибири особенно остро стоял вопрос о поисках социальной опоры в трудящемся крестьянстве, большинство которого составляли середняки. В процессе борьбы между вооруженными силами диктатуры пролетариата и колчаковщины среднее крестьянство в основной своей массе твердо приняло сторону Советской власти. Следовательно как можно основательнее упрочить этот военно-политический союз рабочего класса с сибирским отрядом трудящегося крестьянства, сложившийся в ходе совместной антиколчаковской борьбы, подведением под него экономической базы. Именно на это обстоятельство указывал В. И. Ленин в заключительном слове по политическому докладу Центрального Комитета на VIII Всероссийской партийной конференции. «Сейчас,— говорил Владимир Ильич,— мы идейно завоевали сибирского крестьянина, освободив его от Колчака». Но успех, считал В. И. Ленин, не будет прочным, если Советская власть не сможет оказать этому крестьянину реальной помощи¹⁶⁷. Политика, проводимая в земельном вопросе Сибревкомом, наилучшим образом отвечала требованиям экономически закрепить союз со средним крестьянством Сибири. «Отсюда,— говорил на I краевом партийном совещании В. Н. Соколов,— и наш особый подход к устойчивому сибирскому середняку, выраженный в земельной декларации Сибирского революционного комитета и не расходящийся с постановлениями 8-го партийного съезда»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 365.

¹⁶⁸ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 26 мая.

Конечно, курс на союз со средним крестьянством Сибири без предварительной организации бедноты и разгрома контрреволюционного кулачества таил в себе определенную угрозу. Льготами в области найма-сдачи рабочей силы и аренды земли, предоставленными в интересах трудящегося крестьянства, могли воспользоваться кулаки для упрочения своего экономического и политического влияния в деревне. Руководство Сибревкома хорошо сознавало это. Оно наметило ряд мер, направленных на сплочение бедноты и на борьбу с кулачеством, но не считало возможным форсировать проведение последних в жизнь. Такая поспешность, говорил на партийном совещании В. Н. Соколов, «повела бы к тяжелой гражданской войне в деревне», могла стать губительной для Советской власти в Сибири¹⁶⁹.

Создавая максимально благоприятные условия для развития хозяйства середняков, основанного на трудовых началах, аграрная политика в Сибири в то же время преследовала задачу поднять бедноту до середняцкого уровня за счет ограничения «верхнего слоя самого доподлинного кулачества»¹⁷⁰. Однако в интересах увеличения посевной площади и улучшения продовольственного положения страны Сибревком предложил проявить большую осторожность по отношению к основной массе частновладельческих хозяйств, кулацких заимок и хуторов, рекомендуя ограничивать их до масштабов трудовых хозяйств. Разрешалось национализировать лишь крупные частновладельческие и кулацкие хозяйства, в достаточной степени обеспеченные собственными средствами производства и могущие послужить основой для организации совхозов, имеющих агрикультурное значение¹⁷¹.

«Социализм,— говорил В. И. Ленин,— был бы невозможен, если бы он не научился пользоваться той техникой, той культурой, тем аппаратом, который создала культура буржуазная, культура капитализма»¹⁷². К достижениям буржуазной культуры, которые необходимо

¹⁶⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 55; Шагин Э. М. Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири в первые годы Советской власти, с. 112.

¹⁷⁰ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 26 мая.

¹⁷¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 54—56.

¹⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 40, с. 102.

было использовать для построения социализма, В. И. Ленин относил и кооперацию.

Разработке мероприятий по использованию сибирской кооперации для восстановления разрушенного хозяйства, ведения заготовок продовольствия и сырья Сибревком уделял много внимания. И это было не случайно. Кооперация Сибири являлась не только мощной хозяйственной, но и политической организацией. Весной 1918 г. под прикрытием кооперативных учреждений, при их материальной и финансовой помощи создавалось контрреволюционное подполье. Кооперативные верхи Сибири запятнали себя активным участием в свержении Советской власти, поддержкой Колчака.

В ходе ликвидации колчаковской и восстановления в крае Советской власти сибирская кооперативная верхушка, как и в первые месяцы диктатуры пролетариата, опять выдвинула идею об «автономности», «независимости» местной кооперации как от советских органов, так и центральных кооперативных учреждений, уже находившихся под государственным контролем¹⁷³. Несмотря на это, Советская власть считала возможным использовать технический аппарат сибирской кооперации в качестве контрагента продовольственных органов. Предельно четко эту точку зрения изложил 7 декабря 1919 г. представителям кооперативных организаций уполномоченный Наркомпрода, омский губпродкомиссар Б. И. Монастырский. «Нам,— заявил Б. И. Монастырский,— не нужна ваша политическая дружба, мы требуем службы государству»¹⁷⁴.

В конце 1919 — начале 1920 г. во всех губерниях Сибири между губпродкомами, с одной стороны, и различными кооперативными объединениями — с другой, были заключены соответствующие соглашения — договоры. Однако кооперация с самого начала слабо справлялась с возложенными на нее заготовительными функциями, относясь к делу в большинстве случаев формально, а иногда даже и саботируя. Партийное и советское руководство сибирских губерний, особенно Томской, причины этого видели только в антисоветской позиции ко-

¹⁷³ Иванов Б. В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976, с. 316—329.

¹⁷⁴ Там же, с. 319.

оперативной верхушки и неоднократно возбуждало вопрос о необходимости ее решительного отстранения от власти¹⁷⁵.

В действительности же, как отмечал впоследствии отвечавший за хлебофуражные заготовки в Сибири Г. Е. Дронин, многие кооперативы неудовлетворительно работали в качестве контрагентов продорганов из-за отсутствия твердой продовольственной политики, недостатка систематического нажима на кооперацию со стороны губпродкомов. «В результате,— писал Г. Е. Дронин,— весь успех заготовки контрагентами [был] поставлен в зависимость от добровольного проявления их энергии...»¹⁷⁶. Несомненно, что в таких условиях поднять работоспособность кооперации, исходя из того, что дефекты в ее деятельности вызваны исключительно саботажем, к чему склонялись томичи, было невозможно. Принятие на местах мер, не вполне отвечавших действительности и не согласованных в общесибирском масштабе, могло привести к нежелательным последствиям, в том числе к разрушению заготовительного и распределительного кооперативного аппарата. В середине января 1920 г. М. И. Фрумкин потребовал от руководства Томской губернии не предпринимать в отношении кооперации никаких самостоятельных шагов впредь до решения этого вопроса Сибревкомом¹⁷⁷.

Вопрос о кооперации дважды — 5 и 19 февраля 1920 г. — обсуждался на заседаниях Сибревкома. Сибревком принял ряд постановлений, в соответствии с которыми было произведено слияние различных видов кооперации в Сибирское отделение Центросоюза, образованы его руководящие органы¹⁷⁸. Для ревкомов края Сибревком подготовил специальную инструкцию об отношении к кооперации, утвержденную Сибоблбюро

¹⁷⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 193, л. 2; д. 303г, л. 44; ф. 1137, оп. 1, д. 58, л. 64; ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 713, л. 6, 7.

¹⁷⁶ ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 355, л. 72.

¹⁷⁷ ГАНО, ф. 1137, оп. 1, д. 58, л. 42.

¹⁷⁸ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 115, 132; Сборник распоряжений по продовольствию и снабжению. Омск, 1920, с. 93—95; Иванов Б. В. Первые мероприятия партийных и советских органов Сибири в строительстве кооперации после ликвидации колчаковщины.— В кн.: Из опыта партийных организаций Сибири по руководству идейно-политической и культурно-массовой работой (1920—1967 гг.). Томск, 1976.

РКП(б) в качестве директивы по кооперативной политике партии. В инструкции органам Советской власти предлагалось всемерно использовать кооперацию для заготовки и распределения сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров, особенно в тех случаях, когда отсутствовал хорошо налаженный государственный аппарат. Кооперативные органы, говорилось в инструкции, «должны занять видное место в хозяйственной жизни», развить «максимальную энергию в духе и в пользу Советской власти». С этой целью Сибревком дал указание, сохраняя основы кооперативного самоуправления, поставить кооперацию под контроль советских органов, очистить ее от контрреволюционеров и спекулянтов. Чистку требовалось производить «с должным тактом и осторожностью, чтобы без нужды не повредить работе кооперативных организаций». Сибревком также считал возможным предоставить кооперации хозяйственную инициативу постольку, «поскольку она не расходится с экономической политикой Советской власти», рекомендовал широко использовать кооперацию для культурно-просветительной работы и распространения агрономических знаний¹⁷⁹.

Изменения в аграрном, продовольственном и кооперативном вопросах, сделанные Сибревкомом в соответствии с сибирской спецификой, были одобрены центральными органами, но встретили оппозицию со стороны части партийных и советских работников Сибири. Последние ошибочно считали такую политику чуть ли не заимствованной у эсеров и прокулацкой по существу, настаивали на проведении мер, аналогичных тем, которые осуществлялись в центральных районах страны. Между тем, выступая на VIII съезде РКП(б), В. И. Ленин предупреждал, что было бы ошибкой, если бы правительственные декреты без разбора, огулом распространялись на все области страны. «Придется,— предупреждал он,— пережить не мало своеобразности, мы ни в коем случае не связываем себя единообразным шаблоном, не решаем раз навсегда, что наш опыт, опыт центральной России, можно целиком перенести на все окраины»¹⁸⁰.

¹⁷⁹ «Советская Сибирь», 1920, 6 марта.

¹⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 38, с. 144.

Особенно сильные возражения вызвала земельная декларация Сибревкома. В марте 1920 г. ее подвергло резкой критике большинство участников I Сибирского областного партийного совещания, делегированных от губерний и уездов. И лишь после разъяснения В. Н. Соколовым того, что Сибревком не уклоняется от директив Центра, а прежде чем принять принципиальное решение заручается санкцией последнего, декларация получила поддержку¹⁸¹.

Наиболее решительную оппозицию аграрные и кооперативные мероприятия, намеченные Сибревкомом, встретили со стороны Алтайских губернских оргбюро РКП(б) и ревкома. 5 и 7 апреля 1920 г. состоялись заседания ответственных работников Алтайской губернии, на которых обсуждались доклады делегатов областного партийного совещания¹⁸². В итоге обсуждения в адрес ЦК РКП(б), Совнаркома, ВЦИК, Сибоблбюро, Сибревкома и других губернских центров Сибири участники совещания отправили телеграмму с протестом против «оппортунистической» политики Сибоблбюро и Сибревкома, которая якобы усиливает кулачество, «жертвует классово-революционной линией», разрушает уже сделанную работу¹⁸³. Точку зрения барнаульцев поддержало руководство Тюменской губернии; к этому же склонялись многие ответственные работники Томской губернии¹⁸⁴.

12 апреля 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) рассмотрело протест Алтайских губернских оргбюро и ревкома. Оно приняло решение послать в Барнаул телеграмму следующего содержания: считать позицию алтайских работников по вопросам аграрной и кооперативной политики «совершенно неправильной и несоответствующей условиям сибирской действительности и точке зрения ЦК партии»¹⁸⁵. В отправленной тогда же во все губернские центры Сибири телеграмме Сиббюро ЦК указало, что всякое несогласие с Сиббюро или Сибревкомом может

¹⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 54—56; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 26 мая.

¹⁸² ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1а, л. 1—3.

¹⁸³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 781, л. 94—97; ф. 1235, оп. 95, д. 398, л. 344—347.

¹⁸⁴ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 68, л. 20; ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 57.

¹⁸⁵ Шагин Э. М. О некоторых особенностях политики партии в деревне Сибири и Дальнего Востока в 1920—начале 1921 г., с. 117.

быть обжаловано только в ЦК РКП(б), а рассылку телеграмм протеста после одобрения мероприятий Сибревкома ЦК партии и областным партийным совещанием квалифицировало как дезорганизаторский акт, недопустимый с точки зрения партийной и советской дисциплины¹⁸⁶. После этого указания Сиббюро ЦК были приняты к сведению, а решения Сибревкома по аграрному и кооперативному вопросам — к исполнению.

Таким образом, второй большой заслугой Сибревкома является его вклад в восстановление Советской власти в Сибири, руководство советской работой в крае. Несомненно, эти задачи были бы реализованы более успешно, если бы не отдельные ошибки и пробелы субъективного характера, допускавшиеся руководством Сибревкома, и крайне тяжелые условия его работы. Особенно неблагоприятно отразилось на деятельности Сибревкома двухмесячное (с середины января до середины марта 1920 г.) отсутствие в Омске И. Н. Смирнова, занявшегося решением преимущественно дальневосточных вопросов, не входивших в компетенцию Сибревкома непосредственно. Этот недочет не ускользнул от внимания В. И. Ленина. 4 марта 1920 г. В. И. Ленин потребовал от председателя Реввоенсовета республики вернуть председателя Сибревкома «к мирному строительству, оторвав от дипломатических, пограничных и военных дел»¹⁸⁷.

Принципиальное обсуждение итогов деятельности Сибревкома состоялось на заседании Сиббюро ЦК РКП(б), проходившем 24 апреля 1920 г. Самокритично оценили свою работу В. М. Косарев и И. Н. Смирнов. Они признали, что из-за недостатка квалифицированных сотрудников Сибревком не всегда удовлетворительно справлялся с руководящими функциями. По нашему мнению, как о том можно судить на основании протокольной записи, в речах В. М. Косарева и И. Н. Смирнова даже наметилась тенденция умалить роль Сибревкома в руководстве краем. По итогам обсуждения Сиббюро ЦК приняло постановление, в котором предложило Сибревкому осуществить ряд мер: во-первых, обязать все отделы в кратчайший срок представить планы своей работы; во-вторых, дать на места точные директивы по

¹⁸⁶ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 618, л. 178; ПАСО, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 43.

¹⁸⁷ Ленинский сборник, т. 34. М., 1942, с. 273.

всем главным вопросам советской политики и широко разъяснить их в печати; в-третьих, добиться согласования деятельности органов ВЧК и военного ведомства с работой местных ревкомов. Сиббюро ЦК решило вопросы, подлежащие обсуждению Сибревкома, впредь предварительно рассматривать на своих заседаниях¹⁸⁸.

Расширение компетенции Сибревкома, увеличение его состава, а также меры, рекомендованные Сиббюро ЦК РКП(б), были направлены на улучшение деятельности Сибревкома, повышение уровня его руководства отделами и местными советскими органами.

*

Постановления апрельского (1920 г.) Пленума ЦК РКП(б) и Сиббюро ЦК РКП(б) вызвали серьезные изменения в деятельности Сибревкома. В первую очередь это сказалось на характере проведения его заседаний. Был четко определен круг лиц, обязанных и имеющих право участвовать в заседаниях Сибревкома: члены с решающим и совещательным голосом, а в случае отсутствия таковых — их заместители; докладчики по обсуждаемым вопросам и представители заинтересованных учреждений (по приглашению руководства Сибревкома). 27 апреля Сибревком принял решение, чтобы все подготовляемые отделами постановления, затрагивающие интересы широких трудящихся масс Сибири, непременно получали его санкцию на публикацию в печати. Тогда же Сибревком обязал управляющего делами рекомендованные на обсуждение Сибревкома вопросы, по которым требуется специальное заключение (приказ, постановление, распоряжение, циркуляр), вносить в повестку дня заседаний только при наличии проектов таких документов¹⁸⁹. 4 мая Сибревком постановил печатать на своих заседаниях заслушивание докладов отделов о проделанной работе¹⁹⁰. К реализации этого решения было приступлено 25 мая, когда с докладом о деятельности Сибпоса выступил его комиссар С. Т. Ковьялкин¹⁹¹.

¹⁸⁸ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 57, 58.

¹⁸⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 22646, л. 88, 89.

¹⁹⁰ Там же, л. 98.

¹⁹¹ Там же, л. 154.

С июня и до конца года на заседаниях Сибревкома по три раза заслушивались отчетные доклады Сибпиродкома (26 июня, 8 сентября, 17 ноября) и Сибпоно (19 июня, 15 сентября, 25 декабря), по два раза — отделов управления (16 июня, 29 сентября), земельного (13 июня, 25 августа) и Сибпоса (17 июля, 2 сентября), по одному разу — военного (10 июля), здравоохранения (18 сентября), труда и социального обеспечения (23 июня), труда (6 октября), социального обеспечения (13 ноября), почт и телеграфа (13 июля), финансов (12 сентября) и юстиции (21 июля).

С апреля — мая 1920 г. в соответствии с требованиями центральных органов и местными нуждами Сибревком сосредоточил главное внимание на деятельности отделов управления, военного и продовольственного. Такая расстановка сил диктовалась значением задач, возложенных на эти отделы. Отделу управления предстояло улучшить руководство местными советскими органами, особенно в связи с переходом от ревкомов к Советам, военному — упрочивать военное положение Советской власти в Сибири, укреплять обороноспособность восточных границ РСФСР и готовить резервы для отражения третьего похода Антанты; отделу продовольствия — максимально использовать хлебные ресурсы края для борьбы с голодом.

С мая 1920 г. благодаря увеличению состава Сибревкома, укреплению его отделов значительно улучшилось руководство губернскими ревкомом и их отделами. Например, в начале мая 1920 г. М. И. Фрумкин был в командировке в Иркутске. 6 и 9 мая он присутствовал на расширенных заседаниях Иркутского губревкома с участием заведующих отделами, представителей губкома РКП(б), совета профсоюзов и начальника гарнизона. М. И. Фрумкин проинформировал участников заседаний об изменениях в положении Сибревкома, о подготовке к кампании по выборам в Советы, об экономическом и политическом положении Сибири. На заседаниях были также заслушаны доклады губпиродкома, отдела труда и социального обеспечения, губернской комиссии по восстановлению разрушенного хозяйства. По всем докладам были приняты развернутые решения¹⁹².

¹⁹² ГАНО, ф. 42, оп. 1, д. 109, л. 70, 79.

5 и 7 мая с участием М. И. Фрумкина состоялось два заседания губпродкома, причем на втором присутствовали представители особых продовольственных комиссий 5-й армии, 30 и 35-й дивизий. На заседаниях были заслушаны отчеты хлебофуражного отдела губпродкома и армейских органов, разграничены районы их заготовок, установлены принципы распределения продовольствия, даны указания о переходе к заготовке продовольствия разверсткой с применением мер принуждения¹⁹³. 9 мая М. И. Фрумкин обследовал состоящие работы Иркутского губсовнархоза¹⁹⁴. А на следующий день с участием М. И. Фрумкина и председателя губревкома Я. Д. Янсона состоялось заседание президиума Иркутского губкома РКП(б), где наряду с другими рассматривался вопрос о возможности усиления отделов ревкома ответственными партийными работниками. В частности, президиум губкома принял решение рекомендовать на должность члена коллегии губЧК члена губкома РКП(б) коммуниста с 1905 г. М. М. Ноздрина¹⁹⁵.

Во второй половине мая в Барнаул и Томск выезжала группа сотрудников Сибсовнархоза во главе с А. В. Шотманом. Делегация Сибсовнархоза заслушала отчеты президиумов и заведующих отделами губсовнархозов, обследовала работу подведомственных им предприятий, дала рекомендации и приняла по итогам инспекции ряд постановлений¹⁹⁶. В конце мая — начале июня поездку с целью контроля и инструктирования Алтайского, Томского и Семипалатинского губпродкомов предпринял председатель Сибпродкома П. К. Коганович. В июне 1920 г. аналогичную поездку в Томск, Красноярск и Иркутск совершил заместитель председателя Сибревкома В. Н. Соколов, в июле на Алтай — председатель Сибревкома И. Н. Смирнов и руководитель представительства ВЧК в Сибири И. П. Павлуновский.

Усилилась непосредственная, «живая» связь не только Сибревкома с руководством губревкомов, но и отделов Сибревкома с соответствующими отделами губрев-

¹⁹³ ГАИО, ф. 14, оп. 1, д. 165, л. 19, 20; ГЛНО, ф. 4, оп. 1, д. 492, л. 18.

¹⁹⁴ ГАИО, ф. 18, оп. 1, д. 78, л. 265.

¹⁹⁵ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 123.

¹⁹⁶ ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 1666, л. 13—16; «Знамя революции», Томск, 1920, 26 мая.

комов. Например, в докладе отдела народного образования сообщалось: «На установление таковой связи Сибнаробразом было обращено большое внимание. Все имеющиеся в распоряжении отдела инструкторские силы направлялись в губнаробразы для инструктирования их и установления связи с отделом... В настоящее время (конец июня 1920 г.— В. Ш.) в таких командировках в разные города Сибири находится около десяти человек»¹⁹⁷. За два с половиной месяца, с 15 июня по 1 сентября 1920 г., около 60 командировок на места, срок которых колебался от двух недель до полутора-двух месяцев, совершили сотрудники отдела управления¹⁹⁸. Во время командировок наряду с инструктированием и ревизиями они нередко вели и постоянную работу: занимали посты заведующих отделами управления и информационно-инструкторскими подотделами губерний и уездов, возглавляли уездные ревкомы и исполкомы, губернской и уездные избирательные комиссии по выборам в Советы. «Инструкторские командировки,— говорится в докладе отдела управления Сибревкома,— помогли Сибревкому установить и упрочить связь с местами»¹⁹⁹.

Улучшилась и обратная связь. С этой целью Сибревком и его отделы стали широко использовать общесибирские совещания и съезды заведующих губернскими и уездными отделами и подотделами. В апреле 1920 г. состоялись совещание губпродкомиссаров и съезд заведующих губернскими учреждениями РКИ в Сибири, в мае — съезд заведующих подотделами внешкольного образования, в конце мая — начале июня — съезд заведующих губернскими и уездными отделами труда и социального обеспечения, в июле — съезды заведующих информационно-инструкторскими подотделами губревкомов и губземотделами.

Нередко такие совещания и съезды работали довольно продолжительное время, превращаясь фактически в краткосрочные курсы для подготовки местных сотрудников. На них руководители губернских и уездных советских учреждений получали обстоятельную информацию о принципах политики Советской власти в соответ-

¹⁹⁷ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 24.

¹⁹⁸ ГЛНО, ф. 1, оп. 1, д. 308, л. 19, 28, 49.

¹⁹⁹ Там же, д. 418, л. 38.

ствующих областях жизни и об особенностях ее проведения в Сибири, знакомились со структурой советского аппарата, наилучшими формами и методами его работы. Такую цель, например, преследовали устроители съезда заведующих губернскими и уездными отделами труда и социального обеспечения. Главной причиной его созыва послужило стремление «достигнуть всюду на местах правильного понимания и единообразного проведения Советской политики по вопросам труда и социального обеспечения»²⁰⁰. Благодаря общесибирским совещаниям и съездам резко повышался уровень инструктирования губернского аппарата, устранялась кустарщина в организации и деятельности советских учреждений, достигалась экономия в использовании квалифицированных сотрудников и материально-финансовых средств.

Накануне IX съезда РКП(б) В. И. Ленин нацеливал партийные организации переходить от съездов и собраний, обсуждавших общие вопросы, к съездам и собраниям, подводящим итоги практическому опыту²⁰¹. Ленинские указания легли в основу работы совещаний и съездов, проводимых отделами Сибревкома. Учету местного опыта, обобщению и распространению всего ценного, накопленного на местах, и устранению выявленных недостатков на них уделялось большое внимание. Показательна следующая инструкция отдела управления Сибревкома. Уведомляя в ней губревкомы о созыве съезда заведующих информационно-инструкторскими подотделами, отдел управления потребовал, чтобы делегаты привезли с собой протоколы заседаний, распоряжения, циркуляры, доклады, отчеты губревкомов и отделов управления как первичный материал, необходимый для обобщения местного опыта²⁰².

Постановления и резолюции таких совещаний и съездов, как правило, не носили обязательного характера, но как рекомендации для руководства отделов Сибревкома были очень ценны. Сошлемся на примеры, подтверждающие это. Докладывая на президиуме Сиббюро ВСНХ об итогах сибирского совещания комитетов по

²⁰⁰ «Известия Сибирского Революционного Комитета, 1920, № 2, с. 30.

²⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 40, с. 144.

²⁰² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 254, л. 102.

осуществлению трудовой повинности, председатель Сибкомтруда Н. В. Белкин отмечал, что оно прошло успешно: был намечен ряд конкретных мер, зафиксированных в инструкциях, которые после утверждения их Сибкомтрудом предстояло провести в жизнь²⁰³. Руководство Сибири высоко оценило совещание заведующих губземотделами и съезд председателей губревкомов (губисполкомов) и заведующих губернскими отделами управления Сибири. «Совещание носило исключительно деловой характер», — говорится в первом случае²⁰⁴. «Съезд можно считать чрезвычайно удачным, принесшим много пользы как местным работникам, так и сибирскому центру», — такое заключение давалось по итогам второго мероприятия²⁰⁵.

Упрочение принявших многообразные формы связей Сибревкома с губернскими и уездными центрами положительно повлияло на процесс всего советского строительства в Сибири. Благодаря своевременно поступавшей информации с мест, улучшилась руководящая деятельность Сибревкома и его отделов: она стала оперативнее, компетентнее, конкретнее, более тесно связанной с текущими нуждами и перспективными задачами. В повестке дня заседаний Сибревкома начали появляться вопросы, поставленные по инициативе местных органов. Как на пример такого рода можно указать на состоявшееся 20 апреля 1920 г. в Сибревкоме обсуждение вопроса о милитаризации горнорабочих Сибири, включенного в повестку дня по ходатайству Иркутского губкома РКП(б)²⁰⁶.

Особенно много внимания Сибревком стал уделять деятельности отдела управления и непосредственно вопросам советского строительства в конце 1920 — начале 1921 г. 3—4 октября 1920 г. под его руководством проходило совещание председателей губревкомов (губисполкомов) и заведующих губернскими отделами управления Сибири; 18—21 января 1921 г. — совещание заведующих информационно-инструкторскими подотделами губисполкомов. Совещания разработали и приняли ряд

²⁰³ ГАНО, ф. 918, оп. 2, д. 21, л. 1.

²⁰⁴ «Жизнь Красной Сибири», Омск, 1920, № 3, с. 31.

²⁰⁵ Там же, № 2, с. 13.

²⁰⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 22646, л. 70, 74.

важных решений: о слиянии городских и губернских исполкомов; о работе пленумов горсоветов; об организации в сельских местностях районных инструкторских пунктов; о задачах Советской власти в Сибири в связи с окончанием гражданской войны и роли отделов управления в новых условиях; об организационной работе информационно-инструкторских подотделов²⁰⁷.

В октябре — декабре 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком разработали и утвердили положение об исполкомах поселковых Советов в угольно-промышленных районах Сибири²⁰⁸. 1 декабря Сибревком принял постановление об освобождении от призыва в Красную Армию членов РКП(б), работавших заведующими отделами, информационно-инструкторскими подотделами и инструкторами губернских и уездных исполкомов²⁰⁹, 2 декабря — постановление о взаимоотношениях исполкомов и их отделов²¹⁰, 8 декабря — о порядке назначения заведующих отделами и подотделами исполкомов²¹¹. 21 января 1921 г. Сиббюро ЦК, заслушав доклад заведующего отделом управления Сибревкома А. В. Перимова о перевыборах Советов и о роли отделов управления в связи с новыми задачами, намеченными VIII Всероссийским съездом Советов, постановило усилить отделы управления членами РКП(б)²¹². Принятые Сиббюро ЦК и Сибревкомом в конце 1920 — начале 1921 г. решения содействовали укреплению советского аппарата в Сибири.

* * *

С весны 1920 г. центральное место в работе Сибревкома занимал продовольственный вопрос. С апреля он постоянно фигурировал в протоколах заседаний Сиб-

²⁰⁷ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 382, л. 2—9; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 200, л. 10; д. 309, л. 135; д. 418, л. 2, 3; ф. 13, оп. 1, д. 678, л. 200—208; «Жизнь Красной Сибири», 1921, № 3-4, с. 30, 31.

²⁰⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 82, л. 74, 75; д. 174, л. 35; ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 86; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1921, 15 февр.

²⁰⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264в, л. 70, 71.

²¹⁰ Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 год, Омск, 1921, с. 74—76.

²¹¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264в, л. 76.

²¹² ГАНО, ф. 1, оп. 3, д. 20, л. 9.

бюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. Только в течение трех месяцев вопрос о продовольственных заготовках девять раз (6, 20 и 30 апреля, 3, 4 и 11 мая, 5, 14 и 30 июня) ставился в повестку дня Сиббюро и Сибревкома.

Столь пристальное внимание, уделяемое партийным и советским руководством Сибири продовольственной работе, объяснялось изменениями условий, в которых она проводилась, и потребностями выработки новых организационно-политических мер, способных увеличить поступление хлеба. «Самотек» и свободная торговля, использовавшиеся по указанию Сибревкома в конце 1919 — начале 1920 г. в качестве основных методов государственных заготовок продовольствия, постепенно становились неэффективными. Крестьянство по мере спада революционного настроения стало требовать взамен сдаваемых сельскохозяйственных продуктов промышленных органов было мало. Резко возросли цены на продукты питания в розничной частной торговле. Она все больше стала приобретать спекулятивный характер. Полностью саботировало сдачу продовольствия кулачество.

Эти обстоятельства побудили продовольственные органы Сибири ввести в арсенал борьбы за хлеб испытанное средство — разверстку. В феврале — марте 1920 г. предварительная продрозверстка на хлеб и зернофураж была объявлена в Алтайской, Енисейской, Омской и Томской губерниях. Ее особенности состояли в том, что она предполагала изъятие только части продовольственных излишков, проводилась, как правило, без применения мер принуждения, «самотеком», и с ее введением частная торговля хлебом не запрещалась. Фактически объявление предварительной разверстки означало, что ставка на революционный энтузиазм трудящегося крестьянства Сибири сохранялась. Важнейшим стимулом выполнения разверстки оставался авторитет Советской власти, а основным средством — политическое просвещение, убеждение крестьянских масс в необходимости добровольно сдать продовольственные излишки для упрочения диктатуры пролетариата.

Однако, как показала практика заготовок на основе предварительной разверстки, свободный рынок, служивший ранее одним из основных каналов мобилизации продовольственных ресурсов Сибири, с введением разверст-

ки стал не только утрачивать свою положительную функцию, но и приобретать отрицательные черты. Свободная торговля, как альтернатива продрозверстки, умело использовалась кулачеством для ликвидации излишков, породила спекуляцию, баснословное взвинчивание цен на продукты питания и предметы первой необходимости, позволяла основным держателям хлебных излишков — кулакам и зажиточным середнякам — уклоняться от выполнения разверстки, т. е. становилась препятствием на пути ее успешного проведения в жизнь. Сибревком так оценивал сложившуюся обстановку: «Подвоз хлеба и других продуктов продовольствия на ссыпные пункты сократился до ничтожных результатов, на базарах пышным цветом развернулась спекуляция, снабжающая буржуазии, колчаковцев, разных темных дельцов и туенядцев, кого угодно, только не рабочих и не городскую бедноту...»²¹³. Важно было, анализируя не только поступление хлеба, правильно учесть все плюсы и минусы существования свободной торговли, максимумально использовать первые, нисколько не форсируя запрещение торговли, и не дать возможности преваллировать вторым. Необходимо было вовремя отказаться от попытки сочетать в продовольственной политике различные по своей сути методы заготовок: «самотек», основанный на свободной торговле, и разверстку, базировавшуюся на государственной монополии на хлеб.

6 апреля 1920 г. на заседании Сибревкома с докладом, содержащим требование отменить постановление «О порядке частной торговли», выступил М. И. Фрумкин. Сибревком лишь частично согласился с этим предложением. Он признал возможным предоставить губернским продкомам Сибири, с санкции губревкомов, право издавать обязательные постановления во изменение постановления Сибревкома по вопросу о регулировании торговли на базарах²¹⁴.

Между тем итоги продовольственной работы, явно недостаточные поступления по разверстке по сравнению с имевшимися излишками свидетельствовали о том, что частичное ограничение свободной торговли, будучи паллиативной мерой, успеха хлебозаготовок не гарантирует.

²¹³ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 492, л. 8.

²¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 202.

Подавляющее большинство продрозработников было убеждено в необходимости не только полностью запретить свободную торговлю всеми нормированными продуктами, но и перейти от «самотека» к принудительному изъятию продовольственных излишков. Это мнение достаточно определенно было выражено на первом совещании губпродкомиссаров Сибири, состоявшемся в Омске 12—18 апреля 1920 г.

Выполняя решение продовольственного совещания, 20 апреля М. И. Фрумкин вновь поставил на заседании Сибревкома вопрос о запрещении свободной торговли. Но постановление продовольственного совещания о прекращении свободной торговли монополизированными продуктами встретило возражения со стороны многих руководящих партийных и советских работников Сибири. Взвесив аргументы обеих сторон, Сибревком принял решение оставить в силе свое постановление по этому вопросу от 6 апреля 1920 г.²¹⁵

Причины разногласия между совещанием губпродкомиссаров и Сибревкомом, хотя они и не нашли отражения в протоколе, можно понять. В принципе было ясно, что успешность продовольственных заготовок в Сибири зависит от ограничения свободной торговли и таких ее непременных атрибутов, как «вольные» цены, спекуляция и т. п. Исходя из этого, продрозработники настаивали на ликвидации временных отступлений от основополагающих принципов продовольственной политики Советской власти, допущенных в Сибири, с тем, чтобы обеспечить хлебом голодающий пролетариат центральной России.

С другой стороны, партийные и советские работники хорошо понимали и учитывали, что закрытие базаров, введение продрозверстки с применением мер принуждения могут оказать отрицательное влияние на политические настроения многочисленного среднего и зажиточного крестьянства. Накануне посевной кампании настроения недовольства, в свою очередь, неизбежно отрицательно сказались бы как на хозяйственной деятельности крестьянства, так и на всем процессе советского строительства, в том числе на продовольственной работе. По их мнению, наиболее последовательно выраженному руководст-

²¹⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 212.

вом Сибземотдела, необходимо было в течение весны сохранять ставку на «самотек», дать возможность сибирскому крестьянству использовать весенний период для укрепления своего хозяйства и на этой основе в последующем активизировать его участие в советском строительстве. А пока что — максимум осторожности в отношении крестьянства, примерно так можно сформулировать требования, поставленные Сибревкомом перед продорганами Сибири в посевную кампанию. Здесь была своя логика, также обусловленная интересами дела. Она учитывала не только потребности текущего момента, но и имела под собой более серьезное основание, так как принимала во внимание перспективу.

Поиск мер, способных повысить продовольственные заготовки в рамках намеченного курса, было посвящено заседание Сибревкома, происходившее 30 апреля 1920 г. На заседании с докладом о ходе продовольственных заготовок в Сибири выступил заместитель председателя Сибпродкома Г. Е. Дронин. Он обратил внимание на два недостатка в продовольственной работе: медленный обмолот хлеба и слабое влияние на работу продаппарата коммунистов. По докладу Г. Е. Дронина для ускорения обмолота хлеба Сибревком создал специальную комиссию в составе И. Н. Смирнова, А. В. Шотмана, Г. Е. Дронина и председателя Сибкомтруда А. М. Бахутова. Было также постановлено ходатайствовать перед Сиббюро ЦК РКП(б) об усилении партийной работы в продовольственных органах²¹⁶.

В иной плоскости рассматривался продовольственный вопрос на состоявшемся 3 мая 1920 г. заседании Сиббюро ЦК РКП(б). Выступавший в качестве докладчика Г. Е. Дронин не ограничился обоснованием необходимости усиления партийного влияния на продовольственную работу и указанием на слабый обмолот хлеба. Он внес принципиальное предложение использовать для усиления обмолота хлеба в качестве агитационной и рабочей силы продовольственные отряды. Выдвинутые Г. Е. Дрониным предложения были признаны правильными и нашли поддержку со стороны Сиббюро. Оно объявило мобилизацию 225 коммунистов пролетарских центров Сибири для создания агитационных продотря-

дов, которые намечалось направить в распоряжение Алтайского, Енисейского и Омского губпродкомов. Для организации отрядов по обмолоту хлеба было решено мобилизовать 25% членов фабрично-заводских комитетов Сибири и использовать пленных мировой войны. Продотряды разрешалось применять только с согласия губкомов и губревкомов²¹⁷.

Руководствуясь указанием Сиббюро ЦК, на следующий день Сибревком принял постановление о мобилизации 25% членов фабзавкомов для обмолота хлеба урожая прошлых лет²¹⁸. Во исполнение этого решения в короткий срок были подготовлены и направлены на продовольственную работу 650 членов фабзавкомов и более 3 тыс. военнопленных²¹⁹.

Откомандированным на усиление продовольственных заготовок коммунистам и членам фабзавкомов вменялось в обязанность с помощью местных ревкомов и бедноты произвести тщательный учет сельскохозяйственных излишков, обмолотить хлеб бежавших с колчаковцами кулаков, вывезти его на сыпные пункты и бесплатно сдать в счет разверстки. В остальных крупных кулацких хозяйствах хлеб, обмолоченный продотрядами, за исключением необходимого для удовлетворения текущих потребностей, подлежал реквизиции по твердым ценам. Кроме того, продотряды должны были оказать помощь трудящимся крестьянам, которые не имели возможности произвести обмолот собственными силами. Мобилизованные на продовольственный фронт коммунисты и профсоюзный актив получили наказ добиваться выполнения разверстки главным образом агитационно-прозяснительной работой среди крестьянства²²⁰.

Директивы по продовольственному вопросу, данные руководящими партийными и советскими органами в конце апреля — начале мая 1920 г., не вполне отвечали требованиям, предъявляемым условиями продработы, и не могли обеспечить ее успех. Падение хлебозаготовок с 5170 тыс. пудов в марте до 3436 тыс. пудов в апреле и их резкое снижение в начале мая обнаружили это осо-

²¹⁷ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 61.

²¹⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 22646, л. 108.

²¹⁹ ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 579, л. 7; д. 711, л. 3.

²²⁰ ГААК, ф. 28, оп. 1, л. 463, л. 10; ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 13, л. 22, 26; ГАНО, ф. 4; оп. 1, д. 492, л. 4; ф. 1502, оп. 1, д. 3, л. 77.

²¹⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 926, л. 185.

бенно явно. Главной причиной слабого выполнения разверстки был отказ кулачества и зажиточного крестьянства добровольно сдавать излишки.

11 мая 1920 г. на заседании Сиббюро ЦК с докладом о ходе выполнения продовольственных заданий вновь выступил Г. Е. Дронин. Он информировал Сиббюро, что хлебозаготовки идут неудовлетворительно. По мнению Г. Е. Дронина, принятые меры (снабжение населения имевшимися в распоряжении продорганов промтоварами и агитационная деятельность мобилизованных партийных и профсоюзных работников) уже не могли существенно увеличить поступление хлеба. Возможность выполнения разверстки Г. Е. Дронин видел в дополнении разъяснительной работы среди трудящихся масс крестьянства вооруженным давлением на кулацкие слои. Его выводы полностью поддержал омский губпродкомиссар Б. И. Монастырский, который, заканчивая выступление, заявил, что «вооруженная сила необходима»²²¹.

Несмотря на столь категорические требования продработников, руководящий партийный орган края высказался за сохранение старых принципов продовольственной работы в Сибири. В данном случае, конечно, были приняты во внимание, хотя они и не нашли отражения в протоколе, все отмеченные раньше соображения о преждевременности принудительной разверстки с точки зрения общей политики Советской власти в Сибири. Наряду с этим был учтен и новый фактор. Выступивший на заседании И. И. Смирнов аргументировал необходимость сохранения «самотека» главным образом тем, что все задания по оказанию помощи Красной Армии и центральным районам страны Сибревком выполняет полностью. «Это,— полагал И. И. Смирнов,— в настоящий момент самое важное»²²². Не следовало форсировать события, подвергая возможной угрозе ту помощь, которую оказывало Советской власти сибирское крестьянство.

Конечно, Сиббюро учитывало, что в ближайшее время центральные органы обязательно потребуют максимальной мобилизации хлебных ресурсов Сибири. Поэтому

²²¹ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 63.

²²² Там же.

му Сибпродкому было предложено подготовиться к введению продовольственной диктатуры во всем ее объеме: сосредоточить усилия на укреплении продовольственного аппарата, выяснении действительного количества хлебных излишков, имевшихся в Сибири, изыскании промтоваров и снабжении ими добросовестно выполнявших разверстку крестьян. Что же касается возможности применения вооруженного давления на кулачество, то Сиббюро приняло следующее постановление: «Вооруженная сила будет дана, но с нею нужно обращаться очень осторожно...»²²³.

Обстановка, сложившаяся к концу весны 1920 г. (обострение хлебного кризиса, окончание посевной кампании), вызвала необходимость и позволила по-новому подойти к решению продовольственного вопроса. С этого времени наряду с всемерной мобилизацией продовольственных запасов бедняков и середняков началась подготовка условий для принудительного изъятия излишков хлеба у кулачества. Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревком, Сибпродком дали губернским руководящим органам ряд директив о подготовке и начале решительного наступления на сибирское кулачество на продовольственном фронте. С 1 июня 1920 г. свободная торговля всеми нормированными продуктами была запрещена, по отношению к уклонявшимся от выполнения разверсток разрешалось применять принудительные меры, а в случае сопротивления — вооруженную силу. Губернские бюро РКП(б), ревкомы, военкоматы и органы ВЧК получили распоряжение оказывать продорганам всемерное содействие в выполнении разверстки. От них требовалось принятием чрезвычайных мер, в том числе организацией вооруженных продотрядов, способствовать увеличению заготовок до максимума²²⁴.

Переход от «самотека» к принудительной разверстке, повсеместная активизация коммунистических сил советской Сибири, широкая агитационная работа среди крестьянства — эти и другие мероприятия содействовали успешному ходу хлебозаготовок в Сибири. Если в мае они составляли 0,9 млн. пудов хлебофуража, то в июне —

²²³ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 63.

²²⁴ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 18, л. 26; д. 492, л. 26, 27; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 576, л. 44.

4,3, а в июле — около 11,5 млн. пудов²²⁵. Всего со времени восстановления Советской власти в Сибири до августа 1920 г. было заготовлено более 31 млн. пудов, что составило около 15% всего хлебофуража, полученного Советской республикой с 1 августа 1919 по 1 августа 1920 г. Причем за это время за пределы Сибири удалось вывезти около 8,8 млн. пудов хлебофуража²²⁶.

Однако план хлебофуражной разверстки (65,7 млн. пудов) как по Сибири в целом, так и по губерниям в отдельности выполнен не был. Объяснение этому факту следует видеть главным образом в том, что запланированная разверстка являлась лишь ориентиром в работе сибирских продорганов. Если же принять во внимание объективные условия продовольственных заготовок, то нужно признать достигнутые результаты вполне удовлетворительными.

Сибревком и Сибпродком постоянно анализировали условия и ход хлебозаготовок в Сибири, искали возможности для их увеличения. В ряду различных мероприятий они придавали исключительное значение продотрядам. В Сибири потребность в продотрядах особенно остро обуславливалась тем, что сельские партийные и советские органы края были слабее, а беднота — менее организованной, чем в Европейской России. Коммунистическая агитация и пропаганда в сибирской деревне еще не носили всеобъемлющего и систематического характера, поэтому с деятельностью продотрядов связывалось выполнение важных социально-политических задач: пропаганда в сибирском крестьянстве большевистских идей, упрочение низового партийного и советского аппарата, вовлечение бедноты и середняков в продовольственную работу, их сплочение для борьбы с кулачеством. Только вооруженные продотряды, объединявшие вокруг себя трудящееся крестьянство, могли заставить мощное сибирское кулачество — главного держателя продовольственных излишков, имевшего опыт вооруженной борьбы

²²⁵ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 17, л. 312; д. 403, л. 20, 50; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 4, д. 470, л. 7; оп. 6, д. 54, л. 77; «Правда», 1920, 27 ноября; Гольман Д. Новый этап продработы. — В кн.: Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917—1920). Омск, 1920, с. 84.

²²⁶ Гольман Д. Указ. соч., с. 84; Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1919/20 год. М., 1920, с. 29, 31, 52.

против диктатуры пролетариата, отдать хлеб Советской власти.

Малочисленность промышленного пролетариата и городских партийных организаций не позволяла советским органам края собственными силами создать требующееся количество продотрядов. Учитывая сложившуюся обстановку, Сибревком 14 июня 1920 г. на своем закрытом заседании с участием представителей Сиббюро ЦК РКП(б) постановил ходатайствовать перед Центром о немедленной присылке 12 тыс. продармейцев²²⁷. Кроме того, руководство Сибпродкома полагало, что успешному осуществлению хлебозаготовок во многом будет способствовать направление в сибирскую деревню рабочих и крестьян голодающих губерний Европейской России, организованных в дружины по уборке, обмолоту и заготовке хлеба. Исходя из этого, П. К. Коганович с согласия коллегии Сибпродкома и омского губпродкомиссара подготовил проекты постановления и инструкции о привлечении к продовольственным заготовкам в Сибири рабочих и крестьян из центральных районов страны. Инициатива Сибпродкома нашла полную поддержку сначала в Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкоме, затем — в Наркомпроде²²⁸. 12 июля 1920 г. коллегия Наркомпрода заслушала доклад председателя Сибпродкома и приняла постановление, в котором рекомендовала ходатайствовать перед Совнаркомом о принятии действенных мер, способных обеспечить максимальное поступление излишков сибирского хлеба²²⁹.

Неделю спустя, 20 июля, Совнарком рассмотрел и утвердил проект постановления об изъятии хлебных излишков в Сибири, внесенный заместителем Наркома продовольствия Н. П. Брюхановым. Декретом Совнаркома сибирское крестьянство обязывалось немедленно приступить к обмолоту хлеба и сдаче всех продовольственных запасов. В целях выполнения этого требования Совнарком решил направить в Сибирь 6 тыс. продотрядников Военно-продовольственного бюро ВЦСПС, 20 тыс. членов уборочных дружин и около 9,3 тыс. продармей-

²²⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 23, л. 249.

²²⁸ Там же, л. 78, 79; ф. 4, оп. 1, д. 395, л. 41; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 95, д. 400, л. 38, 39.

²²⁹ ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 618, л. 227.

цев. Ответственность за проведение обмолота и заготовку продовольствия Совнарком возложил на органы Советской власти в Сибири²³⁰.

Постановление Совнаркома стало для Сибревкома серьезным подспорьем в борьбе за хлеб. В то же время оно явилось наиболее ответственным заданием, которое когда-либо поручалось Сибревкому. От успешности его реализации во многом зависела судьба всей Советской республики. В продовольственную кампанию 1920—1921 гг. Сибирь должна была дать более 120 млн. пудов хлебофуража, что превышало четверть всех планировавшихся общегосударственных заготовок.

Выполнение задачи, сформулированной в декрете Совнаркома «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», сразу же заняло центральное место в работе Сибревкома. 26 июля, т. е. в тот же день, когда П. К. Коганович возвратился из Москвы в Омск, состоялось расширенное заседание коллегии Сибпродкома с участием И. Н. Смирнова, А. К. Пайкеса и Б. И. Монастырского. На заседании был заслушан доклад П. К. Когановича о результатах поездки в Москву и намечены основные принципы предстоящей продовольственной работы. Так как отсутствие достаточного количества продуктов промышленного производства не позволяло осуществлять заготовки путем товарообмена, коллегия Сибпродкома решила изымать хлеб по разверстке, побуждая крестьянство к сдаче излишков агитацией и принудительными мерами. Губернским и уездным продорганами предлагалось использовать для ведения политической работы среди населения и укрепления технико-заготовительного аппарата членов продотрядов и местных организаций РКП(б). По отношению к саботирующим выполнение разверстки разрешалось применять заключение под стражу, конфискацию всех хлебных излишков и части имущества. В целях усиления продорганов заседание признало целесообразным ходатайствовать перед Сибревкомом об учете всех продработников и о милитаризации продаппарата Сибири. Для более правильного распределения продовольственного наряда Центра статистическо-экономическому отделу Сибпродкома вменялось в обязанность выяснить количество излишков сельскохозяйственных

²³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 377, л. 5, 96.

продуктов, оставшихся в различных губерниях Сибири от урожая 1914—1919 гг.²³¹

Исключительную оперативность проявили Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком. По инициативе Сиббюро в конце июля—начале августа 1920 г. было проведено II Сибирское партийное совещание, главным вопросом повестки дня которого стал продовольственный вопрос²³². Совещание дало огромный импульс работе местных партийных органов. Кроме того, Сиббюро издало ряд директив, обязывавших губернские и уездные бюро (комитеты) РКП(б) содействовать укреплению продовольственного аппарата коммунистами, разъяснению декрета Совнаркома среди населения. В их числе — циркуляры об образовании при губернских и уездных продкомах агитационно-продовольственных курсов (27 июля), об ускорении мобилизации коммунистов на продовольственную работу, о проведении беспартийных конференций для обсуждения вопроса о подразверстке (3 августа)²³³.

Со своей стороны Сибревком по докладу председателя Сибпродкома 4 августа принял постановления об учете на территории Сибири всех специалистов продовольственного дела и о милитаризации продорганов²³⁴. Для усиления продовольственного аппарата в распоряжение губпродкомов были переданы заготовительные пункты кооперации и 10% кооперативных служащих²³⁵. 7 и 23 августа во все губернские центры Сибири были отправлены распоряжения Сибревкома и Сибпродкома с указанием количества причитающегося с них хлебофуража и сроков выполнения задания²³⁶. В течение августа—октября 1920 г. руководство Сибревкома и Сибпродкома обследовало состояние советского и продовольственного аппарата в Барнауле, Бийске, Иркутске, Красноярске, Новониколаевске, Семипалатинске, усилило его опытными продработниками губернского и уездного масштаба, откомандированными из Центра²³⁷.

²³¹ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 15, л. 78; д. 17, л. 123.

²³² См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 497.

²³³ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1921, 15 февр.

²³⁴ Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 год, с. 48—50.

²³⁵ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 17, л. 126; д. 485, л. 1, 2.

²³⁶ Там же, д. 520, л. 6, 7, 12.

²³⁷ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 28 окт.

Благодаря принятым Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкомом мерам, губернское партийное и советское руководство поставило выполнение разверстки во главу угла своей работы. Продовольственные органы Сибири получили в свое распоряжение свыше 1200 выпускников агитационно-продовольственных курсов и около 3 тыс. партийных, профсоюзных и советских работников, преимущественно коммунистов²³⁸. 1350 коммунистов из числа мобилизованных получили назначение для работы непосредственно среди крестьянства, в качестве волостных уполномоченных по проведению разверстки²³⁹. До начала ноября 1920 г. издательский отдел Сибпродкома напечатал 5 серий продовольственных плакатов (45 тыс. экз.), 5 серий листовок (450 тыс. экз.), 3 серии брошюр (30 тыс. экз.). Деятельность продорганов и ход хлебозаготовок регулярно освещались в партийно-советской прессе. Во всех губерниях Сибири прошли беспартийные крестьянские конференции, посвященные выполнению разверстки. «Продагитация, — информировал «Правду» член коллегии Наркомпрода А. П. Смирнов, по поручению СТО обследовавший деятельность Сибпродкома, — приняла в Сибири широкие размеры и хорошо организована»²⁴⁰.

Приведенные выше данные о работе Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома и Сибпродкома дают полное основание утверждать, что руководящие органы Сибири сделали со своей стороны все возможное, чтобы выполнить декрет Совнаркома: они наметили правильные принципы хлебозаготовок, широко разъяснили значение сибирского хлеба для Советской республики, приняли необходимые меры для создания политического и технического аппарата, способного собрать разверстку, установили контроль за проверкой исполнения данных указаний.

Но результаты продовольственной работы зависели от многих факторов, в том числе таких, повлиять на которые было невозможно. Например, плохие погодные условия в течение осени во многом свели на нет усилия советского и продовольственного аппарата. За первые

²³⁸ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1921, 15 февр.; Сессии Всероссийского Центрального исполнительного комитета VIII созыва, с. 203.

²³⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 404, л. 92.

²⁴⁰ «Правда», 1920, 21 ноября.

два осенних месяца удалось собрать столько же хлебофуража, сколько за один предыдущий: в августе — 9,3 млн. пудов, в сентябре — 4,3, в октябре — около 5 млн. пудов. С прекращением распутицы подвоз и сдача хлебофуража резко возросли (до 9,3 млн. пудов в ноябре и 14,2 — в декабре 1920 г.), однако с января 1921 г. вновь начали стремительно падать, составив 10,9 млн. пудов в январе, 5,0 — в феврале, 4,4 млн. пудов — в марте 1921 г.²⁴¹ В определенной мере снижение хлебозаготовок с января 1921 г. произошло из-за уменьшения продовольственных излишков в деревне. Однако фактором, на этот раз оказавшим определяющее значение, был другой — политический: сначала антисоветский мятеж на Алтае, затем — западносибирское контрреволюционное восстание, охватившее Омскую, Семипалатинскую, Тюменскую и Челябинскую губернии.

Неблагоприятная социально-политическая обстановка (ожесточенное сопротивление мощного сибирского кулачества, колебания среднего крестьянства, слабость партийного и советского аппарата края) не позволили в полном объеме выполнить требование Совнаркома об изъятии всех хлебных излишков. Вместо 122,4 млн. пудов хлебофуража, назначенного в счет разверстки и помольного сбора, до 1 апреля 1921 г. удалось заготовить только 64,6 млн. пудов²⁴². Тем не менее сибирский хлеб явился весомым вкладом в продовольственный фонд РСФСР, составив в кампанию 1920—1921 гг. 23,6% общереспубликанских заготовок.

Значение сибирского хлеба особенно велико было в связи с тем, что значительную его часть (около 27 млн. пудов) удалось вывезти в центральные районы страны²⁴³. Выступая 28 февраля 1921 г. на пленуме Московского

²⁴¹ «Продовольственный бюллетень», Омск, 1920, № 2-3, с. 1; «Жизнь Красной Сибири», 1920, № 3, с. 6; 1921, № 1-2, с. 13; «Красная Сибирь», Омск, 1921, № 1, с. 53; Отчет Сибирского Революционного Комитета о деятельности его за январь — июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921, с. 9.

²⁴² ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 505, л. 71; Отчет Сибирского Революционного Комитета о деятельности его за январь — июнь 1921 г., с. 9.

²⁴³ ГАНО, ф. 1180, оп. 1, д. 71, л. 113; д. 102, л. 2; Отчет Сибирского Революционного Комитета о деятельности его за январь — июнь 1921 г., с. 1; «Бюллетени IV Всесибирской конференции РКП(б)», Новониколаевск, 1921, № 2, с. 8.

горсовета, В. И. Ленин констатировал, что в течение прошедшего года республика жила, главным образом, благодаря тем ресурсам, «которые давали Сибирь и Северный Кавказ»²⁴⁴.

* * *

С весны 1920 г. в деятельности Сибревкома вторым по значимости вопросом, после продовольственного, стал военный. На Сибревком и штаб Помглавкома были возложены ответственные задания, обусловленные сложным военно-политическим положением не только Сибири, но и всей Советской республики. Во-первых, предстояло укрепить 5-ю армию, превратить ее в силу, способную защитить восточную границу РСФСР. Во-вторых, по заданию Главного командования надлежало приступить к комплектованию и подготовке крупных войсковых резервов и другого пополнения для Красной Армии. В-третьих, требовалось усилить боевую подготовку дислоцированных в Сибири и не входивших в 5-ю армию полевых дивизий, занимавшихся выполнением других оперативных заданий (несение гарнизонной службы, охрана железной дороги, продовольственная работа). В-четвертых, следовало повысить боеспособность войск внутренней охраны и караульных частей, чтобы обеспечить надежную обстановку в тылу и освободить от выполнения этих функций 5-ю армию²⁴⁵.

Выполнение этих задач штаб Помглавкома начал с унификации и централизации аппарата военного управления, приведения в систему многочисленных тыловых служб, упорядочения старых и открытия новых военно-учебных заведений и различных командных курсов, улучшения боевой и политической подготовки наличного состава, повсеместного введения всеобщего военного обучения²⁴⁶.

²⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 364.

²⁴⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 47, л. 26.

²⁴⁶ Там же, д. 46, л. 21.

В целях оказания помощи Западному фронту и доведения численного состава сибирских частей Красной Армии до штатного расписания 8 мая 1920 г. Сибревком постановил открыть запись добровольцев, а 9 июня призвал на действительную военную службу военнообязанных 1901 г. рождения²⁴⁷.

Первая общесибирская мобилизация началась 25 июня. Несмотря на отсутствие опыта у только что созданного учетно-мобилизационного аппарата, она была проведена успешно²⁴⁸. Большая часть мобилизованных пошла на укрепление 5-й армии и других сибирских полевых дивизий, свыше 20 тыс. человек были переброшены во внутренние округа Европейской России, 6424 человека влились в войска вспомогательного назначения, запасные и тыловые части²⁴⁹.

Выполняя приказы Реввоенсовета республики и Главкома, военный отдел Сибревкома доукомплектовал мобилизованными добровольцами и новобранцами 27-ю, 30-ю и 51-ю стрелковые дивизии, сформировал две отдельные стрелковые и одну кавалерийскую бригаду, несколько специальных частей и отправил их на Западный и Южный фронты. В наиболее напряженные месяцы борьбы с белополяками и врангелевцами, в августе — октябре 1920 г., Сибирь дала 117 тыс. человек²⁵⁰.

Сибирские дивизии и бригады отличались исключительно высокими морально-политическими и боевыми качествами. Например, во время переброски на фронт в 27-й и 51-й дивизиях не произошло ни одного случая дезертирства. Более того, 27-я дивизия прибыла на фронт в количестве, превышавшем штатное расписание, поскольку по пути следования в нее добровольно влились бойцы находившиеся во временных отпусках или на излечении²⁵¹.

²⁴⁷ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 6, 7.

²⁴⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 47, л. 37.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же, л. 28, 65. Явно завышает размеры помощи Сибири действующим в 1920 г. фронтам И. Е. Молоков, называя цифру 215 тыс. чел. (См.: Молоков И. Е. Военная деятельность Сибирского Революционного Комитета (август 1919 г.— декабрь 1922 г.). Автореф. канд. дис. Томск, 1970, с. 15).

Командование фронтов направило сибирские части на самые ответственные участки, где в боях с белогвардейцами и интервентами они покрыли себя неувядаемой славой. В составе 16-й армии Западного фронта 27-я дивизия в июле — августе 1920 г. форсировала Березину, Неман, Буг, брала Минск и Слоним, 13 августа прорвала передовые линии укрепления Варшавы и в течение четырех дней вела борьбу за город. Затем началось трудное отступление, во время которого дивизия дала белополякам встречный бой у Волковыска, частично приостановила их наступление, а затем отстояла Минск. Несмотря на неоднократные окружения противником, потерю 75% своего боевого состава (погибло 9 тысяч из 12), она явилась единственной дивизией 16-й армии, которая отступила в полном порядке, со всеми подразделениями и в разграничительных линиях, определенных для армии командованием фронта²⁵². В телеграмме, отправленной Сибревкому, начдив-27 В. К. Путна успешное выполнение боевых заданий, возлагавшихся на дивизию, во многом объяснял мужеством сибиряков. Они, сообщал В. К. Путна, «бились как никто и гибли герои»²⁵³.

В августе — сентябре 1920 г. 51-я дивизия В. К. Блюхера в боях на каховском плацдарме нанесла ряд поражений дивизиям генерала Слащова, армейскому корпусу генерала Витковского и бронированному корпусу генерала Барбовича. В результате этих боев был разгромлен авангард Врангеля; он потерял значительное количество живой силы и техники, утратил стратегическую инициативу. Как считал командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе, 51-я дивизия определила под Каховкой судьбу всей кампании против Врангеля²⁵⁴.

²⁵¹ Путна В. К. Висле и обратно. М., 1927, с. 20—23; Телегин К. Из Сибири на Врангеля (Из дневника политработника). — В кн.: Перекоп. Сб. воспоминаний. М.—Л., 1941, с. 27.

²⁵² Исторический очерк 27-й Омской стрелковой дивизии РККА. М.—Пг., 1923, с. 115—182; Путна В. Указ. соч., с. 31—187.

²⁵³ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 144, л. 133.

²⁵⁴ Коротков И. С. Разгром Врангеля. М., 1955, с. 186.

По свидетельству командиров и политработников, сибирское пополнение проявило в этих боях исключительную доблесть²⁵⁵.

В конце октября 51-я дивизия взяла Перекоп, 9 ноября овладела Турецким валом, которые обороняли отборные белогвардейские части: дроздовская, корниловская и марковская дивизии, кубанская и терско-астраханская конница. Затем под ударом блюхеровцев пали Юшунские укрепления²⁵⁶.

Столь же самоотверженно действовала против Врангеля в авангарде 4-й армии 30-я дивизия. Именно она первой форсировала Сиваш, взяла Чонгарские укрепления, созданные по последнему слову техники и отчаянно оборонявшиеся противником. Тем самым, говорилось в приказе о награждении 30-й дивизии орденом боевого Красного Знамени, она окончательно решила исход борьбы против Врангеля²⁵⁷.

В целях укрепления военно-политического положения Советской власти в крае и подготовки нового подкрепления для фронтов 10 октября 1920 г. военный отдел Сибревкома осуществил вторую общесибирскую мобилизацию призывников 1899—1900 гг. рождения²⁵⁸. Вслед за тем Сибревком и его военный отдел провели частичную мобилизацию бывших подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров, 28 277 из которых получили назначение в полевые и 2150 — в запасные части²⁵⁹. Благодаря этим мобилизациям удалось создать две резервные дивизии (стрелковую и кавалерийскую) и получить большое количество другого пополнения, которое находилось в состоянии готовности к отправке на фронт²⁶⁰.

²⁵⁵ «Советская Сибирь», 1920, 3 ноября; Гражданская война 1918—1921, т. 1. М., 1928, с. 325; Телегин К. Указ. соч., с. 39.

²⁵⁶ Датюк Н. Штурм Перекопа. М., 1939, с. 26—29; Коротков И. С. Указ. соч., с. 212, 213, 260—262.

²⁵⁷ Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.). Сб. документов. М., 1957, с. 135, 136.

²⁵⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 47, л. 37.

²⁵⁹ Там же, л. 40.

²⁶⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 47, л. 65.

Сибревком и его военный отдел проделали большой объем руководящей работы не только по мобилизации и подготовке резервов, но и много внимания уделили борьбе с нарушениями революционной законности и местной контрреволюцией, дезертирством, политическим бандитизмом.

Первой по времени перед Сибревкомом встала проблема борьбы с дезертирством. Уже в конце зимы — начале весны 1920 г. в Каменском, Минусинском, Славгородском и некоторых других уездах появились многочисленные группы дезертиров из числа бывших партизан, включенных в состав дивизий 5-й армии. Демобилизация из Красной Армии значительной части партизан старших возрастов и широкая разъяснительная работа, проведенная по указаниям Реввоенсовета-5 и Сибревкома среди самовольно оставивших свои части, позволили к концу весны 1920 г. резко сократить количество дезертиров. Несмотря на незначительные масштабы, проблема дезертирства тем не менее обострилась в связи с тем, что дезертиры стали важнейшим источником пополнения политического и уголовного бандитизма. Поэтому, оставаясь незначительным в количественном отношении, дезертирство, по заключению специальной комиссии Западно-Сибирского военного округа, «сразу же проявило тенденцию стать злостным и даже опасным для Советской власти в Сибири»²⁶¹.

9 июня 1920 г. Сибревком рассмотрел вопрос о мерах борьбы с дезертирством. Сибревком разрешил в наиболее угрожаемых местностях создавать чрезвычайные «тройки» по борьбе с дезертирством в составе уполномоченного губревкома, начальника действующих войск внутренней охраны и уполномоченного окружного военного комиссариата. «Тройкам» предоставлялось право руководить операциями по борьбе с дезертирством, разрешалось издавать по этому вопросу распоряжения, обязательные для всех учреждений местности, охваченной дезертирским движением. «Тройки» имели право пользоваться всеми вооруженными силами, располагав-

²⁶¹ ЦГАСА, ф. 25875, оп. 1, д. 299, л. 3.

шимися на местах, кроме полевых войск²⁶². Постановление Сибревкома позволило скоординировать деятельность информационно-разведывательных служб различных ведомств и практические действия военных органов, ВЧК и милиции по борьбе с дезертирами, что положительно сказалось на ходе и итогах этой борьбы.

В конце весны — летом 1920 г. классовая борьба в Сибири резко обострилась. В мае 1920 г. бывший партизанский командир Рогов поднял антисоветский анархический мятеж на Алтае. Затем на территории Алтайской, Семипалатинской и Томской губерний начались контрреволюционные выступления под руководством правого эсера Плотникова, казачьего есаула Шишкина, вспыхнули колыванское, бухтарминское и лубковское антисоветские восстания. Для руководства вооруженной борьбой против внутренней контрреволюции на территории Сибири 9 июля 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) создало оперативно-политическую «тройку» в составе председателя Сибревкома, Помглавкома по Сибири и руководителя представительства ВЧК в Сибири. Сиббюро дало «тройке» директивы усилить политическую работу среди населения и частей Красной Армии, разрешило по отношению к участвовавшим в мятежах кулакам применять высшую меру наказания, а хлеб и сельскохозяйственные машины, имевшиеся в их хозяйствах, — конфисковывать²⁶³.

30 июля 1920 г. вопрос о создании местных органов по подавлению мятежей был рассмотрен на расширенном заседании Сиббюро ЦК РКП(б) с участием представителей губкомов партии. Совещание признало необходимым образовать для этих целей губернские и уездные «тройки» в составе председателей ревкомов, военкомов и руководителей местных органов ВЧК²⁶⁴. Выполнив постановление совещания, 25 августа Сибревком издал приказ, в котором обязал губернские и уездные ревкомы (исполкомы) учредить на местах полномочные «тройки» по борьбе с мятежниками. В приказе определялся порядок образования, состав и функции «троек». На них возлагалась обязанность в случае контрреволюционных выступлений брать в свои руки всю

²⁶² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264а, л. 98.

²⁶³ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 10—12.

²⁶⁴ Там же, л. 29.

власть, согласовывать и объединять деятельность советских органов по подавлению мятежей. Командование вооруженными силами губерний и уездов на период борьбы с контрреволюцией возлагалось на членов «труппы» — военкомов²⁶⁵.

Борьба с мятежниками в Сибири, общая численность которых в 1920 г. достигала 15—20 тыс., носила исключительно упорный характер. В ликвидации внутреннего антисоветского фронта в Сибири участвовало более 25 тыс. бойцов Красной Армии. С обеих сторон погибли тысячи человек, но в еще большей степени пострадало от бандитских действий гражданское население. В течение лета — начала осени 1920 г. совместными усилиями частей Красной Армии, коммунистических отрядов особого назначения и милиции основные силы мятежников были разгромлены²⁶⁶. Незначительные их остатки, не находя поддержки в крестьянской среде, стали обращаться к советским органам с просьбой о помиловании.

Получив информацию о желании мятежников сдаться и искупить вину перед Советской властью добровольной отправкой на фронт, член Сиббюро ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский 9 октября 1920 г. выступил в печати со статьей, в которой призвал Сибревком пойти навстречу раскаявшимся и амнистировать их²⁶⁷. В тот же день Сибревком рассмотрел и утвердил проект специального обращения к участникам вооруженных выступлений против Советской власти, в котором предложил им в течение месяца явиться в военкоматы, заявить о признании своей вины и желании отправиться на фронт²⁶⁸. Объявленной Сибревком амнистией воспользовались многие из тех мятежников, кто по принуждению или по неосознанности был втянут в антисоветскую авантюру. К началу зимы 1920 г. в Сибири, главным образом в ее восточной части, остались лишь мелкие группы белобандитов, которые не представляли реальной угрозы для Советской власти. 4 декабря Сибревком принял поста-

²⁶⁵ ЦГАСА, ф. 25875, оп. 1, д. 127, л. 103.

²⁶⁶ См. об этом работы И. А. Абраменко, М. А. Богданова, Л. И. Боженко, Г. Д. Вдовенко, А. В. Винокурова, А. Г. Запаловникова, П. Ф. Николаева, И. М. Першина, П. Е. Померанцева, В. К. Хрипунова.

²⁶⁷ «Советская Сибирь», 1920, 9 окт.

²⁶⁸ ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 2264в, л. 7; Сибревком, с. 55—57.

новление, в котором военное положение, введенное на время вооруженной борьбы с контрреволюцией, снималось на всей территории Сибири, за исключением прифронтовой полосы (Иркутская губерния)²⁶⁹. М. И. Калинин, посетивший в это время Сибирь, в беседе с корреспондентом газеты «Беднота» констатировал, что «в политическом отношении она далеко опередила Украину. В Сибири Советская власть упрочилась заметно сильнее и основательнее, чем на юге Европейской России»²⁷⁰.

*
*

Мобилизация людских и материальных ресурсов Сибири на окончательный разгром колчаковщины и ликвидацию ее последствий, руководство восстановлением и деятельностью органов диктатуры пролетариата в крае, помощь сражавшейся с белогвардейцами и интервентами Советской республике преданными делу революции бойцами и продовольствием — вот основные направления работы Сибревкома в исследуемый период.

В конце 1919 — начале 1921 г. Сибревком действовал как чрезвычайный революционный орган, в атмосфере продолжавшейся гражданской войны всем своим авторитетом утверждавший в Сибири Советскую власть. В этот период в работе Сибревкома в силу объективных обстоятельств общегосударственные задачи превалировали над местными: борьба с русской и иностранной контрреволюцией, борьба за сохранение и упрочение завоеваний Октябрьской революции поглощали все его силы²⁷¹.

Важно, что Сибревком не только сконцентрировал на выполнении задач по укреплению Советской власти свои усилия, но и подчинил требованиям борьбы с врагами диктатуры пролетариата всю жизнь Сибири. Этот успех был достигнут во многом благодаря тому, что Сибревком состоял из коммунистов, специально делегирован-

²⁶⁹ Сибревком, с. 59.

²⁷⁰ «Беднота», 1920, 15 дек.

²⁷¹ Краткий отчет Сибирского Революционного Комитета первого Сибирскому съезду Советов. Новошколаевск, 1925, с. 8.

ных из Центра, обладавших большим опытом административной, военной и хозяйственной работы, был наделен чрезвычайными полномочиями высших органов Советской власти.

О значении Сибревкома для советского строительства в Сибири свидетельствует такой важный факт. Докладывая 31 мая 1921 г. на сессии ВЦИК о первом периоде его работы, заместитель председателя Сибревкома С. Е. Чуцкаев подчеркнул, что в тех областях деятельности, которые находились в непосредственном ведении Сибревкома, был достигнут больший успех, чем в тех, где преобладало влияние местных органов²⁷².

ВЦИК, заслушав доклад С. Е. Чуцкаева, одобрил деятельность Сибревкома и предложил ему с прежней настойчивостью и энергией руководить административными и хозяйственными учреждениями края²⁷³. Эти функции Сибревком успешно выполнял до декабря 1925 г.

²⁷² Сессии Всероссийского Центрального исполнительного комитета VIII созыва, с. 210.

²⁷³ Там же, с. 218.

Глава вторая

ГУБЕРНСКИЕ И УЕЗДНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОМИТЕТЫ

(октябрь 1919 — январь 1921 г.)

В возрождении советской Сибири, в восстановлении и упрочении здесь Советской власти велика заслуга губернских и уездных ревкомов. Именно на губернские и уездные ревкомы легла значительная часть работы по слому колчаковского и созданию советского государственного аппарата. Они занимались организацией волостных и сельских ревкомов, руководили на подведомственной территории ликвидацией последствий белогвардейского режима и борьбой с контрреволюционными вылазками, возглавляли работу по проведению социалистических преобразований в экономике и культуре.

ОБРАЗОВАНИЕ РЕВКОМОВ, ИХ СОСТАВ

Создание ревкомов в тех губернских и уездных центрах, которые освобождались регулярными частями Красной Армии, и в тех, откуда колчаковцы и интервенты изгонялись партизанами и повстанцами, происходило неодинаково.

Образование каждого ревкома начиналось с назначения его председателя и членов. В районах, освобождавшихся Красной Армией, это делали Сибревком, Реввоенсоветы 3-й и 5-й армий, политотделы дивизий, комиссары бригад и полков. Вот несколько примеров. 30 октября 1919 г. красные войска освободили от белогвардейцев Петропавловск, и уже на следующий день по приказу Сибревкома был создан Петропавловский уездный ревком. Возглавили его коммунисты — сотрудники Сибревкома Н. А. Маторин (председатель), А. М. Зильберман

и П. Ф. Федоров¹. Активное участие коммунисты — сотрудники Сибревкома, политработники 3-й и 5-й армий приняли в организации Акмолинского, Атбасарского, Калачинского, Кокчетавского, Марнинского, Новониколаевского, Омского, Павлодарского, Татарского, Тюкалинского и Щегловского ревкомов, образованных в ноябре — декабре 1919 г.

В Тюкалинске уездный ревком был создан 12 ноября 1919 г. по распоряжению политотдела 3-й армии. Его председателем сначала стал инструктор крестьянской секции политотдела 51-й дивизии Я. Горбунов, а затем — организатор политотдела 3-й армии А. Ф. Ворошилов². 13 ноября Реввоенсовет 5-й армии по соглашению с Сибревкомом назначил Омский городской ревком. Возглавил его политработник 5-й армии В. П. Файдыш, заместителем председателя стал сотрудник Сибревкома Е. В. Полюдов, а членом ревкома — политработник 27-й дивизии А. Г. Лисин³. Постановлением Сибревкома от 24 ноября Омский городской ревком был преобразован в губернский. Изменился и его состав: председателем стал Е. В. Полюдов, заместителем председателя — В. В. Аристов, членом губревкома — И. Д. Апасов⁴.

Председателем Атбасарского уездного ревкома был назначен военный комиссар кавалерийского полка имени Степана Разина Н. Д. Видинеев, секретарем — политработник того же полка В. С. Топчин, а членами — сотрудник Омского губревкома А. М. Григорьев, политработник 59-й дивизии В. П. Петрушин и другие⁵. По приказу военного совета 26-й дивизии Павлодарский уезд-ревком возглавил заместитель военкома 76-й бригады Г. В. Жигарев⁶. По специальному распоряжению военкома 59-й дивизии с 3 декабря 1919 г. председателем Акмолинского уезд-ревкома стал политработник

А. Д. Еремин⁷. Приказом Сибревкома от 2 декабря 1919 г. руководство Новониколаевским ревкомом было временно возложено на политработника Красной Армии В. Ф. Дружицкого⁸. 23 декабря Сибревком преобразовал Новониколаевский ревком в губернский и назначил на пост председателя своего сотрудника М. Ф. Левитина⁹. 25 декабря 1919 г. по приказу военкома 35-й дивизии И. М. Погодина был создан Щегловский уездный ревком во главе с ответственным организатором политотдела дивизии П. Н. Старостиным¹⁰.

Вместе с сотрудниками Сибревкома и политработниками в ревкомы губернских и уездных центров Западной Сибири, освобожденные Красной Армией, получили назначение руководители партизанского движения, коммунисты и бывшие советские работники, вышедшие из подполья и колчаковских тюрем. Так, 26 ноября 1919 г. член Реввоенсовета 5-й армии К. И. Грюнштейн образовал Татарский уездный ревком в составе бывшего командира партизанского отряда И. А. Сорокина (председатель) и местных советских работников — участников антиколчаковского подполья И. Е. Плюхина и Е. Я. Юрченко¹¹. 4 декабря 1919 г. был создан Барабинский уездный ревком во главе с одним из активных участников советского строительства в 1918 г. коммунистом П. Д. Бочкаревым. Вместе с ним в декабре 1919 — феврале 1920 г. в ревкоме работали местные коммунисты В. И. Бугаков (советский работник 1918 г.), И. Г. Веркутин (советский работник 1918 г., участник партизанского движения в 1919 г.) и Г. Сальников (командир партизанского отряда)¹². В ночь с 13 на 14 декабря в Новониколаевск вступили части Красной Армии, а 16 декабря прибыл временный председатель ревкома В. Ф. Дружицкий, который при содействии местной большевистской организации образовал ревком. По рекомендации общегородского собрания членов РКП(б) в него вошли местные подпольщики-

¹ Сибирский Революционный Комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925. Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959, с. 30.

² ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 70, л. 1, 6, 13, 20.

³ Там же, д. 251, л. 18; Омский губернский революционный комитет. (Обзор фонда). Омск, 1961, с. 19.

⁴ Сибревком, с. 31.

⁵ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 54, л. 25; д. 64, л. 53, 95; д. 227, л. 21, 49, 127.

⁶ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 2277а, л. 96.

⁷ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 23, 24; д. 2280, л. 2, 6; Елагин А. С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Алма-Ата, 1966, с. 99.

⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 2263, л. 68.

⁹ Сибревком, с. 36.

¹⁰ ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 2, л. 71.

¹¹ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 226, л. 28; «Советская Сибирь», Омск, 1920, 17 янв.

¹² ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 221, л. 73—77; оп. 2, д. 25, л. 2—6.

коммунисты Н. Г. Калашников, Д. Д. Киселев, М. Н. Рютин, Г. К. Соболевский и В. Ф. Тихомиров¹³. В декабре 1919—феврале 1920 г. вместе с сотрудниками политотдела 27-й дивизии в Мариинском уездревкоме в качестве его членов работали коммунисты Е. А. Маградзе, А. Н. Сафонова и А. К. Сорокин, освобожденные из белогвардейских застенков¹⁴. Вышедшие из подполья и колчаковских тюрем коммунисты и советские работники, руководители партизанского движения вошли также в Акмолинский, Атбасарский, Калачинский, Павлодарский, Щегловский уездные ревкомы.

* *

Как известно, в конце 1919—начале 1920 г. значительная часть территории Сибири находилась под контролем партизан. Во всех, за исключением Омска, губернских и многих уездных городах колчаковская администрация была либо свергнута, либо эвакуировалась еще до прихода Красной Армии. Образование ревкомов в таких случаях происходило иначе.

17 ноября 1919 г. белогвардейцы, боясь оказаться под совместными ударами Красной Армии и алтайских партизан, поспешно покинули Славгород. В тот же день по инициативе коммуниста М. Н. Кулика, бывшего в 1918 г. председателем славгородского Совета, местные рабочие создали военно-революционный штаб, который немедленно организовал охрану города и приступил к восстановлению советских учреждений. 19 ноября в Славгород вступил Златопольский отряд партизанской армии Е. М. Мамонтова. В соответствии с партизанской традицией началась подготовка к крестьянскому съезду Советов. Такой съезд, на котором присутствовали представители 32 волостей уезда, состоялся 26—27 ноября.

¹³ «Бюллетень Новониколаевского организационного бюро РКП(б)», 1919, 18, 19 дек.; Первый съезд председателей волревкомов Новониколаевского уезда Томской губ. 9—11 февраля 1920 г. в гор. Новониколаевске. Протоколы. Новониколаевск, 1920, с. 31.

¹⁴ ГАКО, ф. 606, оп. 1, д. 4, л. 2, 3; ф. 776, оп. 1, д. 3, л. 1; ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 123, л. 73.

По причине неполного представительства волостей на съезде был избран временный исполком Совета. В него вошли все члены штаба, 8 делегатов съезда, избранных от населения уезда, и 6 представителей от партизан. Но в таком составе исполком просуществовал недолго, поскольку оказался многочисленным и недостаточно работоспособным органом. Переименованный 28 ноября в военно-революционный штаб, он выделил из своего состава руководящий президиум. 5 декабря по указанию инструктора-организатора 26-й дивизии И. И. Лебедева на президиум штаба были возложены функции уездного ревкома¹⁵.

9 декабря 1919 г. белогвардейские власти бежали из Бийска. Сознывая безвыходность своего положения, колчаковский управляющий городом добровольно передал власть фрондировавшему начальнику гарнизона полковнику Киселеву. В тот же день Киселев совместно с представителями местных организаций меньшевиков и эсеров выпустил воззвание о созыве депутатского собрания от коллективов рабочих, служащих и общественных организаций. На созванном с большим трудом таком собрании задавали тон меньшевики и эсеры, работавшие в местной кооперации, и тем не менее оно беззастенчиво было названо «Советом рабочих и крестьянских депутатов». Исполком этого «Совета» назначил своих уполномоченных (преимущественно кооперативную верхушку) на ответственные государственные должности, а бывшего колчаковского офицера Шестакова утвердил военкомом гарнизона города¹⁶.

Мелкобуржуазный по своему составу исполком «Совета» просуществовал недолго. Остатки колчаковцев и монархически настроенные элементы вели подготовку контрреволюционного заговора с тем, чтобы восстановить «твердую» белогвардейскую власть. Но активно действовали и революционные силы. Бийские большевики создали боевой коммунистический отряд и вооруженную рабочую дружину, установили связь с находившимися

¹⁵ ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 207, л. 1—3; д. 228, л. 12; ф. 144, оп. 1, д. 4, л. 4; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 127, л. 13; ЦГАСА, ф. 218, оп. 1, д. 1, л. 301, 305; д. 17, л. 444, 445, 490—496.

¹⁶ ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 1, 2.

на территории уезда партизанскими отрядами. Поскольку Киселев и Шестаков не принимали мер для пресечения контрреволюционного переворота, большевики отстранили их от власти и арестовали. Для содействия коммунистам в предотвращении заговора в Бийск вошли партизаны. На состоявшемся 14 декабря объединенном заседании командиров партизанских отрядов и представителей городской организации РКП(б) был избран временный военно-революционный комитет в составе коммунистов А. И. Попова, В. Ф. Толмачева, В. А. Черных и других. На следующий день на совместном заседании временного военревкома и членов исполкома «Совета» последний сложил свои полномочия; власть в городе перешла к временному военревкому¹⁷.

16 декабря в Бийск вступили регулярные части Красной Армии. Требовалось организовать управление не только городом, но и уездом, поэтому 17 декабря на объединенном заседании временного военревкома и представителей местной организации большевиков военревком был преобразован в уездный ревком. В него вошли коммунисты В. И. Плетнев, А. И. Попов и В. А. Черных¹⁸.

9 декабря 1919 г., еще до прихода Красной Армии, белогвардейцы оставили также Усть-Каменогорск. Население города и окрестных сел сразу же приступило к созданию новых органов власти, избрав уездный ревком. К сожалению, большевистская организация Усть-Каменогорска, ослабленная колчаковскими репрессиями (в ее составе, по-видимому, было не более 10—13 чел.)¹⁹, не смогла оказать решающего влияния на создание ревкома. В итоге к руководству пришел беспартийный кооператор Лукашев, не занимавший твердой советской позиции. Не случайно сотрудники Усть-Каменогорского отдела управления, вспоминая позднее события этого времени, писали: «Первоначальная физиономия и работа уревкома были туманны»²⁰.

¹⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 1—6; «Известия Бийского военно-революционного комитета», 1919, 17 дек.

¹⁸ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹⁹ ПАСО, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 46, 47.

²⁰ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 27, л. 90 (См. также: ПАСО, ф. 2, оп. 1, д. 11, л. 1).

Когда в Семипалатинске упрочилась Советская власть, распоряжением областного ревкома²¹ был назначен новый Усть-Каменогорский уревком в составе коммунистов И. Ф. Ляпина (председатель), А. А. Александрова и И. Г. Малашкина (члены), рекомендованных Семипалатинской организацией РКП(б). 27 декабря 1919 г. они приняли полномочия от ранее существовавшего уревкома и приступили к выполнению возложенных на них обязанностей²².

17 декабря 1919 г. колчаковская власть пала в Киренске. На следующий день местное население образовало временный уездный исполком (в документах он иногда назывался ревкомом) во главе с беспартийным В. Г. Никольским. Временный исполком создал для охраны общественного порядка боевую добровольческую дружину, установил связь с партизанским отрядом Д. Е. Зверева и приступил к подготовке уездного съезда Советов. Киренский уездный съезд крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов открылся 21 января 1920 г. и работал до 14 февраля²³. Работой съезда руководили бывший политический ссыльный, большевик с 1903 г. Н. А. Алексеев, сочувствующие большевикам беспартийные А. С. Дмитриев и Н. Е. Тупицын. Съезд избрал уездный исполком Совета из 15 человек, который в свою очередь для руководства текущей работой создал большевистский президиум во главе с Н. А. Алексеевым. 29 марта по распоряжению вышестоящих советских органов президиум исполкома был наделен правами уездного ревкома²⁴.

Однако с точки зрения персонального состава далеко не все уездные органы власти, созданные населением после бегства колчаковской администрации, могли служить надежной основой для образования ревкомов.

²¹ Семипалатинский ревком существовал на правах губернского, но одно время (в конце 1919 — начале 1920 г.) именовался областным.

²² ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 12, л. 47; д. 18, л. 15.

²³ См.: ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 347, л. 1—40.

²⁴ Там же, л. 4, 31; д. 434, л. 34; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 248, л. 3; «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 28 янв. С фактической точки зрения неверно освещено образование Киренского уездного ревкома в монографии А. Г. Солодянкина. (См.: Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960, с. 108).

Непродолжительное время, к примеру, действовал первый состав Славгородского уревкома, созданного из местных рабочих и крестьян. Его члены не имели опыта советского строительства, плохо представляли первоочередные задачи ревкома и пути их решения. Инструктор-организатор политотдела 26-й дивизии И. И. Лебедев был вынужден реорганизовать ревком и возглавить его²⁵.

Некоторые уездные ревкомы Сибири возникли либо в белогвардейском тылу, на освобожденной партизанами территории, либо после соединения партизан с Красной Армией, но на базе уже существовавших в районах партизанского движения органов управления. В Минусинске, например, со времени его освобождения от колчаковцев партизанской армией А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина (сентябрь 1919 г.) действовали Совет партизанской армии, городской Совет, объединенный Совет рабочих, крестьянских и партизанских депутатов²⁶. 3 февраля 1920 г. на чрезвычайном совместном заседании этих Советов, а также совета профсоюзов города и представителей организации РКП(б) было постановлено считать высшим административно-хозяйственным органом Минусинского уезда объединенный исполком в составе 20 человек. На следующий день исполком «ввиду военного положения и необходимости принятия чрезвычайно решительных мер по установлению революционного порядка в уезде» решил передать всю полноту власти коммунистическому ревкому во главе с председателем партизанского армейского Совета Степно-Баджейского и Минусинского фронтов С. К. Сургуладзе и в составе членов Д. И. Бояринцева и Е. А. Глуших²⁷.

Первое время после освобождения Капского уезда от колчаковцев функции руководящего органа уезда неофициально выполнял армейский Совет Северо-Капского партизанского фронта. 17 января 1920 г. в соответствии с указанием политработников 27-й дивизии армейский Совет был расформирован, а вместо него образован временный уездный ревком во главе с быв-

²⁵ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 33, л. 5—15.

²⁶ Документы героической борьбы (1918—1920 гг.). Красноярск, 1959, с. 297—309.

²⁷ «Соха и молот», Минусинск, 1920, 8 февр.

шими командирами северокапских партизан В. Г. Яковенко и Е. К. Рудаковым, сочувствовавшими большевикам. На следующий день временный ревком официально объявил о роспуске всех ранее существовавших государственных и общественных учреждений и взятии власти в уезде в свои руки. 26 января сотрудник политотдела 30-й дивизии коммунист А. И. Мосолов реорганизовал временный ревком в постоянный; председателем ревкома остался В. Г. Яковенко, его заместителем стал А. И. Мосолов, членом — Г. Н. Бобылев, один из бывших партизанских руководителей, сочувствующий большевикам²⁸.

22 декабря 1919 г. в Верхоленском уезде провозгласил себя высшей властью военревком, созданный 1-м крестьянско-рабочим партизанским отрядом Верхоленского уезда²⁹. Председателем Верхоленского уездного военревкома стал беспартийный середняк, сторонник Советской власти Г. В. Пуляевский, а членами в разное время были коммунисты Г. Ф. Бетонов, И. Т. Житов³⁰, бывший политический ссыльный В. Л. Михайлов и несколько беспартийных, сочувствовавших Советской власти. С 31 января по 19 февраля 1920 г. в Качуге под руководством военревкома проходил чрезвычайный съезд крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов Верхоленского уезда³¹, избравший уездный исполком Совета в составе нескольких коммунистов и беспартийных. 25 февраля по распоряжению вышестоящих органов из членов исполкома Совета был создан Верхоленский уездный ревком под председательством В. Л. Михайлова, в ревком вошли также беспартийные М. В. Воробьев и Г. В. Пуляевский³².

Наделение партизанских органов власти, действовавших в уездном масштабе, функциями уездных ревкомов

²⁸ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 28, л. 3, 5; Документы героической борьбы, с. 312.

²⁹ Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (1918—1920 гг.). Сб. документов. Иркутск, 1959, с. 196.

³⁰ В воспоминаниях И. Т. Житова утверждается, что Верхоленский уездный военревком был образован 30 ноября 1919 г. (См.: Житов И. Т. Верхоленская быль.— В кн.: Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961, с. 148). К сожалению, документов, подтверждающих эти сведения, нами не обнаружено.

³¹ Протоколы съезда см.: ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 403, л. 188—237.

³² Там же, д. 343, л. 57, 87; д. 403, л. 217; д. 413, л. 2.

было в Сибири частым, но не повсеместным явлением. Случалось и так, что сохранить такую преемственность по разным причинам не представлялось возможным. Иногда к тому вынуждала политическая и организаторская неподготовленность лиц, входивших в органы управления, созданные в партизанских районах. В этом отношении можно считать характерным следующий пример.

В начале декабря 1919 г. алтайские партизаны освободили от белогвардейцев Змеиногорский уезд. На специально созванном съезде представителей от партизан, городского и сельского населения был избран временный уездный исполком Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Этот беспартийный по своему составу исполком приступил к созданию аппарата гражданского управления, провел мобилизацию граждан призывного возраста в ряды партизанской армии, начал заготовку продовольствия³³. Однако реальной властью в городе и уезде по существу являлся не исполком, а партизаны из 4-го корпуса М. В. Козыря, многие из которых под предлогом борьбы с контрреволюционными элементами стали заниматься мародерством и сведением личных счетов с населением. Исполком же не имел ни должного авторитета, ни необходимой силы, чтобы пресечь беззакония. В результате отношение населения уезда к Советской власти резко ухудшилось. Для установления твердого революционного порядка руководящие советские органы были вынуждены принять решительные меры. 9 января 1920 г. они постановили создать Змеиногорский уревком. На должности председателя и члена ревкома были соответственно назначены бывшие руководители Алтайского Краесовета коммунисты С. П. Лейнер и С. К. Мицкевич³⁴. 15 января, прибыв вместе с группой сотрудников в Змеиногорск, они взяли на себя управление уездом. В результате отношение населения к Советской власти улучшилось, а политическое положение уезда — нормализовалось³⁵.

³³ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 168, л. 33; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 8, 25; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 150, л. 1.

³⁴ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 10, л. 35, 40.

³⁵ Там же, д. 17, л. 8; д. 168, л. 33; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 25; д. 210, л. 127, 140.

Однако упразднение партизанских органов власти и назначение вместо них ревкомов из политработников Красной Армии и сотрудников вышестоящих ревкомов, как правило, коммунистов, в большинстве случаев было вызвано более глубокими причинами, обусловленными социально-политической неоднородностью партизанского движения и его руководящих органов. В советской исторической литературе доказано, что в период агонии колчаковского режима к партизанскому движению, рабоче-крестьянскому по своему социальному составу и советскому по политической направленности, стали примыкать различные временные попутчики, представители других социальных слоев, групп и политических партий, недовольные адмиральским правлением. Среди них особой активностью отличались эсеры, которые стремились занять руководящее положение в партизанских органах власти. «Ими,— докладывало в конце декабря 1919 г. И. Н. Смирнову походное отделение Сибревкома после ознакомления с обстановкой в Алтайской и Семипалатинской губерниях,— заполнена вся Сибирь, ими проникнуты все учреждения, партизанская армия, а также вновь создающиеся Советы»³⁶.

Едва ли можно безоговорочно согласиться с мнением руководителей походного отделения Сибревкома о масштабах внедрения эсеров в партизанскую среду, но суть происшедшего отражена ими правильно. Эсеры, а вслед за ними и представители других мелкобуржуазных партий, действительно стремились максимально проникнуть в руководящие партизанские органы, чтобы оказаться у власти и в дальнейшем использовать свое положение для борьбы против коммунистов. В свою очередь и руководящие советские органы Сибири не питали по этому поводу никаких иллюзий. Не случайно выше цитированный документ заканчивался правильным выводом о необходимости взять большевикам руководство восстановлением органов Советской власти в Сибири в свои руки³⁷.

³⁶ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 37, л. 455, 456.

³⁷ Там же.

В значительной части губернских и уездных центров Сибири Советская власть была восстановлена в результате совершившихся в колчаковском тылу вооруженных выступлений населения и солдат гарнизонов. В таких случаях ревкомы возникали либо как органы победоносного восстания, либо как непосредственные преемники повстанческих руководящих органов. Первым по времени произошло Семипалатинское восстание³⁸. Его непосредственная подготовка началась в ноябре 1919 г., когда для руководства антиколчаковским выступлением был создан специальный центр, в который входили коммунисты А. Е. Попов и М. Н. Соломоденко, социал-демократы-интернационалисты В. А. Курамжин и М. П. Усырев, «левый» эсер И. М. Иванов, беспартийные И. М. Баранюк, Д. Н. Бурмистров, В. К. Гаркунов, В. М. Гузев, Н. М. Козлов, М. Д. Кохов и другие. Военно-техническое руководство подготовкой и проведением восстания было возложено на командира 11-й роты 5-го сибирского кадрового полка штабс-капитана И. М. Баранюка.

Семипалатинское подполье только приступило к широкой антиколчаковской деятельности среди частей гарнизона и рабочих города, когда 30 ноября стало известно, что белогвардейцы намереваются уничтожить политических заключенных, содержащихся в арестантском доме и тюрьме. На экстренном заседании центра, созванном к концу того же дня, было принято решение начать восстание, чтобы спасти заключенных от расправы. Участники заседания сразу же разошлись по воинским частям, находившимся под влиянием революцион-

³⁸ В публикациях последних лет подготовка и проведение Семипалатинского восстания получили достаточно полное объективное освещение, поэтому мы не будем рассматривать этот вопрос специально, а отошлем читателя к работам П. М. Пахмурного и И. Ф. Плотникова. (См.: Пахмурный П. О руководстве антиколчаковским восстанием в Семипалатинске. — «Партийная жизнь в Казахстане», 1962, № 12; Он же. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата, 1965, с. 415—452; Плотников И. Ф. Героическое подполье. Большевицкое подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1968, с. 318—320).

ного подполья. Восстание началось около восьми часов вечера. Первыми выступили 3-я рота егерского батальона, автомобильная часть и отряд особого назначения. Внезапность выступления, верный выбор главных объектов нападения, решительность действий, переход на сторону повстанцев других воинских частей, поддержка, оказанная рабочими города, позволили быстро захватить центральные городские пункты — штаб 2-го отдельного сибирского корпуса, почту, радиостанцию, телеграф, тюрьму. Неоднократные контратаки анненковцев, колчаковских дружинников, казаков и пластунов не увенчались успехом. Семипалатинск оказался в руках восставших³⁹.

Военную победу над колчаковцами восставшие немедленно закрепили организационно. Утром 1 декабря 1919 г. они создали руководящий орган власти — Семипалатинский военно-революционный комитет, в состав которого вошли инициаторы и активные участники восстания И. М. Баранюк, Д. Н. Бурмистров, В. К. Гаркунов, В. М. Гузев, И. М. Иванов, Б. Калистратов, В. М. Куркин, М. Д. Кохов, В. А. Курамжин, А. Н. Морозов, А. Е. Попов, А. Ф. Рыбак, М. Н. Соломоденко, а также освобожденный из тюрьмы большевик С. Г. Гиршович (Григорьев)⁴⁰. Кроме того, при создании военревкома было решено выделить три места представителям Алаш-Орды и областного земства с правом решающего, а представителям уездного земства — с правом совещательного голоса. Для руководства военными делами из состава военревкома был выделен военревштаб, начальником которого стал И. М. Баранюк, а политическим комиссаром — С. Г. Гиршович (Григорьев). Организацию временных органов гражданской власти возложили на В. А. Курамжину, который 4 декабря официально был избран председателем военревкома⁴¹.

Активно готовил антиколчаковское вооруженное выступление Алтайский (Барнаульский) подпольный ко-

³⁹ «Степная правда», Семипалатинск, 1920, 1, 2 дек.

⁴⁰ В работах П. М. Пахмурного и И. Ф. Плотникова среди членов Семипалатинского военревкома называются также И. М. Козлов и М. П. Усырев. Однако протоколами заседаний и другими документами военревкома этот факт не подтверждается.

⁴¹ ПАСО, ф. 204, оп. 1, д. 151, л. 1, 2; «Степная правда», 1920, 2 дек., а также указанные работы П. М. Пахмурного и И. Ф. Плотникова.

митет РКП(б). Военный штаб большевиков в составе П. Г. Канцелярского, А. П. Елькина и П. Я. Новикова, отвечавший за подготовку восстания, установил связь с партизанской дивизией Ф. И. Архипова, широко развернул пропагандистскую работу среди белогвардейских солдат 3-го Барнаульского полка и железнодорожного батальона, приступил к вооружению комячек. Штаб разработал план освобождения губернского центра от белогвардейцев, в соответствии с которым антиколчаковское восстание должны были поддержать партизаны.

Энергичная деятельность большевиков содействовала укреплению их влияния и авторитета среди трудящегося населения города. Убедительным доказательством этого является, в частности, поведение «левых» и правых эсеров. «Левые» эсеры Барнаула, не имевшие собственной партийной организации, добровольно подчинились подпольному большевистскому комитету, а правые предложили «бить Колчака вместе».

В соответствии с планом восстания 9 декабря 1919 г. рабочие и распропагандированные большевиками солдаты железнодорожного батальона начали военные действия в черте города, а партизаны — в его окрестностях. Опасаясь окружения, белогвардейцы к вечеру этого дня оставили Барнаул⁴². После бегства колчаковцев коммунисты стали действовать открыто. Специальным приказом начальника военного штаба РКП(б) от 10 декабря 1919 г. вся полнота власти в городе и губернии передавалась временному военно-революционному комитету, назначенному большевистским комитетом в составе «левого» эсера Ю. И. Сандомирского (председатель) и коммунистов Ф. Д. Ильиных, А. А. Малиновского, А. П. Медведева, П. Г. Канцелярского, Л. А. Пардэ и Г. И. Чусова (члены). Военревком немедленно приступил к созданию органов гражданского управления, а штаб взял на себя руководство сбором оружия и охраной города⁴³.

⁴² ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 10, 73, 74; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 7; «Красный Алтай», Барнаул, 1920, 7 ноября; О-в В. Конец колчаковщины в Барнауле. (По материалам Алтгубистпарта). — «Алтайская деревня», 1924, № 2, с. 151—155.

⁴³ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 205, л. 1; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 73, 74; д. 117, л. 1; «Наша правда», Барнаул, 1919, 12 дек.

С августа 1919 г. начала подготовку к антиколчаковскому перевороту Томская подпольная организация РКП(б). Большевики предполагали приурочить выступление ко времени освобождения Красной Армией Новониколаевска. Для подготовки восстания коммунисты Томска совместно с организациями анархистов и «левых» эсеров, заявившими о признании Советской власти, создали коалиционный революционный штаб, руководство в котором принадлежало большевикам. Вскоре со штабом стали сотрудничать и меньшевики. Комитет РКП(б) и штаб доставали оружие, создавали вооруженные отряды, вели учет белогвардейских сил, установили связь со всеми заводами, каменноугольными копами, частями гарнизона, развернули там агитацию. Деятельность представителей всех партий, входивших в коалиционный штаб, дала положительные результаты. Даже «воткинцы» и «ижевцы», раньше являвшиеся опорой сибирской реакции, обещали в случае вооруженного восстания не оказывать сопротивления, если им будет гарантировано сохранение жизни⁴⁴.

Утром 16 декабря, когда стало известно о падении Новониколаевска, руководители Томской организации РКП(б) приняли решение взять власть в свои руки и образовали военно-революционный комитет в составе пяти коммунистов (Я. Д. Янсон — председатель, К. М. Молотов — товарищ председателя, Т. Д. Екишев, Я. Р. Елькович, Е. В. Лосевич — члены) и четырех представителей от анархистов, «левых» эсеров, меньшевиков и инициативного объединения эсеров. Коммунисты оставили за собой право персонального отвода из военревкома представителей других партий. Военно-техническая подготовка восстания была возложена на реорганизованный военно-революционный штаб, подчиненный военревкому⁴⁵.

К тому времени, несмотря на то, что в городе и его окрестностях дислоцировалась 1-я Сибирская армия генерала Пелеляева со штабом, насчитывавшая около

⁴⁴ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 15; оп. 3, д. 4, л. 18; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 499, л. 47; «Знамя революции», Томск, 1920, 22 февр.

⁴⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 15; «Знамя революции», 1919, 21 дек.; 1920, 22 февр., 7 ноября; Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). Сб. документальных материалов. Томск, 1957, с. 495—504.

30 тыс. штыков, в Томске создалась обстановка, достаточно благоприятная для проведения вооруженного восстания: белогвардейцы были деморализованы рядом сокрушительных поражений; солдаты отказывались воевать за Колчака; рабочие были полны революционного энтузиазма; к Томску стремительно приближалась Красная Армия.

Военревком и штаб почти сразу же открыто заявили о своем существовании: первый стал работать полулегально, второй — легально. Вечером 16 декабря военревком и штаб провели конференцию представителей частей гарнизона, которые единодушно поддержали предложение о переходе власти к военревкому. Через листовки и агитаторов военревком и штаб повели разъяснительную работу среди колчаковских солдат, склоняя их перейти на сторону Советской власти или занять нейтральную позицию, гарантируя личную неприкосновенность. В итоге в течение суток несколько полков и более мелких подразделений, в общей сложности насчитывавших около 15 тыс. штыков, подчинились военревкому. Однако перейти к активным действиям, фактическому захвату власти военревком не решался, опасаясь сопротивления отходивших с линии фронта белогвардейских частей. В ночь с 16 на 17 декабря один из перешедших на сторону военревкома полков без разрешения руководящих органов предпринял попытку задержать отступавших на восток егерей. Произошло вооруженное столкновение, приведшее к жертвам. Чтобы предотвратить стихийные и разрозненные действия, военревком выпустил листовки, в которых объявил о свержении колчаковской и утверждении Советской власти. Это быстро предопределило исход дела: остатки гарнизона дали согласие на переход в подчинение военревкома; контрреволюционные элементы покинули город, фактически не оказав сопротивления восставшим; колчаковская власть в Томске пала⁴⁶. Через день председатель Томского военревкома Я. Д. Янсон так характеризовал сложившуюся обстановку: «Настроение в городе прекрасное. Население ликует по поводу избавления от колчаковского гнета. Рабочие массами организуются

⁴⁶ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 18; «Знамя революции», 1920, 7 ноября; Борьба за власть Советов в Томской губернии, с. 495—504.

в боевые коммунистические отряды. Революционные части гарнизона двинуты в настоящее время против бегущих с фронта белогвардейских шаек»⁴⁷.

* *
*

В более сложной политической обстановке совершались антиколчаковские выступления и осуществлялось восстановление Советской власти в губернских и уездных центрах Восточной Сибири. С одной стороны, поражение, нанесенное Красной Армией белогвардейцам в Западной Сибири, резко ухудшило положение колчаковского режима. Кризис правящих «верхов» достиг небывалой силы, охватил новые круги. Диктатура контрреволюционной военщины настолько дискредитировала себя, что от нее стали отмежевываться даже иностранные союзники. С другой стороны, в этих условиях «социалистические» противники диктатуры пролетариата — мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров, породившие колчаковщину, — ухватились за идею «третьего пути», решили возродить «третью силу» как самостоятельное политическое течение, противостоящее диктатуре пролетариата. В некоторых городах, находившихся в колчаковском тылу, они попытались совершить перевороты, захватить власть в свои руки и тем самым упредить Красную Армию, создав на ее пути новый, «демократический» контрреволюционный заслон.

На первых порах соглашателям удалось достичь успеха в Красноярске, Иркутске, Нижне-Удинске и Черемхове, где движение возглавлял Политический центр — межпартийное объединение, состоявшее из меньшевиков, эсеров и примыкавших к ним земцев. Лидеры Политцентра свою ближайшую задачу видели в том, чтобы создать в Сибири и на Дальнем Востоке буржуазно-демократическое государство, способное остановить продвижение Красной Армии на восток страны⁴⁸. Такая позиция мелкобуржуазных партий значи-

⁴⁷ «Советская Сибирь», 1919, 25 дек.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 27; Стишов М. И. Большевикское подполье и партизанское движение в Сибири. М., 1962, с. 306—308.

тельно усложнила борьбу большевистского подполья и трудящихся Восточной Сибири за восстановление Советской власти, обусловила своеобразное возрождения здесь органов пролетарской государственности.

Первыми выступили красноярские соглашатели. Но их инициатива была, очевидно, не столько проявлением собственной силы и политической активности, сколько явилась следствием исключительного стечения обстоятельств. В середине декабря колчаковский управляющий Енисейской губернии П. С. Троицкий обратился к губернскому земству с предложением образовать особый совет из представителей общественных организаций. Трудно судить, какая цель при этом преследовалась — укрепить положение администрации Верховного правителя в Енисейской губернии или это был закамуфлированный призыв к меньшевикам и эсерам своевременно придти на смену колчаковской власти, чтобы не допустить восстановления Советов. Скорее всего, Троицкий намеревался упрочить колчаковские порядки, а второй вариант приберегал на случай неудачи. Антисоветская направленность обращения Троицкого, во всяком случае, не вызвала сомнения, что, кстати, понимало и руководство эсеровской организации Красноярска. Один из ее членов позднее писал, что в то время «все еще была надежда на возможность создания на западной границе Енисейской губернии некоторой вооруженной завесы, которая позволила бы вести с Красной Армией организованные переговоры о прекращении дальнейшего продвижения»⁴⁹.

В ответ на обращение управляющего губернией 21 декабря 1919 г. в Красноярске был создан городской комитет общественной безопасности, в который вошли представители ряда общественных организаций и гарнизона города. С прибытием представителей от уездного и волостного земства, настроенных преимущественно проэсеровски, 23 декабря городской комитет общественной безопасности был преобразован в губернский. Его возглавил президиум в составе председателя губернской земской управы Г. П. Сибирцева (народный социа-

⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 91.

лист), члена Всероссийского Учредительного собрания от Енисейской губернии Е. Е. Колосова (правый эсер), председателя Енисейского союза кооперативов П. М. Линицкого (меньшевик) и председателя совета профсоюзов И. Боровика⁵⁰.

Первое время события в Красноярске развивались в благоприятном для соглашателей направлении. 23 декабря 1919 г. командование войсками Енисейской губернии принял генерал-майор Зиневич, находившийся под влиянием лидеров земской оппозиции. По соглашению с земцами Зиневич написал открытое письмо Верховному правителю, в котором предложил Колчаку отказаться от власти в пользу земского собора⁵¹. Не ограничиваясь этой политической декларацией, Зиневич приказал управляющему губернией передать гражданское правление Енисейскому губернскому земству, что и было исполнено. 25 декабря власть перешла к уполномоченному Енисейского губернского земства кооператору А. Р. Шнейдеру. В тот же день губернский комитет общественных организаций принял решение считать себя вспомогательным органом при губземуправе⁵².

Возглавив руководство Енисейской губернией, красноярские организации соглашательских партий свою главную задачу видели в реализации программы Политцентра. Они приступили к собиранию сил, питая надежду на то, что «демократические начала» помогут им создать оборонительный заслон, который остановит Красную Армию⁵³. Вдохновители и исполнители антиколчаковского «переворота» стали усиленно апелиро-

⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 91, 92; «Народный голос», Красноярск, 1920, 1 янв.; «Свободный край», Иркутск, 1920, 21 янв.

⁵¹ Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово, 1968, с. 452.

⁵² «Народный голос», 1919, 26, 30 дек.; 1920, 1 янв. Следовательно, утверждение Г. А. Васильева о том, что «власть в губернии формально оказалась в руках комитета общественных организаций», нельзя признать правильным. (См.: Васильев Г. А. Борьба против «демократической» контрреволюции в период освобождения Красноярска от колчаковщины.— В кн.: Вопросы истории партийных организаций Сибири, вып. 1. (Тезисы докладов и сообщений на межвузовской научной конференции, посвященной 70-летию II съезда РСДРП). Красноярск, 1973, с. 94).

⁵³ «Народный голос», 1919, 28 дек.

вать к различным слоям населения. В своих речах они призывали встать на защиту «народовластия» и Учредительного собрания.

Создавшейся обстановкой, несмотря на арест в ноябре 1919 г. подпольного комитета, умело воспользовались красноярские большевики; они добились от новой военной и гражданской администрации освобождения политических заключенных, в том числе оставшихся в живых членов комитета РКП(б). Вышедшие из тюрьмы коммунисты совместно с находившимися на свободе образовали временный руководящий партийный центр — бюро (комитет) коммунистической организации, широко развернули политическую работу в массах, призывая их к борьбе за восстановление власти Советов. Многочисленные собрания и митинги, проходившие в те дни в Красноярске, превратились в арену острой идеологической борьбы между большевиками, с одной стороны, меньшевиками, эсерами и примыкавшими к ним более «правыми» — с другой. Как вышуждена была признать редактировавшаяся Е. Е. Колосовым газета «Народный голос», они явились «сплошной манифестацией в пользу Советской власти»⁵⁴. А близкая к колчаковскому режиму иркутская газета «Свободный край» не без злорадства информировала своих читателей: «На митингах в ж[елезно]д[орожных] мастерских новая власть не встретила сочувствия и поддержки, настроение рабочих было определено в пользу Советов. Идея Учредит[ельного] собрания, провозглашавшаяся Е. Е. Колосовым, была освистана, и, наоборот, громом аплодисментов был встречен возглас учительницы Малышевой: „Да здравствует диктатура пролетариата“»⁵⁵.

Благодаря коммунистической агитации, идея восстановления Советской власти становилась все популярнее. Учитывая настроение трудящихся города и солдат гарнизона, а также стремясь нейтрализовать растущее влияние коммунистов на массы, устроители антиколчаковского «переворота» сочли целесообразным взять на себя инициативу организации Совета депутатов. 30 декабря в помещении Союза торгово-промышленных служащих они провели объединенное совещание Краснояр-

⁵⁴ «Народный голос», 1919, 31 дек.

⁵⁵ «Свободный край», 1920, 21 янв.

ского совета профсоюзов, представителей от воинских частей, железнодорожных мастерских и других рабочих коллективов. Участники совещания высказались за создание Совета⁵⁶.

Первое заседание образованного по инициативе меньшевиков и эсеров Совета рабочих и солдатских депутатов состоялось 1 января 1920 г.; оно сразу же обнаружало резкое расхождение во взглядах между инициаторами создания этого Совета и значительной частью его депутатов. Если первые верноподданнически заверяли Зиневича в том, что Совет не намерен брать власть в свои руки и будет работать в контакте с существующей администрацией, то рядовые депутаты высказывали иное мнение. «Во всех речах,— признавала газета «Народный голос»,— красной нитью проходит одна мысль — власть Советам»⁵⁷.

Проведя необходимую идейно-политическую работу в массах в пользу восстановления Советской власти, руководство Красноярской подпольной организации своевременно поставило вопрос о средствах достижения этой цели. Причем красноярские подпольщики не только исходили из настроений городского населения и солдат гарнизона, но и учитывали соотношение местных сил, а также военно-политическую обстановку в Сибири. Было известно, что к городу приближались каратели капитана Сурова, получившие приказ Каппеля взять Красноярск и вырезать большевиков. Между тем земская власть не имела для защиты города ни реальной силы, ни достаточного авторитета, чтобы создать ее. Напротив, Зиневич, получив от командования Красной Армии ультиматум о безоговорочной капитуляции и убедившись в бесплодности попыток помешать восстановлению Советской власти, намеревался разоружить революционно настроенный гарнизон и сдать город каппелевцам. В этих условиях после некоторых колебаний руководство красноярского подполья приняло принципиальное решение о необходимости путем восстания взять власть в свои руки. Оно наметило ряд конкретных организационных и военно-технических мер, проведение которых должно было обеспечить успех и закрепить по-

⁵⁶ «Народный голос», 1920, 1, 3 янв.

⁵⁷ Там же, 3 янв.

беду восстания. Для руководства восстанием был создан военно-революционный штаб, на пост командующего войсками губернии вместо Зиневича назначен поручик Н. Н. Яковлев, образован временный орган Советской власти — военно-революционный комитет в составе коммунистов П. Г. Козлова (председатель), М. К. Вышковского, И. С. Фридмана (члены) и М. Ф. Позигуна (секретарь)⁵⁸.

Военревком обратился к населению с воззванием, в котором своей важнейшей задачей назвал всемерное содействие приближающейся Красной Армии. Председателю военревкома П. Г. Козлову удалось установить связь с военкомом 1-й бригады 30-й дивизии 5-й армии, который одобрил решение красноярских коммунистов о перевороте.

Заручившись поддержкой военкома Красной Армии, военревком разработал план и конкретные военно-оперативные директивы по осуществлению восстания. Командирам воинских частей, перешедших на сторону большевиков, была поставлена задача захватить военные склады и стратегические пункты города, предотвратить взрыв железнодорожного моста, электростанции и воспрепятствовать вывозу материальных ценностей, организовать защиту рабочих кварталов города от отступавших колчаковцев и не дать возможности прорваться им на восток. Частям гарнизона, признавшим Советскую власть, предписывалось явиться утром 4 января 1920 г. на Старо-Базарную площадь, где был назначен сбор вооруженных сил военревкома.

Выполняя эти указания, ранним утром 4 января на Старо-Базарную площадь в колоннах с развернутыми знаменами прибыли сначала 18-й железнодорожный охранный батальон, затем 31-й Сибирский и 4-й Енисейский стрелковые полки, отряд особого назначения и другие воинские части гарнизона. Здесь состоялась многотысячная вооруженная демонстрация, прошедшая под советскими лозунгами. В тот же день, выражая волю трудящихся города и солдат гарнизона, военревком

⁵⁸ «Народный голос», 1920, 6 янв.; «Красноярский рабочий», 1920, 29 янв.; *Документы героической борьбы*, с. 254—257; *Молчанов Н. В Красноярском подполье (1918—1919 гг.)*. — В кн.: *Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917—1920 гг.)*. Красноярск, 1957, с. 100.

объявил о взятии власти в свои руки, произвел арест Зиневича и его штаба, распустил эсерово-меньшевистский Совет, приступил к созданию боевых рабочих дружин и др.⁵⁹ Советская власть в Красноярске была восстановлена.

Аналогичные события, инспирированные Политцентром, развернулись в Иркутской губернии. В ночь с 20 на 21 декабря 1919 г. антиколчаковский переворот произошел в Черемхове. Его совершили проэсеровские настроенные офицеры, которые вручили власть уполномоченному Политцентра по Черемховскому уезду эсеру В. Н. Устюжанину⁶⁰. Черемховские шахтеры, находившиеся под влиянием большевиков, резко отрицательно отнеслись к установлению нового правления. Переворот, организованный сторонниками Политцентра, они называли «недоворотом» и требовали восстановления Советской власти. Пользуясь всемерной поддержкой рабочих и революционно настроенной части солдат гарнизона, черемховские большевики, руководимые Е. В. Бердниковой, К. И. Кнопинским, А. В. Померанцевой, Э. Радо и Ф. Патаки, к концу декабря создали собственный вооруженный отряд, насчитывавший несколько сотен человек, образовали рудничные комитеты и стали готовиться к организации Совета⁶¹. Фактическими хозяевами положения в Черемхове и уезде были большевики. Однако в обстановке угрозы городу со стороны отступавших колчаковцев они не сочли целесообразным брать власть в свои руки, а направили силы на защиту Черемхова от белогвардейцев⁶². В ответ на обращение уполномоченного Политцентра, призвавшего широкие слои насе-

⁵⁹ «Красноярский рабочий», 1921, 7 янв.; *Молчанов Н. Указ. соч.*, с. 100, 101.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 24—26; *Последние дни колчаковщины. Сб. документов*. М., 1926, с. 165—167.

⁶¹ «Сибирская правда», Иркутск, 1920, 13 янв.; *Иркутская партийная организация в восстановительный период (1920—1926 гг.)*. Документы и материалы. Иркутск, 1960, с. 58.

⁶² В воспоминаниях И. С. Пестуна, а также в некоторых научных публикациях сообщается, что созданный большевиками ревком 28 декабря 1919 г. восстановил в Черемхове Советскую власть. (См.: *Пестун И. С. В борьбе с контрреволюцией*. — В кн.: *Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний*. Иркутск, 1961, с. 174; *Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной*, с. 97). Сохранившиеся документы не подтверждают эти сведения.

ления отстоять город от колчаковцев, местные коммунисты направили своего представителя во временный ревком, созданный 3 января 1920 г. различными общественными организациями и возглавляемый проэсеровским президиумом в составе Ю. Д. Кичанова (председатель), В. П. Блюменсона, Г. П. Грачева и П. Н. Мачульского⁶³.

Лишь когда угроза городу со стороны колчаковцев миновала, черемховские коммунисты взяли власть в свои руки. Некоторое время функции руководящего органа выполнял уездный исполком Советов, а 13 февраля вместо него был образован ревком в составе коммунистов А. С. Иванова, Ф. Патаки и И. С. Пестуна, выдвинутых местной большевистской организацией. 25 февраля 1920 г. Иркутский губком РКП(б) утвердил Черемховский ревком в предложенном составе⁶⁴.

К середине декабря 1919 г. колчаковская власть пала в большинстве крупных центров Иркутской губернии: Балаганске, Бодайбо, Верхоленске, Илимске, Киренске, Тулуне. Губернский центр оказался буквально в кольце антиколчаковских восстаний. Поэтому, когда руководители Политцентра получили сведения об антиправительственных переворотах в Красноярске и Черемхове, организованных их сторонниками, они решили выступить и в Иркутске. 24 декабря Политцентр назначил командующим войсками, на которые он рассчитывал опереться, эсера, бывшего помощника командующего войсками Иркутского военного округа, а затем заведующего информационным отделением в армии Гайды капитана Н. С. Калашникова. Командующему поручалось поднять восстание в предместье Глазково, захватить левый берег Ангары, а также артиллерийские и провизантские склады на станции Батарейной. Выступление в предместье должно было поддержать дислоцировавшиеся в городе воинские части, находившиеся под влиянием Политцентра. Поздно вечером Н. С. Калашников и член Сибирского краевого комитета эсеров В. Н. Мерхалев прибыли в расположение 53-го полка, склонили его на свою сторо-

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 26; Последние дни колчаковщины, с. 167.

⁶⁴ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 147, л. 35, 45; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 45, л. 6.

ну, а затем с помощью солдат захватили железнодорожную станцию, разоружив стоявшие там эшелоны колчаковцев и семеновцев. Сторонники Политцентра захватили также станции Военный городок и Иннокентьевскую⁶⁵. Этими событиями начались военные действия в Иркутске, которые в конечном счете привели к устранению колчаковской администрации и приходу к власти Политцентра⁶⁶.

Не вдаваясь в подробности описания военных событий, отметим только один момент. Исход вооруженной борьбы между Политцентром и колчаковцами в Иркутске был решен в пользу первого только потому, что на главном участке — в Знаменском предместье его поддерживали руководимые большевиками силы: коммунистическая рабочая дружина, партизанские и беспартийные рабочие отряды. Как отмечал Иркутский губком РКП(б), коммунистическая рабочая дружина «составляла главную, самую революционную и боеспособную силу Политического центра. Все дело фронта и фактически его судьба были в наших руках»⁶⁶.

Участие большевиков в вооруженной борьбе против колчаковцев на стороне Политцентра явилось вынужденным; оно было обусловлено стечением ряда обстоятельств, среди которых немаловажное значение имело и то, что руководители Политцентра обещали Сибирскому подпольному комитету РКП(б) в случае победы восстания решить вопрос о форме будущей власти не в одностороннем порядке, самостоятельно, а путем референдума⁶⁷. Вынужденные временно координировать свои действия с Политцентром иркутские большевики в то же время не забывали о классовых интересах пролетариата и готовили почву для восстановления Советской власти.

Придя к власти, Политцентр, однако, нарушил обещание, данное большевикам. В особом манифесте он объявил, что первоочередной задачей своей деятельности считает создание Временного сибирского совета народного управления, которому будет передана вся полнота власти в Сибири на время до созыва Сибирского на-

⁶⁵ «Дело», Иркутск, 1920, 15 янв.

⁶⁶ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 1.

⁶⁷ Иркутская партийная организация в восстановительный период, с. 51.

родного собрания из представителей губернских и уездных земских собраний, крестьянских и казачьих слоев, городских самоуправлений и профессиональных рабочих объединений. Политцентр заявил, что предпримет «немедленные шаги к установлению перемирия на советском фронте» и начнет переговоры с Советской властью «на основе гарантирования самоуправления областей, освобожденных от реакции [и] не занятых армией Совета Народных Комиссаров»⁶⁸. Более откровенно о сути переговоров с Советской властью Политцентр высказался на своем заседании, состоявшемся 7 января 1920 г., постановив, что они «должны вестись на основе образования временного государства и прекращения продвижения советских войск»⁶⁹.

Напрасно было бы искать в многочисленных документах Политцентра, предназначенных для печати, правдивый ответ на вопрос, для чего он намеревался создать временное государство. Своими сокровенными мыслями на этот счет лидеры Политцентра делились только с ближайшими сподвижниками Верховного правителя и их иностранными покровителями. Так, на переговорах делегации Политцентра с колчаковским правительством, проходивших 2—3 января 1920 г. в присутствии представителей союзных держав, видный деятель Политцентра, член ЦК партии меньшевиков И. И. Ахматов официально заявил: «Мы предполагаем здесь образовать буферное государство, и демократическое правительство не покидает мысль о борьбе с большевизмом»⁷⁰. Таким образом, противодействие восстановлению Советской власти на востоке страны и борьба против Советской России стали главной задачей Политцентра.

Об этом же свидетельствуют и практические дела Политцентра. Он, например, не только не предпринял никаких шагов по ликвидации министерств и ведомств колчаковского правительства, эвакуированных в Иркутск, но даже пытался опереться на реакционные элементы в борьбе против большевиков. Такое поведение

⁶⁸ «Бюллетень информационного бюро Политического центра», Иркутск, 1920, 7 янв.

⁶⁹ ПАИО, ф. 300, оп. 1, д. 870, л. 5.

⁷⁰ Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930, с. 205.

Политцентра определило отношение к нему рабочих, партизан и революционно настроенных солдат, которые категорически потребовали устранить Политцентр и восстановить Советскую власть. Иркутский губпрофсовет, учитывая настроения профессионально организованных рабочих города, в резолюции по текущему моменту написал: «Единственно твердой, выражающей волю трудящихся, формой власти является Советская Конституция, осуществляющая диктатуру пролетариата и крестьянства»⁷¹.

Сибирский областной и Иркутский губернский подпольные комитеты РКП(б), большевистский Центральный штаб рабоче-крестьянских дружин понимали справедливость требований трудящихся, но в силу сложившейся международной обстановки (реальная угроза вмешательства белочехов и японцев в случае устранения Политцентра) считали провозглашение Советской власти преждевременным. Тактика большевиков состояла в том, чтобы, используя противоречия в лагере международной и внутренней контрреволюции, вместе с мелкобуржуазными партиями вести борьбу против колчаковцев и семеновцев, расчищая тем самым путь для восстановления Советской власти⁷².

Одновременно большевики приняли меры, направленные на увеличение численности своих рядов и вооруженных рабоче-крестьянских дружин, запись в которые с 7 января 1920 г. была открыта во всех районных комитетах РКП(б) Иркутска. Результаты не замедлили сказаться. Только в городе в большевистские дружины записывалось до 150 человек в день, а крестьяне окрестных сел обещали коммунистам оказать всемерную поддержку в борьбе с белогвардейцами⁷³. Быстро росла и численность Иркутской городской организации РКП(б). Издававшаяся меньшевиками и эсерами газета «Дело», которую никак нельзя заподозрить в симпатиях к большевикам, сообщала: «В бюро коммунистов ежедневно полно народу. Приходят в одиночку, являются группами с целью записи в партию. Ежедневная цифра вновь при-

⁷¹ «Газета Народно-революционной армии», Иркутск, 1920, 15 янв.

⁷² Иркутская партийная организация в восстановительный период, с. 61.

⁷³ «Сибирская правда», 1920, 14 янв.

нимаемых членов достигает сотен. Преобладающий элемент — рабочие»⁷⁴.

Со временем большевики все более убеждались, что дальнейшее сохранение власти в руках Политцентра является неоправданным. Политцентр не предпринял никаких эффективных мер для защиты Иркутска от колчаковцев и семеновцев, не противодействовал вмешательству в дела страны представителей союзных держав и Японии. «Компромиссная и соглашательская тактика Политического центра в отношении с союзниками, — говорилось в совместной декларации иркутских партийных и общественных организаций, стоявших на советской платформе, — не только не устраняет союзной интервенции, губительной для трудовых масс страны, но даже, наоборот, власть Политического центра превращается в одно из проявлений данной интервенции»⁷⁵. К тому же пассивность Политцентра в борьбе с белогвардейцами обрекала на бездействие вооруженные отряды большевиков. А это, в свою очередь, отрицательно сказывалось на их морально-политическом и боевом состоянии, грозило уменьшением численности и другими отрицательными явлениями⁷⁶.

Исходя из этого, 20 января 1920 г. иркутские коммунисты предложили Политцентру добровольно передать власть тем советским органам, которые будут созданы. Лидеры Политцентра, в принципе не возражая большевикам, в то же время пытались «облагоразумить» их, ссылаясь на неблагоприятную международную обстановку и доказывая преждевременность такого действия⁷⁷.

В тот же день объединенное заседание ЦК сибирских организаций РКП(б), Иркутского губкома РКП(б), Бюро сибирской группы «левых» эсеров-автономистов и Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин постановило созвать 25 января 1920 г. общее собрание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которому Политцентр обязан был передать власть «как

⁷⁴ «Дело», 1920, 16 янв.

⁷⁵ «Знамя борьбы», Иркутск, 1920, 24 янв.

⁷⁶ Иркутская партийная организация в восстановительный период, с. 60.

⁷⁷ Там же, с. 67—69.

единственному вполне выражающему волю массы политическому учреждению». Однако, принимая во внимание, что до созыва Совета контрреволюционные силы могут перейти в наступление, а Политцентр не в состоянии гарантировать сохранение завоеванных демократических свобод, участники заседания предложили Политцентру до образования Совета передать власть военно-революционному комитету, созданному из представителей организаций, стоящих на платформе Советской власти. Участники заседания также заявили, что военревком немедленно сложит свои полномочия, как только будет созван Совет⁷⁸.

21 января ЦК сибирских организаций РКП(б), Иркутский губком РКП(б), Бюро сибирской группы «левых» эсеров-автономистов и Центральный штаб рабоче-крестьянских дружин образовали военревком, в который вошли от ЦК — А. А. Ширямов и И. В. Сурнов, от губкома — Д. К. Чудинов, от Бюро — В. И. Литвинов, от штаба — А. Л. Сноскарев. Председателем военревкома стал А. А. Ширямов. Иркутский военревком немедленно издал приказ о переходе к нему всей полноты власти⁷⁹.

24 января, накануне созыва Иркутского городского Совета, Иркутский губком РКП(б) рассмотрел вопрос о целесообразности существования военревкома после образования Совета и его исполкома. Учтя, что Совету потребуется некоторое время для завершения организационного периода, а исполком Совета будет слишком громоздким аппаратом, к тому же его власть будет распространяться только на город, в силу чего он не сможет заменить военревком, обладающий полномочиями губернского органа, губком РКП(б) высказался за сохранение военревкома в связи с созданными исключительными обстоятельствами⁸⁰.

Как показали последующие события, постановление Иркутского губкома РКП(б) было правильным. Перед только что созданными органами Советской власти стояли исключительные по сложности и трудности зада-

⁷⁸ «Знамя борьбы», 1920, 24 янв.

⁷⁹ Там же; «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 24 янв.

⁸⁰ Иркутская партийная организация в восстановительный период, с. 77, 78.

чи: ликвидация министерств и ведомств колчаковского правительства, организация обороны Иркутска от колчаковцев и семеновцев, борьба с остатками контрреволюции в городе, урегулирование отношений с белочехами и др. Успешное решение этих задач во многом зависело от компетентности и оперативности руководства, которое наилучшим образом мог осуществить военревком.

Вечером 25 января открылось первое заседание Иркутского горсовета. В городской Совет оказались избранными 524 депутата, в подавляющем большинстве коммунисты (346 человек) и «левые» эсеры-автономисты (79 человек)⁸¹. Пленум горсовета создал руководящий орган — президиум исполкома в составе коммунистов Д. К. Чудинова (председатель) и К. В. Миронова и «левого» эсера М. А. Левенсона (члены). На втором пленуме горсовета, состоявшемся 26 января, с докладом о работе Иркутского военревкома выступил его председатель А. А. Ширямов. Пленум горсовета одобрил деятельность военревкома и признал целесообразным его дальнейшее существование как высшей распорядительной и исполнительной власти в губернии⁸². Таким образом, Иркутский меньшевистско-эсеровский Политцентр сошел с исторической сцены, уступив место созданным коммунистами и поддержавшими их «левыми» эсерами-автономистами советским органам — военревкому, городскому Совету и его исполкому.

28 января 1920 г. компетенция Иркутского военревкома была оформлена юридически. Военревком принял постановление, в соответствии с которым имел право в случае необходимости приостанавливать действие распоряжений Совета, которые не отвечали задачам укрепления диктатуры пролетариата⁸³. Такая централизация руководства в руках военревкома была объективно неизбежной и единственно правильной. Она ни в коей

⁸¹ В горсовет вошли также 25 меньшевиков, 16 правых эсеров, 5 анархистов, остальные депутаты были преимущественно беспартийными. (См.: Ширямов А. Борьба с колчаковщиной. — В кн.: Последние дни колчаковщины, с. 36).

⁸² «Красная Армия», Иркутск, 1920, 27 янв.; «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 28 янв.; «Знамя борьбы», 1920, 29 янв.

⁸³ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 107, л. 12.

мере не отстраняла Совет и его исполком от управления гражданскими делами в городе, а лишь подчиняла их действия решению главного в тех условиях вопроса — военного.

После того как сторонники Политцентра выступили сначала в Черемхове, а затем в Иркутске, антиколчаковский переворот произошёл и в Нижнеудинске. Эсер полковник Постников, воспользовавшись революционным настроением солдат гарнизона, передал власть земству. Земцы немедленно приступили к созданию местного органа государственного управления — так называемого политического бюро, в которое, кроме них, с правом решающего голоса вошли кооперативные деятели и три представителя от железнодорожных рабочих. Чтобы иметь исчерпывающую информацию о деятельности политбюро, местная подпольная организация большевиков ввела в него двух своих представителей с правом совещательного голоса (лишь при решении военных вопросов один из них обладал правом решающего голоса).

Оказавшись у власти, нижнеудинские земцы и кооператоры, эсеры по партийной принадлежности, напечатали два воззвания, в которых заявили о необходимости борьбы на два фронта: со стоящими «справа», т. е. колчаковцами, и со стоящими «слева», под которыми подразумевались большевики. Однако эсеровская «идея» о борьбе на два фронта не имела под собой реальной почвы. Единственной силой, на содействие которой могли рассчитывать земцы и кооператоры, были белочехи. Партизанские же отряды, действовавшие в окрестности, и местные железнодорожники поддерживали большевиков и сотрудничавших с ними социал-демократов-интернационалистов. Коммунисты, по существу, имели безраздельное влияние в гарнизоне. Как докладывал Иркутскому губкому РКП(б) секретарь Нижнеудинской партийной организации Ф. К. Некундэ, гарнизон находился в таком состоянии, что никому «без санкции представителя парткома не подчинялся»⁸⁴. Не случайно, что железнодорожники и представители военного гарнизона запретили политбюро распространение эсеровских воззваний, имевших открыто антисоветскую на-

⁸⁴ ПЛАО, ф. 1, оп. 1, д. 96, л. 11.

правленность. Однако, несмотря на сочувствие железнодорожников и солдат, коммунисты не считали возможным в тех условиях ликвидировать соглашательское политбюро, так как опасались, что его поддержат белочехи. Лишь после того как 8 января 1920 г. белочехи арестовали Колчака, поезд которого находился на станции Нижнеудинск, а конвой адмирала перешел на сторону местного гарнизона, большевики приняли решение отстранить политическое бюро от власти. Нижнеудинский комитет РКП(б) провел экстренное совещание, специально посвященное этому вопросу, вступил в переговоры с белочехами и добился их невмешательства в русские дела. В ночь с 10 на 11 января комитет РКП(б) образовал временный ревком, в который вошли 5 членов парткома и по 3 представителя от железнодорожников и солдат (9 коммунистов и 2 сочувствующих большевикам). Взяв власть в свои руки, ревком приступил к образованию советских органов в уезде.

До прихода Красной Армии деятельность Нижнеудинского ревкома протекала в трудных условиях. Сначала городу и станции угрожали отступающие колчаковцы, затем обострились отношения с белочехами, недовольными установлением советских порядков. До тех пор пока белочехи не оставили Нижнеудинск, ревком существовал полуполюгально. Лишь с прибытием в город частей Красной Армии обстановка нормализовалась. Политработники реорганизовали повстанческий орган власти, создав на его основе Нижнеудинский уездный ревком⁸⁵.

*
*

Состав губернских и уездных ревкомов, сформированных восставшими в колчаковском тылу рабочими и солдатами, не отличался стабильностью. С приходом Красной Армии и прибытием представителей вышестоящих советских органов он в большинстве случаев силь-

⁸⁵ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 96, л. 11; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 30 мая; Томские железнодорожники на путях к Советам. Воспоминания и очерки из истории союза железнодорожников на Томской ж. д. с 1905 по 1927 год. Томск, 1928, с. 76, 77.

но изменялся. Эти изменения вызывались как некоторыми общими для всех ревкомов, так и конкретными, характерными только для того или другого ревкома, обстоятельствами. Но чтобы выяснить главные причины, повлиявшие на изменение состава губернских и уездных ревкомов, созданных повстанцами в тылу Колчака, достаточно проанализировать обстановку, которая складывалась в наиболее крупных городских центрах Сибири после свержения в них колчаковской власти, и деятельность ревкомов в этих условиях.

Обратимся, например, к Семипалатинску. Сразу же после победы восстания в город начали прибывать части партизанской армии Е. М. Мамонтова: 3 декабря 1919 г. вступил 10-й полк во главе с коммунистом Я. К. Шумским, а на следующий день — отряды, которыми командовал М. В. Козырь. С приходом партизан Семипалатинский военревком постановил расширить свои полномочия и считать себя областным органом власти⁸⁶. Вспоминая через год события тех дней, а также о деятельности военревкома и штаба, В. А. Курамжин писал: «...Шла усиленная работа как военная, так и гражданская. Штаб очищал окрестности от шаяк и наступал на Семиречье, а нам (имеется в виду военревком — В. Ш.) приходилось думать о создании временного, впредь до связи с Советской Россией, известного революционного порядка»⁸⁷. Решая эту задачу, военревком назначил своих комиссаров во все государственные учреждения, приступил к подготовке выборов в Советы. Уже 7 декабря по инициативе В. А. Курамжина было созвано организационное собрание, специально посвященное обсуждению этого вопроса. На собрании В. А. Курамжин, указав на значительные трудности, препятствовавшие проведению выборов, предложил избрать временный Совет, «строго придерживаясь всех формальностей, чтобы потом выровнять его по директивам, полученным из Центра»⁸⁸. Через день на втором заседании оргсобрания по докладу В. А. Курамжина было вынесено постановление: «В кратчайший срок провести выборы в областной, городской, уездные и сельские Со-

⁸⁶ ПАСО, ф. 204, оп. 1, д. 151, л. 2.

⁸⁷ «Степная правда», 1920, 1 дек.

⁸⁸ «Знамя борьбы и труда», Семипалатинск, 1919, 13 дек.

веты рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов»⁸⁹.

Однако справиться с поставленной задачей — собственными силами установить твердый революционный порядок — Семипалатинский областной военревком и штаб не смогли. В городе и сельской местности значительная часть партизан начала так называемую «экспроприацию буржуазии», которая практически вылилась в грабеж части мирного населения и сорвала намеченные выборы в Советы.

По поводу этих событий и роли в них семипалатинских повстанческих органов власти исследователями высказаны различные точки зрения. Например, П. Ф. Запорожский правильно отметил, что в то время в Семипалатинске «настоящей Советской власти не было», по явно ошибочно отождествлял военревком и штаб с органами Временного правительства кануна Октябрьской революции⁹⁰. И. Б. Родичкин, акцентируя внимание на том, что во главе Семипалатинского военревкома и штаба не было коммунистов, тенденциозно характеризовал эти органы как эсеро-меньшевистские, контрреволюционные, проводил мысль, что до середины декабря 1919 г. в Семипалатинске существовало двоевластие (якобы контрреволюционный военревком и штаб, с одной стороны, коммунисты, находившиеся на полулегальном положении, — с другой)⁹¹.

Резкой и в основном справедливой критике эти взгляды были подвергнуты в работах П. М. Пахмурного, который высказал правильное мнение, что входившие в семипалатинские повстанческие органы беспартийные, социал-демократы-интернационалисты и «левые» эсеры являлись сторонниками Советской власти, что никакого полулегального положения коммунистов не было⁹². Вместе с тем с отдельными аргументами и выводами П. М. Пахмурного, на наш взгляд, нельзя согласиться. Так, не соответствуют действительности выводы о том, что коммунисты, не имея большинства в военревкоме и штабе, «обеспечили идейное руководство

и направленность всем ходом развертывавшегося советского строительства», что «никакого двоевластия в Семипалатинске не было... так как другой власти, помимо военно-революционного комитета и военно-революционного штаба, в городе не существовало»⁹³. Из текста монографии П. М. Пахмурного можно заключить, что ошибки и недостатки в деятельности военревкома и штаба (их содержание в книге не раскрывается) объясняются только неоднородным партийным составом этих органов. «Отдельные члены ВРК и ВРШ из левых эсеров и социал-демократов-интернационалистов пытались проташить свои взгляды и предложения, — пишет П. М. Пахмурный. — Но они встретили отпор коммунистов. Внутри этих органов шла борьба»⁹⁴. Фактов, подтверждающих процитированное положение, в монографии П. М. Пахмурного тем не менее не приводится и, по-видимому, не может быть приведено, поскольку тезис о разногласиях и борьбе внутри военревкома и штаба, выдвинутый П. М. Пахмурным, является надуманным.

Истинные причины, помешавшие Семипалатинскому военревкому упрочить революционный порядок, вернее обозначены в работах И. Ф. Плотникова, хотя и их автор не избежал отдельных фактических неточностей. В числе таких причин И. Ф. Плотников назвал, во-первых, пестрый партийный состав военревкома и отсутствие в нем достаточно сильной большевистской группы; во-вторых, груз идеологических пережитков, тяготевший над членами мелкобуржуазных партий, входивших в военревком; и, наконец, вмешательство в ход событий командира 4-го корпуса партизанской армии М. В. Козыря⁹⁵.

По нашему мнению, есть все основания считать, что последняя из выделенных И. Ф. Плотниковым причин на самом деле была главной. Об этом свидетельствуют следующие факты. Через несколько дней после прибытия в Семипалатинск Козырь специальным приказом по

⁸⁹ Там же, с. 52; Он же. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане, с. 439.

⁹⁰ Пахмурный П. М. Коммунистическая партия — организатор партизанского движения в Казахстане, с. 439.

⁹¹ Плотников И. Ф. Сибирское бюро ЦК РКП(б) и его отделение во главе большевистского подполья в тылу колчаковских войск. — В кн.: Из истории Уральских и Сибирских партийных организаций. Нижний Тагил, 1973, с. 36.

⁸⁹ «Знамя борьбы и труда», Семипалатинск, 1919, 17 дек.

⁹⁰ Запорожский П. Из истории Соввласти и РКП в Семипалатинской губернии. — «Коммунист», Семипалатинск, 1923, № 2, с. 115.

⁹¹ Родичкин И. Б. Незабываемые дни. Алма-Ата, 1958, с. 135—142.

⁹² Пахмурный П. О руководстве антиколчаковским восстанием в Семипалатинске, с. 50—52.

существо упразднил военревком и штаб. Вместо них Козырь учредил «Временную коллегию гражданских комиссаров», на которую официально возложил управление гражданскими делами. Коллегии вменялось в обязанность взять под контроль все колчаковские учреждения; ликвидировать те из них, которые «вредны для народа»; руководить и наблюдать за деятельностью органов власти, нужных для партизанской армии и гражданского населения; немедленно готовиться к организации Советов. Коллегии приказывалось обо всех своих действиях через газету информировать жителей.

Правомочия же, данные коллегии Козырем, были крайне ограниченными и явно не соответствовали возложенным на нее обязанностям. Во всяком случае, по-другому невозможно трактовать ту часть приказа, в которой определялись принципы работы коллегии. «Для полного согласования своей деятельности с моими приказами, — постановил Козырь, — "коллегия гражданских комиссаров" все главные вопросы текущей жизни области должна рассматривать посредством совместных заседаний, протоколы которых после моего в каждом отдельном случае утверждения получают законную силу на всей территории области. . .»⁹⁶.

Управление военными делами области Козырь сосредоточил в своих руках, превратив Семипалатинский военревштаб в штаб 4-го корпуса. Таким образом, декларация Козыря о том, что он принял на себя всю власть над областью, с которой начинался данный приказ, являлась верной в том смысле, что от управления отстранялись Семипалатинский военревком и штаб. Ошибка же заключалась в том, что в действительности властью на местах обладал не сам Козырь, а те, кто имел реальную силу. Как правило, это были командиры партизанских отрядов, количество которых по мере освобождения территории губернии от колчаковцев увеличивалось, тогда как идейно-политический уровень входивших в их состав партизан снижался. Объясняется это тем, что в партизанскую среду стали широко проникать случайные попутчики: белогвардейские дезертиры, деклассированные элементы и т. п. Они способствовали

⁹⁶ ПАСО, ф. 204, оп. 1, д. 151, л. 4; «Знамя борьбы и труда», 1919, 16 дек.

разложению партизанских рядов и распространению среди них настроений стихийного анархизма, свойственных мелкой буржуазии. В таких условиях действия Козыря объективно шли вразрез усилиям, направлявшимся на укрепление органов Советской власти на освобожденной от колчаковцев территории. Как докладывал в ноябре 1920 г. Семипалатинский губревком губернскому съезду Советов, при Козыре фактически «никакого управления не было и быть не могло, а было лишь проявление власти со стороны отдельных командиров различных полков, батальонов, отдельных самостоятельных отрядов и просто собравшихся кучек людей. . . От всего их правления веяло разнузданностью, произволом, грабежом, насилиями и другими явлениями в этом роде»⁹⁷.

Нет ничего удивительного в том, что когда 15 декабря 1919 г. в Семипалатинск прибыл уполномоченный походного отделения Сибревкома П. К. Голиков, которому было поручено руководить советским строительством в Семипалатинской губернии, он немедленно приступил к воссозданию органов гражданского управления. По заданию походного отделения Сибревкома П. К. Голиков образовал из находившихся в Семипалатинске лично ему известных активных участников борьбы за власть Советов в Сибири областной ревком в составе А. И. Бобры, И. А. Большакова (коммунисты) и Х. С. Скибы (беспартийный)⁹⁸. 16 декабря П. К. Голиков созвал совещание с участием руководителей Семипалатинского восстания, членов военревкома и штаба, которым разъяснил преждевременность образования в Сибири конституционных и необходимость чрезвычайных советских органов. П. К. Голиков предложил участникам совещания в целях сохранения преемственности между повстанческими органами и вновь созданным облревкомом дополнительно ввести в последний двух членов военревкома. Участники совещания согласились с предложением П. К. Голикова и донесли в облревком В. А. Курамжина и В. Е. Неворотова. Далее была

⁹⁷ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 27, л. 66.

⁹⁸ Там же, д. 7, л. 2; д. 29, л. 3, 6. Во всех известных нам воспоминаниях и публикациях указываются ошибочные сведения о личности Скибы. В действительности речь идет о Хрисанфе Степановиче Скибе, одном из руководителей алтайских партизан. Х. С. Скиба родился в 1893 г., 20 декабря 1919 г. вступил в РКП(б).

заслушана информация об Алаш-Орде. По рекомендации П. К. Голикова совещание приняло решение ходатайствовать перед центральными органами о введении двух представителей Алаш-Орды в облревком⁹⁹. В этот же день распоряжением походного отделения Сибревкома Семипалатинский облревком был утвержден. Председателем облревкома стал Х. С. Скиба, его заместителем — В. А. Курамжин, а А. И. Бобра, И. А. Большаков и В. Е. Неворотов — членами облревкома¹⁰⁰. 17 декабря Семипалатинский облревком в указанном составе приступил к работе.

После освобождения от колчаковцев Барнаула события в городе развивались почти в том же плане, что и в Семипалатинске. Утром 10 декабря 1919 г. в город вошли 1-й Алейский, 3-й Бутырский и 7-й «Красных орлов» партизанские полки. В середине этого же дня в здании городской управы для согласования работы органов новой власти с партизанскими руководителями военревком созвал совещание, на которое был приглашен командный и политический состав партизанских отрядов. На совещании обнаружилось стремление значительной части партизанских командиров, в своем большинстве беспартийных, рассматривать себя как высшую местную власть. Об этом свидетельствует выдвинутое ими требование ввести в состав военревкома 24 представителей от партизан. Высказывалась и еще более неприемлемая для большевиков точка зрения. Так, военком 1-го Алейского полка правый эсер Ф. Д. Плотников настаивал на создании коалиционного органа власти с участием представителей различных «социалистических» партий. Большинство партизанских командиров отвергло предложение Плотникова, высказавшись за Советскую власть во главе с коммунистами, однако и барнаульские большевики были вынуждены сделать уступку, дав согласие на увеличение состава военревкома на 12 человек¹⁰¹. В целях координации действий, корректно писала об этом решении газета

⁹⁹ ПАСО, ф. 204, оп. 1, д. 151, л. 3; «Знамя борьбы и труда», 1919, 19 дек.

¹⁰⁰ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 5, л. 1; д. 7, л. 3; «Знамя борьбы и труда», 1919, 18 дек.

¹⁰¹ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 10; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 7.

«Наша правда», орган Барнаульского комитета РКП(б), «единогласно было признано необходимым пополнить настоящий состав комитета представителями красного гарнизона»¹⁰².

Увеличение численности Барнаульского военревкома за счет партизанских представителей не содействовало повышению его работоспособности и авторитета, поскольку бывшие партизаны, вошедшие в военревком, по политическим и деловым качествам не соответствовали занимаемым должностям и не справлялись с возложенными на них обязанностями. Негативные последствия такого состояния высшего органа местной власти сказались сразу же. Анархически настроенные партизаны и примазавшиеся к ним уголовные элементы занялись мародерством. Революционный порядок в городе был подорван¹⁰³.

Положение в Барнауле было радикально исправлено, когда вместе с регулярными частями Красной Армии в город прибыло походное отделение Сибревкома. Его члены реорганизовали Барнаульский военревком в Алтайский губревком, в который вошли 2 представителя походного отделения Сибревкома (А. Кудельский и В. Эльцин) и 3 члена военревкома первого состава (А. А. Малиновский, Л. А. Папардэ и Г. И. Чусов). Руководство Алтайским губревкомом временно взял на себя В. Эльцин¹⁰⁴.

Учитывая сложности и трудности создания ревкомов на Алтае, обусловленные наличием там партизанской армии и ее органов власти, Сибревком признал необходимым поручить руководство советской работой в губернии своим сотрудникам, имевшим соответствующий опыт и способности. Еще до освобождения Барнаула от колчаковцев, 3 декабря 1919 г. Сибревком назначил председателем Алтайского губревкома В. В. Аристов, а 12—13 декабря — членами губревкома Е. К. Голубеву и А. А. Селезнева¹⁰⁵. В середине декабря В. В. Аристов, а в конце месяца Е. К. Голубева и А. А. Селезнев при-

¹⁰² «Наша правда», 1919, 12 дек. Несколько неточно эти события описаны в статье В. О-ва. (См.: О-в В. Указ. соч., с. 156).

¹⁰³ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 10; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 7.

¹⁰⁴ ГААК, ф. 9, оп. 2, д. 2, л. 32; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 228, л. 11.

¹⁰⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 69, 70; д. 2263, л. 71, 80; Сибревком, с. 31.

были в Барнаул. В. В. Аристов и А. А. Селезнев приступили к исполнению возложенных на них обязанностей, заменив сотрудников походного отделения Сибревкома, а Е. К. Голубевой губревком поручил инструктирование отделов здравоохранения и социального обеспечения¹⁰⁶.

Еще до освобождения Томска Сибревком, как и в случае с Барнаулом, заблаговременно (12 декабря 1919 г.) назначил одного из своих работников коммуниста Ф. А. Крылова членом Томского ревкома. В свою очередь, Реввоенсовет 5-й армии, зная о решении Сибревкома, дал указание военному совету 30-й дивизии выделить в помощь Ф. А. Крылову двух-трех политработников с тем, чтобы они стали членами Томского ревкома¹⁰⁷. 20 декабря 1919 г. в Томск вошел Уральский полк 30-й дивизии, а через несколько дней прибыли члены Реввоенсовета 5-й армии К. И. Грюнштейн, Ф. А. Крылов, а также сотрудники Сибоблбюро РКП(б) и Сибревкома, откомандированные в их распоряжение. 25 декабря на совместном заседании армейских политработников, сотрудников Сибоблбюро, Сибревкома и членов местного комитета РКП(б) был рассмотрен вопрос о составе Томского ревкома. При его обсуждении обнаружилось серьезное разногласие относительно принципов организации ревкома. Политработники Красной Армии, представители Сибоблбюро и Сибревкома выдвинули такие требования: во-первых, чтобы в ревком входили только большевики, во-вторых, чтобы он состоял из коммунистов, назначенных из Центра. Члены Томского комитета РКП(б), особенно Я. Д. Янсон, были против исключения из состава ревкома представителей тех партий, которые вместе с большевиками вели в подполье антиколчаковскую борьбу, и предлагали образовать ревком на базе существующего военревкома, увеличив в нем представительство томских большевиков¹⁰⁸.

¹⁰⁶ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 10, л. 20; оп. 2, д. 2, л. 32.

¹⁰⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2263, л. 80; ЦГАСА, ф. 1346, оп. 1, д. 173, л. 9; Крылов Ф. Воспоминания о партработе в Томске. — «Былое Сибири», Томск, 1923, № 2, с. 39.

¹⁰⁸ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 4; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 499, л. 35; «Знамя революции», 1919, 27 дек.

Такая позиция Томского комитета РКП(б) являлась с политической точки зрения глубоко ошибочной¹⁰⁹. Нельзя было не учитывать того, что местные организации мелкобуржуазных партий, представители которых входили в Томский военревком, проявляли колебания в вопросе о признании необходимости диктатуры пролетариата в России, отказывались безоговорочно поддерживать Советскую власть в ее борьбе против контрреволюции.

Показательно поведение томских меньшевиков. 19 декабря общегородское собрание членов этой партии отклонило резолюцию, призывавшую к перестройке экономики России на социалистических началах на том основании, что по этому вопросу отсутствовали руководящие указания ЦК РСДРП, а для самостоятельного принятия такого решения не имелось достаточных объективных данных. Первоначально принятая резолюция о всемерной поддержке Советской власти как «единственно революционной силы, ведущей активную борьбу с реакцией», после собрания была опротестована многими его участниками¹¹⁰.

Судя по всему, в данном случае дела томских меньшевиков не расходились со словами. Сошлемся на наблюдение одного коммуниста, который через неделю после антиколчаковского переворота в Томске писал: «Члены этой „рабочей“ партии тормозят работу советского строительства и хотят повернуть вспять шестые социальные революции. В этом — удивительное единогласие у меньшевиков, как застывших в своем развитии в Советской России, так и у побывавших под режимом Колчака»¹¹¹.

Еще дальше меньшевиков пошло инициативное объединение томских эсеров. 9 декабря 1919 г., накануне ан-

¹⁰⁹ Позднее в беседе с корреспондентом газеты «Известия Иркутского военно-революционного комитета» Я. Д. Янсон по существу признал, что в декабре 1919 г. он стоял на ошибочной точке зрения: «...Из опыта своей работы за последнее время в Сибири, — говорил он, — убедился, что Сибирь отстала от общего советского строительства, что местные работники Коммунистической партии не знают новых принципиальных позиций советских работников в отношении к другим партиям и т. д.» (См.: «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 15 февр.).

¹¹⁰ «Знамя революции», 1919, 21, 23 дек.

¹¹¹ Там же, 27 дек.

тиколчаковского переворота, оно распространило листовки, в которых изложило свою политическую платформу. Томские эсеры считали необходимым немедленно установить перемирие на Восточном фронте и прекратить гражданскую войну, созвать Учредительное собрание, создать «однородное социалистическое» правительство и предоставить Сибири автономию с правом образования собственного областного Учредительного собрания¹¹². После того как Томское антиколчаковское восстание одержало победу, 20 декабря эсеры издали листовку, в которой выразили свое отношение к Советской власти. Основываясь на постановлениях майского (1919 г.) Пленума ЦК партии социал-революционеров, они заявили о том, что будут занимать по отношению к Советской власти «лояльную оппозицию» и поддержат ее лишь постольку, поскольку, по их словам, этот «орган меньшинства демократии» не пойдет «вразрез с общепризнанными гражданскими свободами», «с основными требованиями демократии»¹¹³. А эти идеи (народовластие, Учредительное собрание, абстрактная свобода и т. п.), как показал опыт гражданской войны и на что обращал внимание В. И. Ленин в письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, и были как раз идеями, которые помогали буржуазии, Колчаку, Деникину, которые прикрывали «грязное и кровавое капиталистическое дело»¹¹⁴.

Томским большевикам — если не сразу после победы антиколчаковского восстания, поскольку существовала угроза контрпереворота, то после вступления в город частей регулярной Красной Армии — следовало решительно расторгнуть соглашение о коалиции с местными меньшевиками и эсерами. Такая коалиция была возможна в период подготовки и проведения вооруженного восстания, но являлась недопустимой в условиях Советской власти. В новой обстановке, когда идеология и практика этих мелкобуржуазных партий подрывали основы пролетарской диктатуры, временный компромисс, на который пошли томские большевики, грозил перерас-

¹¹² ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 23, л. 28, 80; «Путь борьбы», Томск, 1923, вып. 1, с. 14, 15.

¹¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 23, л. 79; «Знамя революции», 1919, 27 дек.

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 156, 157.

ти в идейное соглашательство, в крупную политическую ошибку.

Выполняя постановления Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии, участники совещания приняли решение о роспуске военревкома и образовании ревком в составе коммунистов, назначенных Сибревкомом и Реввоенсоветом 5-й армии. Председателем Томского ревкома временно стал старый большевик, политработник В. П. Шумкин, человек, которого, по свидетельству Р. М. Азарх, считали «совестью 5-й армии»¹¹⁵, а членами — А. А. Карлов и Ф. А. Крылов¹¹⁶.

Так же заранее (5 января 1920 г.), когда в окрестностях Красноярска еще шли бои, Сибревком принял решение о назначении председателем Енисейского (Красноярского) губревкома одного из ответственных сотрудников Сибревкома коммуниста А. П. Спундэ. Позднее по рекомендации Сибоблбюро РКП(б) Сибревком утвердил членами губревкома политработника В. Ф. Дружицкого и одного из руководителей большевистского подполья Сибири Д. П. Долбежкина¹¹⁷.

7 января 1920 г. в Красноярск вступил 269-й Белорецкий полк 30-й дивизии 5-й армии. Поскольку члены Енисейского губревкома, назначенные Сибревкомом, в город еще не прибыли, вечером 8 января на совместном собрании красноярских коммунистов и политотдела 30-й дивизии был образован временный губернский военревком. Его председателем стал рекомендованный местной организацией РКП(б) П. Г. Козлов, ранее возглавлявший Красноярский военревком, товарищем председателя и членом — соответственно сотрудники политотдела 30-й дивизии А. Г. Ильин и А. И. Мосолов¹¹⁸. Временный губвоенревком действовал до 15 января 1920 г., а затем передал полномочия прибывшему из Центра губревкому во главе с А. П. Спундэ.

В начале февраля 1920 г. для оказания помощи Иркутским коммунистам в укреплении органов Советской власти Сибревком направил в Иркутск группу своих сотрудников во главе с В. Д. Виленским и Я. Д. Янсо-

¹¹⁵ Азарх Р. М. У великих истоков. М., 1967, с. 137.

¹¹⁶ «Знамя революции», 1919, 27, 28 дек.

¹¹⁷ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 7; Сибревком, с. 36.

¹¹⁸ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 157, л. 82; «Красноярский рабочий», 1920, 11 янв.

ном¹¹⁹. Сибревком поручил Я. Д. Янсону реорганизовать Иркутский военревком в губернский ревком и выдал ему мандат на должность председателя губревкома. Учитывая заслуги иркутских коммунистов в борьбе с контрреволюцией, местному губкому РКП(б) было предоставлено право выдвинуть двух кандидатов в члены губревкома. 13 февраля Иркутский губком партии с участием сотрудников Сибревкома обсудил вопрос об организации и персональном составе губревкома. Губком принял директивы Сибревкома к исполнению и рекомендовал назначить членами губревкома А. А. Ширямова и А. Я. Флюкова¹²⁰.

Поскольку в Иркутске кроме губревкома имелись горсовет и его исполком, 15 февраля губком РКП(б) рассмотрел вопрос о целесообразности их существования. Губком решил горсовет сохранить, а функции исполкома в целях централизации исполнительной власти на период пребывания Иркутска в прифронтовой полосе передать губревкому¹²¹. На следующий день это решение было проведено в жизнь. По рекомендации губкома РКП(б) пленум горсовета временно распустил свой исполком, а всю полноту власти в губернии возложил на губревком¹²². В тот же день Сибревком утвердил членами Иркутского губревкома А. А. Ширямова и А. Я. Флюкова, предложенных местным губкомом РКП(б)¹²³.

Изложенные выше факты позволяют утверждать, что в большинстве губернских и почти половине уездных центров Сибири ревкомы возникли не по приказу свыше, а образовались в белогвардейском тылу как органы вооруженного восстания и борьбы против контрреволюции. Их создание, в чем принимали участие и предста-

вители некоторых мелкобуржуазных партий, убедительно свидетельствует о том, что в принципе ревкомы являлись не искусственным политическим образованием, а были вызваны к жизни острой классовой борьбой.

В последующем с приходом политработников Красной Армии, представителей вышестоящих партийных и советских учреждений повстанческо-партизанские губернские и уездные органы власти, как правило, преобразовывались. Реорганизация губернских и уездных ревкомов, созданных повстанцами и партизанами, вызывалась не принципиальной неприемлемостью их как формы государственной власти, а была обусловлена преимущественно слабым составом: недостаточной подготовкой некоторых членов ревкомов для руководящей советской работы, наличием представителей мелкобуржуазных партий, проявлявших колебания в вопросе о признании диктатуры пролетариата, пытавшихся возродить в Сибири «третью силу».

Создание в губернских и уездных центрах Сибири чрезвычайных, а не конституционных органов Советской власти объяснялось не только трудностями организационного порядка (невозможность в короткий срок подготовить и провести выборы в Советы и исполкомы), хотя, конечно, сказалось и это обстоятельство. Главные причины заключались в другом. Вся обстановка, существовавшая в Сибири, требовала, чтобы губернские и уездные органы Советской власти обладали широкими полномочиями, состояли из немногих, но компетентных и авторитетных людей, способных оперативно, последовательно и умело проводить в жизнь политику Советской власти.

С самого начала председателями и членами многих губернских и уездных ревкомов Сибири стали активные участники Октябрьской революции, политработники Красной Армии, руководители антиколчаковского подполья и партизанского движения. Большинство из них были коммунистами, сочувствующими РКП(б) или преданными Советской власти беспартийными.

Со временем состав губернских и уездных ревкомов Сибири качественно улучшился. Председателями и членами многих ревкомов были назначены ответственные партийно-советские сотрудники, откомандированные

¹¹⁹ В январе 1920 г. Я. Д. Янсон был отозван из Томска в Омск в распоряжение Сибоблбюро РКП(б) и Сибревкома, ознакомлен с основными руководящими решениями по вопросам партийного и советского строительства, что позволило ему изжить ошибочные представления.

¹²⁰ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 62, 63.

¹²¹ Там же, л. 68.

¹²² ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 77, л. 37; «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 18 февр.

¹²³ Сибревком, с. 41.

в Сибирь по указанию ЦК РКП(б), демобилизованные из Красной Армии политработники, местные коммунисты, более подготовленные для руководящей работы. Так, на укрепление Алтайского губревкома была направлена группа коммунистов во главе с председателем Петроградского губисполкома членом РКП(б) с 1911 г. П. Л. Пахомовым, который был назначен сначала заместителем председателя, затем — председателем губревкома. Для работы в Сибири ЦК РКП(б) командировал председателя Владимирского губисполкома большевика с 1905 г. И. А. Завадского и члена исполкома Московского Совета коммуниста с 1904 г. Я. М. Познанского. И. А. Завадскому поручили возглавить сначала Семипалатинский, затем — Енисейский губревком, а Я. М. Познанский стал руководить Томским губревкомом. Кроме упомянутых раньше председателями губревкомов Сибири в разное время работали А. И. Окулов (Красноярск), И. Д. Панафидин и М. Ф. Левитин (Семипалатинск), А. Д. Шнейдер (Иркутск), Б. З. Шумяцкий (Томск), заместителями председателей губревкомов являлись И. Д. Апасов, С. Ф. Баранов и А. А. Ширямов (Омск), И. А. Большаков, А. В. Самсонов (Семипалатинск), А. И. Беленец (Томск), а членами губревкомов состояли Ю. А. Аймаутов, А. И. Богданов, А. А. Ермек, Ж. Т. Тюленев (Семипалатинск), В. Л. Букатый, И. М. Касаткин, С. Г. Чудновский (Иркутск), П. К. Голников, Ф. Е. Орлов, М. И. Сумецкий (Томск), Л. Е. Гольдич, В. О. Илютович, А. А. Карлов, И. С. Коношенков, И. М. Скрябинский (Омск), А. С. Каганович, М. Ф. Позигун (Красноярск), Ф. И. Архипов и А. Г. Тиман (Барнаул).

Улучшению качественного состава губернских и уездных ревкомов во многом способствовала унификация порядка назначения их членов: либо по распоряжению вышестоящих партийных или советских органов, либо по постановлению местного руководящего партийного органа с последующим утверждением вышестоящими партийно-советскими инстанциями. В результате уже весной 1920 г. все губернские и подавляющее большинство уездных ревкомов Сибири состояли из коммунистов, обладавших, как правило, должным уровнем политической и организаторской подготовки.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ

Обстановка, в которой начиналась и протекала деятельность губернских и уездных ревкомов Сибири, значительно различалась. Тем не менее общие задачи, возникшие перед органами Советской власти в Сибири по мере ее освобождения от колчаковцев, обусловили совпадение главных, основных направлений их работы.

В центре внимания губернских и уездных ревкомов с первого и до последнего дня их существования находились организация и совершенствование советского исполнительного аппарата: отделов и более мелких подразделений. Как можно судить по структуре ревкомов, с самого начала губернские и уездные советские исполнительные аппараты создавались таким образом, чтобы охватить все сферы общественно-политической и хозяйственной жизни. Правда, первое время из-за отсутствия руководящих указаний структура ревкомов не являлась единообразной: некоторые отделы отсутствовали и, напротив, на правах отделов существовали органы, потребность в которых не вызывалась объективной обстановкой; отделы, выполнявшие одинаковые функции, имели разные наименования и т. п.

Такое состояние губернского и уездного исполнительного аппарата затрудняло руководство им, поэтому 29 января 1920 г. отдел управления Сибревкома дал указание унифицировать структуру ревкомов. Всем ревкомам вменялось в обязанность создавать отделы по типу исполкомов Советов. Губревкомы должны были иметь 15 отделов: управления, юстиции, военный, труда и социального обеспечения, народного образования, почт и телеграфа, финансов, земледелия, продовольствия, государственного контроля, народного хозяйства, здравоохранения, статистики, ЧК и коммунальный. При уездных ревкомах разрешалось создавать те же отделы, кроме ЧК, юстиции, почт и телеграфа¹²⁴.

Формирование отделов ревкомов начиналось с назначения их заведующих. В большинстве случаев заведующими губернскими отделами назначались коммунисты, пришедшие с Красной Армией, работавшие в подполье,

¹²⁴ Сибревком, с. 37.

освобожденные из колчаковских тюрем или принимавшие участие в партизанском движении. Так, первыми заведующими отделами Омского ревкома стали коммунисты М. Н. Байков, Ф. С. Бондарь-Диброво, А. Г. Гойхбарг, В. П. Дашкевич, Д. П. Долбежкин, Ф. К. Ивин, П. Г. Кринкин, Н. Мальцев, О. Ю. Плич, С. Г. Уралов; Алтайского — Х. Д. Грансберг, А. П. Елькин, Г. С. Корняков, П. П. Кузнецов, Л. А. Папардэ, М. А. Плюснин, Г. И. Чусов, А. М. Шалаев, Г. М. Шергов; Енисейского — М. К. Вышковский, С. Б. Гордин, П. Г. Козлов, А. И. Мосолов, С. Г. Лесин, А. И. Финковский, Л. Ю. Цена; Иркутского — С. И. Агеев, Ф. Н. Петров, В. В. Рябинов, Н. К. Сенотрусов, А. Л. Сноскарев, И. В. Сурнов, Д. К. Чудинов, С. Г. Чудновский, Я. Б. Шумяцкий и другие.

Однако из-за малочисленности местных организаций РКП(б), отсутствия в их рядах людей, способных возглавить отдельные направления работы, первое время на руководящие должности назначались члены мелкобуржуазных партий, принимавшие участие в борьбе против колчаковцев, а также политически благонадежные специалисты. Например, заведующими отделами Омского губревкома стали социал-демократы-интернационалисты В. П. Балнев, М. Н. Белкин, Ф. А. Березовский, П. И. Загорский, В. И. Петухов; Семипалатинского — эсер Н. И. Булах, «левый» эсер В. М. Попов; Алтайского — «левые» эсеры Н. И. Мелков, Ю. И. Сандомирский, меньшевик-интернационалист А. М. Рассолов; Иркутского — «левый» эсер В. И. Литвинов и другие¹²⁵.

Сибревком и его отделы, губернские бюро (комитеты) РКП(б) приняли меры по улучшению качественного состава заведующих отделами губревкомов. Для работы в губернские отделы управления были направлены коммунисты И. Д. Апасов, Ф. И. Архипов, Я. М. Банкович, А. И. Беленец, Ф. Н. Белослюдов, И. А. Большаков, В. Л. Букатый, В. О. Илютович, Ф. Е. Орлов, Г. К. Соболевский, А. Я. Флюков; в военные комиссариаты — М. И. Атрашкевич, П. М. Кухтин, В. Певзнер, К. А. Петерсон, В. И. Репин, П. М. Хрусталева; в чрезвычайные

¹²⁵ В начале 1920 г. все социал-демократы-интернационалисты и большинство «левых» эсеров Сибири вступили в РКП(б).

чайные комиссии по борьбе с контрреволюцией — М. Д. Берман, С. П. Громов, В. П. Гузаков, И. И. Карклин, Н. Х. Молчанов, В. Ф. Туунов, Х. П. Щербак, А. В. Шишков, в продовольственные комитеты — П. Ф. Верин, Д. Е. Гольман, К. А. Денисов, А. С. Каганович, Б. И. Монастырский, В. Е. Неворотов, М. С. Степенский; в советы народного хозяйства — С. А. Дитман, Б. Г. Закс, Н. Г. Калашников, Я. П. Подольский, А. Л. Селезнев, Я. С. Щербинин; в отделы юстиции — А. М. Зильберман, М. А. Готлиб, В. И. Локуцкий, С. Я. Наркевич, В. Е. Опарин, И. Д. Панафидин; в земельные отделы — Н. В. Банников, М. Н. Ербанов, В. И. Жилин, И. Е. Кантышев, А. Я. Каулин, И. В. Сурнов; в отделы народного образования — Г. Ф. Бетонов, В. Ф. Дружницкий, В. П. Егоршин, П. Ф. Запорожский, М. Е. Золотарев, М. П. Клейнштейн, К. М. Молотов и другие. Благодаря советским сотрудникам, присланным из центральных районов страны, демобилизованным из Красной Армии политработникам, содействию со стороны местных организаций РКП(б), руководство отделами губернских и крупных уездных ревкомов в короткий срок, за редчайшим исключением, было сосредоточено в руках коммунистов, обладавших необходимой теоретической и практической подготовкой.

Значительно труднее решался вопрос о подборе руководящих кадров для ревкомов большинства уездных центров, где на первых порах количество коммунистов исчислялось единицами, а политически благонадежных квалифицированных специалистов не было. В Щегловске, например, ко времени восстановления Советской власти имелось лишь семь членов РКП(б). Политработник 5-й армии П. И. Старостин, назначенный председателем местного уездного ревкома, позднее отмечал, что где бы ему ни приходилось работать, такого острого недостатка в партийных и советских сотрудниках, как в Щегловске, он нигде не встречал¹²⁶. Суммируя сведения, полученные от политработников, начальник политотдела 5-й армии Е. А. Литкенс в апреле 1920 г. писал: «Нужда в работниках на местах громадна. Нужны тысячи действительно преданных, испытанных товарищей, которым можно было бы поручить проведение

¹²⁶ ГАРМ, ф. 1, оп. 2, д. 21а, л. 20.

всех постановлений, распоряжений и декретов Центра...»¹²⁷

В результате заведующими некоторыми отделами уездревкомов были назначены люди, по своим политическим и деловым качествам не соответствовавшие занимаемым должностям. Например, заведующим Атбасарским уездным экономическим отделом стал бывший царский полицейский, финансовым отделом — сотрудник колчаковской милиции, отделом здравоохранения — редактор местной колчаковской газеты¹²⁸. Атбасарский уездревком, информируя об этом Омский губревком, писал, что они — «бывшие контрреволюционеры, но работают под контролем членов ревкома более или менее сносно, заменить [их] своими [людьми] за неимением работников нет возможности»¹²⁹. И. А. Большаков и Х. С. Скиба, обследовав во второй половине января 1920 г. состояние Зайсанского и Усть-Каменогорского ревкомов, пришли к выводу, что заведующие отделами первого, за исключением пяти человек, — «далеко не отвечают своему назначению», а второго, за исключением руководителей отдела народного образования и финансов, — «слабы и требуют если не замещения, то во всяком случае основательного инструктирования»¹³⁰. «Главная и основная причина всех дефектов в работе наших советских учреждений заключается в том, — докладывал председатель Щегловского уездревкома П. Н. Старостин, — что подавляющее большинство наших советских работников вплоть до заведующих отделами — люди без всякого политического кругозора и развития»¹³¹. До самой осени 1920 г. неудовлетворительным с политической точки зрения, эсеро-меньшевистским, оставался руководящий состав ряда отделов Верхленского и Киренского уездревкомов¹³². Слабый или неудовлетворительный состав заведующих отделами некоторых уездревкомов, в свою очередь, во многом явился причиной того, что

¹²⁷ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 106, л. 106.

¹²⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25а, л. 89, 90.

¹²⁹ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 227, л. 49.

¹³⁰ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 18, л. 313, 314.

¹³¹ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 21а, л. 20.

¹³² ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 413, л. 3, 10; д. 434, л. 44; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 138, л. 21.

возлагавшиеся на них в дальнейшем мероприятия не всегда выполнялись полностью и в срок.

По поручению губернских и уездных ревкомов заведующие отделами приступили к ликвидации органов колчаковской власти и к формированию кадров советских сотрудников. Как правильно считает Г. Г. Пензин, решение первой части этой задачи во многом облегчалось благодаря тому, что колчаковский государственный аппарат утратил социально-политическую опору в населении Сибири, был парализован и даже частично разрушен в районах партизанского движения. Однако следует возразить против преувеличения масштабов и глубины этого процесса, имеющих, на наш взгляд, в работах названного исследователя. «Разрушение аппарата власти, потерявшая социальную и политическую основы, — пишет Г. Г. Пензин, — было беспрецедентным — старая администрация покидала посты и бежала вместе с войсками белогвардейцев и интервентов»¹³³.

Мы считаем, что данный вывод в значительной мере не отвечает действительности. Это произошло потому, что Г. Г. Пензин изучил поведение не всего, а лишь части колчаковского государственного аппарата — правительственных и карательных учреждений. Построенные на ограниченном и к тому же столь специфическом материале выводы исследователь неправомерно абсолютизировал и произвольно перенес на всю систему колчаковской власти. Однако эти выводы вызывают возражение даже применительно к центральному и карательному аппарату колчаковщины. Как известно, значительная часть первого была заблаговременно эвакуирована из Омска в Иркутск, где пыталась вновь приступить к работе. Что же касается таких карательных учреждений, как органы военного контроля, разведки и контрразведки, то они также в основном не бежали, а эвакуировались, почти повсеместно оставляя для борьбы с Советской властью квалифицированные офицерские кадры, оружие, денежные средства¹³⁴.

¹³³ Пензин Г. Г. Некоторые вопросы формирования советского государственного аппарата в Сибири (конец 1919—1920 г.). — «Науч. труды Новосиб. пед. ин-та», 1974, вып. 106, с. 43.

¹³⁴ ГАНО, ф. 144, оп. 1, д. 2, л. 4; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 577, л. 1; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 105, л. 87; ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 3; ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 414, л. 34; ф. 1235, оп. 95, д. 398, л. 114.

По нашему мнению, оценивать состояние различных частей колчаковских государственных органов к моменту восстановления Советской власти в губернских и уездных центрах Сибири нужно дифференцированно. Не подлежит сомнению, что в наибольших размерах эвакуация колчаковских государственных учреждений (военных, медицинских, продовольственных, судебных, финансовых) была осуществлена из Омска. Однако и здесь она не являлась всеобщей. Например, на месте остались почти все почтово-телеграфные служащие¹³⁵. Как свидетельствовал начальник 27-й дивизии В. К. Путня, освобожденной от колчаковцев Омск, после взятия красными частями города «остатки аппарата колчаковской власти, предоставленные самим себе, не будучи достаточно осведомлены о том, что происходит, по инерции пытались еще продолжать выполнение чиновничьих функций»¹³⁶.

Следующий крупный административный центр, Ново-николаевск, Красная Армия взяла столь стремительно, что белогвардейцы фактически не успели приступить к эвакуации. В итоге в городе остались почти все местные органы колчаковской государственной власти, включая военные¹³⁷. Точно такая же история повторилась в тех губернских и уездных центрах, где белогвардейская власть была свергнута в результате антиколчаковских восстаний. Более того, во многих сибирских городах «осели» те государственные учреждения, которые белогвардейцы эвакуировали с собой при отступлении с Урала. Таким образом, подавляющему большинству губернских и уездных ревкомов Сибири пришлось иметь дело не с незначительными остатками, а с разветвленным аппаратом бывшей колчаковской администрации, лишившимся руководства из единого центра, но продолжавшим действовать на местах.

При разрушении колчаковских органов власти губернские и уездные ревкомы в большинстве случаев действовали, исходя из ленинского указания о дифференцированном отношении к различным элементам буржуаз-

¹³⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 75; д. 646, л. 3; ф. 467, оп. 1, д. 53, л. 40; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 202, л. 21; «Советская Сибирь», 1919, 10, 11, 14 дек.; «Жизнь Сибири», Новоиколаевск, 1922, № 3, с. 43.

¹³⁶ Путня В. К. Восточный фронт. (Штрихи). М., 1959, с. 53.

¹³⁷ «Советская Сибирь», 1919, 25 дек.

ной государственной машины. Владимир Ильич требовал от коммунистов уметь «контрреволюцию отсекасть, культурно-буржуазный аппарат использовать»¹³⁸. Ревкомы сразу же приступили к полной ликвидации тех белогвардейских учреждений, которые обеспечивали классовое господство помещиков и буржуазии над пролетариатом: военного ведомства, милиции, суда и т. п. Их документация передавалась в советские органы, занимавшиеся расследованием преступлений колчаковцев, а сотрудники увольнялись или привлекались к ответственности. Служащим расформированных органов, изъявившим желание поступить на советскую работу, предлагалось в индивидуальном порядке подавать соответствующее заявление¹³⁹. Пожалуй, единственным исключением из этого общего правила явилось сохранение в Иркутской губернии в течение некоторого времени института бывших мировых судей с оставлением за ними следственных функций. «Подобная мера,— объяснял этот поступок руководство Иркутского губревкома,— диктовалась боязнью лишить население совершенно судебного аппарата и тем самым возродить доморощенные суды, похожие больше на самосуды»¹⁴⁰.

Иначе решался в Сибири вопрос о тех государственных органах, которые, по выражению В. И. Ленина, составляли «механизм общественного хозяйничанья»¹⁴¹: земельных, продовольственных, статистических и финансовых учреждений, а также о почте, телеграфе, органах здравоохранения и народного образования. Ревкомы, не разрушая технического аппарата этих учреждений, направили в них своих комиссаров с целью политического руководства и контроля¹⁴².

Приблизительно так же ревкомы поступили с земскими учреждениями. Они распустили губернские, уездные и го-

¹³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 38, с. 168.

¹³⁹ См., например: «Советская Сибирь», 1919, 2 дек.; «Сибирский коммунист», Томск, 1920, 1 янв.; «Красноярский рабочий», 1920, 13 янв.

¹⁴⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 415, л. 53.

¹⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 33, с. 50.

¹⁴² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 3; ПАСО, ф. 204, оп. 1, д. 151, л. 2, 4; «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 24 и 25 янв.; «Сибирская правда», 1920, 24 янв.; «Знамя борьбы», 1920, 31 янв.; «Знамя революции», 1920, 22 февр.; «Степная правда», 1920, 1 дек.

родские думы, но сохранили управы, являвшиеся техническим аппаратом земства. Отделам земских управ предлагалось временно продолжать исполнение традиционных для них функций¹⁴³. Действия ревкомов не встретили никакого протеста и тем более сопротивления со стороны персонала органов бывшей колчаковской и земской власти.

Опираясь на помощь партийных, военных и профсоюзных органов, фабрично-заводских комитетов, ревкомы и заведующие их отделами приступили к подбору руководящих кадров: членов коллегий и президиумов отделов, заведующих подотделами, инструкторов.

Решающую роль в осуществлении этой задачи, несмотря на молодость и малочисленность, сыграли местные организации РКП(б). В качестве примера сошлемся на Омскую губернию. А. А. Ширямов, отчитываясь в декабре 1920 г. на губернской партийной конференции о деятельности губбюро РКП(б), говорил, что вся его работа была подчинена созданию крепкого советского аппарата, что «губбюро все силы и всех работников отдавало в советские учреждения»¹⁴⁴. С этой целью в феврале 1920 г. губбюро организовало специальные партийно-советские курсы, 50 выпускников которых были направлены на работу в отделы губревкома. Затем губбюро провело двухнедельные курсы, 80 слушателей которых также получили направление в губернский и уездные ревкомы. По рекомендации губбюро РКП(б) аналогичные курсы действовали в Калачинске и Петропавловске (по 25—30 чел.), в Акмолинске, Кокчетаве и повторно в Петропавловске (по 60—80 чел.). К весне 1920 г. выпускники этих курсов возглавили уездные партийные и советские учреждения, составив, по заключению губбюро РКП(б), «главную силу местных организаций»¹⁴⁵.

¹⁴³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 204, л. 86; «Известия Омского революционного комитета», 1919, 25 ноября; «Знамя революции», 1919, 25 дек.; «Красноярский рабочий», 1920, 17 янв.

¹⁴⁴ ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 10.

¹⁴⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 24, 48.

Точно так же, нередко даже в ущерб собственно партийной работе, действовали местные органы РКП(б) других губерний. Например, 2 января 1920 г. Л. А. Палардэ, докладывая на заседании губоргбюро РКП(б) В. М. Косареву о деятельности Алтайской большевистской организации после разгрома Колчака, констатировал, что партийная работа в это время велась в незначительных размерах, поскольку все силы «уходили на постановку работы советской, гражданской»¹⁴⁶. Большую заботу об укреплении аппарата ревкомов проявляло Томское губбюро РКП(б)¹⁴⁷. Подводя итоги первого года работы партийной организации края после разгрома Колчака, секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) В. Н. Яковлева писала, что в это время «все наличные силы партии уходили в советские органы», ибо тогда «задача построения советского аппарата была для нашей партии самой главной»¹⁴⁸.

Предметом особо пристального внимания со стороны партийных органов являлись такие отделы, как управления, военные, ЧК, продовольственные и юстиции, поскольку в первую очередь от их работоспособности зависела прочность позиций Советской власти в Сибири, именно их состоянием определялась возможность использования людских и материальных ресурсов края в борьбе против белогвардейцев и интервентов. В большинстве случаев благодаря своевременной помощи, оказанной партийными органами, ответственные должности в этих отделах почти сразу же заняли коммунисты; здесь выше, чем в других отделах ревкомов, был удельный вес коммунистов и среди рядовых сотрудников. Например, в середине января 1920 г. 15 коммунистов, окончивших губернскую партийную школу, по распоряжению губоргбюро РКП(б) были переданы в распоряжение информационно-инструкторского подотдела Алтайского губревкома; они заняли все должности инструкторов¹⁴⁹. Многочисленная комячейка (26 членов и 21 сочувствующий) в середине февраля 1920 г. существова-

¹⁴⁶ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 12.

¹⁴⁷ «Красное знамя», 1920, 25 марта.

¹⁴⁸ Яковлева В. Год работы Российской Коммунистической партии в Сибири.— В кн.: Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917—1920). Омск, 1920, с. 42.

¹⁴⁹ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 168, л. 42.

ла в отделе управления Омского губревкома¹⁵⁰. Тогда же 15 коммунистов и 16 сочувствующих РКП(б) работало среди 95 сотрудников отдела управления Енисейского губревкома, в том числе только коммунисты занимали посты заведующих подотделами и инструкторов¹⁵¹.

Преимущественно из сочувствующих РКП(б) и коммунистов комплектовался штат сотрудников и служащих губернских чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией¹⁵². Обращаясь позднее к периоду создания Енисейской губЧК, один из ее руководителей Н. Х. Молчанов писал: «Состав сотрудников был очень мал, но зато это были честные, идейные и преданные революции товарищи. К делу своему относились в высшей степени добросовестно и с полным сознанием важности задач, лежащих на Чека. Этим только и объясняется то, что несмотря на полное отсутствие опыта в этой работе дело борьбы с контрреволюцией не останавливалось, а шло вперед»¹⁵³.

Отчитываясь перед IX съездом партии о работе Центрального комитета, В. И. Ленин отметил, что профсоюзы «оказали гигантскую помощь в строительстве пролетарского государства»¹⁵⁴. Эту оценку можно полностью отнести и к профсоюзам Сибири периода ревкомов. «При переходе власти к Советам, — писал в конце 1920 г. руководитель Сиббюро ВЦСПС, — профессиональные союзы Сибири не ограничивались только самоорганизацией, а принимали самое непосредственное участие в организации всего советского аппарата»¹⁵⁵. Так, технический аппарат больничных касс, созданных Барнаульской и Красноярской профсоюзными организациями, был положен в основу Алтайского и Енисейского губернских от-

¹⁵⁰ «Советская Сибирь», 1920, 24 февр.

¹⁵¹ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 72, 73; д. 124, л. 4; д. 154, л. 21; оп. 2, д. 49, л. 50—59.

¹⁵² ЦГАСА, ф. 883, оп. 1, д. 16, л. 24; ГАКК, ф. 53, оп. 2, д. 58, л. 2, 3; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 186, л. 64; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 18, л. 95; д. 89, л. 1, 3; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 166, л. 170; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 4; Пензин Г. Г. Указ. соч., с. 36.

¹⁵³ ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 6.

¹⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 40, с. 255.

¹⁵⁵ Файнгольд Б. О сибирских профессиональных союзах. — В кн.: Три года борьбы за диктатуру пролетариата, с. 88.

делов труда и социального обеспечения¹⁵⁶. Из членов профсоюзов и заводских комитетов сформировалось руководящее ядро отдела народного хозяйства Иркутского губревкома. Именно благодаря этому персонал Иркутского губсовнархоза выгодно отличался по своему качественному составу от персонала других губсовнархозов Сибири. Он имел среди сотрудников самый высокий удельный вес коммунистов и сочувствующих РКП(б) — 105 из 1200 человек¹⁵⁷. Около 100 человек весной 1920 г. направили на работу в местный губпродком омские профсоюзы¹⁵⁸. В марте 1920 г. профсоюзы Семипалатинска делегировали своих представителей в отделы народного хозяйства, труда, земельный, коммунальный и продовольственный¹⁵⁹. «Необычайно много сил и энергии», по оценке президиума Енисейского губпрофсовета, затратили на «орабочивание» советских учреждений профсоюзы Красноярска¹⁶⁰. Только в январе-феврале 1920 г. они откомандировали своих членов в губсовнархоз, отделы труда, народного образования, земельный, а также в несколько комиссий и совещаний. Кроме того, около тысячи членов профсоюзов Красноярска были избраны заседателями народных судов¹⁶¹. По данным, приведенным 5 июня 1920 г. на заседании Сиббюро ЦК РКП(б), к тому времени профсоюзы каждой губернии Сибири выделили на укрепление органов Советской власти от 50 до 300 своих членов¹⁶².

В исторической литературе хорошо показан вклад в создание ревкомов Сибири политработников Красной Армии. Однако участие Красной Армии в советском строительстве, во-первых, не ограничивалось только организацией ревкомов, во-вторых, не исчерпывалось дея-

¹⁵⁶ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 87, л. 93; д. 133, л. 173; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 186, л. 5, 6; д. 222, л. 169; Протоколы заседаний губернских съездов и конференций профессиональных союзов Енисейской губернии 1918—1921 гг. Красноярск, 1921, с. 62.

¹⁵⁷ ГАИО, ф. 18, оп. 1, д. 78, л. 16, 265; «Коммунист», Иркутск, 1921, № 12, с. 4.

¹⁵⁸ ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 4, л. 113.

¹⁵⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2277, л. 124.

¹⁶⁰ «Сибирский вестник труда», Омск, 1921, № 1, с. 12.

¹⁶¹ Там же; ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 160, л. 23; Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 года. Красноярск, 1920, с. 132.

¹⁶² ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 74.

тельностью политработников, а было гораздо шире. Известно, что армейские коммунисты активно включились в организацию и работу отделов управления, военкоматов, губЧК. Кроме того, одновременно с политорганами в конце 1919 — начале 1920 г. на значительной части территории Сибири действовали такие специализированные армейские аппараты как органы полевого военного контроля, особые продовольственные комиссии (опродкомы), военно-революционные трибуналы и др. В ряде случаев они не только оказывали квалифицированную помощь на первых порах малочисленному и неопытному руководству отделов, но и выполняли работу некоторых их звеньев.

Особенно велика в этом отношении заслуга военно-продовольственных органов. Именно опродкомы фактически явились организаторами значительной части продовольственных отделов губернских и уездных ревкомов Сибири. Опродком 26-й дивизии сыграл решающую роль в создании гражданских продорганов на Алтае, опродкомы 27-й и 35-й дивизий — продорганов Томской губернии, опродкомы 30-й и 35-й дивизий — продорганов Енисейской губернии¹⁶³. В январе 1920 г. сотрудники военпродорганов входили в состав коллегий Алтайского, Енисейского, Семипалатинского и Томского губпродкомов¹⁶⁴.

В Алтайской губернии до создания губревтрибунала все подсудные ему дела рассматривал военревтрибунал 26-й дивизии¹⁶⁵. Сотрудники полевого военного контроля 5-й армии явились инициаторами организации отделов государственного контроля Алтайского и Енисейского губревкомов, а в Томске они вошли в состав органов гражданского контроля¹⁶⁶. Большую работу по созданию отделов здравоохранения и ликвидации эпидемических заболеваний в Омске, Новоиколаевске, Томске и Красноярске провела военно-санитарная служба 5-й армии и ее дивизии¹⁶⁷. Чрезвычайный уполномоченный по снаб-

жению Красной Армии в Сибири принял участие в организации управления ряда отраслей промышленности края¹⁶⁸. В связи с тем, что лесной и топливный отделы Алтайского и Томского губсовнархозов первое время не могли собственными силами обеспечить потребности железнодорожного и водного транспорта в древесном топливе и лесоматериалах, в феврале 1920 г. по распоряжению Урало-Сибирской комиссии ВСНХ они были объединены с армейским лесозаготовительным аппаратом. Руководство и контроль за работой объединенных органов были возложены на уполномоченного Реввоенсовета 5-й армии по лесозаготовкам¹⁶⁹.

Партийные и советские органы Сибири высоко оценивали помощь, оказанную им армейскими коммунистами в налаживании и укреплении советского аппарата¹⁷⁰. Например, председатель Алтайского губревкома В. В. Аристов писал, что политработник Н. В. Банников на посту заведующего губземотделом «проявил выдающуюся энергию»¹⁷¹. В докладе Енисейского губревкома говорится: «На строительство Советской власти в Енисейской губернии наложило сильный отпечаток то обстоятельство, что в Красноярске долгое время стоял политический отдел 5-й армии. Благодаря этому в распоряжении Енисейского губревкома на первых порах был кадр работников, опытных в советском строительстве»¹⁷².

* *
*

Руководство ревкомов Сибири хорошо сознавало, что несмотря на максимальное содействие со стороны армейских и гражданских партийных организаций, профсоюзного и фабрично-заводского актива, при небольшой по-

¹⁶⁸ Отчет Сибирского областного бюро ВСНХ за 1920 год. Омск, 1921, с. 12.

¹⁶⁹ ГАНО, ф. 1137, оп. 1, д. 59, л. 28—32; «Алтайский коммунист», Барнаул, 1920, 25 февр.

¹⁷⁰ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 15, л. 1; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 99, л. 3—6, 35, 44; ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 3, л. 17; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 92, л. 4; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 501, л. 7.

¹⁷¹ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 10, л. 123.

¹⁷² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 348, л. 2.

¹⁶³ ЦГАСА, ф. 50, оп. 1, д. 511, л. 108, 109.

¹⁶⁴ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 18; ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 59, л. 13; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 711, л. 40, 41.

¹⁶⁵ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 44, л. 14.

¹⁶⁶ ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 14а, л. 1; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 117, л. 1; Полгода Советской власти в Енисейской губернии, с. 38.

¹⁶⁷ Исторический очерк 27-й стрелковой дивизии РККА. М.—Пг., 1923, с. 112, 113; Азарх Р. М. Указ. соч., с. 141—147.

мощи, оказываемой из Центра, создать советский исполнительный аппарат без широкого привлечения буржуазных специалистов невозможно.

К тому времени, как известно, в теоретическом плане вопрос об использовании буржуазных специалистов был решен Коммунистической партией. Задача развития производительных сил страны, говорилось в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, требует немедленного, широкого и всестороннего использования представителей науки и техники, оставленных Советской властью капитализмом¹⁷³. Принципиальное значение имело указание В. И. Ленина, сделанное на VII Всероссийском съезде Советов, о невозможности «перестроить государственный аппарат и воспитать достаточное количество рабочих и крестьян, хорошо знакомых с делом государственного управления, без помощи старых специалистов»¹⁷⁴.

В вопросе о необходимости использования буржуазных специалистов руководство ревкомов Сибири занимало правильную позицию. Подтверждение того — постановления и распоряжения ревкомов, в которых заведующие отделами обязывались использовать служащих органов бывшей колчаковской власти и земских учреждений по специальности. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что в Барнауле, Красноярске, Семипалатинске, Томске почти все отделы губернских и уездных управ вместе со служащими, материальными и финансовыми средствами были переданы в распоряжение соответствующих отделов ревкомов¹⁷⁵. Что же касается учреждений бывшего колчаковского аппарата, то для создания своих отделов ревкомы использовали без сколько-нибудь существенных на первых порах изменений в составе служащих главным образом органы народного образования, земельные, продовольственные и

¹⁷³ КПСС в резолюциях..., т. 2. М., 1970, с. 52.

¹⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 427.

¹⁷⁵ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 100, л. 30; д. 133, л. 173; л. 205, л. 7; ф. 216, оп. 1, д. 1166, л. 158; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 152; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 8, л. 8; ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 8, л. 93; «Знамя революции», 1919, 31 дек.; «Сибирский коммунист», 1920, 1 и 13 янв.; «Бюллетень Сиббюро ВСНХ», Омск, 1920, № 6-7, с. 27; 2-й съезд Советов Барнаульского уезда. 2 июня — 9 июня 1920 г. Барнаул, 1920, с. 54.

финансовые¹⁷⁶. Большинство же бывших колчаковских учреждений постепенно подверглось ликвидации, а их служащие должны были поступать на работу в советские органы в индивидуальном порядке.

Перевод буржуазных специалистов, ранее работавших в земских учреждениях, в колчаковских органах народного образования и хозяйственного управления, в состав служащих советского исполнительного аппарата был осуществлен без каких-либо конфликтов, если не считать незначительного инцидента с омскими учителями, отважившимися оказать сопротивление школьной реформе. Закрытие одной гимназии явилось хорошим душем, охладившим пыл саботажников, заставившим их трезво оценить положение вещей и подчиниться требованиям губернского отдела народного образования¹⁷⁷.

Типичным же в конце 1919 — начале 1920 г., по крайней мере с внешней стороны, было прямо противоположное отношение большинства буржуазных специалистов к Советской власти. Приведем следующие факты. 22 декабря 1919 г. в помещении университета состоялось многочисленное собрание низших служащих бывших колчаковских учреждений Томска. В единогласно принятой резолюции по текущему моменту собрание поклялось всеми силами поддерживать Советскую власть¹⁷⁸. На следующий день резолюцию, приветствовавшую «свершившийся в Сибири переворот, свергнувший реакционную, противную интересам трудящихся власть черного диктатора Колчака», приняло общее собрание служащих Томского губернского земства. Земцы признали для себя необходимым «стать под знамена Советской власти в деле борьбы революционной России с реакцией отечественной и международной»¹⁷⁹. 13 января 1920 г. собрание служащих Мариинского казначейства единодушно постановило донести местному уездному ревкому о желании «посвятить все свои силы службе на пользу Рос-

¹⁷⁶ ГААК, ф. 28, оп. 1, д. 1, л. 4; ГАИО, ф. 46, оп. 1, д. 34, л. 160; д. 72, л. 223; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 75; д. 300, л. 9; д. 646, л. 3; «Сибирский коммунист», 1920, 14 янв.; «Бюллетень Сиббюро ВСНХ», 1920, № 6-7, с. 27; Чудинов Д. Из недавнего прошлого. — «Просвещение Сибири», 1927, № 10, с. 26, 27.

¹⁷⁷ ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 2, л. 5; «Советская Сибирь», 1919, 14 дек.

¹⁷⁸ «Знамя революции», 1919, 26 дек.

¹⁷⁹ Там же, 31 дек.

сийской Социалистической Федеративной Советской Республике»¹⁸⁰. За устранение Политцентра как учреждения, не отвечающего интересам пролетариата, и восстановление Советской власти высказалось 19 января 1920 г. общее собрание профсоюза иркутских служащих. Однако настроения и заставляет усомниться в полной искренности участников этого собрания тот факт, что на почти одновременно проходивших выборах в городской Совет голоса членов профсоюза служащих разделились поровну между большевиками и «левыми» эсерами, выступавшими за восстановление Советской власти, с одной стороны, и породившими Политцентр меньшевиками и эсерами — с другой¹⁸¹.

Земцы и служащие не ограничивались только принятием резолюций с обещаниями поддержать Советскую власть. Многие отделы ревкомов переживали наплыв бывших сотрудников ликвидированных колчаковских учреждений. Как сообщал, например, заместитель заведующего отделом народного хозяйства Омского губревкома Н. Е. Ишмаев, некоторый недостаток технических сил, сначала ощущавшийся губсовнархозом, примерно через неделю стал устраняться благодаря возвращению на свои посты старых инженеров и техников, а также зачислению на службу новых¹⁸². По свидетельству руководства Енисейского губсовнархоза, его президиум с первых же дней «буквально осаждался лицами, ищущими труда, среди которых преобладали главным образом специалисты»¹⁸³. Ситуация, сложившаяся в Енисейском губсовнархозе, подтверждается и другим свидетельством: отношением Красноярского отделения союза инженеров, адресованным на имя заведующего отделом народного хозяйства Енисейского губревкома. В нем содержалась убедительная просьба при приеме на работу отдавать предпочтение членам данного союза, как ранее служившим в Красноярске¹⁸⁴. Через четыре дня после открытия занятий в отдел юстиции Енисейского губревкома посту-

¹⁸⁰ ГАКО, ф. 776, оп. 2, д. 8, л. 17.

¹⁸¹ Очерк истории движения служащих Иркутска. 1883—1927. Иркутск, 1927, с. 21.

¹⁸² ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 4, л. 2; «Известия Омского революционного комитета», 1919, 25 ноября.

¹⁸³ «Красноярский рабочий», 1920, 17 янв.

¹⁸⁴ ГАКК, ф. 55, оп. 2, д. 18, л. 1, 2.

пило более двухсот заявлений от юристов с просьбой о зачислении на советскую службу. Газета «Красноярский рабочий» по этому поводу писала: «... В ожидании приема у кабинета заведующего судебным отделом волнуются ежедневно огромные „хвосты“ бывших судебных деятелей»¹⁸⁵. Примерно такая же обстановка в первой половине февраля 1920 г. существовала и в Иркутском губюсте. «Кандидатов в коллегию правозаступников и на должности народных судей, — информировала об этом одна из местных газет, — огромное количество. Большинство — с высшим образованием. По-видимому, от бойкота и саботажа 1917 года не осталось и следа»¹⁸⁶.

Последнее предположение, сформулированное иркутской газетой, несмотря на сделанную оговорку, явно грешило необоснованным оптимизмом насчет политических позиций сибирской интеллигенции. Более правильная, на наш взгляд, точка зрения по данному вопросу была высказана в специальной заметке, помещенной в «Известиях Сибирского Революционного Комитета». Уроки колчаковщины, полагал автор заметки, вызвали перелом в политических взглядах только трудовой интеллигенции (учителей и мелких служащих), которая «охотно встретила восстановление советского режима и теперь служит в советских учреждениях не за страх, а за совесть». Что же касается остальной сибирской интеллигенции, к которой были отнесены все военные и гражданские специалисты с высшим образованием (агрономы, инженеры, врачи и т. п.), то, по мнению автора заметки, в ее среде имелись пока лишь единицы людей, искренне воспринявшие советский строй¹⁸⁷. Следовательно, массовое стремление буржуазных специалистов с высшим образованием устроиться на советскую службу нужно рассматривать как одно из проявлений социальной мимикрии, заключавшейся в том, что действительные, материальные, причины, побуждавшие эту часть интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью, камуфлировались заведомо ложными идейными соображениями.

¹⁸⁵ Хачатуров Р. Л. К вопросу о восстановлении советского судебного аппарата в Восточной Сибири (1920 г.). — «Труды Иркут. ун-та», 1969, т. 58. Сер. юрид., вып. 9, ч. 1, с. 122.

¹⁸⁶ «Знамя борьбы», 1920, 19 февр.

¹⁸⁷ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 43.

Нужно сказать, что большинство руководящих партийных и советских работников Сибири не заблуждалось по поводу подлинных мотивов неожиданного «полевения» буржуазных специалистов. Укажем, например, на статью заведующего политотделом 27-й дивизии В. Е. Цифриновича, опубликованную в «Известиях Омского революционного комитета» через неделю после освобождения города от колчаковцев. Статья была обращена к советским руководителям губернии и называлась исключительно коротко и ясно: «Берегитесь!». Ее автор так описывал обстановку, сложившуюся в советских учреждениях Омска: «Всюду вы можете видеть разношерстную массу [людей], предлагающих свои услуги по созданию советского аппарата... Еще вчера служившие с верноподданностью Колчаку, они сегодня распинаются перед представителями Советской власти, рисуясь самыми ярыми ее приверженцами»¹⁸⁸.

Руководство ряда ревкомов Сибири с самого начала старалось не допустить в губернский и уездный советский исполнительный аппарат людей, вызывавших недоверие. Оно установило дифференцированные условия приема на советскую работу служащих ликвидированных колчаковских учреждений в зависимости от их социального положения и политического поведения в последние два — три года; неодинаковым был также порядок приема бывших колчаковских служащих в разные советские органы. Наиболее строгие требования предъявлялись при устройстве на работу в отделы управления, юстиции и военные комиссариаты. Так, походное отделение Сибревкома запретило использовать старых юристов при создании Алтайского губюста¹⁸⁹. Либо совершенно не принимать беспартийных юристов, либо допускать их к занятию неотвечественных должностей — такую директиву получил от руководства губревкома Семипалатинский губюст¹⁹⁰. Отдел юстиции Енисейского губревкома в постановлении от 11 января 1920 г. уведомил, что он будет принимать заявления о поступлении на службу лишь от тех судебных деятелей колчаковского правительства, которые, во-первых, представят доказа-

тельства своей непричастности к свержению Советской власти в Сибири в 1918 г. и осуществлению контрреволюционных деяний белогвардейских режимов; во-вторых, дадут письменное заверение не только о признании, но и о сочувствии Советской власти; в-третьих, возьмут на себя обязательство добросовестно и честно выполнять все декреты и постановления советского правительства. Отдел юстиции решил, что лица, отвечающие названным требованиям, могут претендовать на получение работы лишь после того, как будут удовлетворены заявки всех служащих советских судебных учреждений, не дискредитировавших себя в период белогвардейской реакции¹⁹¹.

Однако в жизни зачастую было иначе, чем намечалось. Так, за неимением юристов-коммунистов кандидатуры беспартийных специалистов на должность судей пришлось одобрить после длительных дебатов совместному заседанию Томского ревкома и комитета РКП(б). Как признавался один из представителей парткома, участвовавших в обсуждении, «сделали мы это скрепя сердце». Правда, со своей стороны партком принял меры для того, чтобы народными заседателями к старым судьям были избраны только коммунисты, главным образом рабочие. Пролетарский характер суда, считали представители парткома, «будет таким образом вполне обеспечен»¹⁹². Из-за отсутствия коммунистов с юридическим образованием буржуазные специалисты, ранее работавшие у Колчака, были допущены на судебские и следовательские должности в Иркутской губернии, но заведующий губюстом докладывал, что при подборе таких «проявлялась особенная осторожность»¹⁹³. В основном по этой же причине отделы юстиции всех губревкомов Сибири были вынуждены широко привлечь старых юристов на должности заведующих подотделами и рядовых сотрудников, народных судей и следователей¹⁹⁴.

Некоторое представление о составе служащих отделов юстиции можно получить, проанализировав сохранившийся список сотрудников Енисейского губюста середины февраля 1920 г. Здесь примерно из 120 человек

¹⁸⁸ Хачатуров Р. Л. Указ. соч., с. 114, 121, 122.

¹⁸⁹ «Знамя революции», 1920, 3 февр.

¹⁹⁰ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 440, л. 42.

¹⁹¹ ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 626, л. 19—21; ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 440, л. 42; ГАНО, ф. 467, оп. 1, д. 11, л. 1; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 251, л. 189; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 16, л. 235.

¹⁸⁸ «Известия Омского революционного комитета», 1919, 21 ноября.

¹⁸⁹ ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 626, л. 14.

¹⁹⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2277, л. 61, 62.

пятеро являлись коммунистами (заведующий отделом, председатель следственной комиссии, переписчик и два курьера), трое — меньшевиками, один — «левым» эсером, один — эсером-максималистом, остальные — беспартийными¹⁹⁵. Вероятно, примерно таким же был состав и других органов юстиции Сибири. Во всяком случае, в июньском отчете отдела юстиции Сибревкома сообщалось следующее: «Личный состав отделов юстиции, совнарсузов и карательных учреждений, коллегий обвинителей и защитников и пр. в общем и целом далеко нельзя назвать удовлетворительным. Повсюду немало юристов старого типа, далеко не приспособленных и не приспособляющихся к новому, советскому строительству юстиции...»¹⁹⁶.

Еще более тревожная ситуация сложилась в ряде хозяйственных отделов, формировавшихся с самого начала в основном из служащих земских учреждений и колчаковских органов экономического управления. В хозяйственные отделы ревкомов, используя образовательный ценз, под видом специалистов устремилась значительная часть оставшихся не у дел военных и чиновников расформированных колчаковских учреждений. В начале 1920 г. среди агентов Томского губпродкома подвизались генерал-лейтенант, полковник, несколько младших офицеров, коммерсант, священник, тюремный надзиратель¹⁹⁷. В конце февраля 1920 г. среди персонала Енисейского губсовнархоза имелось 67 бывших колчаковских офицеров, чиновников, юнкеров и только один коммунист¹⁹⁸. Преимущественно из пленных белогвардейских офицеров состоял штат сотрудников Киренского уездного экономического отдела¹⁹⁹. Заместитель председателя Сиббюро ВСНХ С. М. Франкфурт, хорошо знавший состояние местных органов народного хозяйства, писал, что все они, за небольшим исключением, представляли собой «чисто бюрократический аппарат без участия в их работе широких пролетарских масс»²⁰⁰.

¹⁹⁵ ГАКК, ф. 53, оп. 2, д. 51, л. 1—24.

¹⁹⁶ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 19.

¹⁹⁷ ЦГАСА, ф. 1454, оп. 1, д. 117, л. 32.

¹⁹⁸ ГАКК, ф. 55, оп. 2, д. 1, л. 154, 155.

¹⁹⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 248, л. 9, 10.

²⁰⁰ «Бюллетень Сибирского совета народного хозяйства», Омск, 1920, № 2-3, с. 2.

Явно неудовлетворительным в апреле 1920 г. являлся состав сотрудников земельного и продовольственного отделов Енисейского губревкома: в них преобладали старые чиновники и специалисты, причем в числе 700 служащих губземотдела и 400 сотрудников губпродкома соответственно имелось только 5 и 10 членов РКП(б), занимавших ответственные административные посты²⁰¹. Почти полное отсутствие коммунистов и наличие контрреволюционных элементов в продорганах Иркутской губернии констатировал в докладе на пленуме Иркутского губкома РКП(б) член губкома партии и коллегии губЧК М. М. Ноздрип, руководивший чрезвычайной комиссией по обследованию продовольственного дела²⁰².

«Мы знаем,— сообщала в середине февраля 1920 г. газета «Алтайский коммунист»,— что сейчас у нас в советских учреждениях сидит немало разной сволочи, да еще патентованной»²⁰³. В середине апреля 1920 г. один из руководящих работников Новониколаевска, В. А. Витолли-Гравлей, опубликовал статью под выразительным заглавием «Контрреволюционеры остаются на местах». «Стоит зайти в любое советское учреждение,— писал В. А. Витолли-Гравлей,— и вы увидите лиц, которые еще недавно на всех перекрестках кричали: «Долой большевиков-бандитов!», «Смерть советским работникам» и т. д., и не только кричали»²⁰⁴. Точно такую же характеристику состава сотрудников советских органов Томска давала местная газета «Знамя революции». «Стоит только взять тот или иной список служащих наших учреждений и сравнить его со списком колчаковских учреждений, окажется, что разницы никакой»²⁰⁵,— считала она. «Мы ищем предателей всюду,— писала иркутская «Власть труда»,— а они превосходно и тепло устроились в советских учреждениях...»²⁰⁶. По мнению семипалатинской газеты «Степная правда», большинство служащих местных советских учреждений по-прежнему составлял «старый чиновный или коммерческий люд»²⁰⁷.

²⁰¹ ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 7.

²⁰² ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 3.

²⁰³ «Алтайский коммунист», 1920, 14 февр.

²⁰⁴ «Красное знамя», 1920, 18 апр.

²⁰⁵ «Знамя революции», 1920, 9 мая.

²⁰⁶ «Власть труда», 1920, 3 июня.

²⁰⁷ «Степная правда», 1920, 17 июля.

Вопрос о персональном составе руководящих работников отделов губревкома специально рассматривал Иркутский губком РКП(б). Выяснилось, что многие ответственные должности, вплоть до заведующих подотделами, занимали лица, которые еще недавно боролись против Советской власти, вследствие чего отделы не проводили «выдержанную коммунистическую политику». Губком пришел к выводу, что так как в исполнительном аппарате ревкома много чуждых элементов, в критический момент он «может быть использован во вред интересам рабочего класса»²⁰⁸.

Состав персонала отделов ревкомов во многом обусловил методы и продуктивность работы советского аппарата. В деятельности тех учреждений, которые сформировались преимущественно из бывших колчаковских служащих, сразу же обнаружились серьезные изъяны. Опоздания и неявки на работу, халатность, грубое и невнимательное отношение к посетителям, бюрократическое отношение к делу части советских сотрудников отмечались в приказе Новониколаевского ревкома от 25 декабря 1919 г. Со всеми этими проявлениями старого государственного строя, заявил ревком, он будет решительно бороться, и призвал трудящихся оказать ему помощь «в деле оздоровления государственных учреждений»²⁰⁹.

Постепенно стала проявляться и истинная политическая физиономия многих буржуазных специалистов. Член Реввоенсовета 5-й армии К. И. Грюнштейн, ознакомившись в конце 1919 — начале 1920 г. с работой советских органов Томска, обнаружил, что служившие в отделах ревкома правые эсеры и меньшевики противодействовали работе²¹⁰. В сводке Енисейской губЧК за март 1920 г. сообщалось, что в большинстве советских учреждений Красноярска «наблюдается саботаж, а в некоторых — почти явная контрреволюционность»²¹¹. Инструктор Сибревкома Д. К. Романов, обследовав в мае 1920 г. состояние советского аппарата в Новониколаевске и Щегловске, докладывал: «... Спецы в разных учреждениях и в особенности в продовольственных орга-

²⁰⁸ ГАИО, ф. 18, оп. 1, д. 137, л. 36.

²⁰⁹ «Красное знамя», 1919, 27 дек.

²¹⁰ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 4.

²¹¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 186, л. 57.

нах подрывают Советскую власть. Всюду вы можете натолкнуться на саботаж. Это все равно, что происходило в России в 1918 г.»²¹². Во всех советских учреждениях, говорится в приказе Семипалатинского губревкома от 10 июля 1920 г., наблюдается саботаж, потому что многие их сотрудники мечтают «служить *врагам* трудового народа и сознательно *вредить* власти рабочих и крестьян»²¹³.

Весьма показательны и следующие факты, относящиеся к концу мая — июню 1920 г. На общем собрании служащих Иркутского губпродкома за резолюцию, осуждавшую нападение белополяков на Советскую республику и призывавшую к борьбе с ними, голосовало 14 человек, против — 12, воздержалось — 126; а в губсовнархозе голоса разделились так: за — 83, против — 2, воздержалось — около 170 чел.²¹⁴ В Алтайском губсовнархозе на собрании по вопросу о выборах представителей в органы рабоче-крестьянской инспекции из 900 служащих, числившихся по штату, присутствовало только 144, причем 116 при голосовании демонстративно воздержалось²¹⁵.

Положение ревкомов существенно осложнилось тем, что сибирские организации эсеров и меньшевиков поставили своей задачей проникнуть в советский хозяйственный аппарат и разрушить его вредительством и саботажем, стремясь таким образом вызвать недовольство населения Коммунистической партией, доказать неспособность большевиков управлять государством. Одновременно резко активизировались кадры колчаковских контрразведчиков и шпионов, оставленных в Сибири для подпольной работы. Они стали внедряться в советские учреждения и создавать там свои ячейки, намереваясь превратить их в центры по руководству борьбой против Советской власти.

По авторитетным данным органов ВЧК, весной — летом 1920 г. контрреволюционные элементы приступили к реализации своих планов; они проникли в отделы ряда ревкомов и в нескольких случаях даже на ответствен-

²¹² Там же, оп. 2, д. 25, л. 69.

²¹³ «Стенная правда», 1920, 11 июля.

²¹⁴ «Власть труда», 1920, 3 июня.

²¹⁵ «Алтайский коммунист», 1920, 8 июля.

ные руководящие посты²¹⁶. О характере «работы», проводимой ими в таких случаях, можно судить по следующим фактам. В апреле 1920 г. при содействии ряда сотрудников Киренского уездревкома — эсеров и меньшевиков — организовался «трудовой крестьянский союз» во главе с кулаками. Устав «союза» был утвержден заведующим отделом труда уездревкома и напечатан в местной типографии. «Союз» объединял около 500 членов, которые вели среди населения антисоветскую агитацию. Под воздействием «союза» крестьяне Киренской волости оказали упорное сопротивление выполнению продразверстки²¹⁷.

Активно действовала в Томске многочисленная подпольная контрреволюционная организация под руководством «дяди Володи» (партийная кличка старого меньшевика Л. И. Гавриловича), состоявшая главным образом из бывших «воткинцев» и «нижевцев». Около 130 ее членов, имевших преимущественно высшее и среднее образование, устроились на работу в отделы Томского губревкома. Ими почти полностью была захвачена коллегия гублескома; члены организации имелись в губвоенкомате, губпродкоме, губсовнархозе и других органах²¹⁸. Все задания по лесозаготовкам и гужевой транспортировке они распределяли главным образом среди бедняков и середняков, стараясь освободить кулаков, что вызывало недовольство трудящихся крестьян Советской властью²¹⁹.

Как упоминалось выше, губернское и уездное партийное и советское руководство, органы управления и ВЧК знали о наличии в исполнительном аппарате ревкомов саботажников и контрреволюционных элементов, принимали меры по их обезвреживанию. Уже в начале января 1920 г. Алтайский губревком издал приказ, в котором всем заведующим отделами губревкома и руководству уездревкомов предлагалось обратить особое внимание на то, чтобы на ответственные государственные должности не попали офицеры карательных отрядов, жандармы, сы-

щики и другие активные приверженцы царского и колчаковского режимов. Губревком обратился к населению Алтая с просьбой сообщать органам ВЧК и руководству ревкомов обо всех контрреволюционерах, пробравшихся в государственные органы²²⁰. 13 января 1920 г. В. М. Косарев дал указание Семипалатинской губЧК зарегистрировать служащих всех местных и эвакуированных колчаковских учреждений, а по отношению к саботажникам «принимать самые крутые меры»²²¹.

В целях устранения саботажников и контрреволюционеров из отделов ревкомов и повышения дееспособности последних многие партийные и советские работники предлагали провести «чистку» и обновление штата служащих²²². 7 февраля 1920 г. по инициативе Я. О. Заводника Алтайское губоргбюро РКП(б) постановило создать комиссию для выявления и увольнения контрреволюционных элементов, а также провести конференцию профсоюзов и фабзавкомов, на которую возлагалась задача откомандировать рабочих для замены уволенных. ГубЧК рекомендовалось разъяснить всем высококвалифицированным специалистам, замешанным в саботаже, что в случае повторного участия в таковом они будут лишены свободы²²³. 26 февраля комиссию по «чистке» советских учреждений из представителей ревкома, городской организации РКП(б) и совета профсоюзов создал Бийский уездревком²²⁴.

Вопрос о проверке личного состава служащих советских учреждений с целью удаления буржуазных элементов, саботировавших работу, 18 июня 1920 г. обсуждался на заседании Томского губревкома. Губревком постановил создать из представителей губкома РКП(б), губЧК, совета профсоюзов и губкомтруда специальную комиссию, которой вменялось в обязанность, во-первых, выяснить социальное происхождение, политические убеждения и квалификацию служащих ревкома; во-вторых, всех

²¹⁶ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 434, л. 44; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 149, л. 6; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 105, л. 87; «Красноярский рабочий», 1921, 1 янв.; «Знамя революции», 1921, 16 янв.

²¹⁷ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 44, л. 376.

²¹⁸ «Знамя революции», 1920, 7 ноября.

²¹⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 3, 4.

²²⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 60а, л. 22.

²²¹ Там же, д. 2277, л. 58.

²²² Там же, д. 300, л. 183; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 42, л. 95, 96; ПАСО, ф. 2, оп. 1, д. 30, л. 19; «Красное знамя», 1920, 18 апр.; «Знамя революции», 1920, 9 мая.

²²³ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 42, л. 95, 96.

²²⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 127.

служащих — выходцев из эксплуататорских классов или принадлежавших к таковым, за исключением ответственных специалистов, — снять с занимаемых постов и направить в распоряжение губкомтруда²²⁵. 10 июля 1920 г. специальный приказ о борьбе с саботажем служащих советских учреждений издал Семипалатинский ревком. Всем заведующим отделами губревкома предлагалось фиксировать случаи саботажа и на основании собранных данных ходатайствовать о применении к рядовым саботажникам меры лишения свободы, а к злостным — высшей меры наказания²²⁶.

Иркутский губком РКП(б) обязал коммунистов, заведовавших отделами губревкома, в течение недели составить списки ответственных сотрудников с указанием их политической деятельности с 1918 г., «приложить все усилия к замене неприемлемых и недостаточно надежных лиц членами Коммунистической партии или такими людьми, за которых заведующий отделом может полностью поручиться». Каждого из политически неблагонадежных высококвалифицированных специалистов предлагалось поставить в условия, «при которых он не мог бы ни в коем случае провести свою собственную, независимую от Советской власти линию поведения»²²⁷.

В дальнейшем Иркутский губком РКП(б) и губревком еще несколько раз (20 июля, 3 и 28 сентября, 23 октября) возвращались к вопросу об улучшении качественного состава сотрудников отделов. Так, 20 июля губревком предложил губпродкому «проверить агентурный и инструкторский состав служащих, командированных по губернии, и очистить его от контрреволюционных элементов». Руководству губРКИ было дано указание уволить из органов инспекции всех бывших царских и колчаковских чиновников, кроме специалистов по финансовому вопросу. По решению губревкома для замены чиновников губпрофсовет должен был выделить своих представителей. Все заведующие отделами губревкома получили предписание откомандировать из числа своих сотрудников для постоянной работы в губРКИ по одному коммунисту. Губревком также ходатайствовал перед

губкомом РКП(б) о дополнительном выделении для органов РКИ членов Коммунистической партии²²⁸.

3 сентября в связи с объявлением продразверстки 1920—1921 г. Иркутский губревком вновь вернулся к вопросу о составе сотрудников губпродкома. Поскольку на продорганы и кооперацию возлагалась ответственная работа по изъятию продовольственных излишков у крестьян, а в аппарате губпродкома и кооперации засело много эсеров, губревком дал директиву в трехмесячный срок заменить в продовольственных и кооперативных органах всех эсеров коммунистами, сочувствующими и беспартийными. В первую очередь эту меру предлагалось осуществить в продорганах, действовавших на периферии²²⁹.

Сколько-нибудь полных сведений о том, как по указанию партийного и советского руководства проводилась «чистка» исполнительного аппарата губернских и уездных ревкомов, насколько широко она была осуществлена и какие категории служащих затронула, почти не сохранилось. Нам удалось обнаружить лишь некоторые данные о работе комиссии, образованной в соответствии с постановлением Алтайского губоргбюро РКП(б) от 7 февраля 1920 г. Из них следует, что только в трех отделах Алтайского губревкома (военном, продовольственном и народного хозяйства) в короткий срок было уволено 8 человек, подвергнуто аресту — 3, переданы в губЧК — 6, взяты на учет как подозрительные с точки зрения политической благонадежности — 19 человек²³⁰. Размеры такой «чистки» исполнительного аппарата, конечно, не могли привести к его избавлению от всех чуждых элементов. Не случайно, в начале июня 1920 г. на Барнаульском уездном съезде Советов члену коллегии Алтайского губпродкома П. Ф. Нелюбину был задан такой вопрос: знает ли руководство губпродкома о том, что все его сотрудники, работающие на местах, — спекулянты? «Знает, — последовал ответ П. Ф. Нелюбина. —

²²⁸ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 112, л. 66.

²²⁹ Там же, д. 114, л. 146.

²³⁰ ПЛАК, ф. 2, оп. 1, д. 182, л. 101, 102. В книге «Борьба за власть Советов на Алтае. Исторический очерк» (Барнаул, 1957, с. 389) ошибочно утверждается, что все эти служащие были уволены и арестованы.

²²⁵ ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 14, л. 31.

²²⁶ «Степная правда», 1920, 11 июля.

²²⁷ ГАИО, ф. 18, оп. 1, д. 137, л. 36.

Нужда заставляет принимать спекулянтов: нет людей, которые могли бы руководить заготовками...»²³¹.

С такой же проблемой в первой половине октября 1920 г. столкнулась комиссия по проверке личного состава Иркутского губсовнархоза. После обследования персонала губсовнархоза, насчитывавшего 1211 человек, комиссия признала необходимым уволить около 50% служащих «как неподходящего, саботирующего элемента, не способного, кроме спекулянти, ни на какую работу». Но так как сотрудников, неудовлетворявших требованиям, заменить было нечем, а штаты отделов губсовнархоза к тому же оказались незаполненными до нормы, комиссия никого не уволила. «Пришлось, — докладывал губкому РКП(б) член комиссии М. И. Ушаков, — мириться с существующим составом служащих...»²³².

Однако из некоторых отделов саботирующие и другие чуждые элементы были уволены почти полностью. В отделе управления Алтайского губревкома, например, «чистка» была произведена настолько основательно, что, по признанию секретаря отдела Г. Малышкина, канцелярия «осталась без технических работников»²³³.

Решительные меры против попыток белогвардейского подполья создать в советских учреждениях свои ячейки, вовлекая в них бывших колчаковских офицеров и специалистов, приняли местные органы ВЧК. В марте 1920 г. Енисейская губЧК выявила и арестовала за контрреволюционную деятельность 40 бывших офицеров, работавших в отделах губревкома²³⁴. Летом 1920 г. органы ВЧК раскрыли ряд крупных белогвардейских организаций в Омске, Томске и Красноярске, в общей сложности насчитывавших около тысячи человек, в значительной части являвшихся советскими служащими²³⁵. По информации председателя Сибревкома, все попытки контрреволюции объединить и использовать в борьбе против Советской власти остатки колчаковского государ-

²³¹ 2-й съезд Советов Барнаульского уезда, с. 45.

²³² ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 559, л. 55.

²³³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 165.

²³⁴ Там же, д. 186, л. 57.

²³⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 3, л. 5, л. 4—6; ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, л. 414, л. 33, 34, 58; «Знамя революции», 1920, 16 июня; «Советская Сибирь», 1920, 21 сент.; «Красноярский рабочий», 1921, 1 янв.

ственного аппарата «были ликвидированы Чрезвычайной комиссией без особых усилий»²³⁶.

Одновременно с мероприятиями по очистке советских органов от саботировавших и контрреволюционных элементов партийные органы и руководство ревкомов приняли меры для увеличения коммунистической и рабочей прослойки в важнейших учреждениях. «Ударные» отделы ревкомов пополнялись новыми коммунистами, в том числе и из центральных районов страны, направлявшимися как на постоянную работу, так и откомандировывавшимися в порядке партийных мобилизаций для проведения отдельных кампаний. Осуществлялась переборка коммунистов из одних отделов ревкомов в другие в целях укрепления наиболее важных. Много внимания уделялось вовлечению в деятельность советского аппарата беспартийных рабочих, крестьян, женского актива, молодежи. В интересах сохранения выдвиженцев на советской службе для них создавались краткосрочные подготовительные курсы, практиковалось прикрепление к опытным сотрудникам РКИ, совместно с которыми они обследовали и контролировали деятельность советских учреждений. В конечном счете эти зачастую слабые и на первый взгляд казалось бы разрозненные усилия, предпринимавшиеся губернскими и уездными ревкомами Сибири, сливались в единый и достаточно мощный поток, с одной стороны, очищавший советский аппарат от контрреволюционных бацилл и мусора саботировавших элементов, с другой — усиливавший пролетарско-коммунистическое ядро органов Советской власти.

Вот как, например, в первой половине 1920 г. шло формирование продовольственного отдела Омского губревкома: 13 января состоялся первый выпуск курсов губпродкома, 26 слушателей которых (17 коммунистов и 9 беспартийных) были зачислены в его штат; 27 февраля в распоряжение губпродкома поступило 5 выпускников губернских партийно-советских курсов и 23 сотрудника Опродкомвоста (все коммунисты); 9 марта губпродком получил 5 выпускников областной партийно-советской школы и 1 апреля — 74 сотрудника Петрокоммуны (все коммунисты); в мае губбюро РКП(б),

²³⁶ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 577, л. 1.

губпрофсовет, горсовет и губбюро комсомола откомандировали в помощь губпродкому 137 коммунистов и 30 беспартийных; кроме того, в мае — июне состав сотрудников губпродкома пополнился 45 выпускниками вторых курсов губпродкома и Сибпродкома (43 коммуниста и 2 беспартийных). Всего до середины июня 1920 г. продовольственный отдел Омского губревкома получил в свое распоряжение 304 коммуниста и 41 беспартийного²³⁷.

По оценке заведующего отделом юстиции Сибревкома А. Г. Гойхбарга, к сентябрю 1920 г. «личный состав губотделов юстиции, нарсудов, нарследователей и совнарсудов сравнительно с прошлым отчетным периодом значительно улучшился. Неподготовленные к практической работе по советской юстиции были частью заменены окончившими краткосрочные курсы при отделе юстиции Сибревкома, а частью — подготовленными на местах средствами губюстов под руководством ответственных сотрудников...»²³⁸.

Таким образом, ко времени восстановления Советской власти в Сибири колчаковский государственный аппарат не разрушился, не самоликвидировался, как можно заключить из статьи Г. Г. Пензина. Он почти повсеместно сохранился, но не смог оказать ревкомам практически никакого сопротивления при отстранении от управления краем. В то же время было бы неверно полагать, что слом помещичье-буржуазной государственной машины завершился упразднением органов колчаковской и земской администрации. Упорная борьба за разрушение остатков старого государственного аппарата, использованного при создании отделов ревкомов, продолжалась в течение всего 1920 г. «Отсечение» (ленинский термин) от него контрреволюционных и сохранение культурных, лояльных к Советской власти элементов пронизывали все содержание, составляли главное направление деятельности ревкомов.

По нашему мнению, заслуга губернских и уездных ревкомов Сибири состоит главным образом в том, что, во-первых, в обстановке гражданской войны, опираясь на моральный авторитет Советской власти и силу Красной Армии, они в основном разрушили колчаковскую

²³⁷ ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 4, л. 113.

²³⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 171.

государственную машину; во-вторых, что ревкомы оперативно и в максимально возможной степени привлекли к формированию советского исполнительного аппарата сотрудников военных органов, актив восстановленных массовых организаций трудящегося населения, раньше не участвовавшего в политической жизни, поставили на службу диктатуре пролетариата знания и опыт буржуазных специалистов; в-третьих, что государственный аппарат, состоявший преимущественно из социально чуждых рабочему классу элементов, они заставили действовать в интересах Советской власти.

* * *

Вторым по значимости направлением в работе губернских и уездных ревкомов являлось руководство собственными отделами и нижестоящими органами Советской власти, находившимися на подведомственной ревкомам территории. О содержании, формах, методах и результатах этой деятельности можно судить по протоколам заседаний ревкомов и их отделов, по издававшимся ими приказам, постановлениям, распоряжениям, инструкциям, циркулярам. Эти же документы позволяют утверждать, что обстановка, в которой губернским и уездным ревкомам пришлось работать, была исключительно сложной. Тифозная эпидемия, недостаток продовольствия и топлива, жилищный кризис в городах, разруха в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, ожесточенное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов — вот краткая характеристика этих условий.

Ход и итоги борьбы советских органов Сибири по преодолению возникших трудностей получили освещение в исторической литературе. В то же время в ней отсутствует специальный анализ такой важной проблемы, как формы и методы работы ревкомов, без всестороннего исследования которой нельзя дать научно обоснованный ответ на вопрос о сущности ревкомов как органов государственной власти в РСФСР.

Отсутствие в распоряжении большинства губернских и уездных ревкомов Сибири декретов и других руководящих указаний центральных органов Советской власти,

острый недостаток квалифицированных сотрудников, способных возглавить отделы, в значительной мере обусловили формы работы ревкомов, в частности, вызвали необходимость установить с их стороны строгий контроль за деятельностью отделов. С этой целью применялись различные меры. В Омске, Семипалатинске и Тюкалинске, например, члены ревкомов распределили между собой обязанности по наблюдению за отделами²³⁹. Ряд ревкомов периодически или по мере необходимости заслушивал доклады заведующих отделами о проделанной работе. Щегловский уездный ревком практиковал это почти на всех своих заседаниях²⁴⁰. В Омске и Черемхово заведующие отчитывались на заседаниях ревкомов соответственно раз в две недели и раз в месяц²⁴¹. Енисейский губернский и Канский уездный ревкомы приняли решения, в соответствии с которыми приказы и постановления отделов в первом случае не разрешалось публиковать без визы председателя, во втором — без рассмотрения и одобрения их всем ревкомом²⁴².

В ряде случаев члены ревкомов непосредственно возглавляли отделы. Чаще всего они руководили отделом управления. Такой порядок существовал в Бийске, где эти обязанности в разное время совмещали В. Е. Орлов и В. А. Черных, в Иркутске — В. Л. Букатый, И. М. Касаткин, А. Я. Флюков, Новониколаевске — Г. К. Соболевский, Омске — И. Д. Апасов, В. О. Илютович, Томске — Ф. Е. Орлов. Член Алтайского губревкома А. А. Селезнев одновременно возглавлял губсовнархоз, а Г. И. Чусов — работал в отделе труда. В феврале — апреле 1920 г. председатель Бийского уездного ревкома П. А. Чукмасов занимал также пост продовольственного комиссара, а в июне — августе 1920 г. член Омского губревкома Л. Е. Гольдич — заведующего отделом здравоохранения.

Нередко членам ревкомов поручали контроль за выполнением ответственных заданий возлагавшихся на

²³⁹ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 3, л. 18, 68, 105; д. 31, л. 209; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 18, л. 1; «Известия Омского революционного комитета», 1919, 18 ноября.

²⁴⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 194.

²⁴¹ Там же, оп. 2, д. 25, л. 11; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 130, л. 14.

²⁴² «Красноярский рабочий», 1920, 30 янв.; «Красная звезда», Канск, 1920, 23 мая.

отделы. Так, 27 мая 1920 г. совместное заседание Семипалатинского губбюро РКП(б) и губревкома обязало И. А. Завадского присутствовать на всех заседаниях губпродкома по вопросам продрозверстки²⁴³. Постановлением Томского губревкома от 24 июня 1920 г. на Ф. Е. Орлова была возложена задача участвовать в заседаниях коллегии губЧК²⁴⁴. Осенью 1920 г. в тяжелом положении оказались детские дома, приюты и столовые Иркутска. Они испытывали недостаток в топливе, продовольствии, одежде. 5 ноября В. Л. Букатый получил задание губревкома принять энергичные меры для устранения всех недостатков, а также «взять детские дома, столовые и приюты под свой особый контроль»²⁴⁵.

Для обсуждения и принятия решений по принципиальным вопросам работы отделов, координации их деятельности между собой практиковались заседания ревкомов с заведующими отделами и представителями заинтересованных ведомств. Барнаульский, Бийский, Омский и Томский ревкомы признали необходимым проводить заседания с заведующими отделами раз в неделю, а Семипалатинский — раз в две недели²⁴⁶. Из 128 заседаний, проведенных Черемховским уездным ревкомом, 31 состоялось с заведующими отделами²⁴⁷. Иногда решения по принципиальным вопросам принимались на заседаниях президиумов или коллегий заинтересованных отделов, но обязательно с участием руководства ревкомов²⁴⁸.

Обращение отделов к авторитетному мнению ревкомов было тем более необходимо, что сначала они не получали исчерпывающих руководящих указаний от отделов Сибревкома. В интервью корреспонденту газеты «Советская Сибирь» заместитель председателя Сибревкома В. Н. Соколов позднее отметил, что первый период работы отделов губернских и уездных ревкомов «проходил всецело под знаком самостоятельных исканий, при-

²⁴³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2277, л. 157.

²⁴⁴ Там же, д. 300а, л. 3.

²⁴⁵ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 115, л. 18.

²⁴⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 143; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 3, л. 11; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 19, л. 63; «Сибирский коммунист», 1920, 25 янв.

²⁴⁷ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 130, л. 14.

²⁴⁸ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 118; ф. 28, оп. 1, д. 22, л. 4, 32; ф. 216, оп. 1, д. 1666, л. 49—54, 59—62; ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 9, л. 8—10, 48, 49.

способления общей политики к местным конкретным условиям»²⁴⁹.

В тех случаях, когда намечавшиеся отделами мероприятия оказывались приемлемыми, ревкомы давали санкцию на их проведение в жизнь и сами принимали активное участие в выполнении таковых. Вот как характеризовал работу Томского губревкома Г. К. Соболевский. «Будучи носителем высшей революционной власти, — говорил он, — всюду и во всем, где только чувствовалась необходимость и условия момента требовали тех или иных определенных и авторитетных решений, губревком издавал соответствующие приказы, учреждал чрезвычайные полномочные органы, принимал экстренные меры»²⁵⁰. Но случалось и так, что ревкомы отклоняли предложения своих отделов как несвоевременные или не отвечающие условиям момента²⁵¹.

В целом же благодаря руководству и контролю со стороны ревкомов отделы, по мнению В. Н. Соколова, «обнаружили и достаточную чуткость и достаточное понимание своих задач». «За редким исключением оказывается, — подчеркнул он, — что пришедшие затем руководящие указания в большинстве случаев не расходятся с теми местными мероприятиями, которые отделами проводились ранее»²⁵².

С укреплением отделов Сибревкома и по мере того, как улучшалось их руководство губернскими и уездными отделами, ревкомы стали уделять много внимания координации действий различных ведомств, особенно тех, где была наибольшая централизация: военного, народного хозяйства, продовольственного. Если в первое время методы достижения этой цели не являлись четко регламентированными, то постепенно ревкомы выработали оптимальные организационные формы, позволяющие им достигать согласованной деятельности своего исполнительного аппарата. Так, для предотвращения и ликвидации ведомственного сепаратизма отделов 1 июня 1920 г. Омский губревком признал необходимым добиваться теснейшей «живой» связи между все-

ми отделами, особенно при выполнении задач, представлявших взаимный интерес. Он предложил вопросы, которые отделы не могли согласовать самостоятельно, выносить на заседания губревкома. Для решения важнейших хозяйственных вопросов был создан консультативный орган — губерническое экономическое совещание в составе членов губревкома (с правом решающего голоса), военкома, продкомиссара, заведующего земельным отделом и председателя совнархоза (с правом совещательного голоса)²⁵³.

В середине июня 1920 г. в Омске разработали и приняли регламент работы губревкома, в соответствии с которым устанавливались три основных типа его заседаний: заседания членов губревкома; заседания членов губревкома с участием заведующих важнейшими экономическими отделами (народного хозяйства, продовольственного и земельного) и губвоенкома; ежемесячные пленарные заседания губревкома, на которые приглашались заведующие всеми отделами²⁵⁴.

Тогда же в Томске для согласования административно-хозяйственных мероприятий отделов при губревкоме было образовано постоянное совещание в составе заведующих (или их заместителей) отделами народного хозяйства, земельного, труда и губпрофсовета (в случае необходимости на совещание разрешалось приглашать представителей других заинтересованных ведомств). Совещание получило полномочия решать такие важные вопросы, как учет и распределение рабочей силы, определение образцовых и «ударных» предприятий, право их усиленного снабжения рабочей силой, средствами производства, продовольствием²⁵⁵.

Для координации деятельности Иркутского губсовнархоза и губпродкома 5 октября 1920 г. местный губревком создал экономическое совещание в составе председателя губревкома А. Д. Шнейдера, губпродкомиссара Н. К. Сенотрусова и представителя губсовнархоза²⁵⁶.

В июне — июле 1920 г. вопрос о достижении согласованной деятельности отделов губревкомов между собой и с соответствующими отделами Сибревкома об-

²⁴⁹ «Советская Сибирь», 1920, 13 июля.

²⁵⁰ Первый съезд председателей волревкомов Новоиколаевского уезда Томской губ., с. 33.

²⁵¹ См., например: ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 100.

²⁵² «Советская Сибирь», 1920, 13 июля.

²⁵³ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 3, л. 102.

²⁵⁴ Там же, л. 105; «Советская Сибирь», 1920, 27 июня.

²⁵⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300, л. 201.

²⁵⁶ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 114, л. 286.

суждали Омский и Томский губревкомы²⁵⁷. По поручению Омского губревкома А. А. Ширямов обратился в Сибревком с просьбой урегулировать взаимоотношения между отделами Сибревкома и губревкомов²⁵⁸.

С санкции Сиббюро ЦК РКП(б)²⁵⁹ в конце июля 1920 г. Сибревком издал специальное распоряжение «О деятельности ревкомов и их взаимоотношениях с отделами», разработанное в соответствии с Конституцией РСФСР и постановлениями VII Всероссийского съезда Советов, в котором на ревкомы были возложены следующие задачи: проведение в жизнь постановлений и распоряжений высших органов Советской власти; принятие необходимых мер в целях экономического и культурного развития подведомственной им территории; решение всех вопросов, имевших местный характер; объединение всей советской работы на подведомственной территории. В распоряжении была определена и компетенция отделов ревкомов. Они обязывались исполнять все постановления и предписания соответствующих наркоматов, отделов вышестоящих ревкомов и местного ревкома. Ответственность за работу отделов возлагалась как на их заведующих, так и на ревком в целом. В распоряжении Сибревкома отмечалось, что все мероприятия, предпринимаемые отделами во исполнение заданий общегосударственного характера по прямому указанию центральных органов, в подтверждении местного ревкома не нуждаются. Мероприятия местного характера или осуществляемые без прямого указания центральных органов отделы могли проводить только с санкции своего ревкома. Губревкомы Сибири не могли отменять или приостанавливать действие распоряжений вышестоящих инстанций, а должны были каждый раз обращаться с этой целью в Сибревком²⁶⁰. Благодаря изданию распоряжения Сибревкома «О деятельности ревкомов и их взаимоотношениях с отделами» губернские и уездные ревкомы Сибири получили возможность и реальные права для устранения ведомственного сепаратизма и лучшего согласования работы своих отделов. Ос-

²⁵⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300, л. 195, 196; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 3, л. 112, 114; д. 87, л. 19; «Советская Сибирь», 1920, 9 июля.

²⁵⁸ «Советская Сибирь», 1920, 14 июля.

²⁵⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 15, 17.

²⁶⁰ Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 год. Омск, 1921, с. 45, 46.

новываясь на распоряжении Сибревкома, Семипалатинский ревком, например, с августа 1920 г. стал систематически проводить объединенные совещания членов губревкома с заведующими отделами, различные межведомственные заседания²⁶¹. Только в течение одного месяца, с 13 сентября по 12 октября, под руководством губревкома состоялось 13 таких заседаний²⁶².

В ряде случаев для выполнения различного рода заданий губернские и уездные ревкомы создавали временные межведомственные или чрезвычайные органы. Например, в связи с обострением классовой борьбы в Сибири во многих уездных центрах края с разрешения Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома и представительства ВЧК в Сибири образовывались уездные органы ВЧК, которые в центральных районах страны к тому времени были упразднены²⁶³.

В июне 1920 г. по указанию Сибревкома в целях координации продовольственной работы с административной и военной в Алтайской, Енисейской, Иркутской и Семипалатинской губерниях образовались губернские продовольственные совещания в составе председателей — губпродкомиссаров и двух членов — председателей губревкомов и губвоенкомов²⁶⁴. Губпродсовещания оперативно решали все наиболее важные вопросы продовольственной политики. По сути дела, они стали чрезвычайными органами ревкомов, распоряжения которых в продовольственной области были обязательными для всех отделов ревкомов и местных органов Советской власти.

6 июля 1920 г. по приказу председателя Сибревкома и Помглавкома по Сибири Алтайское губоргбюро РКП(б) образовало «пятерку» по борьбе с бандитизмом на территории Алтайской и Семипалатинской губерний. «Пятерку» возглавил председатель губоргбюро РКП(б) В. В. Аристов, а ее членами стали председатель губрев-

²⁶¹ См.: ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 76, л. 83.

²⁶² Там же, д. 27, л. 54; д. 78, л. 35—37, 41, 42, 48, 54; ПАСО, ф. 2, оп. 1, д. 21, л. 6—8.

²⁶³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 151, л. 35; д. 158, л. 3—5; д. 163, л. 44; д. 210, л. 127; д. 269, л. 18; оп. 2, д. 25, л. 70; Пензин Г. Г. Указ. соч., с. 36, 37.

²⁶⁴ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 205, л. 28; ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 501, л. 2—4; д. 516, л. 66; «Степная правда», 1920, 5 июня.

кома П. Л. Пахомов, председатель губЧК И. И. Кар-
клин, начальник 26-й дивизии и Барнаульского гарнизо-
на Я. П. Гайлит, командир 87-й бригады войск внутрен-
ней охраны Ф. А. Пасынков²⁶⁵.

В соответствии с приказом Сибревкома от 25 августа
1920 г. в остальных губерниях Сибири для борьбы с
бандитизмом учреждались полномочные «тройки» во
главе с председателями губревкомов и в составе предсе-
дателей губЧК и губвоенкомов. Как свидетельствует
деятельность иркутской губернской «тройки» в составе
А. Д. Шнейдера, А. П. Марцинковского и В. Певзнера,
эти чрезвычайные органы не только руководили подав-
ленным антисоветских мятежей, но и провели большую
работу по предотвращению возможных контрреволю-
ционных выступлений. Например, иркутская губернская
«тройка» 4 сентября 1920 г. постановила создать
аналогичные «тройки» во главе с председателями ревко-
мов и в составе членов — военкомов и заведующих по-
литбюро — в уездах²⁶⁶. 12 ноября иркутская «тройка»
заслушала доклад В. Певзнера о политическом поло-
жении в губернии. Вопрос рассматривался в связи с тем,
что осенью по Восточной Сибири прокатилась волна ан-
тисоветских выступлений, в которые оказалась втяну-
той и часть трудящегося крестьянства. Следовало глупо
разобраться в причинах этих событий и принять
меры для их недопущения в дальнейшем. Решения
иркутской «тройки» свидетельствуют о том, что в прин-
ципе она правильно намечала направление работы.
Прежде всего «тройка» признала необходимым объеди-
нить и улучшить всю политическую информацию о про-
исходящих событиях. Она предложила губкому РКП(б)
через местные партийные органы выяснить причины
возникновения каждого мятежа, его лозунги, социаль-
ный состав участников (включая роль эсеров и пришло-
го элемента), отношение к контрреволюционным высту-
плениям местных органов Советской власти и населе-
ния. В случае, если имелись документы мятежников,
предлагалось использовать их для изучения форм и ме-
тодов антисоветской деятельности контрреволюции²⁶⁷.

²⁶⁵ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 101; ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 967,
л. 88.

²⁶⁶ ПАИО, ф. 1, оп. 11, д. 30, л. 34.

²⁶⁷ Там же, л. 33.

Много внимания губернские и уездные ревкомы уде-
ляли руководству местными советскими органами и кон-
тролю за их работой. Эти функции ревкомы осуществля-
ли как непосредственно, издавая приказы, постановления,
распоряжения, так и через отделы, подотделы, ком-
миссии, а также через уполномоченных, инструкторов,
агентов и т. п.

Первое время между губернскими и уездными рев-
комами, с одной стороны, волостными и сельскими — с
другой, существовала преимущественно так называемая
«циркулярная» связь. Она осуществлялась в письменном
виде и действовала только в одностороннем порядке,
сверху вниз: распоряжения губернских ревкомов пере-
давались уездным, те, в свою очередь, отдавали распо-
ряжения волостным ревкомам, а волостные — сельским.

Установление письменных контактов с местными со-
ветскими органами, хотя бы и односторонних, было
итогом больших усилий губернских и уездных ревкомов,
и их значение очевидно. Но столь же хорошо видны
и недостатки «циркулярной» связи. Отсутствие инфор-
мации со стороны сельских и волостных ревкомов ли-
шало уездные и губернские ревкомы возможности учи-
тывать местную специфику и опыт, принимать оператив-
ные решения с достаточным знанием дела. Поэтому
одну из своих основных задач губернские и уездные рев-
комы видели в установлении «живой» связи, позволив-
шей бы ликвидировать этот пробел.

Постепенно стала устанавливаться и упрочиваться об-
ратная связь: контакты низовых ревкомов с уездными
и губернскими. Она выразилась в присылке информа-
ции (протоколов заседаний, докладов, анкет, сводок),
в запросах, ходатайствах о содействии и т. п. Одним из
важнейших показателей установления обратной связи
можно считать обращение представителей местных совет-
ских органов в отделы управления губернских и уезд-
ных ревкомов. Весной — летом 1920 г. отделы управления
Алтайского и Енисейского губревкомов ежедневно при-
нимали до 60—75 представителей с мест²⁶⁸. На заседа-
ниях губернских и уездных ревкомов стали рассматри-
ваться вопросы, поднятые по инициативе низовых со-

²⁶⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 166; д. 348, л. 2; ГАКК, ф. 53,
оп. 1, д. 160, л. 95.

ветских органов. Так, по просьбе президиума Щегловского уездного исполкома 10 сентября 1920 г. Томский ревком обсудил два его постановления: первое — об оказании помощи скотом пострадавшему от контрреволюции населению за счет излишков, имевшихся в кулацких хозяйствах (от 17 июня 1920 г.); второе — о распределении среди бедноты, пострадавшей от контрреволюции, лошадей, отбитых у колчаковцев (от 3 сентября). Оба постановления президиума Щегловского исполкома получили одобрение Томского ревкома²⁶⁹.

С упрощением обратной связи губернские и уездные ревкомы стали более квалифицированно руководить и контролировать деятельность местных советских органов. После ознакомления с протоколами их заседаний, с отчетами, заслушивания докладов ревкомы принимали решения, санкционировавшие необходимые и целесообразные местные начинания и запрещавшие ошибочные, давали квалифицированные разъяснения, оказывали помощь опытными кадрами и т. п.²⁷⁰

В советской историографии на основании изучения главным образом структуры и деятельности губернских и уездных ревкомов тыла и прифронтовой полосы утвердилось мнение, что ревкомы были немногочисленными, исключительно гибкими, энергичными и решительными органами государственной власти. Характеризуя основные формы и методы работы ревкомов, большинство исследователей указывает на широкое применение ими боевых приказов, массовых мобилизаций, принуждения. Нередко эта оценка воспринимается некритически и безоговорочно переносится на ревкомы освобожденных от белогвардейцев местностей, где в отличие от положения, существовавшего в советском тылу и в прифронтовой полосе, ревкомы были единственными органами государственной власти. Задачи, стоявшие перед ревкомом освобожденных местностей, были гораздо шире, чем те, которые решали ревкомы тыла и прифронтовой полосы. На освобожденной от контрреволюции территории они занимались не только вопросами, связанными с военными нуждами, но и осуществляли все

без исключения мероприятия, возлагавшиеся на местные государственные органы. Между тем сибирские историки считают, что формы и методы, характерные для ревкомов тыла и прифронтовой полосы, превалировали и в работе ревкомов, созданных на освобожденной от контрреволюции территории²⁷¹. Наиболее решительно такую точку зрения отстаивает В. Т. Медведев. Особенность деятельности ревкомов по сравнению с Советами, полагает он, состояла в том, что большинство хозяйственных задач они решали «не только и не столько демократическими, сколько военно-диктаторскими методами»²⁷². «Основными методами работы революционных комитетов,— заключает он в другом случае,— были приказ, мобилизация, милитаризация гражданских учреждений, широкое использование мер принуждения и т. п.»²⁷³

По нашему мнению, согласиться с данным выводом нельзя, поскольку он был сформулирован априорно: ни одно направление хозяйственной деятельности ревкомов Сибири В. Т. Медведев специально не изучал; не был проделан даже простейший анализ удельного веса различных распорядительных актов и организационных форм работы ревкомов. Однако и без того совершенно очевидно, что приемы деятельности ревкомов освобожденных от контрреволюции местностей не могли быть идентичными формам и методам работы ревкомом тыла и прифронтовой полосы, создававшимся для решения преимущественно военных задач. К тому же характеристика ревкомов как эластичных органов находится в явном противоречии с выводом о том, что основными формами и методами их работы были боевые приказы и мобилизации, которые никак нельзя назвать гибкими.

Возникают вопросы: в чем же в таком случае состояла эластичность ревкомов как органов власти, благодаря чему она обеспечивалась? Изучение деятельности

²⁷¹ См., например: Агалаков В. Т. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири. 1919—1921 гг. Иркутск, 1958, с. 114; История Сибири. Л., 1968, т. 4, с. 152, 153.

²⁷² Медведев В. Т. Создание и деятельность революционных комитетов Западной Сибири (ноябрь 1919—1920 г.). Канд. дис. Томск, 1964, с. 315.

²⁷³ Медведев В. Т. О некоторых вопросах создания ревкомов в Западной Сибири в 1919—1920 гг.— «Труды Томск. ун-та. Сер. ист.», 1972, т. 226, с. 70.

²⁶⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300а, л. 124; ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 9, л. 6.

²⁷⁰ См., например, постановления и заключения Томского губревкома: ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300а, л. 27; ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 9, л. 5; д. 14, л. 95; д. 116, л. 14.

ревкомов Сибири позволяет утверждать, что, во-первых, в действительности диапазон форм и методов работы ревкомов был гораздо шире, чем считает большинство исследователей.

Во-вторых, гибкость ревкомов достигалась благодаря сочетанию традиционных форм и методов работы, присущих ревкомам как и всему советскому аппарату, с одной стороны, и военно-боевых, характерных для ревкомов как чрезвычайных органов государственной власти, — с другой. Большинство социально-экономических и культурных мероприятий ревкомы осуществляли, опираясь на исполнительный аппарат, строившийся по типу исполкомов Советов и действовавший аналогично конституционным советским органам. Вопросы же, связанные с военными нуждами и чрезвычайными заданиями, ревкомы освобожденных от неприятеля местностей решали преимущественно при помощи дополнительно учреждаемых органов («троек» и «пятерок» по борьбе с дезертирством и бандитизмом, чрезвычайных комиссий по борьбе с тифом, продовольственных совещаний и др.), используя специфические военно-боевые методы: распорядительная власть сосредоточивалась в руках немногочисленного руководства, исполнительный аппарат централизовывался и переводился на положение милитаризованного, на передний план выдвигались такие формы подхода к населению, как приказ и экстренная мобилизация. Отделы ревкомов, на которые возлагались военно-боевые и чрезвычайные задания, всегда находились в центре внимания партийных органов, работали под непосредственным руководством или контролем членов ревкомов, в тесном контакте с военными органами.

В-третьих, применение ревкомом различных форм и методов работы было дифференцировано не только с учетом характера выполнявшихся ими мероприятий, но и в зависимости от социально-классового состава населения, привлекавшегося к решению этих задач. Принудительные меры почти сразу же применялись по отношению к представителям свергнутых эксплуататорских классов. Например, ревкомы широко приступили к учету, а затем и использованию городской буржуазии и колчаковских беженцев для борьбы с тифом, топливным и продовольственным кризисами, снежными за-

носами железнодорожных путей и т. п. Уклонение указанных элементов от регистрации, а тем более от работы влекло за собой суровые санкции со стороны ревкомов²⁷⁴.

Иначе привлекалось к выполнению государственных заданий трудящееся население. В таких случаях ревкомы стремились сначала в максимальной степени использовать революционный энтузиазм рабочих и крестьян, весь колоссальный авторитет Советской власти, в которой население Сибири видело своего освободителя от колчаковского гнета. И только когда эти возможности оказывались полностью исчерпанными, ревкомы прибегали к чрезвычайным мерам.

В-четвертых, большое значение имел механизм выработки и применения ревкомом чрезвычайных мер. Он нередко включал в себя такой важный компонент, как предварительное обсуждение и одобрение намечавшегося мероприятия представителями широких трудящихся масс на беспартийных конференциях, на съездах представителей ревкомов, и лишь после этого они проводились в жизнь. Так, например, был осуществлен переход в заготовке продовольственных продуктов от «самотека» к разверстке на Алтае, в Омской и Томской губерниях. В середине февраля 1920 г. продовольственный вопрос рассматривался на Алтайском губернском съезде председателей волревкомов. Съезд, заслушав доклад губпродкомиссара Д. Е. Гольмана, подавляющим большинством голосов (193 — за, 21 — против, 8 — воздержалось) признал продовольственную диктатуру Советской власти «единственно возможной, правильной и способной уничтожить голод»²⁷⁵. В лице делегатов съезда алтайское крестьянство одобрило введение разверстки. Через несколько дней, основываясь на постановлении съезда волревкомов, Алтайский губпродком объявил о введении разверстки и предложил местным ревкомом оказывать крестьянам, желавшим сдать излишки хлеба, но не имевшим своего транспорта, всяческое содействие в его доставке на сыпные пункты, мобилизуя для

²⁷⁴ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 117, 118; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 77, 78; д. 99, л. 203; д. 201, л. 80; д. 301а, л. 45; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 193, л. 21; Омский губернский революционный комитет, с. 24.

²⁷⁵ «Алтайский коммунист», 1920, 22 февр.

этой цели лошадей кулаков и зажиточных крестьян²⁷⁶.

Еще более показательны решения съездов представителей волревкомов Атбасарского и Татарского уездов, на которых крестьяне добровольно взяли на себя обязательство сдать Советскому государству соответственно 1,0 и 0,5 млн. пудов хлеба²⁷⁷. Решения съездов не остались на бумаге, а были проведены в жизнь. Принятая по инициативе самих крестьян разверстка к 1 августа 1920 г. была выполнена на 81,5% в Атбасарском и 115,9% в Татарском уезде²⁷⁸.

Таким образом, решения о выполнении государственных заданий, затрагивавших интересы широких народных масс, нередко принимались ревкомом демократическим порядком, позволявшим учитывать как потребности всей страны, так и готовность рабочего класса и крестьянства к выполнению этих заданий. Именно эту сторону в деятельности Канского уездного ревкома хорошо подметила газета «Красноярский рабочий». Она писала: «Согласованность с планами и намерениями высших органов Советской власти, с одной стороны, соответствие насущным нуждам местного трудового населения, с другой стороны, красной нитью проходят через все мероприятия уревкома, являются характерными чертами всей его деятельности»²⁷⁹.

Подавляющее большинство историков изучает взаимосвязь ревкомов только в одном, вертикальном, разрезе и преимущественно в плане подчинения нижестоящих ревкомов вышестоящим. Такой односторонний подход, по нашему мнению, объективно ведет к неоправданному преувеличению удельного веса чрезвычайных форм и методов в деятельности ревкомов, не позволяет всесторонне раскрыть ту широкую социальную основу, на которой они базировались. На самом же деле вся система ревкомов функционировала исключительно благодаря тесной взаимосвязи с центральными и местными конституционными органами Советской власти, опираясь на широкие трудящиеся массы и их общественно-

политические организации: коммунистические ячейки, профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, беспартийные конференции. Во всех самых критических ситуациях, при решении самых острых вопросов ревкомы апеллировали к рабочему классу и трудящемуся крестьянству, в их среде искали дополнительные резервы для преодоления возникавших трудностей.

В этом отношении, пожалуй, наиболее ярким примером являются события в Иркутске в январе — феврале 1920 г., когда отступавшие колчаковцы угрожали свергнуть Советскую власть в городе. Иркутский ревком, по выражению его председателя А. А. Ширямова, сразу же развил «бешеную энергию»²⁸⁰. Решение ревкома о том, что он будет защищать Иркутск от колчаковцев до последней возможности, доведенное до сведения населения, как докладывал ревком, «было встречено восторженным энтузиазмом в рабочих массах города. Призыв к добровольчеству имел своим ближайшим результатом то, что все рабочее население города явилось под ружье (женщины записывались в учреждения Красного Креста, не желая отставать от мужчин) и профессиональным союзам пришлось прибегнуть к насильственному оставлению некоторой части рабочих на заводах и [в] мастерских, дабы не нарушить нормальное течение хозяйственной жизни»²⁸¹.

Своими первыми приказами Иркутский ревком осуществил реорганизацию вооруженных сил: сформировал из партизанских отрядов, рабоче-крестьянских дружин и перешедших на сторону Советской власти колчаковских солдат Восточно-Сибирскую регулярную армию, на командные и политические должности в которой назначил коммунистов²⁸². Набережная Ангары была укреплена, на улицах устроены баррикады и установлены заграждения²⁸³. «Не было потеряно, — как считал А. А. Ширямов, — ни одной минуты»²⁸⁴.

²⁸⁰ Ширямов А. Указ. соч., с. 36.

²⁸¹ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 404, л. 18.

²⁸² Там же, д. 97, л. 1—3, 13; д. 149, л. 2; ПАИО, ф. 300, оп. 1, д. 864, л. 5, 15; «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 24 янв.; «Сибирская правда», 1920, 24 янв.; Дворянов Н., Дворянов В. В тылу Колчака. М., 1966, с. 224—228.

²⁸³ «Сибирская правда», 1920, 17 февр.

²⁸⁴ Ширямов А. Указ. соч., с. 36.

²⁷⁶ ГААК, ф. 28, оп. 1, д. 101, л. 107; «Алтайский коммунист», 1920, 26 февр.

²⁷⁷ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 496, л. 69; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 646, л. 21; «Известия ВЦИК», 1920, 30 марта.

²⁷⁸ ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 9, л. 68.

²⁷⁹ «Красноярский рабочий», 1920, 17 марта.

В создании Восточно-Сибирской регулярной армии и укреплении обороноспособности города неизмеримую помощь Иркутскому ревкому оказал местный горсовет. Он неоднократно заслушивал доклады ревкома, одобрял его деятельность, принимал необходимые для ревкома резолюции, которые депутаты Совета доводили до сведения своих избирателей. В результате, по свидетельству А. А. Ширямова, город жил «единой волей и единым решением»²⁸⁵. Колчаковцы после нескольких неудачных попыток взять Иркутск были вынуждены расстаться с этим намерением.

Точно так же большую поддержку со стороны населения ревкомы Сибири получили в борьбе с так называемой «исторической» контрреволюцией: организаторами, руководителями и активными участниками свержения Советской власти в крае в 1918 г. Енисейская губЧК определенно подчеркивала в своем отчете, что она справилась с этой задачей «столь быстро и легко лишь потому, что широкие массы трудящихся приняли в ней самое живое и горячее участие»²⁸⁶.

Удовлетворительное решение ревкомы Сибири таких важных хозяйственных проблем, как налаживание управления производством, внедрение социалистической дисциплины труда, восстановление разрушенной экономики также объяснялось их теснейшими связями с рабочими и трудящимся крестьянством. Например, С. М. Франкфурт, обследовавший в середине 1920 г. деятельность местных органов народного хозяйства края, писал: «...Сравнивая предприятия и отделы, во главе коих стояли рабочие, с остальными, мы безусловно видели более живую работу и с большими результатами. Если в органах, возглавляемых рабочими, приходится говорить о недостатках их механизма, то в других нужно констатировать полную оторванность от жизни»²⁸⁷. «Теперь, — писал осенью 1920 г. В. М. Косарев, подводя итоги деятельности ревкомов Сибири, — после года упорной борьбы с разрухой, потребовавшей от нас величайшего напряжения всех сил, мы смело можем сказать, что за нами шли массы. Только величайший геро-

²⁸⁵ Ширямов А. Указ. соч., с. 37.

²⁸⁶ «Красноярский рабочий», 1921, 1 янв.

²⁸⁷ «Бюллетень Сибирского совета народного хозяйства», 1920, № 2-3, с. 2.

изм рабочих и крестьян помог нам выйти из беды. Мы видели, как они без хорошей одежды и обуви в лютую погоду работали по восстановлению хозяйства. Сотни и тысячи рабочих и крестьян шли в школы, [в] казармы, на фронт, в советские учреждения — всюду, куда их звала Советская власть на борьбу с ее врагами»²⁸⁸.

Кроме того, следует указать, что в период ревкомов в Сибири регулярно и повсеместно использовались такие эффективные и глубоко демократические формы связи органов государственной власти с населением, как съезды представителей сельских, волостных и уездных ревкомов. Между тем в литературе назначение съездов представителей ревкомов нередко трактуется узко — как информационно-инструкторских. Действительно, первые съезды представителей ревкомов во многом преследовали цели информации и инструктажа сотрудников местных ревкомов. Но устроители и участники съездов почти никогда не ограничивались только этой задачей. Они ставили на повестку дня, обсуждали и решали многие важные вопросы местной жизни. Показателен хотя бы пример уездных съездов представителей волостных ревкомов Томской губернии, проходивших в феврале 1920 г. Они созывались в соответствии с распоряжением губревкома, в котором задача съездов была сформулирована следующим образом: «напряжения всех сил по увеличению подвоза продовольствия и топлива, ознакомление с положением момента и с методами советского строительства»²⁸⁹.

В дальнейшем роль съездов представителей местных ревкомов как совещательных органов при губернских и уездных ревкомах, как оперативных информационных каналов и мощных средств мобилизации населения на выполнение государственных заданий продолжала возрастать. Об этом можно судить по повестке дня съезда представителей и заведующих отделами управления уездных, районных и аймачных ревкомов Иркутской губернии, состоявшегося в сентябре 1920 г. На съезде заслушивались доклады с мест, обсуждались вопросы о

²⁸⁸ Косарев В. Путь к Советам. — В кн.: Три года борьбы за диктатуру пролетариата, с. 93.

²⁸⁹ ГАОН, ф. 1137, оп. 1, д. 16, л. 9.

выполнении продовольственной разверстки, проведении трудовой повинности, деятельности милиции, административном делении губернии, оказании помощи статистическим органам в проведении Всероссийской переписи²⁹⁰. В течение 1920 г. в деятельности волостных, уездных и губернских съездов представителей ревкомов Сибири в общей сложности участвовали тысячи рабочих и крестьян. Подлинно народными форумами стали, например, губернские съезды представителей ревкомов Алтайской, Енисейской и Иркутской губерний, на которых присутствовало более 200 делегатов с мест в первом случае и почти по 150 — во втором и третьем²⁹¹.

О положительном значении этих съездов свидетельствуют многие факты. Так, член Томского губревкома Г. К. Соболевский, выступая на Новониколаевском уездном съезде председателей волостных ревкомов с заключительным словом по докладам с мест, от имени губревкома заявил: «Ваши доклады, к которым губернский революционный комитет чутко прислушивался, дали [возможность] узнать не только все ваши нужды и требования, но и также выяснить свои недостатки и обнаружить свои прорехи. Ваши доклады с мест сослужат нам большую службу также и в том, чтобы возможно скорее и лучше исправить эти прорехи и наладить аппарат управления»²⁹². Председатель Ачинского уездного съезда представителей волревкомов, писал: «...Работа съезда не пропадет даром. Все данные из докладов, все местные нужды крестьян занесены в протоколы съезда и ими будет руководствоваться в предстоящей своей работе уревком»²⁹³.

Одним из основных источников успехов, достигнутых в нашей стране диктатурой пролетариата, В. И. Ленин считал единство воли рабочих и трудящихся крестьян, которое достигалось новым в мировой истории «советским путем». Это единство воли вырабатывалось самым демократическим образом на многочисленных съездах рабочих и крестьян, которые обсуждали и принимали решения по всем острым вопросам жизни. Благодаря такой широкой социальной основе, по словам

²⁹⁰ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 374, л. 10—13.

²⁹¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 348, л. 18; «Алтайский коммунист», 1920, 22 февр.: «Красноармейская правда», Красноярск, 1920, 10 апр.

²⁹² Первый съезд председателей волревкомов Новониколаевского уезда Томской губ., с. 146.

²⁹³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 297, л. 157.

В. И. Ленина, решения Советской власти приобретали «невиданную в мире силу авторитета, силу рабочих и крестьян»²⁹⁴. На примере Сибири можно заключить, что отмеченный В. И. Лениным «советский путь» выработки и принятия решений был органически присущ и чрезвычайно государственным органам — ревкомам освобожденных от контрреволюции местностей.

Естественно, что в деятельности ревкомов Сибири были не одни только достижения; имелись также пробелы, недостатки и даже ошибки. К числу последних следует отнести предпринимавшиеся иногда ревкомом попытки расширить сферу применения чрезвычайных методов за пределы целесообразного. Наиболее типичная ошибка такого порядка — издание некоторыми ревкомом Сибири приказов и постановлений о принудительной ликвидации неграмотности среди всего взрослого населения в срок от одного месяца до года. По отношению к уклонявшимся от обучения намечались суровые меры наказания: лишение избирательного права (Маринск), исключение из профсоюза, увольнение с работы и перевод в низшую продовольственную категорию (Омск), привлечение к уголовной ответственности (Томск)²⁹⁵.

Не все губернские и уездные ревкомы квалифицированно и оперативно руководили своими отделами и нижестоящими советскими органами²⁹⁶, что отрицательно отражалось на постановке административной и итогах хозяйственной работы, настроениях широких рабочих и крестьянских масс²⁹⁷. Это были недостатки, в основном обусловленные объективными трудностями становления нового, советского строя. Председатель Щегловского уездного ревкома П. Н. Старостин, отчитываясь о его работе на съезде Советов, говорил: «Все, что было в силах ревкома, им сделано. Без сомнения, надо было сделать больше, но не было физической возможности»²⁹⁸. Недочеты в деятельности ревкомов, конечно, серьезно сни-

²⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 40, с. 309.

²⁹⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 53; ГАКО, ф. 606, оп. 1, д. 6, л. 20; «Советская Сибирь», 1919, 21 дек.

²⁹⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300а, л. 85; оп. 2, д. 25а, л. 86; ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 10; «Бюллетень Сиббюро ВСНХ», 1920, № 4-5, с. 1.

²⁹⁷ «Жизнь Красной Сибири», Омск, 1920, № 2, с. 21, 22; № 4, с. 17—19.

²⁹⁸ ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 2, л. 71.

жали итоги их работы, но они не затрагивали, не могли изменить классовую сущность ревкомов как чрезвычайных органов диктатуры пролетариата.

* * *

Губернские и уездные ревкомы Сибири были образованы на правах ревкомов освобожденных от контрреволюции местностей. Главное их назначение состояло в ликвидации колчаковского и организации советского губернского и уездного исполнительного аппарата, в осуществлении постоянного руководства им и нижестоящими органами Советской власти. Проведя колоссальную по объему и трудности работу, ревкомы в основном справились с этими задачами.

С самого начала губернские и уездные ревкомы Сибири создавались не только для осуществления чрезвычайных мероприятий, но и для претворения в жизнь социально-экономических и культурных преобразований социалистического характера. По этим двум важнейшим направлениям работы дифференцировались формы и методы деятельности ревкомов. Первый круг вопросов ревкомы решали преимущественно при помощи чрезвычайных органов и мер. Основным методом, которым ревкомы мобилизовывали трудящиеся массы на претворение в жизнь хозяйственных и культурных задач, было убеждение, подкрепленное всем огромным авторитетом Советской власти.

При необходимости ревкомы дополняли убеждение принуждением, применявшимся по отношению к представителям бывших эксплуататорских классов и саботировавшим выполнение государственных заданий. Сила большевистской логики, основанной на знании законов общественного развития, классовой борьбы и объективной реальности, по отношению к рабочим и трудящимся крестьянам, логика государственной силы по отношению к врагам диктатуры пролетариата — так кратко можно определить основные методы работы ревкомов Сибири и второй, социальный критерий, дифференцировавший применение этих методов.

Глава третья

ВОЛОСТНЫЕ И СЕЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОМИТЕТЫ

(ноябрь 1919 — октябрь 1920 г.)

В Сибири, как и в некоторых других районах страны, организация ревкомов не ограничилась созданием областного, губернского и уездного звеньев. Первоочередные задачи советского строительства в сибирской деревне и условия их реализации вызвали необходимость образования волостных и сельских (поселковых, деревенских) ревкомов. Волостные и сельские ревкомы внесли важный вклад в окончательный разгром колчаковщины и ликвидацию ее последствий, в укрепление социальной опоры Советской власти — союза рабочего класса и трудящегося крестьянства. В конце 1919 — первой половине 1920 г. они являлись главными проводниками пролетарского влияния на крестьянство Сибири.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ. СОЗДАНИЕ РЕВКОМОВ, ИХ СОЦИАЛЬНЫЙ И ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ

Изгнание из Сибири белогвардейцев и интервентов сопровождалось повсеместным упразднением колчаковской администрации и восстановлением Советской власти. Создание советских органов на селе осуществлялось в благоприятной политической обстановке. Полторагодичное господство контрреволюции дало возможность сибирскому крестьянству на практике сравнить пролетарскую и буржуазно-помещичью диктатуры и сделать выбор в пользу первой, а жесточайший террор и грабежи отступавших колчаковцев сыграли в этом смысле роль своеобразного катализатора. Газета Новонико-

лаевской организации РКП(б) писала: «Ограбленная, разоренная и иссеченная нагайками колчаковских опричников, обманутая и ошеломленная мелкобуржуазными идеологами, пылающая сплошным огнем революционного пожара сибирская деревня представляет теперь самую благодатную почву для укрепления в ней Советской власти». Восстановление Советской власти, делала вывод газета, «становится кровным требованием сибирского крестьянина»¹.

В Сибири можно выделить три группы районов, которые отличались друг от друга условиями образования волостных и сельских советских органов: районы передвижения и временной дислокации частей Красной Армии, районы партизанского движения, остальная территория, на первых порах в меньшей степени подверженная большевистскому влиянию.

Наиболее благоприятная обстановка сложилась в первой группе районов, где действовали инструкторы-организаторы крестьянских секций дивизий и крестьянского подотдела политотдела 5-й армии. В их задачу наряду с организацией коммунистических ячеек, агитационной и пропагандистской работой, разъяснением декретов и постановлений Советской власти входило также создание временных ревкомов, сельсоветов и волисполкомов.

Сотрудники политорганов пришли в деревню как полномочные представители Красной Армии, в которой трудящиеся видели своего освободителя от колчаковского произвола и насилия, и, в свою очередь, нашли полное понимание и поддержку со стороны крестьянства. Можно определенно утверждать, что только благодаря политическому подъему, возникшему в связи с присутствием в сибирской деревне частей Красной Армии, ее огромному авторитету среди населения и большой активности самого крестьянства стало возможным под руководством небольшого числа политработников оперативное создание сотен волостных и сельских советских органов. Только в декабре 1919 г. крестьянская секция 30-й дивизии, насчитывавшая около 50 сотрудников, организовала 18 волостных и 3 сельских ревкома, 28 вол-

¹ «Бюллетень Новониколаевского организационного бюро РКП(б)», 1919, 18 дек.

исполкомов, 227 сельсоветов². За это же время инструкторы крестьянской секции и сотрудники политотдела 51-й дивизии создали 57 волревкомов, 26 волисполкомов, 233 сельсовета³. В одном Новониколаевском уезде крестьянская секция 27-й дивизии в первой половине января 1920 г. организовала 13 ревкомов, 12 волисполкомов, 49 сельсоветов⁴.

Обобщающих данных с количестве и удельном весе волостных и сельских советских органов, созданных при участии политработников Красной Армии, нет; имеются лишь сведения по отдельным уездам. Так, 18 января 1920 г. на заседании Томского губревкома сообщалось, что в Новониколаевском уезде 29 из 64 волостных ревкомов и исполкомов были образованы отделом управления, а остальные, т. е. более 50%, — армейскими политработниками⁵. Конечно, приведенный пример далеко не типичен, поскольку Новониколаевский уезд временно оказался местом дислокации нескольких дивизий и по насыщенности армейскими коммунистами значительно превосходил другие уезды Сибири. Но, по-видимому, не будет большой ошибкой утверждать, что в Западной Сибири около четверти сельских органов Советской власти было образовано политработниками⁶.

Политработники не ограничивались деятельностью по созданию советских органов. Они вели агитационную и пропагандистскую работу, устраивали собрания, сходки, митинги, распространяли листовки, брошюры, газеты, образовывали коммунистические и комсомольские ячейки, культурно-просветительные кружки. Военком одной

² Медведев В. Т. Роль политотделов частей Красной Армии в создании ревкомов в Западной Сибири в 1919—1920 гг. — «Труды Томск. ун-та. Сер. ист.», 1965, т. 158, с. 157, 159.

³ ЦГАСА, ф. 1454, оп. 1, д. 117, л. 2.

⁴ Болотовская К. И. Из истории агитационно-пропагандистской работы Коммунистической партии в Сибири (1919—1920 гг.). — В кн.: Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972, с. 253.

⁵ ЦГАСА, ф. 1454, оп. 1, д. 73, л. 68; Медведев В. Т. Указ. соч., с. 159.

⁶ Наиболее полные данные о количестве ревкомов, Советов и исполкомов, организованных коммунистами Красной Армии, на основании которых делается данный вывод, содержатся в отчетах и сводках крестьянского подотдела политотдела 5-й армии и крестьянских секций политотделов дивизий. (См.: ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 116, л. 53—55; ЦГАСА, ф. 185, оп. 2, д. 257, л. 4—9, 26—29, 92; ф. 1346, оп. 1, д. 173, л. 36; ф. 1454, оп. 1, д. 72, л. 1—7; д. 73, л. 1—9; д. 117, л. 3, 4).

бригады метко назвал все эти начавшиеся «первичными клеточками», «которые впоследствии должны разрастись в здоровый организм рабоче-крестьянской власти в Сибири»⁷.

Более сложная обстановка существовала в районах партизанского движения. Социальный состав сибирских партизан не был однородным. В антиколчаковских вооруженных выступлениях участвовали выходцы из различных классов и слоев, имевшие своих идеологов. В рамках партизанского движения между выразителями интересов этих классов и слоев шла острая борьба за руководство, которая нашла выражение в различных взглядах на необходимость создания, сущность и формы партизанских органов власти.

Против образования каких-либо органов власти в партизанских районах выступали анархисты. Идею буржуазно-демократической государственности во главе с Учредительным собранием и земскими управами или беспартийными Советами в качестве ее местных органов пропагандировали меньшевики и эсеры. За восстановление Советов как органов диктатуры пролетариата боролись большевики.

В исторической литературе вопросы о социальном составе и сущности партизанских органов власти решаются неоднозначно. Один из первых исследователей Северо-Канского фронта А. Владимиров фактически признавал общекрестьянский состав партизанских Советов, но тем не менее называл их «боевыми органами диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства»⁸. В. К. Логвинов, изучавший советское строительство в Степно-Баджейской республике, даже не ставил вопросов о классовом составе и сущности партизанских органов управления, полагая как само собой разумеющееся, что они были органами диктатуры пролетариата⁹. Рассмотрев некоторые стороны деятельности партизанских Советов Восточной Сибири, Г. Д. Большаков пришел к выводу, что они «отражали общую политику Советского

⁷ «Красный стрелок», 1920, 7 янв.

⁸ Владимиров А. Организация Советской власти на территории партизанских отрядов Северо-Канского фронта.— «Учен. зап. Казан. юрид. ин-та», М., 1940, вып. 1, с. 56, 76, 78.

⁹ Логвинов В. К. Советское строительство на освобожденной территории Степно-Баджейской партизанской республики.— «Труды Краснояр. с.-х. ин-та», 1958, т. 2.

государства и Коммунистической партии»¹⁰. Г. Г. Пензин, исследовавший правотворчество партизанских Советов Сибири, выразил мнение о том, что по своей сущности они являлись органами диктатуры пролетариата¹¹.

Иную точку зрения по данным вопросам на материале Енисейской губернии высказал, а затем стал доказывать применительно ко всей Сибири Ю. В. Журов. По его мнению, общекрестьянский антиколчаковский фронт, сложившийся в конце 1919 — начале 1920 г. на короткий промежуток времени в основных районах партизанского движения, объективно обусловил революционно-демократический характер большинства партизанских органов власти¹².

Разногласия среди исследователей вызывают необходимость дать краткую характеристику социального состава партизанских органов власти, которая во многом обусловила их работоспособность и дальнейшую судьбу. Наиболее показателен в этом плане анализ обстановки на Алтае — крупнейшем очаге антиколчаковской борьбы в Западной Сибири. К приходу Красной Армии на Алтае существовали Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов (Облаком), около 30 районных военно-революционных штабов, исполкомов и ревкомов; в волостях и селах были организованы Советы, исполкомы или ревкомы¹³. Создание этих волостных и сельских органов власти осуществлялось в соответствии со специальной инструкцией Облакома, допускаящей всеобщее избирательное право¹⁴. В результате они далеко не всегда отвечали требованиям, предъявляемым условиями партизанской борьбы против колчаковцев.

¹⁰ Большаков Г. Д. К вопросу о восстановлении и деятельности Советов в освобожденных партизанами районах Восточной Сибири в 1918—1919 гг.— В кн.: Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1958, с. 71.

¹¹ Пензин Г. Г. К вопросу о характере органов власти и законности в партизанских районах Сибири (1918—1920 гг.).— «Науч. труды Новосиб. пед. ин-та», 1971, вып. 62, с. 39.

¹² Журов Ю. В. Партизанское движение и революционные преобразования в сибирской деревне (1918—1920 гг.).— В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971, с. 50.

¹³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 18, 23.

¹⁴ Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, с. 564—566.

В качестве типичного примера можно сослаться на обстановку, создавшуюся в Заалейском (Зиминском) крае — районе действия 6-й Горно-Степной дивизии под командованием большевика Ф. И. Архипова. Как докладывал Алтайскому губоргбюро РКП(б) К. Байбурин, специально командированный в 6-ю дивизию подпольной большевистской организацией Барнаула, здесь до декабря 1919 г. «во главе сельских и волостных управлений по-прежнему оставались сельские старосты и волостные земские управы, которые в некоторых селениях были переименованы в исполкомы при Советах». Не случайно, отмечал К. Байбурин, «никто их не признавал и фактически хозяевами на этой территории являлись партизанские отряды и их штабы...»¹⁵.

Хорошо сознавая ненормальность такого положения, штаб дивизии и члены подпольной Барнаульской организации большевиков 3 декабря 1919 г. приняли совместное решение о созыве съезда представителей партизанских отрядов и населения повстанческих волостей, где предполагалось обсудить вопрос об укреплении органов власти на освобожденной от колчаковцев территории. Такой съезд вскоре состоялся. На нем был образован высший орган Заалейского края — Горно-Степной районный военно-революционный комитет, а вслед за ним в волостях и селах — Советы¹⁶. В организации и деятельности этих Советов, как считало Алтайское губоргбюро РКП(б), принимала участие значительная часть населения, а по социальному составу «они были общекрестьянскими»¹⁷.

Подобным же образом создавались волостные и сельские органы власти в другом крупном очаге партизанского движения — Минусинском уезде. 25 сентября 1919 г. Минусинский уездный съезд крестьянских, солдатских и рабочих депутатов утвердил постановление о правилах организации волостных и сельских Советов, в соответствии с которыми все население получило право участвовать в выборах представителей на волостные съезды; а решение вопроса о порядке организации сельских Советов предоставлялось на усмотрение общих соб-

раний граждан сел или деревень¹⁸. О том, как создавались и каким в итоге оказался состав органов власти, свидетельствуют два авторитетных документа: циркуляр Минусинского уездного ревкома, возглавлявшегося бывшим председателем армейского Совета партизанской армии Минусинского фронта С. К. Сургуладзе, и доклад Главного штаба Минусинской крестьянско-рабочей армии 9-му съезду Советов Минусинского уезда. В освобожденных от колчаковцев местностях, говорится в циркуляре, «Советы избирались беспорядочно, по-старому, без соблюдения правил, норм и пропорциональности, предусмотренных Основным законом (Конституцией) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»¹⁹. В докладе же обращалось внимание на то, что контрреволюционные элементы проникли в Советы и активно действуют против антиколчаковского партизанского движения²⁰.

Общекрестьянскими революционно-демократическими учреждениями была значительная часть органов власти, образованных в конце 1919 — начале 1920 г. в Иркутской губернии, в ряде районов которой антиколчаковское движение некоторое время развивалось под флагом эсеро-меньшевистского Политцентра²¹. Но в то же время на значительной части территории Иркутской губернии, особенно в сфере влияния Северо-Восточного фронта, руководство которым полностью находилось в руках большевиков, партизанские ревкомы, Советы и исполкомы формировались по классовому принципу: из рабочих, трудящихся крестьян и интеллигентов²².

Следовательно, социальный состав различных органов партизанского управления в разных районах Сибири, как и состав участников и руководителей партизанской борьбы, их политические взгляды и лозунги, не был одинаковым. Это, на наш взгляд, исключает возможность однозначной оценки характера партизанских органов

¹⁸ «Соха и молот», Минусинск, 1919, 2 окт.

¹⁹ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 29, л. 20.

²⁰ «Соха и молот», 1919, 28 дек.

²¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 375, л. 68; «Сибирская правда», Иркутск, 1920, 17 янв.; «Свободная мысль», Иркутск, 1920, 21 янв.; «Знамя борьбы», Иркутск, 1920, 24 янв.

²² Годы боевые, годы огневые. Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961, с. 116—152.

¹⁵ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1127, л. 19, 20.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, д. 1, л. 1. См. также: ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 92, л. 3, 4.

нов власти, созданных населением и партизанами, отличались громоздкостью исполнительного аппарата и засоренностью его чуждыми элементами, а в их деятельности наблюдались местничество и отказ от выполнения предписаний вышестоящих советских органов²⁹.

Между тем обстановка на территории, освобожденной от колчаковцев, требовала, чтобы низовой советский аппарат был немногочисленным, мобильным, состоял из преданных Советской власти людей, способных добросовестно и оперативно выполнять государственные задания, проявлять инициативу и самостоятельность в решении всех вопросов. Наиболее полно этим условиям отвечали ревкомы. К их повсеместной организации в разных губерниях Сибири приступали по мере того, как возникали и начинали действовать губернские и уездные отделы управления.

* *
*

Создание волостных и сельских ревкомов, призванных заменить собой ранее возникшие Советы, исполкомы, штабы, осуществлялось на основе положений, инструкций, циркуляров и указаний губернских и уездных руководящих органов. В этих документах определялись права и обязанности местных ревкомов, их структура, количество членов, задачи отделов, характер взаимоотношений ревкомов с отделами и между собой. Так, в инструкции Томского губревкома численный состав волревкомов определялся в 3—5 человек. Волревкомом предоставлялась на территории волости вся полнота власти. Они могли иметь три отдела: управления, земледельно-продовольственный и военный. Другие отделы позволялось учреждать только с согласия уездного ревкома. Отделы должны были возглавлять члены ревкомов. Сотрудники вышестоящих ревкомов и их отделов, направленные в волости для выполнения каких-либо заданий, обязаны были работать в контакте с волревко-

²⁹ См., например: ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 60а, л. 159; д. 398, л. 52; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 30, 31; ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 38, л. 75, 76.

мами; последние не имели права препятствовать командированным в выполнении данных им поручений³⁰. В соответствии с положением о сельских ревкомах, разработанным Томским губревкомом, сельревкомы могли состоять из 2—3 человек, отделов не создавали и действовали под руководством волревкомов³¹.

Как видно, в этих документах имелся ряд существенных пробелов: не определялись порядок создания ревкомов (выборы или назначение) и круг лиц, имеющих право взять на себя инициативу организации ревкомов, а также участвовать в решении вопроса об их составе, занимать те или иные должности. Эти же недостатки характерны и для «Инструкции по организации уездных, волостных и сельских ревкомов (революционных комитетов)», действовавшей в Омской губернии³².

Лучше были составлены инструкции, на основании которых осуществлялась организация волостных и сельских ревкомов Алтайской и Иркутской губерний. Во временной инструкции, изданной отделом управления Алтайского губревкома, выдвигалось требование создавать ревкомы «из старых советских работников, доказавших на деле свою преданность Советской власти». Там, где существовали партизанские Советы, рекомендовалось образовывать ревкомы из членов президиумов исполкомов этих Советов³³. Во временных инструкциях Иркутского губревкома требовалось, чтобы местные ревкомы выбирались населением при содействии комячеек в составе 3 человек. Если же имелся исполком Совета, он должен был выделить ревком из своего состава. Списки членов ревкомов подлежали утверждению в вышестоящих инстанциях. В иркутских инструкциях определялся контингент лиц, которые могли быть избранными в ревкомы: члены РКП(б) или беспартийные, «известные местному населению как определенно стоящие на советской платформе»³⁴.

³⁰ Руководство волостными и станичными революционными комитетами. Новониколаевск, 1920, с. 3—23.

³¹ Там же, с. 23—27.

³² ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 397, л. 5, 6.

³³ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 129, л. 40.

³⁴ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 329, л. 42, 43, 68; «Таежная жизнь», Бодайбо, 1920, 10 марта.

Как же выполнялось в Сибири требование о повсеместном создании волостных и сельских ревкомов? Пожалуй, наилучшим образом решалась эта задача в Черемховском уезде. Здесь специальная группа инструкторов во многих деревнях предварительно создала комячейки, которые затем выдвинули своих кандидатов в ревкомы. Предложенные комячейками кандидатуры утверждались либо на общих собраниях населения в присутствии инструкторов, либо, если существовали опасения, что кандидаты коммунистов не наберут большинства голосов, только инструкторами; позднее решения инструкторов доводились до сведения населения. Там, где комячеек организовать не удалось, ревкомы выбирались на общих собраниях граждан сел и деревень³⁵.

В течение полутора месяцев (с середины января до марта) вели агитационную и организаторскую работу в Барнаульском уезде 15 инструкторов Алтайского губревкома. За это время они побывали в 288 населенных пунктах, где устраивали митинги, организовывали ревкомы и заменяли ими уже существовавшие органы власти³⁶. О том, как проводилась эта работа, можно судить на примере деятельности инструктора И. И. Егорова. Под руководством И. И. Егорова из членов бывших партизанских волисполкомов, преданных Советской власти, были созданы Кадниковский, Ключковский и Ребрихинский волревкомы. В Боровской и Касмалинской волостях И. И. Егоров заменил партизанские волисполкомы волревкомом, созданными из бывших советских работников и партизан, избранных на специально созывавшихся для этого съездах партизанских Советов. В Савинской волости И. И. Егоров распустил волисполком, так как тот состоял из кулаков, а вместо него организовал волревком из сочувствующих РКП(б)³⁷.

Но в большинстве уездов Сибири, в отличие от Барнаульского и Черемховского, местные ревкомы организовывались самим населением, без непосредственного участия представителей губернских и уездных органов. В Ачинском уезде, например, вызванные с мест представители от сельских сходов и волостных собраний полу-

³⁵ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 403, л. 162.

³⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 304а, л. 131.

³⁷ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 160, л. 3; ф. 10, оп. 4, д. 3, л. 22, 28.

чили в уездревкоме соответствующие инструкции и собственными усилиями создали волостные и сельские ревкомы. По времени этот процесс значительно затянулся; еще в мае 1920 г. в некоторых волостях уезда сохранялись земские управы. Сведениями же о порядке выборов, социальном составе и политических настроениях населения, принимавшего участие в выборах низовых ревкомов, Ачинский уездревком не располагал³⁸. В большинстве уездов Алтайской, Иркутской, Омской и Семипалатинской губерний первые партийные и советские инструкторы появились на селе тогда, когда там, по крайней мере формально, ревкомы уже существовали³⁹.

В целом, несмотря на различные варианты создания, подавляющее большинство волостных и сельских ревкомов возникло не в результате назначения их высшестоящими органами, а путем выборов с участием всего местного населения, реже — только трудящейся его части. Такой вывод основан на обобщающих данных по Алтайской и Омской губерниям, по ряду уездов других губерний⁴⁰. Аппарат ревкомов, писал заместитель председателя Сибревкома В. Н. Соколов, хорошо знавший положение на местах, в большинстве случаев был выборным, а не назначенным⁴¹.

Кого же избирало крестьянство в ревкомы? Из различных источников выясняется следующее. В конце декабря 1919 г. Кокчетавский уездревком созвал съезд представителей аульных, волостных и станичных ревкомов. Из 37 человек, принявших участие в съезде, 11 были коммунистами, 8 — сочувствующими РКП(б), остальные — беспартийными⁴². В начале 1920 г. в состав

³⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 204, л. 1—5, 7—11, 85, 86, 92; оп. 2, д. 25а, л. 49.

³⁹ Там же, оп. 1, д. 4, л. 13; д. 304а, л. 131; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 24, л. 109; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 113, л. 1; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», Омск, 1920, 4 апр.; «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», т. 2. Алма-Ата, 1964, с. 582, 583.

⁴⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 19; д. 2280, л. 5; ф. 1349, оп. 1, д. 198, л. 15; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 236; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 24, л. 112; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 47, 48; ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 97; Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917—1920 гг.). Сб. документов. Барнаул, 1957, с. 399.

⁴¹ «Советская Сибирь», Омск, 1920, 16 марта; «Алтайский коммунист», Барнаул, 1920, 28 марта; «Знамя революции», 1920, 7 апр.

⁴² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 228, л. 8.

волревкомов Омского уезда входили: Борисовского — 4 середняка (коммунист, сочувствующий РКП(б) и два беспартийных), Белостокского и Богословского — по 2 бедняка и 2 середняка (по одному коммунисту и по три сочувствующих), Барвенковского — 2 бедняка и 1 середняк (все коммунисты), Брезицкого — 4 бедняка (три коммуниста и один сочувствующий), Благодаровского — 2 бедняка и 3 середняка (один сочувствующий, остальные беспартийные), Бердянского — 1 бедняк и 2 середняка (все беспартийные), Бородинского — 1 бедняк и 3 зажиточных середняка (один сочувствующий, остальные беспартийные), Вольновского — 1 бедняк и 3 середняка (все сочувствующие). Полностью бедняцким был Бобринский волревком, члены которого в графе «партийная принадлежность» записали: «члены Советской республики»⁴³. В основном беспартийные середняки в марте 1920 г. являлись членами волревкомов Атбасарского уезда. В то же время бедняки и середняки, половина которых входила в местные комячейки, состояли в волостных и станичных ревкомах Петропавловского уезда, а председателями большинства сельских ревкомов были беспартийные середняки⁴⁴.

В середине февраля 1920 г. проходил Алтайский губернский съезд председателей волревкомов, на котором было представлено около двух третей всех волостей губернии. Среди участников съезда преобладали бедняки и середняки (26% имели посев от 2 до 5 дес., 26,5% — от 5 до 10 дес.). 140 из 228 делегатов съезда вошли во фракцию коммунистов. В период колчаковщины 82% из них подвергались преследованиям со стороны белогвардейских властей, участвовали в деятельности антиколчаковского подполья и партизанском движении⁴⁵. Например, партизаны и подпольщики, сочувствующие РКП(б), входили в Маслянинский волревком⁴⁶. По сведениям К. Байбурина, в Заалейском крае волревкомы состояли «только из активных советских работников», а многие

⁴³ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 236, л. 12, 15—18, 22, 24, 26, 37, 40, 41.

⁴⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 18; Хвостов Н. А. Государственное и партийное строительство среди сибирского казачества после разгрома Колчака. — В кн.: Вопросы социально-классовых отношений в социалистическом обществе. Омск, 1974, с. 70.

⁴⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 92, л. 4; «Алтайский коммунист», 1920, 25 марта.

⁴⁶ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 34, л. 21, 22; д. 56, л. 218.

из них (Калманский, Кипринский, Нижне-Чарышский, Пристанский, Усть-Журавлихинский Бийского и Каменского уездов) возглавлялись членами бывшего партизанского Горно-Степного районного военно-революционного комитета⁴⁷. «Личный состав волревкомов и сельревкомов, — докладывал в середине марта 1920 г. отдел управления Бийского уездревкома, — стоит на должной высоте»⁴⁸. Преимущественно сочувствующими большевикам являлись весной 1920 г. члены низовых ревкомов Змеиногорского и Каменского уездов⁴⁹.

По данным на начало февраля 1920 г., в 48 волостных ревкомов Новониколаевского уезда входило 102 бедняка, 76 середняков и 5 кулаков; среди них было 34 коммуниста, 110 сочувствующих РКП(б) и 29 беспартийных⁵⁰. В числе 77 (из 120 человек) участников Томского уездного съезда представителей волревкомов, заполнивших анкеты, 7 являлись коммунистами, 37 сочувствующими РКП(б) и 33 беспартийными. Большинство из них были бедняками, принимавшими в 1917—1918 гг. участие в советской работе⁵¹.

В Канском уезде, особенно в северной его части, волостные и сельские ревкомы организовывались на базе партизанских Советов и исполкомов из бедняков и середняков, сочувствующих большевикам⁵². Председателями многих волостных ревкомов стали партизаны Тасеевской республики, как их характеризовал информационно-инструкторский подотдел Канского уездревкома, «верные защитники революции и трудового народа»⁵³. На состоявшемся в начале апреля 1920 г. Енисейском уездном съезде представителей местных ревкомов из 92 человек, прибывших от 7 волостей, 15 зарегистрировались как коммунисты. «Съезд, — писал политработник 5-й армии А. Д. Чаромский, — производит самое отрадное впечатление. Видно, что товарищи, съехавшиеся из захо-

⁴⁷ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 127, л. 19, 20.

⁴⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 85.

⁴⁹ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 163, л. 8; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 97, л. 1.

⁵⁰ ГАНО, ф. 1349, оп. 1, д. 5, л. 69—155. Партийность 10 членов волревкомов не установлена.

⁵¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 300, л. 124; «Знамя революции», 1920, 19, 29 февр.

⁵² ПААК, ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 2; «Крестьянская правда», Красноярск, 1920, 21 апр.

⁵³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 151, л. 52.

лустных местностей уезда, с жадным вниманием ловят каждое слово докладчиков»⁵⁴. Надежные волревкомы были образованы в переселенческих Беллыкской, Идринской и Салбинской волостях Минусинского уезда⁵⁵. 5—20 апреля проходил Иркутский губернский съезд представителей уездных и волостных ревкомов. Из 146 делегатов, присутствовавших на съезде, 66 были большевиками, 59 — сочувствующими РКП(б), 20 — беспартийными и 1 — меньшевиком⁵⁶. В начале лета 1920 г. беспартийные преобладали среди членов местных ревкомов Селенгинского (Кабанского) уезда⁵⁷.

Наиболее полная и всесторонняя информация (сводка анкет и сведения о составе) сохранилась о волревкоммах Красноярского уезда, работавших в феврале — первой половине апреля 1920 г. Из 73 членов 22 волревкомов сведения предоставили 63 человека. Выяснилось, что все члены волревкомов — мужчины и, как правило, местные жители (56 человек). 17 членов волревкомов имели возраст от 20 до 30 лет, 28 — от 30 до 40, 16 — старше 40 лет (2 человека возраст не указали). Из 63 членов волревкомов 18 человек были деревенскими пролетариями; они не имели ни собственного дома, ни хозяйства. Более половины членов волревкомов были коммунистами (6 человек) и сочувствующими РКП(б) (29 человек), остальные — беспартийными. Из них девять работали в Советах 1917—1918 гг. и двое участвовали в партизанском движении⁵⁸.

Приведем некоторые данные о персональном составе волревкомов Красноярского уезда. Так, Александровский волревком возглавлял Д. С. Шадрин, крестьянин-середняк, участник революции 1905—1907 гг., сочувствующий РКП(б); кроме него в ревком входили А. П. Пясецкий, середняк, коммунист с 1918 г. и К. А. Удре, бедняк, сочувствующий РКП(б), во время колчаковщины сидевший в тюрьме по подозрению в причастности к большевистской деятельности⁵⁹. Председателем Больше-Мур-

⁵⁴ «Известия Енисейского комитета РКП(б) и уездного революционного комитета», 1920, 22 апр.

⁵⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 152, л. 131.

⁵⁶ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 357, л. 14.

⁵⁷ Там же, д. 362, л. 8.

⁵⁸ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 163, л. 102.

⁵⁹ Там же, ф. 49, оп. 1, д. 789, л. 51; ф. 53, оп. 1, д. 19, л. 97; д. 37, л. 130.

тинского волревкома был бедняк, сочувствующий РКП(б) А. С. Ковригин, с сентября 1918 г. до декабря 1919 г. сидевший в тюрьме как противник Временного сибирского правительства; заместителем председателя — крестьянин А. Т. Иванов, разделявший взгляды коммунистов; членами волревкома — большевик С. А. Семенов и сочувствующий М. П. Коныхин (оба бедняки)⁶⁰. Вознесенский волревком возглавлял бедняк, сочувствующий РКП(б) Т. З. Василевский, а членами были беспартийный Н. Е. Головални (в первый период Советской власти состоял членом ротного комитета, при колчаковщине 8,5 месяцев отсидел в тюрьме) и бедняк, сочувствующий коммунистам И. С. Трофимов (участник Октябрьской революции, после падения Советской власти в Сибири арестованный белогвардейцами и заключенный в тюрьму). По мнению уездного отдела управления, Вознесенский волревком в данном составе мог «великолепно проводить советскую политику»⁶¹. Членом Золедеевского волревкома состоял П. И. Шеходанов, коммунист с 1917 г., возглавлявший после Октябрьской революции корпусной комитет на Западном фронте. Председателем Княйского волревкома был середняк П. П. Скоромкин, принимавший участие в установлении и укреплении Советской власти, а затем являвшийся заместителем председателя армейского Совета партизанской армии Минусинского фронта. Во главе Сухобузинского волревкома стоял середняк Л. Т. Березин, член Красноярского Совета в 1917 г. и Ирбитского Совета в 1918 г., участник борьбы с белогвардейцами на Урале в 1918 г.⁶²

Вместе с тем с самого начала значительная часть ревкомов, особенно в местностях, отдаленных от крупных городов и населенных преимущественно аборигенами, являлась неудовлетворительной по составу. Так, Акмолинский уездревком, изучив протоколы о выборах волревкомов, установил, что «в большинстве случаев выборы производились неправильно, в члены ревкомов проводились лица, не имеющие права быть избранными и не соответствующие своему назначению...»⁶³. Баи или их ставленники оказались избранными во многие низо-

⁶⁰ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 19, л. 99, 100; д. 37, л. 131.

⁶¹ Там же, д. 37, л. 130.

⁶² Там же, л. 131.

⁶³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2280, л. 5.

вые ревкомы казахских населенных пунктов Атбасарского, Каркаралинского, Кокчетавского и Семипалатинского уездов⁶⁴. Крупные торговцы вошли в ревкомы Усть-Абаканской, Усть-Енисейской, Усть-Фыркальской, Сейской и Сиявинской волостей Минусинского уезда, населенных хакасами. В информационной сводке было даже отмечено, что в этих волостях изменилось только название государственных учреждений, а их суть осталась той же, что и раньше⁶⁵.

В документах содержатся сведения и о том, что чуждые Советской власти элементы, главным образом кулаки, проникли в некоторые ревкомы Барнаульского, Красноярского, Омского уездов⁶⁶. Поскольку такие факты встречались в уездах, находившихся в непосредственной близости от губернских центров, можно предположить, что неудовлетворительные по составу низовые ревкомы тем более имелись в местностях, удаленных от губернских центров, что, однако, не нашло отражения в источниках. По нашему мнению, последний факт объясняется главным образом, тем, что в период, когда трудящееся крестьянство Сибири переживало невиданный по силе взрыв революционного энтузиазма, вызванный разгромом колчаковщины, контрреволюционные элементы, входившие в ревкомы, не осмеливались открыто противопоставлять себя Советской власти, из-за чего не были своевременно обнаружены.

Тем не менее приведенные сведения позволяют утверждать, что в волостных и сельских ревкомах с самого начала преобладали бедняки и середняки, среди которых имелась значительная прослойка советских работников 1917—1918 гг., участников партизанского движения, коммунистов и сочувствующих РКП(б). Вместе с тем при характеристике состава ревкомов нужно иметь в виду следующие три обстоятельства. Во-первых, в тех уездах, данные по которым мы привели, состав ревкомов был значительно лучше, чем по Сибири в целом, особенно в отношении удельного веса коммунистов и сочувствующих РКП(б). Во-вторых, в большинстве документов не про-

⁶⁴ ГАНО, ф. 11, оп. 1, д. 43, л. 18; оп. 2, д. 25, л. 45, 46, 115, 116; д. 25а, л. 89, 90; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 24, л. 109.

⁶⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 152, л. 131.

⁶⁶ Там же, д. 298, л. 14; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12—л. 30, 31; «Советская Сибирь», 1920, 27 февр.

водится строгого различия между сочувствующими РКП(б) и сочувствующими Советской власти. В результате совместный удельный вес большевиков и сочувствующих РКП(б) в волостных и сельских ревкомах оказывается явно завышенным. В-третьих, состав низовых ревкомов за время их существования не оставался неизменным.

Как удалось установить, создание выборных ревкомов открывало контрреволюционным элементам возможность для проникновения в низовой советский аппарат, чем они и не преминули воспользоваться. Вместе с тем ревкомы обладали по сравнению с Советами и исполкомами тем существенным преимуществом, что принцип назначения позволял заменять их состав, когда в этом возникала необходимость, без перевыборов, по приказу. Инструкторы губернских и уездных партийных и советских органов, направленные в деревню, пользовались этим правом, когда обнаруживали кулацкие или неблагонадежные ревкомы⁶⁷. Например, в Красноярском уезде подвергся реорганизации состоявший из кулаков Частостровский волревком. Его председателем назначили бедняка, коммуниста с 1917 г., избравшегося в 1918 г. членом Ачинского исполкома Советов М. П. Шестопалова, а членами — большевика И. О. Ясутова и сочувствующего РКП(б) Г. П. Осокина⁶⁸. В реорганизованные Абаканский и Каптыревский волревкомы Мипунинского уезда вошли, по сообщению информационной сводки, «люди с твердой волей и преданные делу революции»⁶⁹. В наиболее широких масштабах принцип назначения ревкомов был использован в Кокчетавском уезде, где к концу мая 1920 г. реорганизации подверглись 50 волостных и сельских ревкомов⁷⁰.

Наряду с укреплением ревкомов, улучшением их состава в Сибири шел и противоположный процесс — наблюдалось частичное ослабление местных органов Советской власти. Сказывалось то обстоятельство, что работа членов и сотрудников волостных и сельских ревкомов почти не оплачивалась, а если и оплачивалась, то

⁶⁷ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 3; д. 113, л. 1; «Красноярский рабочий», 1920, 11 апр.

⁶⁸ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 37, л. 131.

⁶⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 152, л. 131.

⁷⁰ ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 98, л. 1.

крайне редко и нерегулярно⁷¹. Как правило, советские сотрудники жили либо за счет своего хозяйства, либо за счет различных местных средств: добровольных пожертвований, самообложения, контрибуций, несмотря на категорическое запрещение последних Сибревкомом⁷².

Очевидно, что крестьянская беднота, входившая в ревкомы, не могла существовать только за счет своего хозяйства. Хозяйства же многих членов ревкомов — середняков, ранее участвовавших в партизанской борьбе, пришли в упадок. Далеко не единственным явлением была обстановка, сложившаяся в марте 1920 г. в Кипринском и Верхне-Чингизском волревкомах Каменского уезда. Все члены Кипринского ревкома активно участвовали в антиколчаковской борьбе, входили в состав сначала местного партизанского штаба, затем — Совета. Как отмечалось в протоколе заседания волревкома, «имуществу их было разграблено, дома разрушены, а то и совсем сожжены, скот угнан белыми, хлеба или не молочены или стоят на корню совсем неубранными»⁷³. Не менее показательны и сведения, приведенные одним из инструкторов Каменского уездревкома, обследовавшим ревкомы Верхне-Чингизской волости. Положение большинства членов волостных и сельских ревкомов он оценивал как «крайне безвыходное». «Я видел таких секретарей, — писал инструктор, — у которых кроме хлеба и воды ничего есть, таких председателей ревкомов, у которых буквально нет верхней лопатины (одежды. — В. Ш.): последние старые брюки, одна рубаха и старые пимы...»⁷⁴.

Незначительное по размерам жалованье, к тому же нерегулярно выдаваемое, отсутствие налаженного продовольственного снабжения советских служащих не позволяло беднякам и даже середнякам плодотворно трудиться в ревкомах, часто вынуждало их из-за необходимости ведения собственного хозяйства или поиска заработка отказываться от работы в ревкомах.

⁷¹ ГАКК, ф. 453, оп. 1, д. 4 (9), л. 1; ГАНО, ф. 1533, оп. 1, д. 34, л. 20, 36; ф. 1558, оп. 1, д. 2, л. 59; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 56, л. 10; д. 154, л. 69; 2-й съезд Советов Барнаульского уезда. 2 июня — 9 июня 1920 г. Барнаул, 1920, с. 23, 24, 26.

⁷² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300, л. 37; оп. 2, д. 25а, л. 74, 75.

⁷³ Там же, оп. 1, д. 322, л. 95.

⁷⁴ Там же, д. 183, л. 16.

Выход бедноты и середняков из ревкомов особенно усилился в апреле — мае 1920 г., когда многие из них занялись восстановлением своих пришедших в упадок хозяйств. Масштабы этого явления были наиболее значительными в районах массового партизанского движения, сильнее пострадавших от колчаковцев. Так, заявления и протоколы о переизбрании местных ревкомов ежедневно поступали в Минусинский уездный ревком⁷⁵. Отдел управления Енисейского губревкома докладывал, что почти во всех уездах губернии члены волостных и сельских ревкомов предъявляют требования о замене их более зажиточными крестьянами, располагающими свободными рабочими руками⁷⁶.

Отказ части бедноты и середняков от работы в ревкомах увеличил возможности для проникновения в волостной и сельский советский аппарат контрреволюционных элементов. «Работа в ревкомах, — докладывал 25 марта 1920 г. член Томского губревкома Г. К. Соболевский, — грозит распадом из-за отсутствия денег. Слушающие, не получая денег, уходят, выборные лица, несмотря на желание работать, также уходят, потому что не могут заставить голодать свои семьи... Создавшееся положение может привести к тому, что в ревкомы будут избираться состоятельные лица, т. е. кулаки...»⁷⁷. Обеспокоенный таким ходом событий, один из организаторов и руководителей партизанского движения в Сибири П. Е. Щетинкин в обращении к крестьянам и бывшим партизанам Минусинского уезда писал: «Кулаки пользуются тем, что вы, возвратясь домой, совершенно почти не принимаете участия в строительстве новой жизни, снова начинают поднимать свою голову, снова начинают подбирать власть в свои руки...»⁷⁸. На такую же опасность указывала в обращении к бывшим партизанам газета «Каменская правда» — орган местного уездного оргбюро РКП(б) и ревкома⁷⁹.

⁷⁵ Там же, д. 152, л. 131.

⁷⁶ Там же, д. 186, л. 20.

⁷⁷ Там же, д. 300, л. 183.

⁷⁸ Сибирский Революционный Комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925. Сб. документов и материалов. Новосибирск. 1959, с. 51.

⁷⁹ «Каменская правда», 1920, 25 апр.

Для предотвращения захвата низовых ревкомов кулаками элементами предпринимались различные меры. Некоторые губернские и уездные ревкомы издали приказы, постановления и циркуляры, запрещавшие без разрешения уездных отделов управления производить изменения в составе сельских органов власти⁸⁰. В конце февраля 1920 г. вопрос о финансировании местных ревкомов рассматривался специальным совещанием под председательством Г. К. Соболевского. Совещание высказалось за введение для этих целей прямого всеобщего налога⁸¹. 17 мая на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) вопрос о введении ставок для председателей и секретарей волостных и сельских ревкомов поднимал председатель Омского губревкома Е. В. Полудов. Он просил Сиббюро обязать Сибревком срочно решить этот вопрос, ибо «бедняки из ревкомов бегут и остаются там нежелательные элементы». Сиббюро предложило Сибревкому принять необходимые меры⁸². К сожалению, никаких документов, которые позволяли бы судить о том, что было сделано Сибревкомом в порядке выполнения решения Сиббюро ЦК РКП(б), нами не обнаружено.

В некоторых уездах Сибири устраивались различного рода курсы для подготовки технических сотрудников, способных работать в волревкомах. Таким образом преследовалась цель ограничить проникновение в аппарат ревкомов чуждых элементов, спекулировавших на острым недостатке грамотных среди бедноты и середняков⁸³.

В ряду мероприятий, предпринимавшихся партийным и советским руководством Сибири в целях упрочения местных ревкомов, заслуживает быть отмеченной деятельность Бийского уездревкома. В марте 1920 г. Бийский уездный отдел управления издал специальный циркуляр, в котором предложил всем волревкомам следить за тем, чтобы сельревкомы состояли только из бедняков

⁸⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 13; ф. 1537, оп. 1, д. 4, л. 6; ф. 1539, оп. 1, д. 2, л. 10; ф. 1551, оп. 1, д. 8, л. 36; ГАКК, ф. 453, оп. 1, д. 5(1), л. 133; «Красная звезда», 1920, 16 мая.

⁸¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 303д, л. 92.

⁸² ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 64.

⁸³ См., например: ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 151, л. 145; д. 2278, л. 19; 2-й съезд Советов Барнаульского уезда, с. 15, 16.

и середняков, активных сторонников Советской власти. В циркуляре требовалось, чтобы в случае проникновения в органы власти кулаков об этом незамедлительно извещался информационно-инструкторский подотдел уездревкома⁸⁴. В феврале 1920 г. Бийский ревком направил для работы в уезд 14 инструкторов; в апреле организовал курсы для 240 человек, командированных волостными и сельскими ревкомами и комячейками, по окончании которых 133 выпускника были назначены членами волревкомов, 15 — членами сельревкомов, остальные — волынструкторами; в феврале — марте и в мае для налаживания делопроизводства уездревком откомандировал в распоряжение волревкомов в общей сложности 150 канцелярских работников⁸⁵.

Усилия губернских и уездных партийных и советских органов не смогли, однако, полностью предотвратить проникновение в низовые ревкомы контрреволюционных элементов. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, 4 мая 1920 г. на заседании Сибревкома заведующий отделом юстиции А. Г. Гойхбарг даже утверждал, что в руках кулаков находится подавляющее большинство волревкомов. А. Г. Гойхбарга поддержал С. И. Канатчиков. Никто из присутствовавших на заседании их точку зрения не оспаривал⁸⁶. На засилье кулачества в низовых ревкомах Сибири неоднократно указывал Е. М. Ярославский. В полемическом заостренной речи по текущему моменту, произнесенной 12 мая 1920 г. на пленуме Омского горсовета, он даже говорил: «... На местах Советской власти еще нет, ее надо построить: нельзя считать советской властью те ревкомы, которые образовались стихийно, почти помимо нашего организационного влияния...»⁸⁷. А в опубликованной тогда же статье, посвященной проблемам усиления пролетарского влияния на сибирское крестьянство, Е. М. Ярославский писал: «...Ревкомы теперь захвачены зачастую кулаками и правильнее их было бы назвать во многих местах контрревкомами — контрреволюционными комитетами»⁸⁸. Орган Сиббюро ЦК

⁸⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53а, л. 164.

⁸⁵ Там же, л. 151, 184, 185; оп. 2, д. 25, л. 82.

⁸⁶ Там же, оп. 1, д. 2263, л. 760, 761.

⁸⁷ «Советская Сибирь», 1920, 14 мая.

⁸⁸ Там же.

партии газета «Сельская правда» на основании многих писем, полученных редакцией от бедняков и середняков из разных концов Сибири, также сделала вывод, что во многих местах кулаки «пролезли в волревкомы и, работая в них по-своему, восстаивают бедноту против Советской власти»⁸⁹.

На наш взгляд, в приведенных документах верно отмечается опасная для Советской власти тенденция, заключающаяся в стремлении кулаков захватить местные ревкомы, но конечные результаты этого процесса явно преувеличены. Такая переоценка в цитируемых документах кулацкого проникновения в ревкомы объясняется главным образом двумя причинами: во-первых, тем, что авторы упоминавшихся документов сознательно акцентировали внимание на негативных факторах советского строительства в Сибири в целях сосредоточения усилий на их последующей ликвидации; во-вторых, частым зачислением в кулацкие таких бедняцко-середняцких по социальному составу ревкомов, которые либо не выполняли распоряжений руководящих органов, либо не справлялись с работой. Если же подойти к рассмотрению создавшегося положения объективно, то следует признать, что объем требований, предъявлявшихся к низовым ревкомам Сибири, в ряде случаев был настолько велик, что собственными силами, без помощи со стороны вышестоящих органов Советской власти они не могли выполнять эти требования в полной мере.

Анализ состава волостных и сельских ревкомов Сибири после разгрома колчаковщины позволяет, по нашему мнению, сделать вывод о том, что благодаря созданию чрезвычайных органов власти в сибирской деревне была решена важнейшая задача: политические противники пролетариата и трудящегося крестьянства в основном были отстранены от участия в государственном управлении, лишены возможности использовать органы власти в целях усиления своего влияния на население. Определяющую роль в жизни сибирской деревни стал играть союзник рабочего класса — трудящееся крестьянство.

⁸⁹ «Сельская правда», Омск, 1920, 15 мая.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ РЕВКОМОВ

Перед волостными и сельскими ревкомом Сибири в принципе стояли те же задачи, что и перед всеми ревкомом края. Они должны были максимально вовлечь трудящиеся массы в социалистическое строительство, мобилизовать их на решение военно-политических и хозяйственных вопросов, имевших чрезвычайный характер, осуществить первоочередные неотложные преобразования в социально-экономической и политической областях, создать предпосылки для восстановления конституционных органов власти. Специфика деятельности волостных и сельских ревкомов определялась главным образом тем, что выполнять все мероприятия им приходилось в иных условиях, преимущественно в крестьянской среде. С учетом крестьянского окружения трансформировались и общие цели: главная стратегическая задача волостных и сельских ревкомов заключалась в том, чтобы обеспечить активное участие в борьбе с контрреволюцией, в социалистическом строительстве бедного и среднего крестьянства, укрепляя и развивая его мелкотоварное индивидуальное хозяйство, а первоочередная тактическая задача состояла в поддержке и эффективном использовании революционного настроения трудящегося крестьянства для полного разгрома колчаковщины, восстановления и упрочения Советской власти в Сибири.

Деятельность волостных и сельских ревкомов Сибири начиналась в благоприятных политических условиях. «Крестьянское трудовое население, — писала в конце декабря 1919 г. семипалатинская газета «Степная правда», основываясь на информации, полученной из окрестных деревень, — повсеместно стоит на платформе Советской власти и готово поддерживать ее в борьбе с контрреволюцией всеми силами и средствами, имеющимися у них»⁹⁰. В конце 1919 — начале 1920 г. аналогичная политическая атмосфера существовала почти на всей территории Сибири, освобожденной от колчаковцев.

В зависимости от конкретной обстановки деятельность волостных и сельских ревкомов Сибири начиналась с выполнения разных мероприятий. Но центр

⁹⁰ «Степная правда», 1919, 25 дек.

тяжести в работе большинства низовых ревкомов на первых порах безусловно лежал в содействии частям Красной Армии и партизанам вооруженному разгрому белогвардейских и интервенционистских войск. Особенно много в этом отношении сделали ревкомы Западной Сибири, где военные действия велись в более широких масштабах и носили более упорный, чем в Восточной Сибири, характер. Показательно, что выступая на VII Всероссийском съезде Советов, проходившем в начале декабря 1919 г., представитель 5-й армии счел своим долгом высказать благодарность сибирскому трудящемуся крестьянству за его разнообразную помощь, оказанную красным войскам⁹¹.

Обеспечение военных операций 5-й армии и партизан, направленных на разгром остатков колчаковщины, являлось также главным направлением работы значительной части волостных и сельских ревкомов Восточной Сибири. «С самого начала своей организации,— докладывал Кимильтейский волревком Нижнеудинского уезда,— революционная власть была занята снабжением проходивших войск продовольствием, фуражом, подводами»⁹². В обзоре о ревкомах Верхоленского и Иркутского уездов газета «Знамя борьбы» писала, что их деятельность «сосредоточивалась главным образом на доставке продовольствия, фуража, теплой одежды, лошадей, упряжи и проч. для партизанских отрядов»⁹³.

Об объеме работы, проделанной в этом направлении низовыми ревкомами Сибири, говорят следующие примеры. В Красноярском уезде с 10 января по 5 февраля 1920 г. Золотеевский волревком выделил для транспортировки различных военных грузов почти 7 тыс. подвод; Шилинский волревком за три недели также дал около 7 тыс. подвод⁹⁴. Смоленская волость Иркутского уезда, у населения которой колчаковцы отобрали несколько сотен лошадей, сумела предоставить для перевозки красноармейских частей около 10 тыс. подвод⁹⁵.

⁹¹ VII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенограф. отчет. М., 1920, с. 49.

⁹² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 375, л. 19.

⁹³ «Знамя борьбы», 1920, 24 янв.

⁹⁴ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 18, л. 119; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 14; «Красноярский рабочий», 1920, 22 февр.

⁹⁵ «Власть труда», Иркутск, 1920, 5 июня.

С 11 февраля до 20 марта 1920 г. в волости, насчитывавшей менее 900 дворов и около 8 тыс. населения, Кимильтейский ревком временно обеспечил жильем несколько тысяч красноармейцев, выделил для нужд 5-й армии около 100 тыс. подвод и предоставил почти 40 тыс. пудов фуража⁹⁶.

Как правило, крестьяне, назначавшиеся ревкомами для содействия Красной Армии и партизанам, выполняли все задания добровольно, отказывались брать плату за продукты, перевозку и постой⁹⁷. Так, население Шилинской волости Красноярского уезда пожертвовало красноармейским частям 300 возов сена и 400 возов соломы, 500 пудов овса, 200 — пшеницы, 150 — ячменя, 100 — муки, 8 пудов мяса⁹⁸. Жители Коймарского, Торского и Харибятского хошунов Тункинского аймака Иркутской губернии поставили в распоряжение советских войск почти 7,5 тыс. пудов муки, 3,4 тыс. пудов овса и 601 воз соломы. При этом, как докладывал аймачный ревком, все наряды «были исполнены точно, быстро и без всяких трений»⁹⁹. Орган политотдела 5-й армии газета «Красный стрелок» в обзоре «Из настроений деревни» с удовлетворением констатировала: «На все призывы, исходящие от представителей Советской власти, крестьяне откликаются с величайшей охотой...»¹⁰⁰.

В то же время для выполнения заданий, имевших экстренный боевой характер, или направленных на подавление чуждых элементов, ревкомы нередко сразу же применяли чрезвычайные меры. Например, волостные и сельские ревкомы Верхоленского и Иркутского уездов производили конфискацию и реквизицию товаров и различных припасов местных торговцев¹⁰¹. Но применение волостными и сельскими ревкомами чрезвычай-

⁹⁶ ГАНО, ф. 42, оп. 1, д. 361, л. 18; ГЛНО, ф. 1, оп. 1, д. 375, л. 19.

⁹⁷ Первый съезд председателей волревкомов Новониколаевского уезда Томской губ. 9—11 февраля 1920 г. в гор. Новониколаевске. Протоколы. Новониколаевск, 1920, с. 72; «Известия Сибирского Революционного Комитета», Омск, 1920, № 2, с. 42; За 10 лет. К десятой годовщине Кузнецкого округа. Щегловск, 1927, с. 32.

⁹⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 15; «Красноярский рабочий», 1920, 22 февр.

⁹⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 375, л. 22.

¹⁰⁰ «Красный стрелок», 1920, 11 марта.

¹⁰¹ «Знамя борьбы», 1920, 24 янв.

ных мер первое время имело незначительные масштабы, поскольку подавляющее большинство населения охотно шло навстречу требованиям органов Советской власти, Красной Армии и партизан. О том, что ревкомы достаточно эффективно помогали Красной Армии и партизанам, убедительно свидетельствует окончательный разгром колчаковцев, осуществленный при их содействии.

Одновременно подавляющее большинство ревкомов приняло активное участие в борьбе с тифом, в заготовке и подвозе в города продовольствия и топлива, в очистке от снега железнодорожных путей¹⁰².

Следует отметить, что многие волостные и сельские ревкомы Сибири не только хорошо усвоили большое значение указанных выше мероприятий для Советской власти, но и проявили творческий подход при их выполнении. Вот пример таких действий в работе Бердского волревкома Новониколаевского уезда. 28 января 1920 г. Томский губревком приказал местным советским органам принять меры для увеличения заготовки и подвоза продовольствия и дров в города и на железнодорожные станции губернии¹⁰³. Руководствуясь приказом губревкома, Бердский ревком 9 февраля созвал для обсуждения вопросов о заготовке продовольствия и дров совещание с участием сотрудника гублескома, председателя комячейки, членов сельского ревкома, представителей кооперации и других ведомств. По первому вопросу волревком постановил для обеспечения Новониколаевска продуктами питания изъять хлеб у кулаков, направив с этой целью в населенные пункты волости рабочих и крестьянскую бедноту. Поскольку лишние дров у населения в наличии не было, совещание пришло к выводу, что единственная возможность быстро выполнить второе задание — это провести мобилизацию рабочих рук. Совещание предложило волревкому мобилизовать на лесозаготовительные работы белогвардейских беженцев, бывших торговцев, спекулянтов, а также временно реквизировать у населения лесорубочный инструмент¹⁰⁴.

¹⁰² ЦГАСА, ф. 1454, оп. 1, д. 73, л. 336—338.

¹⁰³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 301а, л. 51.

¹⁰⁴ ГАТО, ф. 84, оп. 1, д. 6, л. 57.

Самостоятельность ревкомов не ограничивалась только поисками наиболее целесообразных форм и методов работы. В ряде случаев волостные и сельские ревкомы по собственной инициативе вносили существенные коррективы в принципы, в соответствии с которыми должно было осуществляться выполнение государственных заданий. Как уже упоминалось, в конце 1919 — начале 1920 г. заготовка продовольствия в Сибири осуществлялась без применения принудительных мер, «самотеком». Предполагалось, что добровольные поставки крестьян дадут достаточное количество продуктов. Однако эти надежды не везде оправдывались. Такая ситуация, например, возникла в январе 1920 г. в Ново-Тырышкинской волости Новониколаевского уезда. Местный волревком был вынужден в конце января — марте 1920 г. по собственной инициативе принять ряд энергичных мер: он запретил частную торговлю продовольствием; установил нормы потребления продуктов питания населением, а все излишки предложил сдать государству; в каждом селе организовал для обмолота хлеба рабочие артели из бедняков; у кулаков, не сдававших излишки сельскохозяйственных продуктов, стал реквизировать их¹⁰⁵. Как показали последующие события, Ново-Тырышкинский волревком находился на верном пути. 18 февраля Томский губпродком издал «Практические указания для волревкомов в области продовольственной работы», в которых разрешил применять по отношению к злостным саботажникам меры принуждения вплоть до реквизиции¹⁰⁶.

Много внимания ревкомы уделяли упрочению на местах революционного порядка: создавали милицию, дружины самоохраны, выявляли и передавали в руки пролетарского правосудия карателей, сотрудничавших с колчаковцами кулаков¹⁰⁷; вели борьбу с антисоветской агитацией, самоговарением, спекуляцией и други-

¹⁰⁵ Первый съезд председателей волревкомов Новониколаевского уезда Томской губ., с. 87; «Красное знамя», Новониколаевск, 1920, 27 марта.

¹⁰⁶ ГАТО, ф. 84, оп. 1, д. 27, л. 20.

¹⁰⁷ ГАКО, ф. 601, оп. 1, д. 3, л. 1; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 85; д. 300, л. 194; д. 375, л. 68; ф. 1551, оп. 1, д. 15, л. 37; ф. 1554, оп. 1, д. 3, л. 73; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 27, л. 14; «Знамя борьбы», 1920, 24 янв.; «Знамя революции», 1920, 28 февр.; «Свободная мысль», 1920, 21 янв.

ми нарушениями революционной законности¹⁰⁸; занимались учетом и сбором военного снаряжения и оружия¹⁰⁹.

Характерно, что призывая население к участию в социалистическом строительстве, в борьбе с контрреволюцией и нарушениями революционной законности, многие ревкомы ссылались на только что пережитый и хорошо понятный опыт 1918 г., когда Советская власть в Сибири временно пала под ударами контрреволюции. Уроки, извлеченные сибиряками из опыта колчаковщины, на первых порах являлись эффективным средством, гарантировавшим ревкомам помощь со стороны трудящегося крестьянства в выполнении важнейших мероприятий, прежде всего — в заготовке сельскохозяйственных продуктов и наведении революционного порядка. Сошлемся на авторитетное свидетельство Я. Д. Янсона, который в середине февраля 1920 г. сообщил корреспонденту «Известий Иркутского военно-революционного комитета»: «Заготовки хлеба и другого продовольствия идут успешно. Крестьяне добровольно доставляют по установленной цене разверстанное на них количество муки и проч. Они оказывают полную поддержку в ликвидации белогвардейских банд, сами организуют отряды для их поимки»¹¹⁰.

Многие ревкомы с самого начала приступили к оказанию помощи пострадавшим от контрреволюции, семьям красноармейцев и бедноте, широким фронтом развернули культурно-просветительную работу среди крестьянства, осуществляли учет продовольственных запасов в целях их рационального использования¹¹¹. О характере и объеме этой работы можно судить на примере деятельности Тудралинского волревкома Алтайской губернии за первые два с половиной месяца 1920 г. За это время ревком изыскал и передал бедноте

2 тыс. пудов хлеба, взял на учет бесхозяйственное имущество, принял меры к открытию трех школ и кооперативного завода по переработке кожи, организовал потребительскую коммуну и артельную бондарно-столярную мастерскую, создал в каждой деревне избы-читальни, а в волостном селе — культурно-просветительный кружок. Волревком осуществил противотифозную дезинфекцию жилых помещений и изоляцию больных, за которыми был налажен образцовый уход. Не случайно, что 20 февраля 1920 г. Уймонский районный ревком выразил Тудралинскому волревкому благодарность, как «бодро стоящему на страже интересов рабоче-крестьянской революции и стойко проводящему все основы Советской власти в жизнь»¹¹².

Как свидетельствуют многочисленные документы, с самого начала наиболее хорошо работали те ревкомы, которые либо состояли из коммунистов, сочувствующих РКП(б) и беспартийных, тесно связавших свою судьбу с Советской властью, либо действовали под руководством и в тесном контакте с комячейками. В таких случаях, как правило, ревкомы отличались решительностью, последовательностью, творческим отношением к делу. Например, Кимильтейскому волревкому Нижнеудинского уезда, состоявшему из коммунистов, Сибирь обязана рождением первого в крае крестьянского университета¹¹³. Заслуживает быть отмеченным Каменский волревком Новониколаевского уезда, который возглавлял коммунист Фролков. По наблюдению корреспондента газеты «Красное знамя», вся работа ревкома и его отделов велась «очень интенсивно»¹¹⁴. Хорошо зарекомендовал себя с самого начала Елгайский волревком Томского уезда, которому систематически помогала местная комячейка. Елгайский ревком первым в уезде возложил ответственность за полноту и своевременность выполнения продовольственного наряда на кулаков¹¹⁵, принял

¹⁰⁸ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 56, л. 218; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 183, л. 14, 15; д. 204, л. 92; ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 17, л. 14, 94; ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 967, л. 27; «Бюллетень Миусинского уездревкома и уездного комитета РКП(б)», 1920, 23 марта.

¹⁰⁹ «Сибирский коммунист», 1920, 16 янв.; «Знамя революции», 1920, 4 февр.

¹¹⁰ «Известия Иркутского военно-революционного комитета», 1920, 15 февр.

¹¹¹ См.: ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 34, л. 21, 22; д. 56, л. 218; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 183, л. 16; д. 300, л. 182; «Знамя революции», 1920, 4, 5 и 28 февр.; «Сибирский коммунист», 1920, 16 янв.

¹¹² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 210, л. 17, 18.

¹¹³ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 434, л. 51; «Алтайский коммунист», 1920, 6 мая; «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 42.

¹¹⁴ «Красное знамя», 1920, 16 марта.

¹¹⁵ Томский уездревком одобрил этот почин Елгайского волревкома и рекомендовал использовать его всем волостным и сельским ревкомам уезда.

решение о том, что скрытый от учета хлебофураж под-
лежит конфискации¹¹⁶.

Высоко оценивал деятельность волревкомов Бара-
бинского (Канского) уезда, состоявших в основном из
бывших партизан, инструктор-ревизор отдела управления
Сибревкома П. И. Васехо, в течение двух месяцев фак-
тически руководивший советским строительством в уезде.
«В большинстве волостей уезда в волревкомах работа
идет великолепно,—докладывал он.—Все распоряжения
уездравкома и отдельных комиссариатов быстро прово-
дятся в жизнь. В уездравкоме регулярно поступают прото-
колы заседаний волостных и сельских ревкомов»¹¹⁷. Точ-
но так же хорошо работали волревкомы Томского
уезда, состоявшие из бывших советских сотрудников
и участников антиколчаковской борьбы. Как докладывал
Томский уездный отдел управления, они проводили все
мероприятия «почти тотчас по получении соответствующих
указаний и распоряжений уездного центра». «Бла-
годаря таким работникам,—заключал отдел управле-
ния,—жизнь деревни начинает вступать в более или
менее правильное русло»¹¹⁸.

Менее успешно работали те низовые ревкомы, кото-
рые состояли из беспартийных крестьян, впервые приняв-
ших участие в советском строительстве, где коммунисти-
ческое влияние было слабым, отсутствовала тесная связь
с вышестоящими советскими органами. Пять таких
волревкомов Томского уезда, находившихся примерно
в аналогичных условиях, были в конце зимы — начале
весны 1920 г. обследованы одним из инструкторов. Вот
заключение об их работоспособности, сделанное по ито-
гам обследования: «Бросается в глаза бездеятельность
ревкома и крайняя неосведомленность населения
обо всем происходящем» (Вороно-Пашенский); «Волост-
ной ревком производит впечатление работоспособного
органа. Все члены, хотя и не очень грамотные, старают-
ся с утра и до вечера быть на своих местах и работают
дружно. Большой недостаток в служащих составляет глав-
ное препятствие для правильной постановки того или

¹¹⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300, л. 212; ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 17,
л. 66.

¹¹⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 4.

¹¹⁸ «Знамя революции», 1920, 11 марта.

другого дела» (Митрофановский); «Волостной ревком
производит недурное впечатление и работает дружно.
Все распоряжения старается проводить в жизнь немед-
ленно... Ощущается недостаток в опытных канцелярских
работниках...» (Новониколаевский); «Волостной ревком
производит впечатление удовлетворительное... Работать
хотят, но нет опыта, знаний. Следует почаще посылать
туда инструкторов и партийных работников» (Рожде-
ственский); «Волостной ревком производит впечатление
самое безотрадное... Члены ревкома отвлекаются от пря-
мых обязанностей своим крестьянским хозяйством и не-
редко бывают дни, когда ни один из членов не является
в ревком, полагая, очевидно, что служба в ревкоме вто-
ростепенная, не столь важная» (Архангельский)¹¹⁹.

Объем работы по выполнению общегосударственных
и местных задач, возложенных на различные ревкомы,
не был одинаковым. В наиболее трудном положении
оказались ревкомы, располагавшиеся в основных райо-
нах антиколчаковской партизанской борьбы и вдоль ли-
нии железной дороги. Здесь белогвардейцы и интервенты
при отступлении сожгли жилые помещения и хозяйствен-
ные постройки, отобрали у населения лошадей, продо-
вольствие и одежду, бросили на произвол судьбы ти-
фозных больных и раненых. Поскольку Красная Армия
наступала также вдоль железнодорожной линии, то на
население и ревкомы местностей, расположенных вдоль
нее, лег и основной груз первых советских мероприятий.

О том, как протекала работа местных ревкомов, мож-
но составить мнение, обратившись к архивным докумен-
там Золедеевской волости Красноярского и Маслянин-
ской волости Барнаульского уездов, через которые сна-
чала бежали колчаковцы, а затем наступали партизаны
и красные войска. Население Золедеевской волости,
например, по призыву волревкома предоставило все свои
продовольственные и фуражные запасы в распоряжение
красноармейских частей, помогло им транспортными
средствами для непрерывного преследования колчаков-
цев. «Теперь же,—сообщалось в сводке информационно-
инструкторского подотдела Енисейского губревкома
от 5 марта 1920 г.,—запасы и силы волости иссякли:
нет ни хлеба, ни фуража, скотина гибнет». За неполные

¹¹⁹ «Знамя революции», 1920, 6 апр.

два первых месяца работы 12 сотрудников Золедеевского волревкома переболели тифом и один умер¹²⁰. В обзоре о первых днях своей деятельности Маслянинский волревком писал, что это «был период, когда члены ревкома работали по 24 часа в сутки»¹²¹. Обстановку, в которой пришлось действовать Золедеевскому волревкому, и чрезвычайное напряжение, благодаря которому справлялся со своими функциями Маслянинский волревком, можно считать характерными для многих других низовых органов Советской власти в Сибири после ее освобождения от колчаковцев.

Тем не менее, и это следует особо отметить, трудящееся крестьянство тех районов, которые белогвардейцы и интервенты прошли огнем и мечом, наиболее активно поддерживало все советские мероприятия. Начальник политотдела 5-й армии Е. А. Литкенс, хорошо знавший обстановку, в апреле 1920 г. писал: «В местах разоренных и сильно пострадавших замечается стремление понять сущность Советской власти, придти на помощь и принять участие в строительстве жизни на новых началах, и поэтому здесь нет места недовольству по отношению к трудовой и подводной повинности, нет крика против хлебной монополии, твердых цен, учета продовольственных запасов и т. д.»¹²².

Конечно, задания по перевозке красноармейских частей, их снабжению продовольствием и фуражом, учет и изъятие хлебных излишков тяжело повлияли на положение населения, иногда вызывали даже его недовольство. Однако подавляющее большинство трудящегося крестьянства безоговорочно шло на временные жертвы, добровольно и оперативно откликалось на призывы волостных и сельских ревкомов, когда необходимо было помочь Красной Армии. Яркий пример того — «неделя фронта», проводившаяся в начале 1920 г. в Барабинском (Канском) уезде, где даже разоренные колчаковцами волости добровольно сдали по 1—2 тыс. пудов продовольствия каждая¹²³.

Не менее показателен и другой факт, подмеченный председателем Томского губбюро РКП(б) М. М. Фельд-

¹²⁰ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 18, л. 119.

¹²¹ ГАКК, ф. 9, оп. 1, д. 34, л. 22.

¹²² ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 106, л. 106.

¹²³ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 4.

маном во время его поездки по губернии: различное отношение крестьянства к заготовкам сельскохозяйственных продуктов, которые одновременно осуществляли кооперация и военно-продовольственные органы Красной Армии. «Крестьянство, — докладывал 28 февраля 1920 г. на заседании губревкома М. М. Фельдман, — относится к кооперативным заготовкам недоверчиво и продукты везет слабо. Опродкомы, наоборот, на слабый подвоз отнюдь не жалуются, и это обстоятельство ясно указывает, что крестьянство не прочь сдать свои запасы государству, и там, где оно уверено, что эти запасы попадут в армию, оно охотно их сдает»¹²⁴.

Однако волостные и сельские ревкомы не всегда действовали с необходимой мерой ответственности. Так, в середине января 1920 г. некоторые ревкомы Томской губернии по существу не предпринимали никаких усилий для организаций продовольственных заготовок, а обнаруженные и реквизированные у кулаков излишки хлеба вместо того, чтобы сдавать на ссыпные пункты, делили между местными бедняками. Руководящие советские органы квалифицировали такие действия ревкомов как местнические, дезорганизующие продовольственную работу и даже преступные¹²⁵. В конце февраля 1920 г. отдел управления Сибревкома обратил внимание губревкомов на то, что на местах не всегда выполняется требование о поставке рабочей силы для очистки железнодорожных путей¹²⁶. Тогда же омский губпродкомиссар Б. И. Монастырский отмечал, что местные органы власти не борются со спекулятивной торговлей продовольственными продуктами¹²⁷.

Отмеченные выше ошибки и недостатки в работе волостных и сельских ревкомов определялись разными причинами. В ряде случаев они являлись следствием тяжелых объективных условий, в которых оказалась сибирская деревня после разгрома колчаковцев: мешали тиф, разруха, нехватка опытных канцелярских работников и т. п.

¹²⁴ ГАНО, ф. 1137, оп. 1, д. 7, л. 111. К такому же выводу пришел и информационно-инструкторский подотдел Томского губревкома. (См.: ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300, л. 183).

¹²⁵ ГАНО, ф. 180, оп. 1, д. 130, л. 102; «Красное знамя», 1920, 21 янв.; «Сибирский коммунист», 1920, 30 янв.

¹²⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 174, л. 2.

¹²⁷ «Кулундинская правда», Славгород, 1920, 18 марта.

Но постепенно все значительнее стало сказываться то обстоятельство, что организация многих низовых ревкомов была проведена не на классовой основе. Как отмечал член Томского губбюро РКП(б) Л. Б. Суница, «в селах и волостях есть ревкомы, выбранные на демократических началах, путем всеобщего избирательного права, и часто мы видим, что эти ревкомы бывают не на высоте революционного положения»¹²⁸.

В отчетах крестьянских секций политотделов дивизий неоднократно указывалось еще на одну причину, существенно затруднявшую деятельность ревкомов Сибири. Быстрое продвижение Красной Армии на восток не позволяло политработникам повсеместно инструктировать местные органы Советской власти, вести агитацию и пропаганду среди населения¹²⁹. Поэтому большая часть волостных и сельских ревкомов была вынуждена первое время действовать без директив вышестоящих органов, по собственному усмотрению. Показательно, что даже такой дееспособный волревком, как Кимильтейский, жаловался на то, что отсутствие законов, указаний, инструкций и т. п. ставит его «в самые тяжелые условия»¹³⁰.

Из-за недостатка руководящих указаний в деятельности многих волостных и сельских ревкомов сначала отсутствовала строгая последовательность и целенаправленность, единство в выборе главных направлений, форм и методов работы. В этом отношении можно, пожалуй, считать типичным положение, существовавшее в феврале — марте 1920 г. в Ачинском уезде. «Работа волостных и сельских ревкомов, — сообщалось в сводке уездного отдела управления, — под влиянием условий переживаемого времени, пока еще не носит характера планомерно проводимых идей, а идет скачками, перебрасываясь с одного объекта на другой: наблюдается работа по подготовке почвы для правительственной хлебной монополии (производится учет хлеба и фуража, вырабатываются нормы потребления), заметны попытки борьбы с хлебными спекулянтами; как редкое исключение — конфискация имущества частных лиц, бежавших с белогвардейцами (Березовский волостной ревком);

¹²⁸ «Красное знамя», 1920, 1 апр.

¹²⁹ ЦГАСА, ф. 1346, оп. 1, д. 173, л. 36; ф. 1454, оп. 1, д. 117, л. 2.

¹³⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 375, л. 19.

большая затрата энергии приходится на долю борьбы с самогонщиками и другие меры чисто местного характера»¹³¹. В результате снижалась продуктивность работы как каждого ревкома в отдельности, так и всего низового советского аппарата Сибири в целом.

Недостаток руководящих указаний и инструкций, отсутствие оперативной правдивой информации советских работников и крестьянства о событиях в Сибири и на фронтах неудовлетворительно повлияли на деятельность ревкомов не только непосредственно, прямо, но и опосредованно, косвенно. К концу зимы — началу весны 1920 г. в сибирской деревне почти повсеместно возросла антисоветская активность различных контрреволюционных элементов. В специальном обзоре «По крестьянской Сибири» «Известия Сибирского Революционного Комитета» писали по этому поводу следующее: «Оставшиеся на местах спекулянты и черносотенцы, перепуганные первое время, успокоившись за свою шкуру, начали поднимать голову и под шумок начали организовываться и вести свою реакционную разлагающую агитацию и пропаганду...

Подводная, трудовая повинность и продовольственная разверстка послужили козырями в руках деревенских кулаков и укрывающейся в деревне буржуазии...

Зародив недовольство в среде малосознательных крестьян, деревенская контрреволюция начала пускать самые провокационные слухи, породившие сильное брожение в умах крестьянской бедноты...

Все это волновало середняков и бедноту и в связи с малой работой в деревне [Коммунистической] партии и советских инструкторов порождало нежелательные явления.

В некоторых местах крестьяне настраивались к коммунистам и Советам (имеется в виду Советская власть. — В. Ш.) враждебно, отказываясь выполнять хлебную разверстку и подводную повинность...

Кое-где это недовольство под влиянием кулацкого науськивания выразилось в разгонах и избиваниях деревенских ревкомов и комячек»¹³².

¹³¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 204, л. 92.

¹³² «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 42.

Губернским и уездным руководящим органам Сибири следовало улучшить информацию и инструктирование, добиться повышения работоспособности и усиления классовой направленности деятельности волостных и сельских ревкомов. Это тем более необходимо было сделать потому, что на передний план выдвигалось решение двух таких важных задач, глубоко затрагивавших интересы всех слоев сельского населения, как сбор продразверстки, подготовка и проведение посевной кампании. Предстояло почти безвозмездно изъять у кулаков, зажиточного и среднего крестьянства хлеб и семенное зерно, чтобы обеспечить ими голодающих рабочих и деревенскую бедноту.

* *
*

В течение первых месяцев 1920 г. губернские и уездные партийные и советские органы Сибири упрочили связь с периферией, улучшили руководство местами. Повсюду были проведены губернские, уездные и волостные съезды представителей ревкомов. В волости и села стало направляться все большее количество партийных и советских агитаторов и инструкторов, которые разъясняли населению смысл происходивших событий, политику Коммунистической партии и Советской власти, реорганизовывали ненадежные и неработоспособные ревкомы, создавали ячейки коммунистов и сочувствующих РКП(б).

В разные сроки, с некоторым отставанием в восточных районах края по сравнению с западными, принятые меры положительно сказались на работе многих ревкомов. Их члены стали лучше представлять свои права, обязанности и задачи, стали последовательнее и тверже отстаивать государственные интересы, защищать трудящееся крестьянство и переходить в наступление на кулачество; прониклись сознанием того, что прежде всего от степени их собственной инициативы и активности зависит укрепление Советской власти на селе.

Особенно благотворно повлияли на деятельность волостных и сельских ревкомов губернские, уездные и волостные съезды представителей низовых ревкомов,

прошедшие в феврале—апреле 1920 г. Участники этих съездов получили обширную информацию и инструкции по всем вопросам советского строительства на селе, познакомились с главными практическими задачами и мерами, направленными на их выполнение, устанавливали контакты и координировали свою работу с отделами уездных ревкомов¹³³.

Главное внимание на губернских, уездных и волостных съездах представителей местных ревкомов занял продовольственный вопрос. Делегаты съездов, получив разъяснения о необходимости сдать излишки хлеба, в подавляющем большинстве голосовали за выполнение всех разверсток. Образцом высокой гражданской ответственности и глубокого понимания своего долга перед Советской властью стали Атбасарский и Татарский уездные съезды представителей волревкомов. На Атбасарский уезд никакой разверстки наложено не было, так как там по исчислениям Омского губпродкома излишки отсутствовали. Однако съезд представителей волревкомов принял решение о введении в уезде разверстки размером в 1 млн. пудов. С 280 до 500 тыс. пудов увеличил разверстку хлебофуража Татарский уездный съезд представителей волревкомов¹³⁴.

Губернские, большинство уездных и многие волостные съезды представителей местных ревкомов стали для участвовавшего в их работе сельского актива хорошей школой знакомства с основами советского строительства, заострили классовую направленность их действий, внесли живительную струю в атмосферу деревенской жизни.

Происшедшие изменения хорошо подмечены в сводке информационно-инструкторского подотдела Енисейского губревкома по Красноярскому уезду после того, как там прошел уездный съезд представителей волревкомов. «Работа власти,— сообщалось в сводке,— приобретает все более и более организованный характер. Практическое знакомство со своими обязанностями и приходившими из центра инструкциями и распоряжениями придало представителям власти большую уверенность,

¹³³ Материалы о работе губернских и уездных съездов представителей ревкомов Сибири нашли достаточно широкое освещение в периодической печати того времени.

¹³⁴ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 496, л. 69; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 646, л. 21.

выразившуюся в проявлении собственной инициативы, интенсивности и планомерности работы»¹³⁵.

С весны 1920 г. мероприятия ревкомов стали получать все более решительную поддержку со стороны тех бедняков и середняков, которые вступили в Коммунистическую партию или записались в сочувствующие РКП(б). Ячейки коммунистов и сочувствующих, докладывал в середине марта 1920 г. Томский губернский отдел управления, во многих селениях «налаживают и контролируют работу ревкомов, пресекают контрреволюционную агитацию, ведут пропаганду среди населения и являются твердой опорой Советской власти на местах»¹³⁶. Аналогичное мнение выражала и такая хорошо информированная газета, как «Крестьянская правда» — орган отдела по работе в деревне Енисейского губбюро РКП(б) и советского отделения политотдела 5-й армии. Коммунистические ячейки, писала газета, «помогают в организации волостных и сельских ревкомов, ведут борьбу с кулаками и прочими врагами трудового народа, содействуют организации нового сельского хозяйства на трудовых товарищеских началах (артели и коммуны), борются с темнотой и распущенностью деревни, стараются внести в нее больше света и знания, приучают ее к дружной общественной работе на благо всей Советской республике (воскресники и субботники)»¹³⁷. «Партийные ячейки, — докладывал в конце апреля 1920 г. Змеиногорский отдел управления, — зорко следят за работой ревкомов и милиции»¹³⁸. Буквально такую же оценку мы находим в сводке Енисейской губЧК, относящейся к концу мая 1920 г. «Некоторые ячейки, — сообщается в ней, — принимают деятельное участие в работах ревкомов и следят за неблагонадежным элементом»¹³⁹. «Те ревкомы, в состав которых входят коммунисты или люди, определенно стоящие на советской платформе, — докладывал Иркутский губревком, — ведут строго классовую политику, проводя дифференциацию среди населения по классовому принципу (на бедноту, середняков и кулачество): производят учет всех предме-

¹³⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 1.

¹³⁶ ЦГАСА, ф. 1454, оп. 1, д. 73, л. 338.

¹³⁷ «Крестьянская правда», 1920, 21 апр.

¹³⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 210, л. 127.

¹³⁹ Там же, д. 186, л. 90.

тов первой необходимости в тесном контакте с военными продовольственными органами, принимают меры к организации земледельческих коммун, советских хозяйств и увеличению посевной площади, конфискуют имущество бежавшей буржуазии и кулаков, принимают меры к организации общественного коллективного труда и привлечению к полезному труду всех паразитических элементов»¹⁴⁰.

Меры, направленные на упрочение связей между городом и деревней, разъяснительная работа партийных и советских сотрудников среди населения, увеличение численности и масштабов деятельности сельских коммунистов, инструктирование ревкомов и их отделов несомненно дали на некоторое время положительный эффект. Ревкомы, а также население многих волостей и сел, раньше не проявлявшие активности, стали лучше исполнять возложенные на них обязанности. Можно, пожалуй, считать типичной метаморфозу, которая произошла с Еланской волостью Калачинского уезда. До конца марта 1920 г. Еланская волость не выполнила и 1% разверстки хлебофуража (было сдано 185 пудов из 25 тыс. наложенных по разверстке). Неудовлетворительное выполнение разверстки во многом объяснялось тем, что кулаки добились ее подешевитной раскладки, из-за чего она не затронула главных держателей хлебных излишков. Прибывший в конце марта в Еланскую волость уполномоченный Омского губпродкома, выяснив причины недачи хлебофуража, принял меры к устранению допущенной ошибки. Он созвал волостной крестьянский съезд, на котором разъяснил населению основы советской продовольственной политики, создал в помощь волревкому комиссию по учету излишков и проведению разверстки. Съезд обязал домохозяев представить комиссии сведения о количестве имевшихся излишков для того, чтобы в соответствии с ними перераспределить разверстку. Излишки, не учтенные комиссией, объявлялись скрытыми и подлежащими реквизиции.

Достоверная и широкая информация населения о продовольственном положении Советской республики, строго классовый подход при раскладке продовольственных заданий, эффективные организационные меры не

¹⁴⁰ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 401, л. 17.

замедлили положительно сказаться на деятельности волревкома и ходе заготовок хлебофуража. На следующий же день после окончания работы съезда население сдало 3510 пудов хлеба и 2576 пудов зернофуража¹⁴¹, а через полтора месяца Еланская волость выполнила 36,9% разверстки, благодаря чему выдвинулась на третье место в уезде по заготовкам хлеба¹⁴².

Многочисленные доклады, отчеты, сводки о состоянии советской работы в деревне не оставляют сомнения в том, что весной 1920 г. деятельность значительной части волостных и сельских ревкомов Сибири улучшилась. Сошлемся на столь авторитетный документ, как доклад заведующего информационно-инструкторским отделом Семипалатинского губревкома Ф. Н. Белослюдова¹⁴³. «Из докладов с мест выяснилось, что председатели волревкомов...—говорится в сводке отдела управления Канского уездревкома,—поняли свой долг и свои обязанности и приложили все свои силы и старания, чтобы выполнить те трудные задачи, которые выпали на их долю...»¹⁴⁴. Практические результаты проявились скоро и прежде всего в области продовольственной работы. Государственные заготовки хлеба в Сибири с 1,9 млн. пудов в январе 1920 г. выросли до 2,8— в феврале, 5,2— в марте и составили 3,4 млн. пудов в апреле¹⁴⁵.

Отмеченный подъем хлебозаготовок был обеспечен в основном за счет добровольной сдачи продовольственных продуктов бедняками и середняками, в значительной части продолжавшими активно поддерживать Советскую власть. В то же время в продовольственной работе отдельных волостных и сельских ревкомов все определеннее стал прослеживаться классовый подход, стремление переложить основную тяжесть заданий на кулаков и принудительно изъять хлеб у злостных саботажников¹⁴⁶.

¹⁴¹ ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 31, л. 258.

¹⁴² Там же, д. 6, л. 48.

¹⁴³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2277а, л. 82.

¹⁴⁴ Там же, д. 151, л. 52.

¹⁴⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 17, л. 312; д. 403, л. 20; д. 496, л. 100; д. 505, л. 6; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 789, л. 79.

¹⁴⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 254, л. 53; ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 31, л. 67, 68; ГАТО, ф. 319, оп. 1, д. 4, л. 7, 151, 155; «Красное знамя», 1920, 17 марта; «Алтайский коммунист», 1920, 1 апр.

Образцом именно такого решения вопроса явилось постановление Тигрицкого волревкома Минусинского уезда от 18 марта 1920 г. о разверстке. Волревком, решив разверстать продовольственный наряд по селам в соответствии с площадью посева 1919 г., вместе с тем приказал сельревкомам «обратить особое внимание при разверстке между домохозяевами на зажиточных хлебных мужичков, у которых хлеб лежит в кладях годами, обязав таковых обмолотить хлеб и сдать на сыпной пункт к 10 апреля ...»¹⁴⁷.

Или другой пример. В марте 1920 г. спекулятивный характер приняла частная торговля предметами первой необходимости в Троицко-Заозерской волости Канского уезда. Несмотря на наличие в волости излишков сельскохозяйственных продуктов, продовольственное положение бедноты обострилось. В целях искоренения спекуляции и продовольственного обеспечения бедноты 7 апреля 1920 г. Троицко-Заозерский волревком обязал свой продовольственный отдел закупать по твердым ценам все сельскохозяйственные продукты и другие предметы первой необходимости, привозимые на местный рынок, с тем, чтобы распределять их между неимущими и нуждающимися. Лиц, замешанных в спекуляции, было решено немедленно арестовывать, а реквизируемые у спекулянтов продукты передавать в распоряжение отдела социального обеспечения. Волревком предусмотрел и меры на случай саботажа со стороны держателей сельскохозяйственных излишков. Если подвоз на рынок прекратится, постановил он, продовольственному отделу по своему усмотрению распределить продрозверстку по селам и деревням на поставку необходимых продуктов¹⁴⁸.

Весной— в начале лета 1920 г. некоторые ревкомы достигли в выполнении разверстки первых серьезных успехов. В их числе нужно назвать Белоусовский, Дробышевский, Божедаровский и Черноусовский волревкомы Омского уезда. Под их руководством население названных волостей до 1 апреля 1920 г. сдало соответственно 29, 35, 38 и 58% разверстки хлебофуража¹⁴⁹. Бобринская волость Омского уезда, которую возглавлял бедняцкий

¹⁴⁷ «Крестьянская правда», 1920, 1 мая.

¹⁴⁸ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 73, л. 96.

¹⁴⁹ ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 353, л. 509—511

ревком, до 15 апреля 1920 г. поставила 55,1 тыс. пудов хлеба, выполнив продовольственное задание на 151%¹⁵⁰.

До мая 1920 г. от 40 до 50% разверстки было собрано в Александровской, Ново-Рыбинской (Акмолинский уезд), Атрачинской (Тюкалинский уезд), Новосельской, Татарской (Татарский уезд), Преображенской (Калачинский уезд) и Черемуховской (Омский уезд) волостях; 74% — в Рождественской (Акмолинский уезд), 75% — Купинской и 169% — Инкулинской (Татарский уезд) волостях¹⁵¹.

В июне 1920 г. полностью выполнили разверстку Ермаковская и Моторская волости Миусинского уезда, причем, как отмечалось в информационной сводке, в Моторской волости разверстка была собрана «несмотря на громадное сопротивление старожилов — богачей села»¹⁵².

Большой удельный вес в деятельности ревкомов занимали вопросы, связанные с подготовкой и проведением весенней посевной кампании: обеспечение землей, семенным зерном, тягловой силой и сельскохозяйственными орудиями бедноты, семей красноармейцев и пострадавших от контрреволюции.

Основным источником временного землеобеспечения неприсланного, безземельного и малоземельного крестьянства Сибири стали свободные наделные земли, оставшиеся после удовлетворения по потребительно-трудовой норме местного присланного населения. Для этого ревкомы во исполнение директив ВЦИК, Совнаркома и Сибревкома прибегали к ограничению землепользования кулацких хозяйств, обрабатывавших землю главным образом с применением наемного труда¹⁵³. Но, как свидетельствуют авторитетные данные заведующего Сибземотделом В. Н. Соколова, ограничение кулацкого наделного землепользования в целом имело частичный характер, было незначительным по масштабам¹⁵⁴.

В тех случаях, когда в пределах села, общины или волости свободных наделных земель было недостаточно, осуществлялось временное межселенное или межволост-

ное перераспределение свободных наделных земель, производилась дополнительная прирезка сельскохозяйственных угодий из свободных государственных земель либо снижались нормы земельного обеспечения внутри общины или волости. Как правило, даже для большинства малоземельных притаежных волостей перераспределения с волостями, более обеспеченными сельскохозяйственными угодьями, оказывалось достаточно, чтобы повысить душевой надел до принятой в данном районе потребительно-трудовой нормы¹⁵⁵.

Важно, что в ходе межволостного перераспределения, направленного на изыскание свободных земель для неприсланых, безземельных и малоземельных крестьян, ревкомы стремились уменьшить неравномерное обеспечение землей различных категорий сельского населения (казаков, старожилов, новоселов), практиковавшееся царским правительством. Особенно большое количество ходатайств переселенческой бедноты из притаежных участков, борющейся в партизанских отрядах против колчаковцев, было удовлетворено за счет предоставления ей излишков земель, имевшихся в казачьих станицах и старожильческих селениях Миусинского уезда¹⁵⁶.

В притаежных местностях, испытывавших наиболее острый земельный голод, в целях равного обеспечения сельскохозяйственными угодьями всех крестьян, как исключение, практиковалось уменьшение местной потребительно-трудовой нормы по сравнению с районной и передел всех наделных земель. Таким образом был решен вопрос в малоземельной Урунской волости Бийского уезда, где острый недостаток земли в одних селах устранили за счет излишка в других, искусственно созданного в результате уменьшения в последних потребительно-трудовой нормы до 2,5 дес. на едока, в то время как в среднем в Алтайской губернии она составляла 4,5 дес.¹⁵⁷

Дополнительным источником удовлетворения нуждавшихся в земле крестьян явились национализирован-

¹⁵⁵ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 304, л. 62—65.

¹⁵⁶ Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 года. Красноярск, 1920, с. 72.

¹⁵⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 304, л. 63; «Красный Алтай», Барнаул, 1920, 19 дек.

¹⁵⁰ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 404, л. 17.

¹⁵¹ ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 6, л. 48.

¹⁵² ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 152, л. 124, 125.

¹⁵³ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 80, л. 25; «Красное знамя», 1920, 4 апр.

¹⁵⁴ ГАНО, ф. 13, оп. 2, д. 2, л. 125.

ные Советской властью и оставшиеся неиспользованными казенные, кабинетские, частновладельческие и церковные земли, составившие фонд государственных земельных имуществ. Весной 1920 г. для временного землеустройства использовались в основном земли незанятых полностью переселенческих участков. За счет этих земель расширили свое землепользование до трудовой нормы первые засельщики переселенческих участков, население тех национальных районов и старожильческих селений, у которого эти земли в свое время были отмежеваны под переселенческие участки с ущербом для ведения хозяйства, а также крестьяне малоземельной притаежной полосы, пожелавшие расширить свои наделы в более благоприятных условиях¹⁵⁸.

К сожалению, полных данных о численности неприписанных, безземельных и малоземельных крестьян Сибири, получивших весной 1920 г. в свое пользование ранее арендовавшуюся, перераспределенную наделную и свободную государственную землю, как и о ее количестве — нет. Имеются только сведения о том, что к населению перешло около 1 млн. дес. казенных, кабинетских, частновладельческих и церковных земель, длительное время использовавшихся им на правах аренды¹⁵⁹. В Омской губернии из свободных государственных земель под посев 1920 г. для неприписанного и безземельного населения было предоставлено более 500 тыс. дес.¹⁶⁰ В Алтайской губернии к началу сева 1920 г. были удовлетворены ходатайства о наделении землей 41 200 человек¹⁶¹. Это означает, что при существовавших на Алтае нормах обеспечения трудящегося крестьянство дополнительно получило во временное пользование около 200 тыс. дес. земли. 700 тыс. дес. — примерно на столько увеличилось фактическое обеспечение землей крестьянства, в первую очередь бедноты, только в Алтайской и Омской губерниях. Не случайно, отчитываясь позднее об итогах временного распределения зем-

¹⁵⁸ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 148—150; ф. 209, оп. 1, д. 80, л. 21, 22; **Вощинин В.** Переселение. — В кн.: О земле. М., 1921, с. 135.

¹⁵⁹ **Экономическая география Сибири.** Новосибирск, 1928, с. 199.

¹⁶⁰ **Исаков М. К.** Земельные отношения и землеустройство в первые годы Советской власти в Западной Сибири (1920—1921 гг.). — «Труды Омского с.-х. ин-та», 1958, т. 29, вып. 1, с. 7.

¹⁶¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 184, л. 129.

ли в 1920 г. Омский губземотдел сообщал, что работа была проведена «довольно успешно. Все пахотные земли для весеннего посева к началу полевого периода были распределены»¹⁶². Население губернии, докладывал Алтайский губземотдел, «оказалось временно удовлетворенным землей... Один из острых вопросов местной жизни оказался благополучно разрешенным»¹⁶³.

В то же время не следует преувеличивать значение земельных преобразований, осуществленных весной 1920 г. в сибирской деревне, как это делает М. К. Исаков, утверждая, что были ликвидированы какие бы то ни было привилегии в землепользовании и осуществлено наделение всех безземельных крестьян по уравнительной норме¹⁶⁴. В действительности, как правильно считает Э. М. Щагин, в столь короткий срок нельзя было решить данные проблемы полностью¹⁶⁵. В 1920 г. не удалось обеспечить землей всех неприписанных и безземельных крестьян, не была полностью устранена неравномерность в нормах земельного обеспечения разных категорий сельского населения: казаков, старожилов, новоселов, национальных меньшинств. Выступая в сентябре 1920 г. на губернском съезде Советов, председатель Омского губревкома Е. В. Полюдов следующим образом объяснил постепенность и осторожность советских землеустроительных мероприятий. «...Нельзя было, — говорил он, — определенный хозяйственный уклад и взаимоотношения между киргизским (казахским. — В. Ш.), казачьим и крестьянским населением разрубить одним росчерком пера»¹⁶⁶. Соотношение социальных сил, стоявших за этими укладами, не позволяло Советской власти сразу же, весной 1920 г., решительно ликвидировать старые земельные порядки.

Совместно с органами социального обеспечения и уполномоченными комиссиями по восстановлению разрушенного хозяйства волостные и сельские ревкомы произвели тщательное обследование населенных пунктов, по-

¹⁶² ГАОО, ф. 209, оп. 1, д. 27, л. 55.

¹⁶³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 184, л. 129.

¹⁶⁴ **Исаков М. К.** Указ. соч., с. 10.

¹⁶⁵ **Щагин Э. М.** Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири в первые годы Советской власти. — В кн.: Проблемы истории советского общества Сибири, вып. 3. Новосибирск, 1970, с. 108, 109.

¹⁶⁶ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 251, л. 21.

страдавших от колчаковцев и интервентов, выявили хозяйства, нуждавшиеся в государственной или общественной помощи. Затем на ревкомы было возложено распределение значительной части денег, строительных материалов, сельскохозяйственных орудий, семенного зерна и предметов первой необходимости, выделенных вышеупомянутыми советскими органами для бедноты, семей красноармейцев и пострадавших от контрреволюции.

Почти полностью на волостные и сельские ревкомы легла задача по целесообразному использованию крестьянского сельскохозяйственного инвентаря и тягла в интересах максимального расширения запашки. С этой целью ревкомы конфисковывали живой и мертвый инвентарь кулаков, сотрудничавших и безважных с колчаковцами; изымали инвентарь у хозяйств, имевших его в избытке или окончивших полевые работы, и передавали его во временное пользование бедноты; оказывали общественную помощь в выполнении полевых работ семьям красноармейцев, пострадавшим от колчаковцев и потерявшим трудоспособных. К сожалению, отсутствие в источниках фактических данных о формах, методах и масштабах этой работы местных ревкомов не позволяет сделать более конкретных выводов по данному вопросу.

Главным направлением работы волостных и сельских ревкомов в период посевной кампании стало изыскание семенного зерна для снабжения им нуждающихся бедняцко-средняцких хозяйств. С этой целью практиковались специальные разверстки, которые ревкомы по соглашению с продорганами налагали на наиболее обеспеченные сельскохозяйственными продуктами волости и села. Заготовку семян для внутри- и межволостного перераспределения ревкомам разрешалось осуществлять, прибегая в случае сопротивления держателей излишков к принудительным мерам, но обязательно на компенсационной основе: оплачивая семена по твердым ценам, либо гарантируя их последующий возврат¹⁶⁷.

Достаточно полные сведения о внутриволостном перераспределении семян имеются только по Омской губернии, где бедноте было передано 266,5 тыс. пудов се-

¹⁶⁷ ГАКО, ф. 776, оп. 1, д. 2, л. 4; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 164, л. 28; д. 210, л. 15; ф. 13, оп. 1, д. 222, л. 19; ф. 1551, оп. 1, д. 7, л. 2.

менного зерна¹⁶⁸. Но источники позволяют утверждать, что такая же работа в достаточно широких масштабах проводилась в Иркутской губернии¹⁶⁹ и в ряде уездов других губерний Сибири. Так, 13 мая 1920 г. Коченевский волревком Новоиколаевского уезда вынес решение, чтобы сельские советские органы волости «взяли все излишки семян у имеющих таковые и разделили неимущим»¹⁷⁰. В сводке по Канскому уезду отмечается, что «волревкома была произведена громадная работа по взятию на учет хлебных излишков, скота, сельскохозяйственного инвентаря и мельниц. В последнее время организовано снабжение неимущего населения семьями путем извлечения излишков у деревень, обеспеченных зерновым хлебом»¹⁷¹. В Красноярском уезде, сообщается в сводке, ревкомы напрягали «все силы для сохранения прежней посевной площади»¹⁷². В Лосихинской волости Барнаульского уезда ревком изынял у зажиточных крестьян 9901 пуд пшеницы и овса, которые были распределены между пострадавшими от контрреволюции, бедняками, семьями красноармейцев и колхозом¹⁷³. Таким же образом 1623 пуда зерна получила беднота Никольской и 1334 — Беллыкской волостей Минусинского уезда¹⁷⁴.

Тем не менее едва ли можно признать задачу по выполнению дополнительной семенной разверстки удовлетворительно решенной волостными и сельскими ревкомками Сибири. Основанием для такого вывода являются следующие данные. По подсчетам земельных органов, в весеннюю посевную кампанию 1920 г. у на-

¹⁶⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 374, л. 79; ф. 13, оп. 1, д. 71, л. 41; ГАОО, ф. 209, оп. 1, д. 161, л. 286; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 502, л. 34. В источниках встречается и другая цифра. Например, в отчете о работе подотдела посевной площади Омского губземотдела утверждается, что в Омской губернии беднота в ходе внутриволостного перераспределения получила 321,5 тыс. пудов семенного зерна. (См.: ГАОО, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 17). В данный отчет, по-видимому, вкратце техническая ошибка: оказались перепутанными сведения о количестве семян, полученных населением из государственных запасов и путем внутриволостного перераспределения.

¹⁶⁹ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 805, л. 9.

¹⁷⁰ Там же, ф. 1349, оп. 1, д. 364, л. 43.

¹⁷¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 4.

¹⁷² Там же, л. 1.

¹⁷³ Там же, д. 222, л. 136.

¹⁷⁴ Там же, д. 152, л. 76, 77; д. 309, л. 21.

селения Сибири не доставало около 4,5 млн. пудов семенного зерна, из государственных запасов нуждавшиеся крестьяне получили немногим более 1,3 млн. пудов. Таким образом, оставался дефицит в 3,2 млн. пудов семян, покрыть который полностью волостные и сельские ревкомы далеко не смогли. Даже в Омской губернии, где внутри- и межволостное перераспределение осуществлялось в наибольших размерах, недостаток в семенном зерне был устранен менее чем на четверть¹⁷⁵.

Лучшие волостные и сельские ревкомы внесли существенный вклад в изменение быта и культуры сибирского крестьянства. Благодаря инициативе таких ревкомов и комячеек частым явлением в жизни деревни стали субботники, воскресники и другие коллективные мероприятия, которые устраивались в целях благоустройства населенных пунктов, выполнения экстренных заданий, а также для оказания помощи бедноте и пострадавшим от контрреволюции. Особенно широкое распространение такие мероприятия получили 1 мая 1920 г. Во многих волостях и селах Сибири первомайский праздник был отмечен торжественной организацией коммунистического коллективного труда. Например, по инициативе Ново-Кытмановского ревкома и комячейки Барнаульского уезда члены местной сельскохозяйственной коммуны «Красный орел» распахали в этот день школьный огород, а остальные крестьяне засеяли 25 десятин для бедняков и красноармейских семей и 16 десятин — в фонд государства¹⁷⁶. В Больше-Муртинской волости Красноярского уезда во время первомайского субботника, проведенного по предложению волревкома, было отремонтировано несколько мостов и участков проселочной дороги, заготовлено около 30 сажень дров, осуществлена уборка Народного дома и клуба, в селах прорыты водосточные канавы¹⁷⁷.

Пожалуй, наибольших успехов волостные и сельские ревкомы Сибири добились в культурно-просветительной работе, пользовавшейся всемерной поддержкой со стороны населения. Жажда знаний, докладывал в марте 1920 г. внешкольный подотдел Каменского уездного от-

¹⁷⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 374, л. 79; ф. 13, оп. 1, д. 71, л. 41.

¹⁷⁶ «Алтайский коммунист», 1920, 7 мая.

¹⁷⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 32, л. 19.

дела народного образования, выявилась в массе трудящихся с такой силой, что в уезде «не осталось ни одного села, ни одной деревни, даже ни одного поселка, которые не возбудили бы ходатайства об открытии библиотеки или школы для взрослых, или Народного дома, или какого-либо иного внешкольного заведения»¹⁷⁸. По заключению председателя Ачинского уездного ревкома Б. М. Гуровича, информация, полученная с мест, свидетельствовала об общем стремлении крестьян «во всех волостях уезда к просвещению, к открытию у себя школ, читален, к организации культурно-просветительных кружков и ячеек»¹⁷⁹. А красноармейская газета «Красный стрелок» отметила тягу к знаниям, возможность получения которых принесла с собой Советская власть, как явление, повсеместно характерное для сибирской деревни¹⁸⁰.

Благодаря этому, весной 1920 г. на селе под руководством и при участии местных ревкомов выросла довольно обширная сеть различных очагов культуры. Например, по свидетельству корреспондента газеты «Красное знамя», «усиленная работа по организации и устройству Народных домов, культурно-просветительных кружков, библиотек, читален с привлечением в них всей местной интеллигенции» проводилась Каменским волревкомом Ново-николаевского уезда¹⁸¹. И такого рода деятельность была характерна для многих местных ревкомов Сибири.

Принципиально важно подчеркнуть, что мероприятия лучших волостных и сельских ревкомов в этой области не носили узко культурнический характер, а были проникнуты стремлением связать ликвидацию неграмотности с политическим просвещением населения, с его сознательным участием в строительстве новой жизни. Указания, обязывавшие школьных учителей вести работу среди неграмотных именно в таком направлении, содержатся, например, в постановлении Коченевского волревкома от 18 апреля 1920 г.¹⁸²

¹⁷⁸ ПААК, ф. 22, оп. 1, д. 32, л. 2.

¹⁷⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 297, л. 157.

¹⁸⁰ «Красный стрелок», 1920, 11 марта.

¹⁸¹ «Красное знамя», 1920, 16 марта.

¹⁸² ГАНО, ф. 1349, оп. 1, д. 364, л. 38; «Красное знамя», 1920, 6 мая.

Заслуживает также упоминания решение Кузнецкого уездного съезда представителей волревкомов, в соответствии с которым местное население собрало 2,5 тыс. пудов хлеба для отправки его в центр с целью обмена на политическую литературу. И хотя из-за острой потребности в продовольствии каменноугольных копей и частей Красной Армии отправка этого хлеба из Кузнецкого уезда не была разрешена¹⁸³, крестьянский почин глубоко знаменателен. В жизни сибирской деревни началась серьезная переоценка культурных ценностей. На смену кабаку и церкви шли изба-читальня и Народный дом. На эту важную перемену, происшедшую на селе с восстановлением Советской власти, уже в марте 1920 г. обратил внимание Бийский уездный ревком. «Большую часть досуга, — докладывал он, — крестьянин проводит в избе-читальне»¹⁸⁴.

Конечно, это были первые, подчас робкие и трудные шаги, предпринимавшиеся местными советскими органами и самим населением для приобщения к культуре. Но они обеспечили такой широкий размах и глубокий качественный сдвиг в культурной жизни сибирской деревни, которого она никогда не переживала в своей предшествующей истории. Именно с культурного плацдарма, завоеванного в 1920 г., Советская власть повела в последующем победоносное наступление на ту патриархальщину, полудикость и самую настоящую дикость, которая, как указывал В. И. Ленин, царила на огромных пространствах, лежавших к югу от Омска и к северу от Томска¹⁸⁵.

* *
*

Весной 1920 г., во время посевной, обнаружилось некоторое ухудшение политического положения в Сибири: заметно снизилась активность бедноты и середняков, раньше добровольно бравших на себя выполнение глав-

¹⁸³ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 507, л. 70, 71.

¹⁸⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 85.

¹⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. т. 43, с. 228.

ных государственных заданий, и, наоборот, усилилось сопротивление со стороны кулацко-зажиточных слоев деревни. В такой обстановке работоспособность подавляющего большинства низовых ревкомов вновь упала. Многие из них бездействовали, проявляли местничество, отказывались выполнять продразверстку и другие государственные задания или перекладывали их основную тяжесть на бедняцко-середняцкие слои крестьянства¹⁸⁶. Не избежал этого даже Красноярский уезд, где волостной и сельский советский аппарат был значительно сильнее, чем в большинстве других уездов Сибири. «В работе членов некоторых ревкомов, — отмечается в информационной сводке по Красноярскому уезду, относящейся к весне 1920 г., — чувствуется апатия и усталость, наблюдается желание уйти от общественной работы, что объясняется небольшим окладом жалования, нежеланием отрываться от своего хозяйства, особенно в весеннее время... и индифферентным отношением населения к распоряжениям власти...»¹⁸⁷.

Бездействие многих ревкомов привело к тому, что на местах все важные вопросы стали решаться на волостных собраниях и сельских сходах, где нередко верховодили кулаки или преобладали местнические настроения. К чему это приводило, можно судить на следующем примере. На Любомирскую и Ново-Екатерининскую волости Омского уезда была наложена хлебная разверстка соответственно в размере 153 и 224 тыс. пудов. Население обеих волостей являлось очень зажиточным (редко кто имел менее 10 дес. посева), но разверстка выполнялась исключительно плохо. До 20 июня 1920 г. Любомирская волость сдала 1%, а Ново-Екатерининская — 2% разверстки. Так же плохо выполнялась и мясная разверстка. Председатель Андреевской сельревкома Ново-Екатерининской волости даже ходатайствовал перед волревкомом об ее отмене за неимением мяса.

В июне 1920 г. для проведения «недели» помощи За-

¹⁸⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 248, л. 5, 8; ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 102, л. 1; д. 342, л. 119; ГАТО, ф. 84, оп. 1, д. 8, л. 14; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 97, л. 1; ЦГАСА, ф. 185, оп. 2, д. 388, л. 152; «Советская Сибирь», 1920, 10 апр. «Власть труда», 1920, 21 мая; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 26 мая; «Красная звезда», 1920, 6 мая и 16 июня.

¹⁸⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 298; л. 1.

падному фронту в эти волости был командирован заведующий отделом социального обеспечения Сибревкома И. Л. Сегалович. Он встретился с председателем Андреевского сельревкома, который писал о невозможности выполнения мясной разверстки. На вопрос И. Л. Сегаловича: «А соответствует ли это действительности?», — председатель откровенно ответил: «Я-то знаю, что разверстку выполнить можем, да сход решил, что не можем, а раз сход решил, то как же пойду против схода»¹⁸⁸.

Случаи, когда деревенская беднота и местные ревкомы попадали под влияние прокулацких сходов, отмечены во многих волостях Кокчетавского уезда¹⁸⁹, в богатых продовольственными излишками Барышевской, Бугринской, Каменской, Крутологовской, Сорокомышской, Чаусской волостях Новониколаевского уезда. «Органы власти, — делало по этому поводу заключение руководство хлебофуражного отдела Томского губпродкома, — слишком связаны с деревней, чтобы решиться идти против ее желаний»¹⁹⁰.

Еще одной причиной, снижавшей общие результаты работы низового советского аппарата в Сибири, оставался неудовлетворительный состав части волостных и сельских ревкомов, наличие во многих из них кулацких и прокулацких элементов. В документах партийных и советских органов, в периодической печати неоднократно отмечалось, что именно такие ревкомы нарушали классовый подход и оказывали противодействие при выполнении главных государственных заданий: продразверстки, гужевой и топливной повинности¹⁹¹.

Исходя из всей совокупности фактов, можно утверждать, что волостное и сельское звено ревкомов Сибири работало значительно слабее, чем уездное и тем более губернское. И такое положение вещей не являлось исключительно сибирским явлением. Оно было характерно для всей страны; как говорил в июне 1920 г.

¹⁸⁸ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1160, л. 1.

¹⁸⁹ ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 98, л. 7.

¹⁹⁰ ГАТО, ф. 84, оп. 1, д. 78, л. 28.

¹⁹¹ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 163, л. 8; ГАНО, ф. 1551, оп. 1, д. 8, л. 94; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 14; д. 49, л. 3; ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 98, л. 1; «Красное знамя», 1920, 9 мая; «Сельская правда», 1920, 13 мая; «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1920, 25 июня.

В. И. Ленин, советский аппарат в деревне еще действовал «несовершенно и неудовлетворительно»¹⁹².

Было бы, однако, неверно незначительный нажим ревкомов Сибири на кулачество и саботировавшую часть крестьянства при проведении продовольственных и других мероприятий объяснять только засоренностью ревкомов классово чуждыми элементами. Как отмечалось раньше, попытки отдельных бедняцко-средняцких ревкомов нанести удар по кулачеству, взять на учет и принудительно изъять продовольственные излишки и сельскохозяйственный инвентарь предпринимались уже в феврале — марте 1920 г. В апреле — мае давление ревкомов на сельскую буржуазию значительно возросло. Некоторые из них стали решительнее перелagать тяжесть продовольственных заданий на кулаков и зажиточных крестьян, вести борьбу со спекуляцией и самогонварением, создавать из бедноты и середняков специальные комиссии и комитеты для учета, изъятия и перераспределения хлебных излишков, конфискации скрытых запасов¹⁹³. Однако, выражаясь военным языком, это были бои местного значения. Они не могли перерасти в решительное фронтальное наступление на кулачество, поскольку отсутствовали необходимые для этого организационные и политические предпосылки.

Во-первых, до конца весны — начала лета 1920 г. решительная антикулацкая борьба не могла развернуться из-за слабого политического размежевания внутри сибирского крестьянства и недостаточной организованности деревенской бедноты. Во-вторых, до лета 1920 г. губернские и уездные ревкомы не имели хорошо налаженного продовольственного аппарата (необходимого количества политработников, продотрядов, вооруженной силы), способного оказать эффективную поддержку даже тем сельским органам Советской власти, которые перешли в наступление на кулачество. В-третьих, задача разгромить сельскую буржуазию, оказывавшую сопротивление продовольственным заготовкам, перед ревко-

¹⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 41, с. 150.

¹⁹³ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 119, л. 93; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 4, 11; д. 300, л. 212; ф. 1349, оп. 1, д. 364, л. 43; ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 31, л. 67, 68, 258; д. 96, л. 14; ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 4; ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 3, л. 4, 7; «Крестьянская правда», 1920, 15 мая; «Советская Сибирь», 1920, 10 июня.

мами не ставилась. По свидетельству омского губпродкомиссара Б. И. Монастырского, советское руководство давало на места такую директиву: на кулака нажимать, а продовольствие бедноты не трогать¹⁹⁴.

Воспоминания одного из коммунистов, руководившего продовольственными заготовками, достаточно объективно свидетельствуют о том, как это указание проводилось в жизнь. «Разверстка была объявлена, но нажима, как и проверки исполнения, не было...— писал он.— Лишь в отдельных местах выправлялась линия и в подушность раскладки вносились коррективы... Мы не привлекали к разверстке тех, которые не могли из своих запасов дать более 25 пудов, хотя многие из этих маломощных все-таки хлеб везли добровольно... Все зависело от настроения и подхода руководителей ревкомов и агентов по сбору»¹⁹⁵.

Проведение весенней посевной кампании также заставляло руководство советской Сибири воздерживаться от применения в широких масштабах мер принуждения, так как они могли задеть среднее крестьянство, отрицательно сказаться на его политических настроениях и вызвать сокращение размеров посевной площади. Показательно, что даже необходимость срочного изыскания нескольких миллионов пудов семенного зерна, недостававшего у бедноты и пострадавшего от колчаковцев крестьянства для полного засева их полей, почти не привела к изменению общего курса Советской власти в сибирской деревне. Продовольственным органам было поручено из собранного в счет разверстки хлебофуража выделить весь семенной материал и передать его нуждавшимся.

Анализ аграрных и продовольственных мероприятий, осуществлявшихся весной 1920 г., показывает, что Советская власть продолжала сохранять ставку на революционный энтузиазм сибирского трудящегося крестьянства и рассчитывала на его добровольную поддержку в ликвидации продовольственного кризиса и в восстановлении народного хозяйства. В свою очередь, вся деятельность волостных и сельских ревкомов по решению этих вопросов определялась аграрно-крестьянской политикой Советской власти в Сибири.

¹⁹⁴ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 251, л. 99.

¹⁹⁵ ОРФ ИИ СССР АН СССР, ф. 9, оп. 1, д. 11, л. 70.

Вместе с тем ревкомам вменялось в обязанность не допускать кулачество к политическому руководству сибирской деревней. Например, выступая на Алтайском губернском съезде председателей волревкомов, В. В. Аристов потребовал от советских работников подавлять всеми мерами кулаков, пытающихся восстановить в деревне свое прежнее влияние¹⁹⁶. В принципе такая политика была правильной. Она полностью соответствовала требованиям Программы РКП(б) опираться на пролетарские и трудящиеся слои деревни, бороться против эксплуататорских поползновений и сопротивления кулачества советской политике¹⁹⁷. Но нельзя упускать из виду того, что в борьбе против кулачества до лета 1920 г. волостные и сельские ревкомы Сибири должны были рассчитывать преимущественно на собственные силы, так как губернские и уездные советские органы не могли оказать им сколько-нибудь существенной помощи.

Недостаточное проведение классового принципа в продовольственных заготовках, стремление мирным путем ликвидировать неоднократно проявлявшиеся рецидивы «партизанщины», незначительный нажим на саботировавшее и противодействовавшее советским мероприятиям кулачество — все это было неправильно понято последним как непрочность Советской власти в Сибири. Кулачество активизировало свою борьбу против Советской власти: оно сократило посевные площади¹⁹⁸, повсеместно отказывалось добровольно выполнять разверстку¹⁹⁹, требовало замены назначенных ревкомов выборными Советами²⁰⁰, надеясь захватить сельские органы власти в свои руки.

Промежуточное социально-экономическое положение среднего крестьянства обусловило его непоследователь-

¹⁹⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 60а, л. 160б.

¹⁹⁷ КПСС в резолюциях..., т. 2. М., 1970, с. 54.

¹⁹⁸ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 245, л. 23, 97; ГАОО, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 17; 2-й съезд Советов Барнаульского уезда, с. 30—33, 38, 39; «Красный Алтай», 1921, 28 янв.

¹⁹⁹ ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 403, л. 1, 15; д. 417, л. 30, 31; ГАТО, ф. 84, оп. 1, д. 78, л. 28, 34; д. 81, л. 1, 2; ф. 108, оп. 1, д. 15, л. 134; ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 789, л. 163.

²⁰⁰ ГАНО, ф. 42, оп. 1, д. 403, л. 16; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 96, л. 3, 5; ЦГАСА, ф. 1454, оп. 1, д. 73, л. 338; «Бюллетень Минусинского уездревкома и уездного комитета РКП(б)», 1920, 22 апр.; «Красный пахарь», Иркутск, 1920, 20 мая; «Красная звезда», 1920, 2 июня.

ность, колебания в отношении к Советской власти, к ее мероприятиям и деятельности местных органов власти. Эта противоречивость настроений и поведения среднего крестьянства Сибири, обнаружившаяся весной 1920 г., углубилась летом. Двойственность крестьянских настроений, «выражающихся одновременно в сочувственном отношении к власти трудящихся и отрицательном — к мероприятиям ее», отмечалась в июньском отчете информационно-инструкторского подотдела Томского губревкома²⁰¹. «Отношение населения к власти,— говорится в информационной сводке за июль 1920 г. по Ачинскому уезду,— неодинаковое. В некоторых волостях отмечается полное сочувствие проводникам коммунизма в жизнь, в других же селах, хотя и видно полное сочувствие Советской власти, наблюдается резкое отношение к ревкомам, особенно при проведении в жизнь и выполнении разверстки...»²⁰².

Заслуживают внимания и меры, которые руководство Ачинского уезда считало целесообразным принять, чтобы устранить или хотя бы частично снять двойственность в настроении и поведении середняков. 8 июня 1920 г. Ачинское уездное бюро РКП(б) приняло постановление, в котором предложило губернским органам ускорить выборы в Советы, считая, что крестьяне совершенно иначе будут относиться к мероприятиям Советской власти, если таковые будут проводиться органами, не назначенными, а избранными самим населением²⁰³.

К лету 1920 г. произошли и другие важные изменения, повлиявшие на политические настроения крестьянства и обстановку в деревне. Как уже отмечалось выше, ревкомы оказали большую помощь бедноте и пострадавшим от контрреволюции. В отчете Цехохоза констатировалось, что значительная часть разоренных колчаковцами крестьянских хозяйств «получила поддержку со стороны Советской власти и во многих из этих хозяйств посевная площадь доведена до прежнего размера»²⁰⁴. Это позволило расширить экономическую основу для прочного союза рабочего класса с беднотой и

²⁰¹ ГАТО, ф. 173, оп. 1, д. 48, л. 37.

²⁰² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 208, л. 5.

²⁰³ ПАКК, ф. 6, оп. 1, д. 4, л. 137.

²⁰⁴ «Известия Сибирского Революционного Комитета», 1920, № 2, с. 38.

тесного сотрудничества со значительной частью среднего крестьянства Сибири.

В то же время большинство трудящегося крестьянства еще не доросло до понимания того, что поддержка Советской власти в первую очередь должна выразиться в его работе в местных органах, в недопущении к политическому руководству деревней кулачества и прочих контрреволюционных элементов. Наоборот, широкое распространение имели факты противоположного порядка, когда многие бедняки и середняки, состоявшие в волостных и сельских ревкоммах, покидали свои посты. Так, руководство Ачинского уезда считало одним из основных недостатков, присущих сельским советским работникам, старый, установившийся веками взгляд на представительство в органах власти как на отбывание известной «общественной повинности», и именно этими представлениями объясняло стремление бедноты и середняков «поскорее отбыть свой номер и уйти от дел»²⁰⁵.

Все это позволяет утверждать, что к концу весны — началу лета 1920 г. волостные и сельские ревкомы как местные органы Советской власти в Сибири не только выполнили в главном стоявшие перед ними задачи, но и одновременно почти исчерпали свои первоначальные преимущества. Принципы, лежавшие в основе их деятельности, перестали соответствовать политическим настроениям крестьянства и обстановке в деревне. Активизация контрреволюционных элементов, обострение классовой борьбы, в ряде случаев принявшей вооруженную форму, колебания середняка, недостаточная организованность и неспособность бедноты собственными силами противостоять сельской буржуазии поставили на повестку дня вопросы о решительном наступлении на кулака, о необходимости новых усилий по упрочению союза пролетариата со средним крестьянством. Решались эти сложные политические вопросы уже испытанными в центральной России средствами — введением продовольственной диктатуры, способствовавшей сплочению бедноты и разгрому агрессивного слоя кулачества, и переходом от ревкомов к Советам, в новых условиях закрепившим и развившим достижения ревкомов в сибирской деревне.

²⁰⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 208, л. 4.

За непродолжительный период своего существования, в большинстве случаев равный 5—6 месяцам, волостные и сельские ревкомы Сибири при всех пробелах, недочетах и ошибках, допущенных в их работе, в основном выполнили возложенные на них задачи. Они сумели достаточно полно использовать революционный энтузиазм трудящегося крестьянства, направив его на оказание эффективной помощи Советской власти в борьбе против Колчака и продовольственного кризиса. Благодаря деятельности ревкомов в социально-экономическом положении различных слоев крестьянства начали осуществляться новые изменения, приведшие вскоре к его осереднячиванию и нивелировке. На основе социально-экономических сдвигов и обострения классовой борьбы в деревне резко обозначились и организационно-политически оформились те социальные группы сибирского крестьянства, которые стали опорой Советской власти и всех ее мероприятий (беднота и середняки), с одной стороны, и опорой контрреволюции (кулачество) — с другой. Всемерным привлечением к государственному управлению бедноты и середняков, содействием подъему их хозяйства, ограничением эксплуататорских отношений и борьбой с антисоветскими происками кулачества ревкомы заложили фундамент для дальнейшего социалистического строительства в деревне.

Анализ задач, вызвавших к жизни волостные и сельские ревкомы, изучение их состава, форм, методов и итогов деятельности ставят под сомнение встречающуюся в литературе гипотезу о частичной или полной тождественности низовых ревкомов Сибири с комитетами бедноты, существовавшими в центральных районах РСФСР в 1918 г.²⁰⁶ По нашему мнению, комбеды и ревкомы были созданы по разным социально-политиче-

²⁰⁶ Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. Новосибирск, 1972, с. 86; Шорников М. М. В. И. Ленин и организация советского управления в Сибири.— В кн.: Осуществление ленинских идей преобразования Сибири в экономически развитый район страны. Кемерово, 1972, с. 60.

ским причинам, они действовали в неодинаковой обстановке. В период комбедов Советская власть руководствовалась вторым стратегическим лозунгом Коммунистической партии по крестьянскому вопросу — опора на бедноту, нейтрализация среднего крестьянства, подавление контрреволюционных поползновений кулачества. Ревкомы Сибири были созданы в то время, когда партия выдвинула третий стратегический лозунг — опора на бедноту, прочный союз с середняком, ограничение и вытеснение кулачества.

Комбеды и ревкомы отличались порядком образования, функциональным назначением, формами и методами подхода к различным категориям сельского населения, что и предопределило их специфику.

**СОЗДАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.**

ПЕРЕХОД ОТ РЕВКОМОВ К СОВЕТАМ

(март 1920 — январь 1921 г.)

Последней по времени, но важнейшей по значимости задачей, которую ревкомы Сибири решали совместно с партийными, профсоюзными, женскими, молодежными организациями, политическим аппаратом частей Красной Армии, были подготовка и проведение выборов в Советы и исполкомы Советов. Создание конституционных органов государственной власти как бы венчало собой всю предшествующую деятельность ревкомов, подводило окончательные итоги их работы и вместе с тем открывало новую страницу в истории советского строительства в Сибири. От успешности проведения выборов — степени участия в избирательной кампании рабочих и трудящихся крестьян, от социального и партийного состава Советов и исполкомов — во многом зависели крепость и прочность Советской власти не только в Сибири, но и в стране в целом.

**ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВЫБОРОВ
В ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ СОВЕТЫ**

Переход от чрезвычайных государственных органов диктатуры пролетариата — ревкомов — к конституционным органам власти — Советам — начался в Сибири с подготовки и проведения выборов в городские и сельские Советы. Это мероприятие не было единовременным для всей Сибири актом. В различных губерниях оно проводилось в разное время в зависимости от создания необходимых условий: ликвидации колчаковского наследия в общественно-политической и экономической жизни, упрочения исполнительного аппарата ревкомов,

укрепления партийных организаций, профсоюзов, проведения среди населения разъяснительной работы.

Первым по времени, в феврале 1920 г., поставило вопрос о необходимости выборов руководителей Алтайской и Енисейской губерний. Однако среди ответственных партийных и советских сотрудников этих губерний обнаружилось разногласия. Политработники 5-й армии, входившие в руководящий партийный и советский аппарат Алтайской и Енисейской губерний, резонно возражали против проведения выборов без их тщательной предварительной подготовки¹.

На такой же точке зрения, что и армейские политработники, в принципе стоял отдел управления Сибревкома, который осуществлял непосредственное руководство кампанией по выборам в Советы. 27 февраля 1920 г. в ответ на запрос Славгородского уездревкома он указал, что переход к Советам допустим лишь в том случае, если обстановка исключает необходимость иметь на местах чрезвычайные органы власти².

Полный разгром Колчака и освобождение от белогвардейско-интервенционистских банд Восточной Сибири позволили приступить к укреплению советских органов в крае. 4 марта 1920 г. отдел управления Сибревкома разослал циркуляр, в котором указал губернским и уездным ревкомам, что усовершенствование аппарата местной власти, подготовка к созыву волостных и уездных съездов Советов должны стать их основной задачей. Для этого рекомендовалось устраивать совещания и съезды председателей и секретарей волостных ревкомов, совместно с которыми предлагалось наметить планы проведения избирательной кампании на местах³.

В партийном порядке решение о начале подготовительной работы к выборам в Советы на территории Западной Сибири было принято Сибоблбюро РКП(б) 13 марта 1920 г. Тогда же Сибоблбюро создало специальную комиссию в составе С. Ф. Баранова, Б. З. Шумяцкого и А. К. Цветкова-Просвещенского, на которую воз-

¹ ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 7, 13, 14, 18, 19, 27; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 35, 43.

² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 69, 70.

³ Сибирский Революционный Комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925. Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959, с. 44, 45.

ложило разработку плана по выборам в Советы до уездного звена включительно⁴.

Комиссия разработала «Инструкцию о созыве съездов Советов, о создании горюездных исполкомов и городских Советов», на основе которой в Сибири проводились первые после разгрома колчаковщины выборы в городские и сельские Советы, на волостные и уездные съезды Советов. В инструкции устанавливалось, что для каждого уезда решение о переходе от ревкомов к Советам принимается Сибревкомом. Техническое руководство кампанией по выборам в масштабах губерний, уездов и волостей соответственно возлагалось на губернские, уездные и волостные избирательные комиссии. В губернскую избирательную комиссию должны были входить председатель, утверждаемый Сибревкомом и губревкомом, и четыре члена — по два представителя от губбюро (комитета) РКП(б) и губернского совета профсоюзов; в уездную — председатель, назначавшийся губернской избирательной комиссией, и представители от уездного бюро (комитета) РКП(б) и совета профсоюзов; в волостную — председатель, назначавшийся уездной избирательной комиссией, и представители от местной комячейки и волревкома. Такой порядок образования избирательных комиссий создавал благоприятные условия для участия в их работе партийного и профсоюзного актива, позволял осуществлять эффективный контроль за проведением кампании по выборам со стороны руководящих партийных и государственных органов.

В инструкции был примерно определен контингент населения, отстраняемого от выборов. Помимо лиц, лишенных права избирать и быть избранными в Советы по Конституции РСФСР, к участию в выборах не допускались бывшие служащие колчаковской контрразведки и добровольцы белой армии. Лица, эвакуировавшиеся вместе с отступавшими колчаковцами, лишались избирательных прав временно, на шесть месяцев⁵. В условиях Сибири эти дополнительные ограничения были настоятельно необходимы, поскольку после разгрома Колчака здесь умышленно или случайно остались тысячи активных участников антисоветской борьбы.

⁴ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 28.

⁵ ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 117, л. 25; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 52, 53.

Сибоблбюро РКП(б), рассмотрев 24 марта 1920 г. инструкцию, одобрило содержащиеся в ней ограничения избирательных прав, определило порядок проведения и подведения итогов выборов. Сибоблбюро рекомендовало выдвигать кандидатов в депутаты списками, голосование осуществлять открыто; победившим предлагалось считать список, получивший относительное большинство голосов⁶. В тот же день отдел управления Сибревкома разослал всем губревкомам и губернским отделам управления Западной Сибири циркуляр, в котором обязал их приступить на местах к разработке планов по проведению выборов в сельсоветы и волысполкомы, созыву уездных съездов Советов. В циркуляре отдела управления Сибревкома содержалась директива обеспечить избрание на уездные съезды большинства делегатов, стоящих на платформе Советской власти⁷.

С конца марта 1920 г. вопросы, относившиеся к подготовке и проведению выборов в Советы, постоянно находились в центре внимания общесибирских и губернских партийных и государственных органов. Важную роль в разъяснении принципов и плана перехода от ревкомов к Советам сыграло состоявшееся в последних числах марта 1920 г. I Сибирское партийное совещание. Совещание, на котором присутствовали многие руководящие губернские и уездные партийные и советские сотрудники, заслушало и обсудило доклад заведующего отделом управления Сибревкома Б. З. Шумяцкого «Советская политика в Сибири». Принимая во внимание малочисленность опытных партийных и советских работников, которых можно было бы мобилизовать для подготовки и проведения выборов, отдел управления Сибревкома предложил осуществить переход от ревкомов к Советам сначала до уездного звена и только на территории Западной Сибири. Докладчик и выступавшие в прениях особо подчеркивали необходимость принять действенные меры для отстранения от участия в выборах всех контрреволюционных и эксплуататорских элементов. Для этого совещание решило приступить к выборам только в тех уездах, где имелись крепкие партийные

⁶ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 32.

⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 228, л. 31.

организации и была гарантия, что в Советы пройдут представители трудящихся⁸.

Правда, некоторое время спустя от решений I Сибирского партийного совещания было сделано одно отступление. По ходатайству руководства Енисейской и Иркутской губерний 2 апреля 1920 г. Сибоблбюро разрешило приступить к подготовке избирательной кампании и в Восточной Сибири. Однако начало выборов в Советы в Восточной Сибири Сибоблбюро поставило в прямую зависимость от предварительного укрепления местных органов РКП(б), от проведения партийных и беспартийных конференций⁹.

Выполняя указания Сибоблбюро и Сибревкома, губернские бюро (комитеты) РКП(б) и ревкомы совместно с партийным и советским активом наметили конкретные мероприятия, проведение которых должно было при переходе от временных чрезвычайных органов государственного управления к конституционным упрочить Советскую власть в Сибири. Для руководства кампанией по выборам в Советы повсеместно создавались губернские, городские и уездные избирательные комиссии. Как правило, их возглавляли опытные советские сотрудники. Так, руководителями Омской и Семипалатинской губернских комиссий стали председатели губревкомов Е. В. Полюдов и И. А. Завадский, Томской — член губревкома Ф. Е. Орлов, Алтайской — заведующий отделом управления губревкома Х. П. Щербак, Енисейской и Иркутской — сотрудники отдела управления Сибревкома А. К. Цветков-Просвещенский и Н. А. Маторин (затем М. А. Палькин). Для работы в губернские избирательные комиссии в качестве их членов отдел управления Сибревкома, губернские партийные и профсоюзные организации выделили С. В. Александровского, М. Н. Байкова, Я. М. Банковича, Ф. Н. Белослюдова, М. И. Жоква, Д. Е. Маркова, И. Д. Панафидина, Л. Б. Суницу, А. В. Шишкова, С. Т. Томского и др. Авторитетные партийные, советские, профсоюзные руководители, политработники Красной Армии вошли в городские избирательные комиссии. В их числе были Ф. А. Березовский, В. Д. Вегман, П. А. Верхотуров, М. А. Громадская,

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 60—62.

⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 39.

А. П. Кириллов, М. И. Ковалев, Н. А. Кутенин, К. А. Мальцев, Р. М. Шергов и другие.

Губернские ревкомы и избирательные комиссии работали положения и инструкции о выборах в городские Советы¹⁰, в сельские Советы и волостные исполкомы¹¹, на уездные и губернские съезды Советов¹². Везде, кроме Иркутска¹³, положения и инструкции составлялись самостоятельно на основании Конституции РСФСР, постановлений VII Всероссийского съезда Советов, положений о волисполкомах и сельсоветах, инструкции отдела управления Сибревкома. Обычно указанные документы состояли из краткой вводной части (общего положения), в которой определялась цель выборов, и ряда разделов: о советском избирательном праве; органах, руководящих выборами; перечня подготовительных работ, необходимых для проведения выборов; примерного порядка выборов, правил их утверждения и опротестования.

Исходя из конкретной обстановки, в местных положениях и инструкциях содержались дополнительные по сравнению с Конституцией РСФСР и инструкцией отдела управления Сибревкома ограничения избирательных прав. Например, в большинстве губерний Сибири к выборам не допускались такие группы населения, как служащие, не вступившие в профсоюз; бывшие офицеры, военнослужащие, чиновники колчаковской армии и правительственных учреждений, состоявшие менее шести-девяти месяцев на советской работе или

¹⁰ ГААК, ф. 312, оп. 3, д. 5, л. 7, 8; ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25а, л. 64; НГА, ф. 33, оп. 1, д. 4, л. 45, 46; ПАНО, ф. 13, оп. 1, д. 6, л. 56—58; «Алтайский коммунист», Барнаул, 1920, 18 апр.; «Красное знамя», Новониколаевск, 1920, 22 апр.; «Знамя революции», Томск, 1920, 22 апр.; «Советская Сибирь», Омск, 1920, 21 марта; «Степная правда», Семипалатинск, 1920, 3 и 11 июля.

¹¹ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 376, л. 15, 16, 30, 31; ГАКК, ф. 49, оп. 1, д. 4, л. 311—316; ГАНО, ф. 1533, оп. 1, д. 1, л. 91—97; ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 20, л. 6—10; ф. 510, оп. 1, д. 7, л. 213, 214.

¹² ГААК, ф. 9, оп. 2, д. 10, л. 4; ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 23; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 178; оп. 2, д. 25, л. 113; «Советская Сибирь», 1920, 7 мая; «Бюллетень распоряжений». Приложение к газете «Красноярский рабочий», 1920, 4 июля.

¹³ В Иркутской губернии по решению местной губернской избирательной комиссии в основу положения о выборах в Советы была взята инструкция Томского губревкома. (См.: ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 376, л. 3).

в рядах Красной Армии; добровольцы белых армий, служащие и агенты контрразведки и милиции всех контрреволюционных правительств.

Единого порядка выборов в городские и сельские Советы Сибири не существовало. В соответствии с положениями выборы в горсоветы могли производиться как по территориальному, так и по производственному принципу (по предприятиям, профсоюзам, воинским частям). Голосование разрешалось по спискам и индивидуально. Избирательные комиссии имели право допускать к голосованию списки кандидатов в депутаты только тех общественных групп и политических партий, которые до или одновременно с подачей в избирательную комиссию списков публиковали в печати свою политическую платформу. Тем самым все антисоветские партии лишались возможности легально выставить своих кандидатов в депутаты.

Нормы представительства на выборах в разных городах также не были одинаковыми. В Барнауле и Семипалатинске один депутат горсовета избирался от 200 человек, допущенных к голосованию, в Новониколаевске и Томске — от 300. Преобладающее представительство организованного пролетариата обеспечивалось таким образом: в Барнауле, Новониколаевске, Семипалатинске и Томске к депутатам, избранным всем населением, дополнительно делегировались представители общегородской конференции профсоюзов и фабзавкомов, избранные из расчета один делегат от 1000—1500 членов профсоюза; в Омске в состав горсовета дополнительно было выдвинуто 25 депутатов от общегородской рабочей конференции.

Сельские Советы должны были создаваться в селениях, имевших более 300 жителей, из расчета один депутат от 100 человек, но не более 50 депутатов. В Томской инструкции предусматривалось, что в населенных пунктах, насчитывавших менее 300 жителей, все вопросы, подлежащие ведению сельсовета, должны решаться общим собранием избирателей данного селения. В Енисейской инструкции допускалось три варианта управления малочисленными населенными пунктами: общим собранием избирателей; участием в выборах сельсовета соседнего села; объединением с такими же малонаселенными пунктами для выборов общего сельсовета.

Порядок избрания и нормы представительства делегатов на волостных, уездных и губернских съездах Советов в губерниях Сибири также различались. На Алтае делегаты на волостные съезды Советов избирались из расчета один от 100 человек населения, в Енисейской губернии — один от 5 членов сельсоветов.

Выборы на уездные съезды осуществлялись на волостных съездах по норме один делегат от 1—3 тыс. сельских жителей или от 200—300 избирателей фабрично-заводских поселков и промышленных предприятий, находившихся вне поселений; в городах, где горсоветы не создавались, выборы делегатов проводились на общегородских конференциях профсоюзов и общих собраниях красноармейских частей из расчета один делегат от 200—300 избирателей. Там, где имелись горсоветы, их депутаты имели право участвовать в работе уездных съездов Советов.

Делегаты на губернские съезды Советов выбирались главным образом на уездных съездах по норме один делегат от 10 тыс. сельских жителей, 2 тыс. членов профсоюзов или красноармейцев. Кроме того, иногда официально оговаривалось представительство на губернских съездах от руководящих партийных и профсоюзных органов. Например, в соответствии с Алтайской инструкцией губоргбюро РКП(б) и совет профсоюзов имели право делегировать по 5 своих представителей. В этой же инструкции было сформулировано требование, чтобы на губернский съезд Советов были избраны «преданные и безусловные сторонники пролетарской диктатуры»¹⁴.

Во всех губерниях Сибири, кроме Семипалатинской, кампания по выборам в Советы началась в городах. Первоочередность создания горсоветов определялась в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, здесь имелись более благоприятные, чем в сельской местности, политические условия. Города являлись основными пунктами сосредоточения организованного рабочего

¹⁴ ГААК, ф. 9, оп. 2, д. 10, л. 4.

класса, частей Красной Армии, крупных партийных организаций, возглавлявшихся опытными коммунистами. Во-вторых, партийное и советское руководство Сибири прежде всего с созданием горсоветов связывало возможность дальнейшего упрочения всех органов пролетарской диктатуры в Сибири. Предельно четко эту мысль выразил председатель Енисейского губревкома А. П. Спундэ. Выступая 28 февраля 1920 г. на заседании ответственных работников Енисейской губернии по вопросу о выборах Красноярского горсовета, он обосновывал необходимость немедленного осуществления этого мероприятия главным образом тем, что создание горсовета позволит привлечь к советскому управлению новые пролетарские слои и тем самым шире «оработить» государственный аппарат¹⁵.

Чтобы провести в состав горсоветов депутатов, способных справиться с возлагавшимися на них обязанностями, предстояло предварительно разрешить ряд сложных задач: определить круг избирателей и лишенных избирательных прав, провести в трудящихся массах разъяснительную работу, выдвинуть достойных кандидатов в депутаты. Без преувеличения можно сказать, что с этими задачами в Сибири справились в основном успешно.

Избирательные комиссии, руководствуясь положениями и инструкциями о выборах, рассмотрели представленные списки избирателей и кандидатов в депутаты, определили их правомочность. В решении этих вопросов они действовали строго в соответствии с классовым принципом, что позволило отстранить от участия в выборах городских органов государственной власти чуждые советскому строю слои населения, не допустить выдвижения кандидатов в депутаты, стоявших на антикоммунистических позициях. Такая участь, например, постигла омских меньшевиков, которые в своей избирательной платформе выдвинули контрреволюционные требования о денационализации промышленности, отмене государственной монополии на предметы первой необходимости и допущении свободной торговли ими. Городская избирательная комиссия запретила меньшевикам выставять

¹⁵ ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 19.

их кандидатский список¹⁶. Томские эсеры, осознав, что классовый характер советской избирательной системы лишает их всяких шансов на успех, с тем, чтобы не показывать ограниченность своего влияния в трудящихся массах, сочли за благо не выставлять своих кандидатов в депутаты¹⁷.

Для ведения избирательной кампании городские большевистские организации мобилизовали лучших коммунистов, а в небольших городах — все свои силы. Пример такого отношения к делу продемонстрировала Татарская городская организация коммунистов. 7 июля 1920 г. общее собрание членов и сочувствующих РКП(б) Татарска, заслушав доклад И. М. Скрябинского о выборах в горсовет, постановило: «Все члены и сочувствующие до окончания выборов в Советы считаются мобилизованными агитаторами»¹⁸.

В газетах, листовках, на беспартийных, женских и красноармейских конференциях, профсоюзных собраниях и многочисленных митингах большевики знакомили избирателей с Программой РКП(б), Конституцией РСФСР, текущими событиями, разъясняли контрреволюционный характер мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, призывали избирателей отдать свои голоса за коммунистов.

В некоторых городах против большевиков — главным образом под флагом защиты «чистой» демократии — выступили местные организации и группы мелкобуржуазных партий. Томские эсеры не преминули выпустить специальное обращение, в котором разразились филиппикой в адрес Советской власти, по их мнению, предавшей забвению «демократический» (читай — буржуазный) принцип всеобщности избирательного права, призывали население отказаться от участия в выборах¹⁹. На пленуме Томского совета профсоюзов при обсуждении вопроса о выборах в горсовет член меньшевистской фракции А. Е. Гуревич пытался опротестовать законность пунктов,

¹⁶ «Советская Сибирь». 1920, 24 апр. и 26 июня; Медведев В. Т. Подготовка и проведение первых выборов в Советы Западной Сибири после освобождения ее от колчаковцев (март — июнь 1920 г.). — «Труды Томск. ун-та. Сер. истор.», 1964, т. 177, с. 99, 100.

¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 23, л. 81.

¹⁸ ПАНО, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 48.

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 23, л. 81.

положения о выборах в Томский горсовет, в которых содержались дополнительные по сравнению с Конституцией РСФСР ограничения активного и пассивного избирательного права. Мотивы, побудившие меньшевиков выступить с протестом, А. Е. Гуревич объяснял главным образом стремлением не допустить отстранения от участия в выборах такой группы трудящегося населения, как государственные служащие. Подлинные же причины меньшевистской «заботы» о соблюдении советской демократии лежали в другом. В развернувшихся прениях большевики показали, что единственной опорой меньшевиков, продолжавших называть себя партией рабочего класса, в Томске остались бывшие правительственные чиновники, не допущенные к выборам²⁰.

В отличие от томских эсеров и меньшевиков, выступивших против ограничения в условиях Сибири советского избирательного права, на прямо противоположных по этому вопросу позициях стояли местные рабочие. Новониколаевская городская конференция представителей профсоюзов заявила: «Признать технику выборов, установленную Новониколаевским губревкомом, в настоящий момент единственно возможной и правильной с точки зрения интересов рабочего класса»²¹.

В ходе выборов в горсоветы в Сибири встречались отдельные попытки противопоставить коммунистическим спискам кандидатов в депутаты списки якобы беспартийных, под видом которых чаще всего выступали местные меньшевики и эсеры, убедившиеся в бесплодности попыток завоевать симпатии трудящихся под своими партийными знаменами. Один из таких случаев в начале апреля 1920 г. произошел в Омске. На собрании почти тысячи избирателей, проходившем в Большом народном театре, группа, именовавшая себя «беспартийными», выступила с идеей «независимости» Советов от коммунистов. Не останавливаясь на ходе дебатов, отметим, что столь многолюдное собрание закончилось почти единогласным принятием резолюции, призывавшей избирателей голосовать исключительно за РКП (б). «Ни одного голоса различным беспартийным группам, — говорилось в резолюции, — так

²⁰ «Знамя революции», 1920, 27 апр.

²¹ «Красное знамя», 1920, 26 апр.

как в лице их, за их спиной идет черная рать капиталистов»²².

Митинги, конференции и собрания избирателей убедительно свидетельствовали о том, что трудящиеся слои городского населения Сибири признают своим единственным вождем партию коммунистов. Характерна резолюция от 27 апреля 1920 г., единогласно принятая красноармейцами Новониколаевского гарнизона. В ней говорилось: «...Наш Совет должен быть только коммунистическим, ибо только Российская Коммунистическая партия (большевиков) избавила пролетариат от цепей рабства и только коммунисты являются истинными защитниками трудящихся всего мира. Клянемся отдать все свои головы за кандидатов в Совет, выставленных Российской Коммунистической партией (большевиков)»²³.

Свои предвыборные обещания рабочие, служащие и красноармейцы подтвердили в ходе выборов. В большинстве городов, где проходили выборы в горсоветы, они достаточно активно и организованно явились на избирательные участки. В Омске из 81,2 тыс. человек, допущенных к выборам, приняли участие в голосовании 51,6, в Барнауле соответственно 44,3 и 31,3 тыс., Томске — 51,4 и 36,0 тыс. человек. Подавляющее большинство избирателей отдало свои голоса кандидатам в депутаты по списку коммунистов. В Омске за коммунистический список проголосовало 51 553 из 51 620 человек. В Томске воздержались единицы избирателей, а голосовали против коммунистов в одном-двух случаях²⁴. В результате только из коммунистов были образованы Красноярский, Новониколаевский, Омский, Семипалатинский, Томский горсоветы. Преимущественно из коммунистов состояли Барнаульский, Бийский, Калачинский, Петропавловский горсоветы²⁵. Депутатами горсоветов избирались многие ответственные партийные и советские работники Сибири. Так, депутатами Омского горсовета стали профессиональные революционеры В. М. Косарев, В. Н. Соколов, А. В. Шотман, Е. М. Ярославский, Барнаульского —

²² «Советская Сибирь», 1920, 7 апр.

²³ НГА, ф. 33, оп. 1, д. 5, л. 53.

²⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25а, л. 65; «Советская Сибирь», 1920, 22 и 24 апр.; «Знамя революции», 1920, 20 и 25 мая.

²⁵ Сведения о партийном составе горсоветов почерпнуты из архивных источников и сибирской периодической печати.

М. И. Ковалев, А. А. Селезнев, Красноярского — Ф. К. Врублевский, А. И. Окулов, А. П. Спундэ, Томского — А. И. Беленец, В. Д. Вегман, К. И. Озол, Б. З. Шумяцкий и др.

Наиболее полные сведения сохранились о депутатах Барнаульского горсовета. Среди них имелось 142 мужчины и 7 женщин; по национальности 135 депутатов были русскими, 5 — латышами, 3 — венграми, 3 — евреями, 1 — немцем и 2 являлись сибирскими аборигенами. По возрасту депутаты распределились так: одному было менее 20 лет, 25 человек имели возраст от 20 до 25 лет, 45 — от 25 до 30, 39 — от 30 до 35, 22 — от 35 до 40, 13 — от 40 до 50 и четверо были старше 50 лет. Лишь 5 депутатов имели высшее, 27 — среднее образование; остальные оказались самоучками, малограмотными или с начальным образованием. Однако совершенно иным, исключительно высоким являлся другой показатель — уровень политической грамотности депутатов Барнаульского горсовета. 110 из них состояли в Коммунистической партии, 36 — входили в ячейки сочувствующих РКП(б) и 3 были беспартийными, причем, как отмечалось в докладе члена городской избирательной комиссии М. И. Ковалева, «к беспартийным относятся товарищи, не имеющие [партийного] билета, но явно сочувствующие Советской власти». Многие депутаты Барнаульского горсовета имели богатый опыт классовой борьбы и советского строительства. 59 человек прошли тюремные «университеты» царизма и колчаковщины, в том числе один сидел в тюрьме 5 раз, двое — по 3, пятеро — по 2 раза. 13 человек участвовали в советской работе с 1917 и 34 — с 1918 г. В период временного падения Советской власти в Сибири, во второй половине 1918—1919 г., 41 человек подвергался белогвардейским репрессиям, 66 — находились в подполье или партизанили. Завершая доклад об итогах избирательной кампании в Барнауле, М. И. Ковалев констатировал, что в горсовет пришли люди, которые «варились в котле событий колчаковской реакции, на собственных плечах выносили гнет и жили надеждой опять создать свою власть, власть трудящихся...»²⁶.

Таким образом, к середине 1920 г. во всех губернских и крупных уездных центрах Сибири были избраны город-

²⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25а, л. 65.

ские Советы, подавляющее большинство депутатов которых состояло в рядах РКП(б). Создание горсоветов стало важнейшим мероприятием, осуществленным коммунистами Сибири под руководством Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома для сплочения трудящихся края в борьбе за дальнейшее упрочение Советской власти как на боевом, так и на трудовом фронте.

* *
*

Восстановление конституционных органов государственной власти в городах явилось первым шагом на пути перехода от ревкомов к Советам в Сибири. По мере образования Советов в городах центр тяжести избирательной кампании стал переноситься на подготовку выборов в деревне. Губернские бюро (комитеты) РКП(б), ревкомы, избирательные комиссии определяли степень готовности, очередность и время перехода различных уездов к Советам. Они назначали председателей уездных избирательных комиссий, давали им руководящие директивы, мобилизовывали и откомандировывали коммунистов в уезды для работы среди крестьянства в качестве агитаторов и инструкторов по выборам, направляли в деревню литературу по вопросам советского строительства, утверждали итоги выборов.

Особое внимание уделялось качественному составу мобилизуемых на проведение выборов и созданию волостных избирательных комиссий, поскольку от результатов их деятельности среди населения по разъяснению сущности Советской власти, определению круга лиц, лишенных избирательных прав, выдвижению кандидатов в состав сельсоветов, подбору делегатов на волостные и уездные съезды зависели итоги выборов. Поэтому для руководства избирательной кампанией в качестве председателей уездных и волостных избирательных комиссий, инструкторов направлялись сотрудники отдела управления Сибревкома, слушатели областной и губернских партийно-советских школ и курсов, ответственные работники губернских и уездных руководящих органов, политработники частей Красной Армии, профсоюзные активисты.

Однако не во всех губерниях и тем более уездах Сибири руководство кампанией по выборам в Советы осуществлялось на надлежащем уровне. Как известно, в период гражданской войны, да и в последующие годы Сибири ощущала острую нехватку квалифицированных партийных и советских сотрудников. В значительной мере недостаток в руководящих кадрах, там, где для этого имелись возможности, устранялся за счет их чрезмерной «эксплуатации», назначения на ответственные должности по совместительству. Такая практика, будучи в ряде случаев единственно правильной, не всегда, однако, оправдывала себя. Пример того — деятельность Семипалатинской губернской избирательной комиссии, в состав которой вместе с председателем губревкома И. А. Завадским входили заведующие отделами Ф. Н. Белослюдов, И. Д. Панафидин и инструктор-организатор отдела управления Сибревкома П. Ф. Березовский. Состоявшие в губернской избирательной комиссии семипалатинские коммунисты, в силу своей занятости на других постах, по словам П. Ф. Березовского, могли посвящать выборам «только часть своего времени, а нередко часы отдыха и сна». В результате страдали интересы дела. Политическое руководство избирательной кампанией в губернии (инструктаж, координация действий партийных, советских и других органов, устная и печатная агитация) не находилось на должной высоте. Деятельность избирательной комиссии во многом свелась к решению организационно-технических вопросов. «Распределение сил по губернии, финансирование уездных избирательных комиссий, разъяснение инструкций по выборам и применения ее и некоторых основных положений Конституции к практике выборов, — писал П. Ф. Березовский, — вот в главных чертах краткое содержание работ губернской избирательной комиссии»²⁷.

Выборы в сельсоветы начались на Алтае в апреле, в Семипалатинской и Томской губерниях — в мае, в Енисейской и Омской — в июне, в Иркутской губернии — в октябре 1920 г. Политическая обстановка в Сибири к этому времени осложнилась. При общем благоприятном отношении к Советской власти бедноты и середняков, составлявших большинство сибирского крестьянства,

²⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 1.

повсеместно активизировалось кулачество, пытавшееся проникнуть в ревкомы и подчинить своему влиянию среднее крестьянство. Выявились недовольство большинства середняков отдельными мероприятиями Советской власти, особенно продрозверсткой, трудовой повинностью, длительным существованием назначенных ревкомов. В середине июня 1920 г. заведующий отделом управления Енисейского губревкома с тревогой докладывал, что «при проведении предстоящих выборов в Советы придется предпринять героические агитационные меры, чтобы привлечь желательный элемент»²⁸. Стали все сильнее сказываться слабая организованность сельской бедноты и отсутствие у нее достаточного количества собственных сил для того, чтобы противостоять контрреволюционным пронкам кулачества. Партийным и государственным органам Сибири необходимо было нанести удар по враждебным элементам, удалить их из советских органов, взять на себя инициативу политического размежевания деревни и организационно закрепить его, привлекая трудящееся крестьянство к активному участию во всех мероприятиях Советской власти.

Накануне выборов во многих уездах Сибири были проведены совещания председателей и секретарей волревкомов, представителей комячеек, беспартийные конференции. Активу села разъясняли значение перехода от ревкомов к Советам, классовый принцип советской избирательной системы, «технику» выборов и т. п. Как свидетельствуют резолюции, вынесенные на этих совещаниях и конференциях, их проведение способствовало осознанию трудящимся крестьянством важности избирательной кампании, необходимости активно принять в ней участие, провести в состав сельсоветов и волисполкомов коммунистов и беспартийных, твердо стоящих за Советскую власть. Так, 2 мая 1920 г. делегаты Щегловской уездной беспартийной конференции постановили «всеми силами стремиться к тому, чтобы [в Советы] были избраны только коммунисты»²⁹.

Беспартийная крестьянская конференция Атбасарского уезда 13 июня 1920 г. приняла резолюцию, в которой говорилось, что завоевания социалистической революции

²⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 186, л. 20.

²⁹ ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 18, л. 155.

можно закрепить лишь путем проведения в жизнь всех декретов Рабоче-Крестьянского правительства и при том непременно условии, что государственные органы будут состоять из защитников интересов трудящихся. Участники дали обещание не допустить в Советы кулаков и избрать коммунистов и беспартийных крестьян из тех бедняков и середняков, «которые успели на деле доказать свое сочувствие Советской власти»³⁰.

Вслед за Атбасарской прошла беспартийная конференция крестьян Петропавловского уезда. В резолюции, принятой конференцией по вопросу о выборах в Советы, было записано: «Трудовое крестьянство и рабочие — опора Советской власти, а потому каждый трудовой крестьянин должен принять участие в выборах в Советы. В Советы должны пройти только трудовые крестьяне — кулакам в Советах места не должно быть»³¹.

Руководствуясь полученными инструкциями, волостные и сельские ревкомы, комячейки, избирательные комиссии при активном участии инструкторов провели во время предвыборной кампании собрания, сходы и митинги, на которых разъясняли крестьянам сущность Советской власти, ее аграрную и продовольственную политику, роль Коммунистической партии в Советской республике, задачи Советов как местных органов диктатуры пролетариата, предательскую роль мелкобуржуазных партий и т. п.

Но подобно тому, как не во всех губерниях и уездах Сибири было удовлетворительно налажено руководство избирательной кампанией, точно так же не везде благополучно обстояло с ведением предвыборной агитации. Очень слабо она была развернута в отдаленных уездах, особенно в населенных главным образом аборигенам. В качестве примера можно назвать Змеиногорский уезд Алтайской губернии, в деревнях которого никакой политической работы вплоть до начала выборов не проводилось³². Еще более неблагоприятная обстановка сложилась в Каркаралинском уезде Семипалатинской губернии, населенном преимущественно кочевниками-казаха-

ми. Здесь из-за слабости советского аппарата, малочисленности коммунистов, сохранения патриархально-феодальных отношений, пожалуй, более организованно и масштабно велась антисоветская агитация, оперативно развернутая родовой верхушкой сразу же после получения информации о выборах в Советы. «Богатая и знатная нечисть, — докладывал 5 мая 1920 г. один из ответственных работников Семипалатинской губернии В. В. Мей, руководивший избирательной кампанией в Каркаралинском уезде, — организуется на предмет защиты своих классовых интересов. Пущены будут в ход все способы: подкуп, угрозы, лжесвидетельства, ложь и клевета...»³³.

В тех местностях, где предвыборная кампания прошла хорошо, комиссии, ревкомы, комячейки развернули большую организационно-политическую работу по определению круга избирателей и не имеющих права голоса, выдвижению кандидатов в депутаты сельских Советов, делегатов на волостные и уездные съезды. Анализ материалов местных избирательных комиссий свидетельствует о том, что многие из них свои функции выполнили успешно. Избирательных прав в основном лишались эксплуататорские элементы, бывшие служащие царской и колчаковской администрации, участники антисоветской борьбы, распространители провокационных слухов, служители культа и члены их семей, уголовники, спекулянты и самогонщики³⁴. В числе отстраненных от участия в выборах в Баженовской волости Тюкалинского уезда были кулаки отец и сын Г. и И. Евдокимовы, имевшие 8 лошадей, 10 коров, сеялку, веялку, молотилку, сенокосилку и другой сельскохозяйственный инвентарь; отец и сын В. и Н. Кузнецовы, в хозяйстве которых было 6 лошадей, 6 коров, сенокосилка, жнейка; И. Харченко, который имел 6 лошадей, 14 коров, сенокосилку, сеялку, молотилку, жатку³⁵. В Бобровской волости Каменского уезда избирательных прав были лишены Г. Р. Кулябин, хозяйство которого состояло из кузницы, маслобойни, 3 амба-

³³ Там же, оп. 1, д. 254, л. 45.

³⁴ Там же, д. 210, л. 159; д. 257, л. 29, 30, 36—40, 44—50; д. 258; д. 276, л. 4—6, 9, 10; ф. 1349, оп. 1, д. 245, л. 40; ф. 1549, оп. 1; д. 11, л. 22, 32, 42, 105; ГАТО, ф. 319, оп. 1, д. 2, л. 61, 66, 76, 81; д. 3, л. 9—12, 19, 38, 44, 53, 58; д. 5, л. 2, 3, 17; д. 19, л. 41, 42; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 231, л. 66.

³⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 258, л. 192.

³⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2278, л. 39.

³¹ Протоколы заседаний первой беспартийной крестьянской конференции Петропавловского уезда, созданной уездно-городским комитетом РКП. Петропавловск, 1920, с. 19, 20.

³² ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25а, л. 67.

ров, 9 лошадей, 5 коров, 17 голов др. скота; И. С. Якушин, имевший маслобойню, 3 амбара, 12 лошадей, 12 коров, 33 головы др. скота; В. А. Старостин, содержавший 5 лошадей, 6 коров, 7 голов др. скота и нанимавший двух постоянных батраков; Ф. П. Байдин и Л. Р. Харламов, хозяйства которых немного уступали по размерам ранее перечисленным. Кроме ведения эксплуататорского хозяйства эти семьи занимались спекулятивной торговлей, были антисоветски настроены³⁶.

Процент граждан, отстраненных от участия в выборах, в разных уездах, волостях и тем более селах не был одинаковым. В 23 из 58 волостей Томского уезда он составлял 0,8% (имело право голоса 105 834, лишено — 890 человек), в Татарском уезде — 1,3% (соответственно 95 481 и 1295), Кузнецком — 1,4% (104 495 и 1483), Атбасарском — 2,3% (68 384 и 1635), Тюкалинском — 3,0% (89 684 и 2750), Омском — 3,4% (117 032 и 4111), Балаганском — 3,5% (36 909 и 1346), Щегловском — 4,9% (68 341 и 3507)³⁷. В таких волостях, как Емельяновская, Козырбакская, Кульмановская, Попереченская Томского уезда, Усть-Абаканская, Сейская, Синявинская Минусинского, Краснознаменская, Кузнецкая, Мрасская, Салаирская Кузнецкого, Никольская, Сосновская Семипалатинского уезда, отстраненных от участия в выборах почти не было. В то же время в некоторых волостях (Абаканская, Мало-Минусинская, Шалаболнинская Минусинского, Кольчугинская и Прокопьевская Кузнецкого, Александровская, Бородулихинская, Красноярская, Ново-Шульбинская Семипалатинского уезда) и селах (Сарапки, Смолино, Шевели Смолнинской волости Щегловского уезда) количество лишенных избирательных прав составляло в селах несколько десятков, а в волостях — сотен человек³⁸.

Особенно высокий процент недопущенных к выборам в Советы был в местностях, где имели место контрреволюционные мятежи. Для примера сошлемся на Евсеев-

³⁶ ГАНО, ф. 1537, оп. 1, д. 3, л. 60—67.

³⁷ Там же, д. 300а, л. 55; д. 310, л. 17; д. 313, л. 107; оп. 2, д. 21а, л. 13; д. 25, л. 108, 112; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 197, л. 64; ГАТО, ф. 510, оп. 1, д. 7, л. 215; «Красный путь», Омск, 1920, № 1, с. 21. Подсчеты автора.

³⁸ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 163, л. 124; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 85, л. 8; д. 261, л. 25; д. 276, л. 12; ГАТО, ф. 510, оп. 1, д. 7, л. 215.

скую и Тыретскую волости Балаганского уезда; там число отстраненных от выборов составляло соответственно 548 и 193 человека из 2818 и 2555 взрослых жителей³⁹.

Неодинаковый процент лиц, лишенных в различных местностях избирательных прав, объясняется несколькими причинами. Укажем основные. Он отражал, во-первых, разнообразие социальной структуры населения этих районов; во-вторых, неодинаковое соотношение политических сил на местах; в-третьих, являлся следствием такого важного субъективного фактора, как деятельность избирательных комиссий. По этим причинам более высокий процент отстраненных от участия в выборах дали села и волости с большой кулацкой прослойкой, казачьи станицы и поселки, районы, где были подавлены антисоветские мятежи. Отсутствие или малочисленность в некоторых селах и волостях недопущенных до участия в выборах свидетельствовали о том, что местные ревкомы и избирательные комиссии не всегда удовлетворительно справлялись с возложенными на них обязанностями, не соблюдали классовые принципы советской избирательной системы.

Активность участия крестьян в выборах также значительно колебалась. Нам удалось обнаружить итоговые данные только по Атбасарскому, Тюкалинскому и Щегловскому уездам, где соответственно приняли участие в голосовании 48,4, 31,7 и 33,2% избирателей⁴⁰.

Еще более пестрая картина наблюдается при анализе волостных и сельских итогов голосования. В 23 волостях Томского уезда имело право выбирать 105 834 человека, а голосовало 23 956 (22,6%). При этом, если в Поперечинской волости участвовало в выборах 1236 из 1940 избирателей (63,7%), Тутальской — 6056 из 10961 (55,2%), Яя-Петропавловской — 579 из 1276 (45,4%), Зеркальцевской — 449 из 1120 (40,1%), то в Романовской — 1158 из 11 545 (10,0%), Емельяновской — 297 из 2965 (10,0%), Козырбакской — 71 из 744 (9,5%), Судженской — 1054 из 11 191 (9,4%)⁴¹. В Кузнецкой волости Кузнецкого уезда в выборах участвовало 13 451 из 18 199

³⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 313, л. 107.

⁴⁰ Там же, оп. 2, д. 21а, л. 15; «Красный путь», 1920, № 1, с. 20.

⁴¹ ГАТО, ф. 510, оп. 1, д. 7, л. 215.

(73,9%) избирателей, в Краснознаменской — 1715 из 2735 (62,7%), Прокопьевской — 4213 из 8517 (49,5%), Телеутской — 1774 из 3675 (48,3%), Николаевской — 3488 из 7421 (47,0%), Бачатской — 2430 из 5590 (43,5%), т. е. активность населения на выборах по тем временам была достаточно высокой. В то же время в Кольчугинской (Ленинской) волости голосовало всего лишь 1741 из 10 529 (16,5%) и в Урско-Бедаревской волости — 395 из 3231 (12,2%) избирателей⁴².

По данным выборочного обследования, предпринятого Щегловской уездной избирательной комиссией, в деревне Кобылино Смолнинской волости голосовало 158 из 230 правомочных избирателей (68,7%), деревне Шумихе — 135 из 210 (64,3%), селе Смолине — 171 из 311 (54,9%), деревне Сарапки — 182 из 408 (44,6%); деревне Ключи Баянской волости — 120 из 230 (52,2%), селе Аппо-Атынаковское — 100 из 251 (39,8%), деревне Тараданово — 148 из 654 (22,6%); селе Борисове Мунгатской волости — 164 из 971 (16,9%); селе Пинигине Бачатской волости — 120 из 547 (21,9%); деревне Ягуново Верхотомской волости — 245 из 1205 (20,3%)⁴³.

Такие перепады в избирательной активности крестьян объясняются многими объективными и субъективными причинами: временем проведения выборов, остротой классовой борьбы в том или ином районе, политическими настроениями населения, наличием и авторитетом комячек, работоспособностью ревкомов, избирательных комиссий и т. п. Участие крестьян в выборах резко понижалось, если выборы проходили (как это было в большинстве уездов Алтайской, Омской и Томской губерний) во время полевых работ, без достаточной агитационно-политической подготовки, в районах контрреволюционных вооруженных мятежей или кулацкого засилия, в обстановке политической пассивности или недовольства населения Советской властью.

Пожалуй, в наиболее сложной обстановке избирательная кампания протекала в Иркутской губернии. Здесь она осуществлялась в разгар выполнения многочисленных повинностей, которые, по свидетельству секретаря губкома РКП(б) К. А. Мальцева, «в некоторой части

⁴² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 261, л. 25.

⁴³ Там же, д. 85, л. 8.

крестьянства создали для выборов малоблагоприятные условия»⁴⁴. Поэтому неудивительно, что в Оекской волости Иркутского уезда избирательные собрания назначались по 2—3 раза. В конечном счете, выборы в волости были проведены, но на крайне низком уровне. В них приняли участие в селе Бутырском 45 из 415 (10,8%) избирателей, в селе Тальковском — 120 из 893 (13,4%), на Егоровском избирательном участке 58 из 492 (11,8%) и на Муравьевском — 35 из 158 избирателей (22,2%)⁴⁵. Несколько позже по Иркутской губернии прокатилась волна антисоветских восстаний, что еще более затруднило условия избирательной кампании.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют сделать вывод о том, что в целом по Сибири участие крестьян в выборах 1920 г. составляло примерно 35—40%, что, по-видимому, превышало средние показатели по стране⁴⁶. Объяснять этот факт нужно сохранением среди значительной части бедняцко-средняцких слоев революционного энтузиазма, вызванного разгромом колчаковщины и восстановлением Советской власти; активной деятельностью местных коммунистов, бывших партизан, осознавших роль местных органов власти в жизни деревни; избирательную активность бедноты и середняков, пострадавших от контрреволюции, стимулировала также разнообразная экономическая помощь, оказанная им ревкомом.

Во многих местах выборы в сельсоветы проходили в острой классовой борьбе. Показательно, как начиналась, например, избирательная кампания на Алтае. 14 апреля 1920 г. кулаки, часть из которых была лишена права голоса, сорвали выборы в Ключковский сельсовет той же волости Барнаульского уезда. Волостная избирательная комиссия, возглавлявшаяся инструктором-организатором Алтайского губревкома Н. Васильевым, назначила на следующий день новое собрание. Кулаки вновь оказали противодействие его открытию, и лишь вмешательство милиции предотвратило повторный срыв выборов. Тогда кулаки переменяли тактику: они остались на собрании и благодаря активному влиянию на его ход добились

⁴⁴ «Коммунист», Иркутск, 1920, № 1, с. 9.

⁴⁵ ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 44, л. 435.

⁴⁶ См.: Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968, с. 62, 187.

избрания в сельсовет 6 кулаков. Клочковская комячейка опротестовала итоги выборов⁴⁷.

Несколько заявлений от населения с протестом против допущения к выборам и избрания на волостной съезд Советов четырех контрреволюционных элементов поступили 18 апреля 1920 г. в Парфеновскую избирательную комиссию⁴⁸. Председатель Алтайского губревкома, получив сведения о результатах первых выборов, отдал распоряжение аннулировать их итоги, а избирательную кампанию — временно приостановить⁴⁹.

Вторично выборы на Алтае начались в первых числах мая. Однако к тому времени ряд волостей Барнаульского, Бийского, Кузнецкого уездов был поражен контрреволюционным роговским мятежом, проходившим под анархистскими лозунгами. Проводить избирательную кампанию в таких условиях было исключительно трудно. Анархистская агитация особенно отрицательно повлияла на ход и итоги выборов в Советы Борисовской, Верх-Чумышской, Марининской, Озерно-Титовской и Хмелевской волостей⁵⁰.

Тогда же избирательная кампания развернулась в Славгородском уезде. Здесь кулаки Вознесенской, Зубковской, Родинской и Чумашевской волостей, отстраненные от участия в выборах за поддержку Колчака, разогнали местные ревкомы, избili советских сотрудников, руководивших выборами⁵¹.

В Семипалатинском уезде в связи с началом избирательной кампании родовая казахская верхушка, пробравшаяся в местные ревкомы или имевшая там своих ставленников, стала провоцировать между жителями вражду, распри, ложные доносы, конокрадство, чтобы вызвать недовольство населения и тем самым затормозить выборы в Советы. В Чаганской и Чингизской волостях баи инспирировали насилие над сотрудником от-

⁴⁷ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 192, л. 29, 30.

⁴⁸ Там же, д. 185, л. 20.

⁴⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 301, л. 8; *Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917—1920 гг.)*. Сб. документов. Барнаул, 1957, с. 377—379.

⁵⁰ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 45, л. 41; ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25а, л. 5, 6; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 127, л. 18.

⁵¹ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 177, л. 5; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 304а, л. 143; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 231, л. 66; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 56, л. 37.

дела управления и уполномоченным уездной избирательной комиссии. Семипалатинский губревком был вынужден издать приказ об аресте 7 человек в Чаганской и 11 — в Чингизской волостях. Он отменил выборы в этих и Дельбегетейской волости, а также назначил в них новые ревкомы из надежных людей⁵².

Криками «Долой выборы, долой Советы!», «Бей коммунистов!», «Не давай разверстку!» встретили известие о выборах в Советы кулаки деревень Быково, Кудары, Оймур и Щерашово Кударинской волости Иркутского уезда. Они угрожали местным коммунистам, инструкторам по проведению выборов и продовольственным работникам расправой. Красноармейцы, вызванные советскими сотрудниками, арестовали тех из зачинщиков антисоветской агитации, которые не успели скрыться. Однако кулацкая агитация не прошла бесследно. Об этом можно судить по тому, что со стороны части населения предпринимались попытки освободить арестованных⁵³.

«Нашим инструкторам, — писал об обстановке, в которой проходили выборы в Советы в Петропавловском уезде, один из руководящих работников, — пришлось преодолеть большие трудности в этой работе. Кулачество и спекулянты, примазавшиеся к власти в деревне, не хотели уступать ее. Отчаянно и рьяно горланили они на сходах, настраивая крестьянство послать в Советы если не их, то их друзей, таких же кулаков и спекулянтов, как они. Пролезши в ревкомы в первое время, они узнали, что, пользуясь темнотой народной и неопытностью, славно можно „управлять“, набивая карманы, и не хотели уступать место в органах управления бедноте и среднему трудовому крестьянству»⁵⁴.

Кого же выбирало крестьянство в Советы, какими были итоги избирательной кампании? Доклады инструкторов по проведению выборов, избирательных комиссий, авторитетные данные партийных органов и отдела управления Сибревкома свидетельствуют о том, что кандидатов в члены сельсоветов, делегатов на волостные съезды и кандидатов в волисполкомы, как правило, предлагали местные комячейки, а там, где ячеек не было,

⁵² ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 5, л. 269, 272; оп. 3, д. 2, л. 71.

⁵³ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 18.

⁵⁴ «Мир труда», Петропавловск, 1920, 30 июня.

трудящееся крестьянство⁵⁵. В результате в сельсоветы в подавляющем большинстве избирались члены Коммунистической партии, сочувствующие РКП(б), беспартийные бедняки и середняки. Списки кандидатов, выдвигавшиеся ячейками РКП(б), докладывал об итогах выборов отдел управления Кузнецкого уездного исполкома, в тех местностях, где ячейки организованы, «принимались в большинстве случаев единогласно»⁵⁶. «Ячейки, организованные в деревнях и состоящие из надежного элемента, с точки зрения партийности, — говорится в обзоре Омского губбюро РКП(б), — сыграли немаловажную роль в выборах, проводя свои взгляды на собраниях и своих кандидатов в Советы и исполкомы»⁵⁷. По данным Томской уездной избирательной комиссии, «выборы протекали с большим успехом. В большинстве проходили коммунисты и сочувствующие»⁵⁸. Информационно-инструкторский подотдел Канского уездревкома сообщал, что в члены сельсоветов «проходит много партийных работников, а также лица, хотя и не состоящие в партии, но всецело работающие на платформе Советской власти»⁵⁹. Примерно такая же картина наблюдалась в Минусинском уезде. Инструктор Сибревкома Д. К. Романов сообщал, что в сельские советские органы вошли «в большинстве беспартийные, но, можно с уверенностью сказать, что сторонники Советской власти»⁶⁰. Такие же свидетельства имеются по Балаганскому, Иркутскому, Кокчетазскому, Петропавловскому, Черемховскому и некоторым другим уездам⁶¹.

Наряду с общими оценками социального и партийного состава сельсоветов Сибири, организованных в 1920 г., имеются статистические данные по ряду уездов,

⁵⁵ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 192; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2264а, л. 126; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 246, л. 231; ЦГАОР, ф. 393, оп. 22, д. 463, л. 108.

⁵⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 300а, л. 55.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 63.

⁵⁸ «Знамя революции», 1920, 3 июня.

⁵⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 151, л. 145.

⁶⁰ Там же, оп. 2, д. 25а, л. 87.

⁶¹ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 185, л. 6; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 146; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 13; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 496, л. 63; «Власть труда», Иркутск, 1920, 30 окт.; Елагин А. С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Алма-Ата, 1966, с. 255.

волостей и сел. Например, в 28 волостях Акмолинского уезда в сельсоветы прошли 12 членов и сочувствующих РКП(б) и 547 беспартийных, из которых 202 были бедняками и 345 середняками. В 49 волостях Тарского уезда членами сельсоветов стали 137 сочувствующих РКП(б) и 2027 беспартийных, по социальному положению — середняков. В сельсоветах 30 волостей Татарского уезда было 2046 депутатов, в том числе 262 сочувствующих, а остальные (среди них 728 бедняков и 1056 середняков) — беспартийные⁶². В 32 волостях Петропавловского уезда было избрано 1747 членов сельсоветов, среди которых 6 человек оказались коммунистами и 226 сочувствующими РКП(б)⁶³. Из 315 сельсоветов Омского уезда 67 были по составу коммунистическими, остальные — беспартийными⁶⁴. По данным Новониколаевского уездного отдела управления, большинство членов сельсоветов являлись коммунистами и сочувствующими РКП(б)⁶⁵. В 68 сельсоветах Верхоленского уезда 30% депутатов состояли в Коммунистической партии, среди остальных имелось 40% бедняков и 30% середняков⁶⁶. Преимущественно беспартийные прошли в сельсоветы Барнаульского, Зайсанского и Усть-Каменогорского уездов⁶⁷. 329 коммунистов и сочувствующих РКП(б) из 952 членов сельсоветов были избраны в 23 волостях Томского уезда, причем полностью коммунистическими оказались сельсоветы Амбарцевской волости, большинство коммунистов и сочувствующих РКП(б) вошли в сельсоветы Монастырской, Тискинской и Турунтаевской волостей⁶⁸.

В сельсоветы Щегловского уезда прошли 432 члена РКП(б), 585 сочувствующих и 404 беспартийных; подавляющее большинство из них (988 человек) были бедняками, а остальные — середняками⁶⁹.

⁶² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 310, л. 17; «Красный путь», 1920, № 1, с. 20.

⁶³ «Мир труда», 1920, 30 июня.

⁶⁴ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 197, л. 64; «Советская Сибирь», 1920, 26 авг.

⁶⁵ «Дело революции», Новониколаевск, 1920, 4 июня.

⁶⁶ «Жизнь Красной Сибири», Омск, 1920, № 4, с. 26.

⁶⁷ ГААК, ф. 34, оп. 1, д. 179; ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 86, 116.

⁶⁸ ГАТО, ф. 510, оп. 1, д. 7, л. 215.

⁶⁹ Родионов С. И. Кузбасс после разгрома колчаковщины (1920 г.). — «Труды Сталинского пед. ин-та. Сер. истор.», Сталинск, 1960, т. 3, с. 35.

Уполномоченный Томского губревкома по выборам в Щегловском уезде так комментировал их итоги: «Принимая во внимание слабость партийной работы местной организации в деревне, время весеннего сева и то, что многие из беспартийных не состоят в ячейках только потому, что таковых нет в их селениях, но сочувствуют Советской власти, хотя не вполне уясняют себе роль РКП(б) в ней, и по социальному положению в большинстве бедняки — выборы в сельсоветы следует признать удовлетворительными»⁷⁰.

Конечно, такое положение не являлось характерным для всех уездов Сибири. По ряду причин было много случаев, когда предвыборная агитация на местах велась слабо, избирательные комиссии создавались и работали самостоятельно, без инструктирования и контроля со стороны уездных и губернских руководящих органов, не располагавших достаточным количеством квалифицированных сотрудников, которых можно было бы послать для оказания помощи сельским коммунистам и деревенскому советскому активу. Типичен пример отдаленного Зайсанского уезда. 20 августа 1920 г., докладывая на заседании Семипалатинского губбюро РКП(б) о положении уезда, председатель местного бюро партии Н. С. Рахвалов-Гаращенко констатировал, что избирательная кампания «прошла слабо». Главной причиной этого он назвал «недостаток как идейных, так и технических работников»⁷¹.

Не везде местные комячейки, в своем большинстве состоявшие из крестьянской бедноты и бывших партизан, только что вступивших в партию, смогли завоевать авторитет и доверие у трудящегося населения, оказались достаточно идейно закаленными, организованными и сплоченными, чтобы успешно бороться в ходе выборов в Советы с контрреволюционными элементами.

Кулачество пускало в ход все доступные средства (угрозы, подкуп, экономическую зависимость бедноты), умело использовало пробелы и недостатки в работе местных ревкомов, комячеек и избирательных комиссий, настраивая недовольства населения отдельными советскими мероприятиями, чтобы провести в сельсоветы и на во-

⁷⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 85, л. 18а.

⁷¹ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 154, л. 59.

лостные съезды Советов своих ставленников, что ему в ряде случаев и удавалось. Сведения об этом поступали из ряда уездов Сибири⁷². Как информировал НКВД В. М. Косарев, часть таких органов Советской власти была сразу же переизбрана⁷³. Позднее Сиббюро ЦК РКП(б) пришло к выводу, что проникновение кулачества и других контрреволюционных элементов в местные советские органы Сибири имело значительные размеры и объясняло это как объективными факторами (большой прослойкой кулачества, политической неразвитостью и сравнительно высоким хозяйственным благополучием среднего крестьянства, легко попадавшего под кулацкое влияние), так и субъективными моментами (отсутствием опыта в проведении избирательной кампании, недооценкой ее роли со стороны некоторых уездных и даже губернских руководящих партийных организаций и, следовательно, слабым партийным влиянием)⁷⁴.

Тем не менее тот факт, что среди членов сельсоветов Сибири подавляющее большинство составляли представители трудящегося крестьянства, не вызывает сомнения. Отсутствие обобщающих данных не позволяет столь же определенно говорить об удельном весе коммунистов и сочувствующих РКП(б). Если исходить из ранее приведенных статистических данных, то он равнялся 22,4%. Но принять эту цифру в качестве средней для Сибири, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Имеющиеся статистические сведения в 3 случаях из 7 относятся к уездам, где были сильные большевистские организации (Омский, Томский, Щегловский), и лишь в 2 случаях — к уездам, принадлежавшим по этому показателю к отстававшим (Акмолинский, Тарский). Таким образом, средний показатель будет явно завышен. Более характерным в смысле соответствия средним данным для всей Сибири следует считать соотношение беспартийных и коммунистов в сельсоветах двух других уездов — Петропавловского и Татарского, где оно составляло примерно 7 к 1. Поэтому мы, вероятно, не допустим большой

⁷² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 325, л. 129; оп. 2, д. 25а, л. 87; ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 7, л. 8; ф. 173, оп. 1, д. 48, л. 37; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 44, л. 303; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 154, л. 59; «Советская Сибирь», 1920, 26 авг.; Елагин А. С. Указ. соч., с. 260.

⁷³ ЦГАОР, ф. 393, оп. 22, д. 463, л. 108.

⁷⁴ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», Омск, 1921, 15 февр.

ошибки, если сделаем вывод, что удельный вес членов и сочувствующих РКП(б) в сельсоветах Сибири в среднем равнялся примерно 12—13%.

При анализе социального и партийного состава сельсоветов Сибири обращает на себя внимание ряд моментов. Прежде всего, обнаруживается различный удельный вес коммунистов и сочувствующих РКП(б) в составе сельсоветов разных волостей и уездов. Причин, обусловивших такое разнообразие, много. Но главные среди них — это близость того или иного района к крупным административным и промышленным центрам, численность и боеспособность местных партийных организаций. Особенно наглядно значение этих факторов прослеживается при сравнении отдаленного Акмолинского уезда, населенного в значительной мере казаками и имевшего малочисленную уездную организацию РКП(б), с Щегловским уездом, расположенным в Кузбассе и насчитывавшим к лету 1920 г. 112 сельских комячеек, объединявших в своих рядах около 2 тыс. человек⁷⁵.

Привлекает внимание и такой факт, как больший процент коммунистов и сочувствующих РКП(б) в сельсоветах Сибири, чем коммунистов в низовых органах Советской власти по стране в целом: соответственно 12—13% в Сибири, 3—4% по стране⁷⁶. Объясняется это, по-видимому, тем, что ко времени перехода от ревкомов к Советам в Сибири успели образоваться многочисленные деревенские организации коммунистов и особенно ячейки сочувствующих РКП(б), которые не были затронуты массовыми военными мобилизациями. Они смогли принять в выборах широкое участие и провести в состав сельсоветов своих кандидатов.

В приводимых нами сведениях о социальном составе сельсоветов мало упоминаний об избрании в местные органы власти кулаков. Это вызывает сомнения, поскольку не соответствует всей обстановке деревенской жизни и особенно последующей деятельности многих сельсоветов, официально именовавшихся «беспартийными середнячками». Обращение к документам руководящих партийных и советских органов, характеризующим состояние советского строительства на селе после перехода от рев-

комов к Советам, особенно в связи с избирательной кампанией начала 1921 г., подтверждает сомнения. Давая ретроспективную оценку выборам 1920 г., ряд ответственных советских сотрудников прямо указывал, что в сельсоветы прошло немало враждебных элементов, а в числе беспартийных середняков были кулаки⁷⁷. В то же время нельзя признать правомерной наметившуюся в начале 1921 г. у некоторых советских руководителей тенденцию сгустить краски и оценить итоги выборов на селе как неудовлетворительные⁷⁸.

Отмеченный недостаток, проникновение в сельсоветы кулачества, разумеется, не умаляет значения избирательной кампании как важнейшего мероприятия по упрочению сельских органов Советской власти в Сибири и большой политической школы для широких трудящихся масс деревни, влияние которой наиболее ошутимо сказалось на политических настроениях крестьянства. В документах отдела управления Сибревкома и губревкомов, руководителей избирательных комиссий неоднократно отмечалось, что благодаря выборам удалось очистить многие местные советские органы от контрреволюционных элементов, что избирательная кампания сыграла огромную роль в поднятии настроений крестьянства, в понимании ими смысла происходивших международных и внутренних событий, политики Коммунистической партии и Советской власти, в политическом размежевании на селе⁷⁹. Нередко агитаторы и инструкторы по проведению выборов посетили такие волости и села края, где, как писал заведующий информационно-инструкторским подотделом Сибревкома П. Е. Михеев, после разгрома Колчака «еще ни одного „советского“ человека не бывало»⁸⁰.

Вместе с тем следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, успехи, достигнутые на выборах, во мно-

⁷⁷ ГАКК, ф. 49, оп. 1, д. 16, л. 47, 48; «Красный пахарь», Тюкалинск, 1921, 25 февр.; «Красноярский рабочий», 1921, 13 февр. и 5 марта; «Крестьянин и рабочий», Ачинск, 1921, 8 марта; «Советская Сибирь», 1921, 8 февр.; «Известия Енисейского губкома РКП(б)», Красноярск, 1921, № 3-4, с. 19.

⁷⁸ См., например: «Красный пахарь», Тюкалинск, 1921, 2 марта.
⁷⁹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 21; д. 248, л. 30; д. 300а, л. 55; д. 308, л. 28, 29; ГАТО, ф. 173, оп. 1, д. 48, л. 37; «Власть труда», 1920, 30 окт.

⁸⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 21.

⁷⁵ ГАТО, ф. 173, оп. 1, д. 48, л. 33.

⁷⁶ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 187.

гом являлись результатом чрезвычайного временного напряжения большинства партийных и советских органов края, максимально возможной с их стороны помощи деревенским коммунистам и бедноте. Следовательно, итоги выборов нельзя рассматривать в качестве единственного показателя политического настроения крестьянства и соотношения классовых сил в деревне. Во-вторых, недопустимо абсолютизировать значение социального состава сельсоветов Сибири, из того факта, что они в подавляющем большинстве состояли из трудящегося крестьянства, делать вывод об их полном соответствии требованиям, предъявляемым к местным государственным органам диктатуры пролетариата. Как известно, социальный состав не является единственным показателем, определяющим классовую сущность и политическое поведение различных организаций. Высказанное замечание необходимо учитывать при характеристике сельсоветов периода гражданской войны, состоявших из крестьян, социальное положение которых не являлось безусловным детерминантом их политического поведения. Не случайно в докладе Зайсанского уездревкома при подведении итогов выборов в сельсоветы сообщалось: «...Из анкет видно, что [в сельсоветы] прошли середняки и бедняки, но это еще не говорит за их политическую физиономию ничего»⁸¹.

Испытание практическими делами должно было стать главным критерием социальной и политической зрелости сельского советского актива в Сибири.

СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ. СОСТАВ ИСПОЛКОМОВ

По мере выборов в сельсоветы начали проводиться волостные съезды Советов и создаваться волисполкомы. Сведения о составе волостных съездов крайне многочисленны. Нами обнаружены только разрозненные данные о составе волостных съездов Советов Калачинского и Томского уездов и полные — Татарского. Выяснено, что сельсоветы Пашковской волости Томского уезда делегировали на волостной съезд 4 коммунистов, 5 сочувствующих РКП(б) и 4 беспартийных, а Тугальской

⁸¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2279, л. 15.

волости — 4 коммунистов, 3 сочувствующих и 21 беспартийного⁸². 4 коммуниста, 55 сочувствующих и 398 беспартийных (185 бедняков и 213 середняков) присутствовали в общей сложности на Иконниковском, Камышинском, Крестинском, Куликовском, Локтинском, Нижне-Омском, Сербрянском и Тургеневском волостных съездах Калачинского уезда⁸³. Среди 1840 делегатов волостных съездов Советов Татарского уезда было 256 сочувствующих РКП(б), а среди беспартийных — 643 бедняка и 941 середняк⁸⁴. На этом основании можно предположить, что социальный и партийный состав делегатов волостных съездов Советов не отличался сколько-нибудь значительно от состава депутатов сельсоветов этих же местностей. На них лишь немного выше был процент коммунистов.

Протоколы заседаний волостных съездов Советов почти отсутствуют. Но из различных источников установлено, что на съездах для делегатов обязательно делались доклады о текущем моменте, в которых разъяснялись сущность, значение и основные задачи Советской власти, заслушивались доклады волостных избирательных комиссий и ревкомов, производились выборы волисполкомов и решались местные текущие дела⁸⁵.

Об атмосфере, в которой проходила работа лучших волостных съездов Советов, можно составить представление на примере Тальменского волостного съезда Барнаульского уезда. Он, докладывал инструктор Алтайского губревкома П. И. Ольшевский, «прошел очень оживленно; видно, что все приехавшие на съезд крестьяне сознательно отнеслись к этому важному моменту, охотно голосовали за партийных»⁸⁶. В торжественной обстановке и в то же время по-деловому прошел Шипуновский съезд, где задавали тон местная комячейка и ревком. Делегаты обсудили такие вопросы, как борьба с дезертизмом и самогоноварением, открытие фельдшерских пунктов, приняли резолюцию, приветствовавшую высшие органы Советской власти⁸⁷. Заслуживает быть отмеченным

⁸² «Знамя революции», 1920, 3 июня.

⁸³ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 246, л. 271, 271а.

⁸⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 310, л. 17.

⁸⁵ См.: Советы и ревкомы в Казахстане. Алма-Ата, 1971, с. 176.

⁸⁶ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 368.

⁸⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25а, л. 1.

постановление Туличевского волостного съезда, который обязал кулаков и самогонщиков засеять в пользу государства 100 дес. зерновых⁸⁸.

Теперь попытаемся выяснить социальный состав волостных исполкомов. Имеются сведения, что только бедняки и середняки были избраны в Калачинском, Киренском и Татарском уездах⁸⁹. В волисполкомы Минусинского уезда входили 52 бедняка, 47 середняков, 2 зажиточных крестьянина, 7 рабочих и один интеллигент⁹⁰. Из 67 членов волисполкомов Красноярского уезда (65 крестьян и 2 рабочих) у 37 не было собственного дома, у 26 — пашни, у 30 — лошадей. Это была местная и приезжая деревенская беднота. В то же время 4 члена волисполкома имели от 10 до 15 десятин пашни и 2 — более 7 лошадей⁹¹.

О партийном составе волисполкомов имеются такие данные. Подводя итоги выборов в Славгородском уезде, газета «Советская Сибирь» писала, что в волисполкомы «в громадном большинстве избраны коммунисты и сочувствующие»⁹². Из 59 волисполкомов Омского уезда 18 были полностью коммунистическими, 19 состояли только из беспартийных, а остальные — из членов РКП(б) и беспартийных⁹³. 48 сочувствующих РКП(б) и 64 беспартийных входили в волисполкомы Татарского уезда. Среди членов волисполкомов Акмолинского уезда было 9 сочувствующих РКП(б) и 78 беспартийных, в Атбасарском уезде — 56 сочувствующих и 98 беспартийных, в Калачинском — 6 коммунистов, 23 сочувствующих и 45 беспартийных, в Петропавловском — 5 коммунистов, 30 сочувствующих и 171 беспартийный, в Тарском — 74 коммуниста и сочувствующих и 101 беспартийный⁹⁴. В 36 волисполкомов Канского уезда оказались избранными 44 коммуниста, 33 сочувствующих и 35 беспартийных; в 22 волисполкома Красноярского уезда — соответ-

ственно 20, 146 и 199 человек⁹⁵, в 34 волисполкома Минусинского уезда — 24 члена РКП(б), 33 кандидата и сочувствующих РКП(б) и 62 беспартийных (из которых 25 человек назвали себя «сочувствующими Советской власти»)⁹⁶. Из 69 членов волисполкомов Томского уезда 46 являлись коммунистами и сочувствующими РКП(б), а в Барабинском уезде из 94 — соответственно 15 и 24⁹⁷. Только из коммунистов состояли Ичерский, Змеиновский, Макаровский, Марковский, Подкаменский и Преображенский волисполкомы Киренского уезда. По два коммуниста и одному беспартийному входили в Киренский, Мартыновский, Мухтуйский, Ньюский, Петропавловский волисполкомы. Беспартийные (из-за отсутствия коммунистов) были избраны в Казачинский, Коношановский, Орлингский, Подымахенский и Усть-Кутский волисполкомы⁹⁸. Коммунистами и сочувствующими РКП(б) являлись 90% членов волисполкомов Верхоленинского уезда⁹⁹ и все 59 членов и 38 кандидатов 18 волисполкомов Щегловского уезда¹⁰⁰.

Сравнительный анализ социального и партийного состава сельсоветов и волисполкомов Сибири 1920 г. позволяет утверждать, что волостное советское звено удалось укомплектовать лучше, чем сельское. В волисполкомы наряду с трудящимся крестьянством входили рабочие, обладавшие по сравнению с местными крестьянами большим организаторским опытом. Процент советских работников 1917—1918 гг., участников антиколчаковского партизанского движения и членов ревкомов здесь был больше. Значительно выше, чем среди членов сельсоветов, оказался в числе членов волисполкомов удельный вес коммунистов и сочувствующих РКП(б), составлявший, по нашим подсчетам, в среднем по Сибири около 40%. Это было на 7% больше, чем в среднем по стране¹⁰¹. В то же время в волисполкомы, как и в сельские Советы, попало немало людей, политически индифферентных и даже

⁸⁸ ГАНО, ф. 1125, оп. 1, д. 280, л. 40. Фактически решение съезда было выполнено с превышением на 39 дес.

⁸⁹ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 347, л. 112; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 310, л. 17; д. 649, л. 1; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 246, л. 271, 271а.

⁹⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 236, л. 150—152.

⁹¹ «Красноярский рабочий», 1921, 11 марта.

⁹² «Советская Сибирь», 1920, 17 июня.

⁹³ Там же, 26 авг.

⁹⁴ ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 226, л. 32; «Красный путь», 1920, № 1, с. 20.

⁹⁵ «Красноярский рабочий», 1920, 30 июня и 13 авг.

⁹⁶ ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 163, л. 125—127; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 236, л. 150—152.

⁹⁷ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 85, л. 4; ГАТО, ф. 510, оп. 1, д. 7, л. 215.

⁹⁸ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 347, л. 112; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 649, л. 1.

⁹⁹ «Жизнь Красной Сибири», 1920, № 4, с. 26.

¹⁰⁰ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 112.

¹⁰¹ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 205.

враждебных Советской власти. Поэтому те выводы и замечания, которые раньше были высказаны нами при характеристике состава сельсоветов, правомерно перенести и на волсполкомы.

Вслед за волостными съездами Советов стали созываться уездные. Обобщающих данных о представительстве, социальном и партийном составе делегатов, обсуждавшихся на уездных съездах Советов Сибири вопросов — нет. Исследование протоколов заседаний и других материалов позволяет выяснить, что большинство депутатов на уездные съезды Советов направлялось от горсоветов и волостных съездов; почти всегда в их работе участвовали представители губернских органов, уездных бюро (комитетов) РКП(б), ревкомов, советов профсоюзов и частей гарнизонов.

Подавляющее большинство делегатов уездных съездов Советов являлось трудящимися крестьянами. Об этом свидетельствуют, например, данные о составе 7 уездных съездов Омской губернии. В общей сложности на них присутствовал 1921 делегат (в том числе 1567 — с решающим голосом); 1280 делегатов, (66,6%) были крестьянами, 221 (11,5%) — рабочими, 139 (7,3%) — служащими (социальное положение 281 делегата не установлено)¹⁰². 147 крестьян имелось среди 227 делегатов Ачинского съезда Енисейской губернии¹⁰³. Крестьяне преобладали и на немногочисленном съезде Верхоленского уезда Иркутской губернии, где из 58 делегатов 12 человек были рабочими, 38 — крестьянами, 8 — служащими¹⁰⁴. Но социальный состав не всех съездов был вполне удовлетворительным. Например, по свидетельству коммуниста И. Е. Кантышева, зажиточные казахи преобладали на

¹⁰² Владимирский М. Советы, исполкомы и съезды Советов. (Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления), вып. 2. М., 1921, с. 34—39. В книге ошибочно указано, что общая численность делегатов составляла 1624 человека.

¹⁰³ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 209, л. 55.

¹⁰⁴ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 345, л. 26; «Власть труда», 1921, 7 янв.

Каркаралинском съезде Советов Семипалатинской губернии¹⁰⁵.

Более многочисленные сведения сохранились о партийном составе уездных съездов (табл. 1).

Как свидетельствуют материалы Атбасарского и Верхоленского уездных съездов¹⁰⁶, многие делегаты участвовали в революционном движении, в борьбе против колчаковцев, работали в советских органах 1917—1918 гг. Так, из 58 делегатов Верхоленского съезда 28 человек подвергались тюремному заключению и другим репрессиям, 10 человек участвовали в советской работе с 1917 г., 7 — с 1918 г., 27 — сотрудничали в ревкоммах.

По сравнению с волостными съездами уездные примечательны рядом новых особенностей. На них присутствовала значительная прослойка рабочих и служащих, делегированных городскими избирателями. Почти все делегаты из числа рабочих и служащих являлись коммунистами. Благодаря этому процент коммунистов и сочувствующих РКП(б) на уездных съездах Советов по сравнению с волостными увеличился примерно с 12—13 до 50—55. Удельный вес коммунистов и крестьян среди делегатов уездных съездов Советов Сибири был, видимо, несколько выше, чем по стране в среднем¹⁰⁷.

Несмотря на то, что на большинстве уездных съездов коммунисты численно не преобладали, именно они, сплоченные партийной дисциплиной, при поддержке сочувствующих определяли политический климат съездов. На многих съездах коммунистические фракции предварительно рассматривали основные вопросы, возникавшие в процессе работы. Укажем на Татарский уездный съезд Советов, проходивший в июле 1920 г. На нем фракция коммунистов и сочувствующих РКП(б) предварительно обсуждала повестку дня, вырабатывала регламент, намечала кандидатов в президиум и мандатную комиссию съезда¹⁰⁸. В большинстве случаев коммунистические фракции предлагали проекты резолюций по обсуждавшимся вопросам, выдвигали кандидатов для избрания в члены уездных исполкомов, на губернские съезды Советов и т. п. С этими задачами справилась даже фрак-

¹⁰⁵ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 84, л. 2.

¹⁰⁶ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 345, л. 26; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 64, л. 49—51.

¹⁰⁷ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 194, 195.

¹⁰⁸ ПАНО, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 75.

Таблица 1*

Название съезда	Всего делегатов	В том числе		
		коммунистов	сочувствующих	беспартийных
Акмолинский	209	102 (48,8)	—	107 (51,2)
Атбасарский	162	32 (19,8)	63 (38,8)	67 (41,4)
Ачинский	227	48 (21,1)	63 (27,8)	116 (51,1)
Балаганский	91	44 (48,4)	—	47 (51,6)
Барабинский	233	78 (33,5)	46 (19,7)	109 (46,8)
Барнаульский	302	142 (47,0)	89 (29,5)	71 (23,5)
Верхотуринский	58	32 (55,2)	11 (19,0)	15 (26,8)
Зайсанский	127	61 (48,0)	—	66 (52,0)
Земногорский	179	40 (22,3)	76 (42,5)	63 (35,2)
Калачинский	128	14 (10,9)	35 (27,4)	79 (61,7)
Каркаралинский	174	11 (6,3)	—	163 (93,7)
Кузнецкий	97	32 (33,0)	26 (26,8)	39 (40,2)
Маринский	76	15 (20,0)	37 (46,0)	24 (33,0)
Минусинский	306	71 (23,2)	115 (37,6)	120 (39,2)
Павлодарский	257	88 (34,2)	—	169 (65,8)
Петропавловский **	271	—	113 (41,7)	157 (57,9)
Семипалатинский ***	192	128 (67,0)	—	59 (30,9)
Татарский	269	174 (64,7)	—	95 (35,3)
Тюкалинский	239	21 (8,8)	44 (18,4)	174 (72,8)
Усть-Каменогорский	233	104 (44,6)	—	129 (55,4)
Щегловский	166	—	109 (65,7)	57 (34,3)
Итого	3996	2064 (51,7)	—	1926 (48,2)

* Составлено по данным: ГАКК, ф. 9, оп. 1, д. 45, л. 39; ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 345, л. 26; ГАКК, ф. 53, оп. 1, д. 163, л. 122; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 119, л. 1, 2; д. 209, л. 55; д. 222, л. 93; д. 242, л. 15, 17, 22; д. 286, л. 59, 60, 135, 136; д. 313, л. 79; оп. 2, д. 25а, л. 67, 117; ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 64, л. 121; д. 226, л. 32; ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 2, л. 40; «Красный пахарь», Иркутск, 1921, 13 янв.; Червоный-Усатенко М. А. Победа Советской власти в Барабе. — В кн.: Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904—1920 гг.). Новосибирск, 1959, с. 119.

** Партийная принадлежность одного делегата — меньшевик.

*** Партийная принадлежность 4 делегатов — анархисты и одного — не установлена.

ция РКП(б) Каркаралинского уездного съезда Советов, в которую входило лишь 11 из 174 делегатов. Она провела 7 своих членов в состав уездного исполкома и 10 — делегатами на Семипалатинский губернский съезд Советов. Председателем Каркаралинского исполкома и военным комиссаром были избраны коммунисты В. В. Мей и И. Ф. Ляпин¹⁰⁹.

На всех уездных съездах заслушивались доклады общего характера (о текущем моменте, задачах Советской власти), отчеты уездных ревкомов и их важнейших отделов, как правило, делались сообщения о положении на местах, решались текущие дела. Повестка дня уездных съездов иногда была единой для всей губернии, но чаще — различалась. Иркутский губревком, например, предложил уездным съездам обсудить следующие вопросы: текущий момент и задачи Советской власти; доклады ревкомов и их отделов; доклады с мест; важнейшие вопросы хозяйственной жизни и их решение на местах¹¹⁰. Повесткой дня, рекомендованной Иркутским губревкомом, ограничился Верхотуринский съезд, а Балаганский и Черемховский, приняв ее за основу, дополнительно заслушали доклады избирательной и мандатной комиссий, рассмотрели текущие вопросы, провели выборы делегатов на VIII Всероссийский съезд Советов¹¹¹.

На 7 уездных съездах Советов Омской губернии, кроме докладов общего характера и отчетов ревкомов, четырежды заслушивались доклады земельных и продовольственных органов и сообщения с мест; трижды — военных комиссариатов, органов народного хозяйства, социального обеспечения и народного образования; дважды — финансов и здравоохранения; по одному разу — отделов управления, юстиции и ЧК; на трех съездах рассматривались текущие дела и на пяти — отчеты различного рода комиссий¹¹². Перечень вопросов, обсуждавшихся на уездных съездах Советов Сибири, свидетельствует о том, что они чутко реагировали на изменение международного положения и внутренней обстановки.

¹⁰⁹ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 84, л. 2.

¹¹⁰ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 115, л. 40.

¹¹¹ Там же, д. 345, л. 4, 23, 155; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 130, л. 1.

¹¹² Владимирский М. Указ. соч., с. 34—39.

новки в стране, правильно сочетали рассмотрение как государственных, так и злободневных местных проблем. Большое внимание, уделяемое съездами хозяйственным вопросам, объясняется главным образом тем, что Сибирь являлась для Советской республики одним из основных источников продовольствия и сырья, а административным вопросам — молодостью и слабостью уездных органов государственного управления в крае.

Доклады о проделанной работе, с которыми на уездных съездах выступали руководители ревкомов и заведующие их отделами, отличались исключительной самокритичностью и объективностью. Вот отрывок из выступления на Барнаульском уездном съезде председателя Алтайского губсовнархоза А. А. Селезнева. Обращаясь к делегатам, он сказал: «В общем в нашей деятельности, товарищи, есть, конечно, промахи, крупные ошибки. Но без этого нельзя. Например, я стою во главе такого учреждения, как совнархоз. Здесь должен стоять человек образованный, знакомый со многими специальностями. Я — рабочий, в революции с 1917 г.; конечно, у меня мало опыта. Я был бы очень доволен, если бы меня заменили другим, более знающим..., и я опять возвратился бы к станку, но, товарищи, нет этих знающих людей, безусловно преданных Советской власти. И вот, неся громадную ответственность перед Вами, трудящимися, и перед республикой, я принужден оставаться на своем посту в роли руководителя, пока Коммунистическая партия считает меня необходимым тут»¹¹³.

А вот как описывал атмосферу, в которой проходил Томский уездный съезд Советов, корреспондент местной газеты: «Тяжелое положение переживаемого времени обрисовывалось перед всеми участниками съезда со всей яркостью и определенностью. Никто не пытался чего-либо скрыть, утаить, приукрасить... Но это не приводило к упадку духа — повышенное, революционное настроение все время, с первого до последнего [дня], поддерживалось на съезде. Поддерживалось не искусственно, а верою в свою силу, верой в прочность союза рабочих и крестьян, уверенностью в окончательной победе»¹¹⁴.

¹¹³ 2-й съезд Советов Барнаульского уезда. 2 июня — 9 июня 1920 г. Барнаул, 1920, с. 67.

¹¹⁴ «Знамя революции», 1920, 17 июня.

Многие доклады, заслушанные на уездных съездах, подолгу обсуждались. Наибольшее внимание вызвал продовольственный вопрос, затрагивавший интересы всех делегатов съездов. Нередко дебаты по этому вопросу носили бурный и продолжительный характер. В прениях звучали справедливые нарекания на отдельные погрешности в работе продовольственного аппарата, давались практические рекомендации и предложения по устранению замеченных дефектов, откровенно высказывались обуревавшие крестьян сомнения в необходимости хлебной монополии и разверстки. Со своей стороны партийные и советские руководители, рабочие разъясняли крестьянам необходимость выполнения разверстки, помощи продовольствием Советской республике. Например, обращаясь к крестьянам — делегатам Барнаульского съезда, старый рабочий В. М. Шилин, имевший 35-летний производственный стаж, говорил: «...Моя горячая просьба к вам: дайте хлеба. Не для себя прошу. Не доводите до того, чтобы какой-нибудь авантюрист использовал наш голод и сделал нас баранами, с которых будут стричь шерсть иностранных капиталисты.» «Когда, товарищи, — продолжал В. М. Шилин, — я вижу, что рабочий крестьянина хочет обжудить или наоборот, когда эти два товарища становятся друг перед другом жуликами, тошно мне. Рабочий — работай, крестьянин — исполняй декреты, разверстки. Твердые цены должны быть на труд, товары, хлеб. Не жуликами подходите друг к другу, а братьями, протягивая руку обоюдной помощи»¹¹⁵. Благодаря большой разъяснительной работе коммунистам, как правило, удавалось сплотить участников съездов, направить их работу в русло деловой критики, поддержки всех мероприятий Советской власти.

Уездные съезды Советов Сибири продемонстрировали высокую политическую сознательность делегатов. В качестве примера приведем выступление делегата Барнаульского уездного съезда Советов М. М. Дрожжина: «Здесь много говорилось о разверстке... Мое мнение — всемерно поддержать Советское правительство выполнением разверстки, ибо оно — наше, Рабоче-Крестьянское правительство, и если мы его не поддержим, опять появится какой-нибудь колчак,

¹¹⁵ 2-й съезд Советов Барнаульского уезда, с. 84, 85.

и уж буржуазия с нами церемониться не будет. Я не оратор, но правда в моих словах есть. Еще раз повторю: наша обязанность дать [продовольствие], дабы хлеб здесь не гнил, в то время как там пухнут с голоду!». Дружные аплодисменты были ответом на предложение М. М. Дрожжина¹¹⁶.

Всей стране стал известен патриотический почин Славгородского уездного съезда Советов. 15 июня 1920 г. Омский губпродком получил телеграмму Наркома продовольствия А. Д. Цюрупы. В телеграмме сообщалось, что в последнее время хлебозаготовки начали отставать от роста потребностей, увеличившихся в связи с войной против белополяков. Поэтому А. Д. Цюрупа просил Омский губпродком принять все возможные меры для увеличения продовольственных заготовок¹¹⁷. 20 июня омский губпродкомиссар Б. И. Монастырский проинформировал Славгородский уездный съезд Советов о содержании телеграммы А. Д. Цюрупы. В ответ съезд призвал крестьян выполнить всю разверстку и повести решительную борьбу с кулаками, не сдающими хлеб¹¹⁸. О том, что это решение не осталось только благим пожеланием, свидетельствует следующий факт: если до съезда в счет разверстки по уезду ежедневно поступало 10—15 тыс. пудов, то после съезда — 30—35 тыс. пудов¹¹⁹.

Работа большинства уездных съездов Советов Сибири протекала в исключительно деловой и подлинно демократической обстановке. «Съезд, — писал, например, корреспондент «Знамени революции» о событиях в Томске, — не блистал ораторами — привычные томские ораторы мало выступали, — преимущественно говорили представители с мест: рабочие и крестьяне. Говорил сельчанин, говорил шахтер, говорил железнодорожник. Все эти речи дышали страстной ненавистью к буржуазии, помещикам, кулакам и твердой решимостью победить, победить и победить.

Это не было похоже на буржуазный парламент, ибо не было фракционной грызни, словесных сражений и хитроплетенных подвохов. На съезде царил единый язык и единое настроение, а это воочию показывает, что союз рабочих и трудовых крестьян не случайность, не выдумка

¹¹⁶ 2-й съезд Советов Барнаульского уезда, с. 46.

¹¹⁷ ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 7, л. 92, 93.

¹¹⁸ «Кулундинская правда», Славгород, 1920, 22 июня.

¹¹⁹ «Красный стрелок», Иркутск, 1920, 23 июля.

досужей фантазии, а вполне соответствует действительности»¹²⁰.

Уездные съезды Советов в приветственных телеграммах на имя В. И. Ленина, ЦК РКП(б), Совнаркома, ВЦИК, Сибревкома, в резолюциях по текущему моменту, докладам о деятельности ревкомов и их отделов выражали искреннюю признательность Коммунистической партии, Советской власти, Красной Армии за освобождение Сибири от колчаковского гнета, одобряли советскую политику, обещали отдать все свои силы и средства для победы над внешней и внутренней контрреволюцией. Нередко такого рода заверения немедленно подкреплялись добровольной отправкой на фронт, участием в борьбе с мятежниками, усиленной сдачей государственным органам продовольственных излишков и т. п.

Деятельность уездных съездов Советов завершилась выборами исполнительных комитетов и делегатов на губернские съезды Советов.

В уездные руководящие советские органы было избрано 595 человек, в том числе рабочих — 173 (29,1%), крестьян — 160 (26,9%), служащих — 144 (24,2%), прочих и не установлено — 118. Среди них подавляющее большинство составляли члены и кандидаты в члены РКП(б) (соответственно 489 и 19 человек); беспартийных было 32 человека; партийность 55 человек не установлена. 26 членов РКП(б) вступили в партию до 1905 г., 45 — в 1906—1916 гг., 102 — в 1917, 51 — в 1918, 75 — в 1919 и 190 — в 1920 г. Многие члены уездных исполкомов имели значительный опыт советской работы. В деятельности Советов принимали участие с 1917 г. — 125 чел., с 1918 — 81, с 1919 — 50, с 1920 г. — 339 чел.¹²¹

Подводя итоги выборов в Атбасарский уездный исполком, один из инструкторов Сибревкома сделал такое заключение: «В члены исполкома прошли именно те товарищи, которые имеют авторитет среди населения Атбасарского уезда. Многие известны своей революционной деятельностью во время Колчака»¹²². С полным правом эту характеристику можно распространить на большинство уездных исполкомов Сибири. В их состав входили

¹²⁰ «Знамя революции», 1920, 17 июня.

¹²¹ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 242, л. 1.

¹²² Там же, оп. 2, д. 25а, л. 89, 90.

такие профессиональные революционеры, как Ф. С. Бондарь-Диброво, Г. С. Винтер, М. М. Дымовский, Я. П. Зоссе, А. Я. Каулин, М. И. Ковалев, Я. П. Кродер, А. Д. Макаров, С. П. Молотовников, Ф. А. Нусбаум, активные участники борьбы за восстановление и укрепление Советской власти в Сибири Ф. Я. Бабкин, Д. Е. Блынский, П. К. Голиков, И. В. Громов, И. С. Пестун, С. К. Сургуладзе, И. Я. Третьяк, П. Е. Шетинкин, Г. И. Чусов, Г. Д. Шувалов, В. Г. Яковенко и другие. Но случались и досадные исключения. Так, в Каркаралинский уездный исполком прошли местные баи Алимбеков, Оспанов и Раимбеков, в 1918 г. принимавшие участие в свержении Советской власти. Постановлением Семипалатинского губревкома они позднее были выведены из состава уездного исполкома¹²³.

В уездных исполкомах, по сравнению со съездами Советов, удельный вес рабочих и служащих возрос (соответственно с 11,5 до 29,1% и с 7,3 до 24,2%), а крестьян — резко уменьшился (с 66,6 до 26,9%). Если же проанализировать партийный состав уездных съездов и исполкомов, обнаруживается также значительное увеличение (с 50—55 до 85%) удельного веса коммунистов. Это изменение социального и партийного состава явилось выражением доверия со стороны крестьянства к пролетариату и его Коммунистической партии.

При сравнении состава уездных исполкомов Советов Сибири со средними показателями по стране в целом обнаруживается, что уездные исполкомы Сибири имели больший процент не только крестьян (на 5,8%), что вполне закономерно, но также коммунистов и сочувствующих РКП(б) (на 7%)¹²⁴.

Такое положение, на наш взгляд, возникло потому, что наряду с местными советскими работниками 1917—1918 гг., руководителями партизанского движения и сотрудниками ревкомов (преимущественно коммунистами) в уездные исполкомы в большом количестве были избраны политработники 5-й армии и члены РКП(б), направленные из пролетарских центров страны для укрепления партийного и советского аппарата Сибири.

¹²³ ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 19, л. 197.

¹²⁴ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 494—497.

Изучив социальный и партийный состав уездных исполкомов 1919 и 1920 гг. по стране в целом, Е. Г. Гимпельсон сделал вывод, что за это время в нем произошло сокращение удельного веса рабочих, коммунистов, снижение образовательного уровня членов, приведшее к ослаблению уездного звена советского исполнительного аппарата. По мнению Е. Г. Гимпельсона, это ослабление было вызвано постоянным перемещением наиболее активных и опытных членов уездных исполкомов на военную работу и в губернские органы власти¹²⁵. На наш взгляд, это объясняется также откомандированием опытных работников в отдаленные районы страны, в частности, в Сибирь.

Анализ работы уездных съездов Советов Сибири позволяет утверждать, что они способствовали упрочению социальной опоры Советской власти, осуществлению руководящей роли городского пролетариата по отношению к крестьянству. А именно в этом, как известно, В. И. Ленин видел их важнейшую социально-политическую функцию и историческую заслугу¹²⁶.

* * *

Во второй половине 1920 — начале 1921 г. состоялись губернские съезды Советов Сибири: в июле 1920 г. — Алтайский, сентябре — Енисейский и Омский, октябре — Томский, ноябре — Семипалатинский, в январе 1921 г. — Иркутский¹²⁷. Большинство делегатов на губернские съезды избиралось на волостных и уездных съездах, значительная часть направлялась горсоветами. В работе съездов, как правило, участвовали представители Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома, губернских партийных, советских и профсоюзных руководящих органов. Так, из 230 делегатов с решающим голосом Алтайского губернского съезда Советов 167 человек были

¹²⁵ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 206.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 41, с. 32.

¹²⁷ Материалы и протоколы съездов см.: Алтайского (ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222), Енисейского (ГАКК, ф. 49, оп. 1, д. 4; ПАКК, ф. 64, оп. 2, д. 38), Иркутского (ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 612; ф. 145, оп. 1, д. 148; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 651; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 621), Омского (ГАОО, ф. 26, оп. 1, д. 251), Семипалатинского (ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 313), Томского (ГАТО, ф. 173, оп. 1, д. 40; ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 15; ЦГАОР, ф. 393, оп. 22, д. 372).

Таблица 2 *

Название съезда	Число делегатов		Партийность			Социальное положение			
	всего	из них с решающим голосом	коммунисты, кандидаты и сочувствующие РКП(б)	члены других партий	беспартийные	рабочие	крестьяне	служащие	прочие
Алтайский **	244	230	186	1***	57	56	157	25	6
Енисейский ****	190	Нет свед.	169	—	13	Нет сведений			
Иркутский *****	149	104	94	—	10	42	35	20	7
Омский **	243	237	224	2***	17	73	118	4	48
Томский **	187	187	180	—	7	23	57	25	82
Семипалатинский **	92	Нет свед.	71	—	21	Нет сведений			

* Таблица составлена по следующим материалам: ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 168, л. 59; д. 201, л. 307; д. 202, л. 72; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 222, л. 16; д. 313, л. 64; д. 382, л. 30, 59; д. 418, л. 39; д. 651, л. 33; ПАИО, ф. 1, оп. 1, д. 621, л. 47; «Советская Сибирь», 1920, 12 сент.; Владимирский М. Указ. соч., с. 24—31.

** Социальный и партийный состав дается для всех делегатов.

*** Один делегат Алтайского съезда был анархо-синдикалистом и два делегата Омского съезда — членами казахской социалистической партии Уш-Жуз.

**** В докладе мандатной комиссии данных о социальном и партийном составе делегатов Енисейского съезда не приводилось; в документах отдела управления Сибревкома называются разные цифры как всего числа делегатов (некоторые из них были вынуждены покинуть съезд до его окончания), так и членов партии; мы приводим данные на тот момент, когда на съезде находилось наибольшее число делегатов, о партийности которых есть сведения.

***** Социальный и партийный состав дается только для делегатов с решающим голосом.

делегированы от волостных и 29 от уездных съездов, 14 — от горсоветов и 20 — от руководящих учреждений ¹²⁸.

О численности, социальном и партийном составе делегатов сохранились следующие данные (табл. 2).

Данные таблицы о социальном составе, на наш взгляд, нуждаются в оговорках. Так, вызывает сомнение высокий процент «прочих» на Томском губернском съезде. По-видимому, к их числу были отнесены все делегаты, не запол-

нившие сведения о своем социальном положении. Наверняка на губернских съездах Советов Сибири удельный вес рабочих в целом был выше, чем это следует из таблицы. Тем не менее таблица убедительно свидетельствует о том, что волостные и уездные съезды Советов, где коммунисты составляли меньшинство, делегировали на губернские съезды почти исключительно членов РКП(б). Многие из них были профессиональными революционерами, активно боролись за установление и упрочение Советской власти. Например, 30 делегатов Алтайского губернского съезда имели дооктябрьский партийный стаж, а 78, т. е. каждый третий, принимали активное участие в революции и гражданской войне ¹²⁹. На губернских съездах Советов, по сравнению с уездными, возрос и процент рабочих, хотя крестьяне по-прежнему оставались самой многочисленной группой. Если сравнить состав губернских съездов Советов Сибири со средними данными по стране, то обнаруживается, что процент коммунистов и крестьян в Сибири был выше (соответственно на 9,2 и 10,5%), а рабочих и служащих — ниже (на 8,4% в первом и на 8,2% — во втором случае) ¹³⁰. Такое соотношение рабочих, крестьян и служащих определялось особенностями социальной структуры края, а больший удельный вес коммунистов достигался за счет того, что их процент был выше по сравнению со средними показателями для всей страны в нижестоящих советских органах Сибири, а также на волостных и уездных съездах Советов.

Подготовкой и всей работой губернских съездов Советов руководили партийные органы и образованные на съездах коммунистические фракции. Так, Алтайский и Иркутский губкомы РКП(б) наметили кандидатов в члены пленума и президиума будущих губисполкомов ¹³¹. Томский губком предварительно рассмотрел повестку дня, вопросы о составе президиума съезда, его коммунистической фракции, о кандидатуре председателя губисполкома, а губернская партийная конференция — о составе пленума и президиума губисполкома ¹³². Омское губбюро РКП(б) обсуждало вопросы о сроке открытия, о прези-

¹²⁹ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 168, л. 59.

¹³⁰ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 198, 199.

¹³¹ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 53, л. 94; ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 130.

¹³² ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 11, 12; «Известия Томского губернского комитета РКП(б)», 1921, № 1, с. 38.

¹²⁸ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 202, л. 72.

днуме съезда и коммунистической фракции, о составе мандатной комиссии и президиума губисполкома¹³³. В ходе работы губернских съездов коммунистические фракции выдвигали своих кандидатов в президиумы съездов, предлагали повестки дня, проекты резолюций, кандидатов в состав губисполкомов и делегатов на VIII Всероссийский съезд Советов.

Повестки дня всех съездов были насыщенными, иногда включали до 10—15 вопросов. На Енисейском съезде заслушивались доклады о международном и военном положении Советской республики, об экономическом положении страны и задачах местных советских органов, об отношении к среднему крестьянству, о деятельности губревкома и его отделов: управления, военного, земельного, народного хозяйства, продовольственного, социального обеспечения, народного образования, РКИ, комиссии по восстановлению народного хозяйства. Доклады о текущем моменте, о работе губревкома и только важнейших его отделов (управления, народного хозяйства, земельного, продовольственного, народного образования и комитета по осуществлению трудовой повинности) обсуждались на Томском съезде. В Иркутске были сделаны доклады о международном и внутреннем положении Советской республики, о деятельности губревкома, об итогах работы VIII Всероссийского съезда Советов, заслушаны отчеты отделов: управления, военного, земельного, народного хозяйства, продовольственного, социального обеспечения, РКИ, здравоохранения. Несколько иной была повестка дня Семипалатинского съезда. Здесь наряду с докладами о текущем моменте, о деятельности губревкома и его отделов специально рассматривался продовольственный вопрос, заслушивались доклады с мест и о съезде Советов Киргизского края. Следовательно, на губернских съездах главное внимание уделялось обсуждению общеполитических вопросов, деятельности самих ревкомов и таких их отделов, как управления, военного и хозяйственных. В то время как на губернских съездах Советов Европейской России, прошедших в 1920 г., административные и военные вопросы уже уступили первое место (по числу съездов, их обсуждавших) хозяйственным¹³⁴, в Сибири они

¹³³ ПАОО, ф. 58, оп. 1, д. 40, л. 61—63.

¹³⁴ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 200, 201.

рассматривались одинаково часто. Потребность в этом вызывалась, во-первых, тем, что советские органы Сибири переживали период становления, тогда как пограничное и сложное внутреннее положение края диктовало необходимость иметь крепкий административный и военный аппараты; во-вторых, тем, что пять из шести губернских съездов Советов Сибири по времени совпали с периодом напряженной борьбы на фронтах гражданской войны.

Деятельность всех съездов носила деловой и конструктивный характер. Стремление критически осмыслить пройденное пронизывало выступления докладчиков и участников прений. Примечательна в этом отношении речь члена ВЦИК и Иркутского губревкома И. М. Касаткина на Иркутском съезде. Открывая съезд, он призвал его делегатов выявить допущенные ошибки и указать пути, идя которыми будущий губисполком мог бы исправить таковые¹³⁵.

С докладами по важнейшим вопросам на съездах выступали многие руководящие партийные и советские работники Сибири: В. В. Аристов, И. А. Завадский, И. М. Касаткин, П. К. Коганович, В. М. Косарев, А. И. Окулов, П. Л. Пахомов, Я. М. Познанский, Е. В. Полюдов, И. Н. Смирнов, А. Д. Шнейдер, Е. М. Ярославский и другие. Вся работа съездов была нацелена на выявление на местах таких возможностей и ресурсов, которые способствовали бы укреплению Советской власти. В качестве примера коротко рассмотрим деятельность Енисейского съезда.

По докладам А. И. Окулова и И. А. Завадского о международном, военном и хозяйственном положении Советской России съезд принял резолюции, в которых призвал рабочих и трудящееся крестьянство напрячь все силы для нанесения контрреволюции последнего и решающего удара. В этих целях съезд постановил главное внимание сосредоточить в первую очередь на формировании красных добровольческих отрядов. В связи с нехваткой рабочих рук в промышленности съезд предложил советским органам взять на учет всех квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Съезд призвал крестьян выполнять все задания, возлагаемые на них Советской властью. Будущему губисполкому рекомендовалось направить луч-

¹³⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 651, л. 13.

ших советских работников — членов РКП(б) в распоряжение губсовнархоза и губпродкома.

Заслушав доклады о работе губревкома и отдела управления, съезд признал, что «в общем деятельность губревкома достигла своих целей». Он констатировал, что опыт Енисейской губернии подтвердил «правильность той системы революционных комитетов, которая была принята в Сибири после ее присоединения к Советской России». В резолюции отмечались наиболее существенные недостатки в деятельности отдела управления и вскрывались породившие их причины. Съезд обратился к трудящимся губернии с призывом активнее включиться в борьбу с пережитками прошлого, а губисполкому поручил принять все меры для дальнейшего привлечения к активной советской работе широких масс рабочих и крестьян. «Только в этой массовой работе,— говорилось в резолюции,— залог излечения тех болячек, которые остались от проклятой памяти старого режима на молодом теле Рабоче-Крестьянской Республики»¹³⁶. По докладам губпродкома, губсовнархоза, губземотдела, губкомтруда и губнаробраза съезд принял развернутые постановления с указанием основных направлений, форм и методов предстоящей работы.

Особое место на губернских съездах Советов было уделено продовольственному вопросу, в частности поискам наилучших путей выполнения декрета Совнаркома об изъятии хлебных излишков в Сибири. В течение двух дней (4 и 5 сентября) продовольственный вопрос обсуждался на Омском съезде. Сидя с докладами выступили член ВЦИК, председатель Сибпродкома П. К. Коганович, губпродкомиссар Б. И. Монастырский, его заместитель А. И. Колегаев, член коллегии губпродкома П. А. Кравцов; около 40 делегатов приняло участие в прениях. Съезд призвал трудящееся крестьянство Омской губернии выполнить задание Советского правительства и сдать в распоряжение государства все излишки продовольственных продуктов; он поручил губисполкому добиться содействия «всех губернских организаций губпродкому и его органам на местах во исполнении поставленных перед ними задач»¹³⁷. 7 сентября 1920 г. на Енисейском съезде

Советов в прениях по докладу губпродкомиссара А. С. Кагановича выступило 13 человек. Енисейский съезд, как и Омский, постановил главной задачей всех губернских и местных органов считать «полное проведение всех продовольственных заданий губпродкома». Сельсоветам и волисполкомам было предложено развить максимум энергии, пробудить в широких бедняцких массах активность и самостоятельность при выполнении продовольственных мероприятий¹³⁸. В резолюции по докладу губпродкома Томский съезд Советов обязал каждого своего участника по возвращении на места «твердо и неуклонно проводить все указания по выполнению разверстки»¹³⁹, а Семипалатинский съезд мобилизовал на заготовку продовольствия 20% своих делегатов¹⁴⁰.

Работа губернских съездов Сибири получила высокую оценку советского руководства. Заведующий отделом управления Сибревкома А. В. Перимов, подводя итоги деятельности Алтайского и Омского съездов, с удовлетворением констатировал, что они прошли с большим подъемом, а делегаты проявили способность к деловой критике работы губревкомов¹⁴¹. Семипалатинский губернский отдел управления, изучив принятые на съезде резолюции, пришел к выводу, что содержащиеся в них рекомендации будущему губисполкому «заслуживают самого серьезного отношения к ним и должны быть проведены в жизнь»¹⁴². Повестки дня, характер обсуждения поднятых вопросов и принятых решений убедительно свидетельствуют о том, что губернские съезды Советов Сибири ощущали себя неотъемлемой частью Советской республики, жили ее общими интересами и нуждами, настойчиво искали новые пути, формы и методы наилучшего участия в борьбе за защиту завоеваний социалистической революции.

Губернские съезды Советов завершили работу выборами исполнительных комитетов. В губисполкомы Сибири было избрано 152 человека (27 — в Томской губернии, в остальных — по 25). Из них по социальному положению 37 человек (24,3) являлись рабочими, 13 (8,6%) —

¹³⁸ ПАКК, ф. 64, оп. 2, д. 38, л. 6.

¹³⁹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 22, д. 372, л. 3.

¹⁴⁰ «Степная правда», 1920, 19 ноября.

¹⁴¹ Перимов А. Советская власть в Сибири. — «Жизнь Красной Сибири», Омск, 1920, № 1, с. 28.

¹⁴² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 313, л. 64.

¹³⁶ Документы героической борьбы (1918—1920 гг.). Красноярск, 1959, с. 489—493.

¹³⁷ «Красный путь», 1920, № 1, с. 24

крестьянами, 70 (46,1%) — служащими, социальная принадлежность остальных 32 человек — неизвестна. Как установлено нами на основе изучения персонального состава, полностью коммунистическими были Енисейский и Томский губисполкомы, по 24 коммуниста входило в Иркутский и Семипалатинский, по 23 — в Алтайский и Омский губисполкомы; среди остальных один (Иркутск) был кандидатом в члены РКП(б), двое — беспартийными (Барнаул и Семипалатинск), один — анархо-синдикалистом (Барнаул) и партийность двух членов Омского губисполкома выяснить не удалось¹⁴³.

Сохранились сведения о времени вступления в РКП(б) 95 членов губисполкомов: 16 человек стали коммунистами до 1905 г., 22 — в 1906—1916 гг., 21 — в 1917, 8 — в 1918, 20 — в 1919, 8 — в 1920 г. Большинство членов губисполкомов Сибири имело двух-трехлетний стаж советской работы. В деятельности Советов участвовали с 1917 г. 58 человек, с 1918 — 23, 1919 — 9, с 1920 г. — 62 человека¹⁴⁴. В состав губисполкомов вошли активные борцы за власть Советов в 1917—1918 гг., руководители сибирского подполья и партизанского движения, члены и ответственные сотрудники губернских и уездных ревкомов: В. В. Аристов, Ф. И. Архипов, П. Г. Алимов, Я. М. Банкович, А. И. Богданов, В. Л. Букатый, М. И. Ворожцов, Л. Е. Гольдич, Е. К. Голубева, П. В. Гузаков, П. В. Дашкевич, И. А. Завадский, А. К. Загайный, Х. Д. Грансберг, Г. В. Жигарев, П. Г. Канцелярский, И. М. Касаткин, А. Д. Кравченко, В. А. Курамжин, М. Ф. Левитин, В. И. Локуциевский, Б. И. Монастырский, А. И. Окулов, Ф. Е. Орлов, П. Л. Пахомов, Л. П. Пиндрик, Я. М. Познанский, Е. В. Полюдов, К. А. Попов, К. А. Петерсон, Л. В. Решетников, А. В. Самсонов, А. А. Селезнев, И. В. Сурнов, А. Г. Тиман, А. Д. Шнейдер, Х. П. Щербак, Я. С. Щербинин, С. Г. Чудновский и другие.

По сравнению с уездными исполкомами Сибири в губернских резко (на 21,9%) возрос удельный вес служащих, но на 18,3% уменьшился — крестьян и на 4,8% — рабочих. Сокращение доли крестьян являлось дальней-

¹⁴³ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 202, л. 72; ГАКК, ф. 49, оп. 1, д. 4, л. 330; ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 212, л. 205; д. 242, л. 9—14; д. 313, л. 60; д. 382, л. 30, 59; д. 651, л. 52; «Советская Сибирь», 1920, 10 сент.; Владимирский М. Указ. соч., с. 44—47.

¹⁴⁴ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 242, л. 9—14.

шим развитием этой тенденции, наметившейся от волостных исполкомов. Некоторое уменьшение рабочих произошло потому, что в губисполкомы была избрана большая по численности группа профессиональных революционеров — интеллигентов и служащих по происхождению и положению. Следовательно, это не вело к подрыву позиции рабочего класса в советском государственном аппарате. Удельный вес коммунистов и кандидатов РКП(б) в губисполкомах равнялся 96,6, что было на 11,2% больше, чем в уездных исполкомах, и на 8,8% больше, чем на губернских съездах Советов Сибири.

В губернских исполкомах Сибири по сравнению со средними для РСФСР показателями по-прежнему большей оставалась крестьянская прослойка (на 0,6%), доля рабочих оказалась на 12,2% меньше, а служащих — на 3,6% выше. Удельный вес коммунистов в губисполкомах Сибири был на 6,3% больше, чем в среднем по РСФСР¹⁴⁵.

* * *

Резюмируем сведения о социальном и партийном составе конституционных органов власти, избранных в Сибири в 1920 — начале 1921 г. В городах края образовались Советы, члены которых в подавляющем большинстве являлись коммунистами. Преимущественно бедняки и середняки, среди них около 12—13% коммунистов и сочувствующих РКП(б), вошли в состав сельсоветов. Примерно таким же был состав волостных съездов Советов. Трудящееся крестьянство преобладало в волысполкомах, причем не менее 40% членов волысполкомов были коммунистами и сочувствующими РКП(б). Крестьяне составляли около 67% делегатов уездных съездов Советов Сибири, но уже почти пятая часть их участников являлась рабочими и служащими, а удельный вес коммунистов достиг 50—55%. В уездных исполкомах Советов первое место по численности принадлежало представителям рабочего класса (29,1%), доля коммунистов увеличилась до 85,4%. На губернских съездах группа крестьян оставалась самой представительной, но удельный вес рабочих возрос до

¹⁴⁵ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч., с. 207, 498, 499.

24,9%, а служащих — почти до 9,5%. В коммунистические фракции губернских съездов входило около 88% делегатов. В губернских исполкомах по сравнению с уездными процент рабочих несколько уменьшился (с 29,1 до 24,3%), но значительно увеличился процент служащих (с 24,2 до 46,1), среди которых было много профессиональных революционеров, а крестьян — уменьшился с 26,9 до 8,6%. Почти все члены губисполкомов были коммунистами.

Такой состав органов государственного управления в Сибири убедительно подтверждает подлинно демократический характер Советской власти, которая и в труднейших условиях гражданской войны, и при переходе к мирному строительству видела свой главный жизненный источник в упрочении связей с трудящимися, в опоре на народные массы. В то же время советский государственный аппарат отличался исключительной гибкостью. Выражая потребности широких трудящихся масс города и деревни, он одновременно надежно гарантировал соблюдение интересов и претворение в жизнь специфических задач рабочего класса, вытекавших из его руководящего положения в советском обществе в переходный период от капитализма к социализму. Пример аграрно-крестьянской Сибири показывает, как благодаря многостепенной системе выборов, дифференцированным нормам представительства различных категорий населения и системе съездов Советов укреплялось среднее звено советского государственного аппарата. В него выдвигались лучшие представители рабочего класса — профессиональные революционеры-коммунисты, прошедшие большую школу классово-борьбы, беззаветно преданные делу социализма, обладавшие большим организаторским опытом, способные квалифицированно решать государственные вопросы.

Ход и итоги избирательной кампании свидетельствуют о том, что в целом она прошла удовлетворительно. Переходом к конституционным формам советского строительства был нанесен серьезный удар по политически активным контрреволюционным элементам; значительная их часть была устранена из низовых советских органов; увеличилось непосредственное участие широких масс рабочих и трудящихся крестьян в государственном управлении, что явилось важной предпосылкой дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата в Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории Сибири период конца 1919 — начала 1921 г. занимает особое место. Его исключительное положение определяется значимостью политических событий, глубокой социально-экономических процессов, происходивших на территории края. В это время в Сибири был завершён разгром восточного очага контрреволюции — колчаковщины и восстановлена Советская власть. Советская Сибирь немедленно активно включилась в борьбу против внутренней и внешней контрреволюции. Десятки тысяч сибирских рабочих и крестьян, вступивших в ряды Красной Армии, добивали белогвардейцев и интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке, сражались на Западном и Южном фронтах, где покрыли себя неувядаемой славой. Миллионы пудов сибирского продовольствия были направлены в Европейскую Россию для снабжения Красной Армии и населения промышленных районов. В самой Сибири возобновились социалистические преобразования в экономике и культуре, прерванные летом 1918 г. белочешским мятежом.

В центре этих грандиозных событий находились чрезвычайные органы Советской власти — революционные комитеты, созданные в Сибири в процессе ее освобождения от колчаковцев. Ревкомы организовывались почти повсеместно как на территории, освобождавшейся Красной Армией, так и в белогвардейском тылу, в районах партизанского движения и антиколчаковских восстаний. В отличие от конституционных органов Советской власти — Советов многие ревкомы не выбирались, а назначались из коммунистов и беспартийных, зарекомендовавших себя в качестве активных борцов за Советскую власть. Благодаря образованию ревкомов государственная власть

на местах перешла в руки представителей рабочего класса и трудящегося крестьянства, руководимых Коммунистической партией.

Создание ревкомов явилось закономерным, объективно необходимым этапом в развитии советской государственности на востоке страны. Ревкомы были вызваны к жизни совокупностью чрезвычайных обстоятельств общероссийского и местного, сибирского, масштаба, в конечном счете обусловленных острой классовой борьбой, гражданской войной и интервенцией.

В короткий срок ревкомы осуществили слом колчаковских государственных учреждений, являвшихся орудием контрреволюционной диктатуры, и приступили к созданию принципиально нового государственного исполнительного аппарата, опиравшегося в своей работе на массовые организации трудящихся.

На подведомственной ревкомам территории было сразу же введено советское законодательство, обеспечившее трудящемуся населению возможность участия в государственном управлении. Ликвидацией крупной частной собственности, ограничением эксплуататорских отношений и созданием социалистического уклада в сибирской экономике ревкомы не только декларировали, но и материально закрепили демократические права и свободы для трудящихся и в интересах трудящихся.

В соответствии с требованиями обстановки ревкомы подчинили всю свою деятельность борьбе Советской республики с внутренней и внешней контрреволюцией, с продовольственным кризисом. Одновременно они осуществляли социально-экономические и культурные преобразования, направленные на удовлетворение коренных интересов рабочего класса и трудящегося крестьянства.

В своей деятельности ревкомы максимально использовали революционный энтузиазм населения, вызванный разгромом Колчака и восстановлением Советской власти, опирались на различные общественные организации, созданные на советских демократических началах, и временные чрезвычайные органы. Это позволяло ревкомам оперативно мобилизовывать трудящиеся массы на решение первоочередных задач как государственного, так и местного масштаба, в интересах защиты и дальнейшего упрочения диктатуры пролетариата.

Чрезвычайная обстановка, в которой действовали ревкомы, предъявляла к ним особые требования и наложила определенный отпечаток на формы и методы их работы. Исполнительный аппарат ревкомов по сравнению с Советами был более централизован; система боевых приказов и массовых мобилизаций применялась чаще и шире, что позволяло оперативнее сосредоточивать усилия государственных органов и населения на решающих участках, на главных задачах. В такой обстановке работы государственного аппарата В. И. Ленин видел залог полной победы Советской республики над белогвардейцами и интервентами.

Деятельность ревкомов Сибири начиналась и в значительной части протекала в обстановке ожесточенной классовой борьбы, когда подведомственная им территория находилась на военном положении. В целях максимальной концентрации усилий всех органов диктатуры пролетариата на подавлении вооруженной контрреволюции высший орган управления краем — Сибревком был наделен чрезвычайными полномочиями. Дополнительные, по сравнению с Конституцией РСФСР, ограничения избирательных прав были введены в Сибири при выборах в Советы, пришедшие на смену ревкомам.

Несмотря на отмеченные выше особенности, ревкомы зарекомендовали себя как органы, обеспечившие самое широкое развитие демократии для народных масс, ее максимальное приближение к советской демократии, заключающейся в том, что постоянной и единственной основой всего государственного аппарата являются массовые организации рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Умелый подбор и расстановка немногочисленных кадров опытных сотрудников, правильное сочетание различных организационных форм и направлений деятельности, активное участие в проводимых мероприятиях рабочекрестьянских масс позволили ревкомам Сибири создать определенные предпосылки для постепенного перехода к конституционным формам советского строительства. В течение переходного периода вышестоящие ревкомы стали более широко опираться на восстанавливавшиеся под их руководством конституционные государственные органы: городские и сельские Советы, волостные, уездные и губернские съезды Советов и их исполкомы.

Ревкомы и Советы являлись органами одного и того же социалистического типа государства. Общность социальной природы, назначения, основных направлений деятельности и средств реализации поставленных задач обусловили их сходство в главном, в существенном. Особенности же организации и деятельности ревкомов позволяют рассматривать их как органы, отличающиеся от Советов, но являющиеся в своей основе видоизмененной формой советской государственности. Выборы в Советы и передача последним всей полноты власти на местах явились, таким образом, естественным логическим завершением деятельности ревкомов по защите и укреплению завоеваний Октябрьской социалистической революции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГААК — Государственный архив Алтайского края.
ГАИО — Государственный архив Иркутской области.
ГАКК — Государственный архив Красноярского края.
ГАКО — Государственный архив Кемеровской области.
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.
ГАОО — Государственный архив Омской области.
ГАСО — Государственный архив Семипалатинской области.
ГАТО — Государственный архив Томской области.
НГА — Новосибирский городской архив.
ОРФ ИИ СССР АН СССР — отдел рукописных фондов института истории СССР Академии наук СССР.
ПААК — Партийный архив Алтайского крайкома КПСС.
ПАИО — Партийный архив Иркутского обкома КПСС.
ПАКК — Партийный архив Красноярского крайкома КПСС.
ПАКО — Партийный архив Кемеровского обкома КПСС.
ПАНО — Партийный архив Новосибирского обкома КПСС.
ПАОО — Партийный архив Омского обкома КПСС.

- ПАСО — Партийный архив Семипалатинского обкома КПСС.
- ПАТО — Партийный архив Томского обкома КПСС.
- ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов управления СССР.
- ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии.
- ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абраменко И. А. 108
 Агалаков В. Т. 63, 197
 Агеев С. И. 158
 Азарх Р. М. 153, 168
 Аймаутов Ю. А. 156
 Александров А. А. 117
 Александровский С. В. 48, 272
 Алексеев Н. А. 117
 Алимбеков 310
 Алимов П. Г. 318
 Апасов И. Д. 112, 156, 158, 188
 Аплин 215
 Аристов В. В. 112, 149, 150, 169, 193, 263, 315, 318
 Архипов Ф. И. 68, 124, 156, 158, 212, 318
 Атрашкевич М. И. 158
 Ахалая И. Д. 5
 Ахматов И. И. 136
- Бабкин Ф. Я. 68, 310
 Багаев Б. Ф. 13
 Байбуриин К. 212, 220
 Байгулов 215
 Байдин Ф. П. 286
 Байков М. Н. 158, 272
 Бакаев А. И. 52
 Балиев В. П. 158
 Банкович Я. М. 158, 272, 318
 Банников Н. В. 159, 169
 Баранов С. Ф. 156, 269
 Баранюк И. М. 122, 123
 Барбович 104
 Бахутов А. М. 33, 92
 Беленец А. И. 156, 158, 280
 Белкин М. Н. 158
 Белкин Н. В. 87
 Белослюдов Ф. Н. 158, 248, 272, 282
- Бердникова Е. В. 133
 Березин Л. Т. 223
 Березовский П. Ф. 282
 Березовский Ф. А. 158, 272
 Берман М. Д. 159
 Бетонов Г. Ф. 119, 159
 Блынский Д. Е. 310
 Блюменсон В. П. 134
 Блюхер В. К. 104
 Бобе М. Ю. 52, 53
 Бобра А. И. 68, 147, 148
 Бобылев Г. Н. 119
 Богданов А. И. 156, 318
 Богданов М. А. 108
 Боженко Л. И. 108
 Болотовская К. И. 209
 Большаков Г. Д. 210, 211
 Большаков И. А. 147, 148, 156, 158, 160
 Бондарь-Диброво Ф. С. 19, 52, 158, 310
 Боровик И. 129
 Бочкарев П. Д. 113
 Бояринцев Д. И. 118
 Брыков А. П. 31
 Брюханов Н. П. 19, 97
 Бугай Н. Ф. 5, 6
 Бугаков В. И. 113
 Букатый В. Л. 68, 156, 158, 188, 189, 318
 Булах Н. И. 158
 Бурмистров Д. Н. 122, 123
- Васехо П. И. 238
 Василевский Т. З. 223
 Васильев Г. А. 129
 Васильев Н. 289
 Вдовенко Г. Д. 108
 Вегман В. Д. 67, 272, 280

Верни П. Ф. 159
Веркутис И. Г. 113
Верхотуров П. А. 272
Виднеев Н. Д. 112
Виленский-Сибиряков В. Д. 13, 14, 18, 22, 52, 153
Вилесов А. И. 32
Винокуров А. В. 108
Винтер Г. С. 310
Витковский 104
Витолин-Гравлей В. А. 177
Владимиров А. 210
Владимирский М. Ф. 14, 36, 37, 41, 302, 305, 312, 318
Воробьев М. В. 119
Ворожцов М. И. 68, 318
Воронов А. Р. 19
Ворошилов А. Ф. 112
Вошинин В. 252
Врангель П. Н. 104, 105
Врублевский Ф. К. 280
Вышковский М. К. 132, 158

Гаврилович Л. И. 180
Гайда Р. 134
Гайлит Я. П. 194
Гаркунов В. К. 122, 123
Гимпельсон Е. Г. 289, 296, 301, 303, 310, 311, 313, 314, 319
Гинсбург В. З. 16, 52
Гиоев М. И. 5
Гиршович С. Г. (Григорьев) 123
Глухих Е. А. 118
Гойхбарг А. Г. 19, 20, 30, 34, 36, 43, 52, 158, 186, 229
Головалин Н. Е. 223
Голиков П. К. 147, 148, 156, 310
Голубева Е. К. 52, 149, 150, 318
Гольдич Л. Е. 67, 156, 188, 318
Гольман Д. Е. 19, 96, 159, 199
Гончаров Н. К. 40, 67
Горбунов Я. 112
Гордин С. Б. 158
Горестов А. М. 32
Готлиб М. А. 159
Грансберг Х. Д. 158, 318
Грачев Г. П. 134
Григорьев А. М. 112
Громадская М. А. 272
Громов И. В. 68, 310
Громов С. П. 159
Грюнштейн К. И. 23, 53, 113, 150, 178

Гузаков В. П. 159, 318
Гузев В. М. 122, 123
Гуревич А. Е. 277, 278
Гурович Б. М. 204, 257
Гущин Н. Я. 266

Данишевский К. Х. 46
Данцис Л. А. 38
Датюк Н. С. 105
Дашкевич В. П. 158, 318
Дворянов В. Н. 201
Дворянов Н. В. 201
Деникин А. И. 11, 28, 65
Денисов К. А. 159
Дзержинский Ф. Э. 18
Дитман С. А. 159
Дмитриев А. С. 117
Долбешкин Д. П. 68, 153, 158
Дрожжин М. М. 307, 308
Дронин Г. Е. 19, 67, 78, 92, 94
Дружицкий В. Ф. 52, 67, 113, 153, 159
Дымовский М. М. 310

Евдокимов Г. 285
Евдокимов И. 285
Егоров И. И. 218
Егоршин В. П. 159
Екншев Т. Д. 125
Елагин А. С. 113, 292, 295
Елькин А. П. 124, 158
Елькович Я. Р. 125
Ербанов М. Н. 159
Еремин А. Д. 113
Ермеков А. А. 156
Ермоленко А. И. 19, 33
Ермолин 215

Жигарев Г. В. 112, 318
Жилин В. И. 159
Житов И. Т. 119
Жохов М. И. 272
Журов Ю. В. 211

Завадский И. А. 156, 189, 272, 282, 315, 318
Заводник Я. О. 181
Загайный А. К. 318
Загорский П. И. 158
Закс Б. Г. 52, 159
Западовникова А. Г. 108
Запорожский П. Ф. 144, 159
Зверев Д. Е. 117
Земит Ф. А. 19, 52, 53

Зильберман А. М. 112, 159
Зиневич 129, 131
Золотарев М. Е. 159
Зоссе Я. П. 310

Иванов А. С. 134
Иванов А. Т. 223
Иванов Б. В. 77, 78
Иванов И. М. 122, 123
Иванова З. М. 5
Ивин Ф. К. 158
Ильин А. Г. 153
Ильиных Ф. Д. 124
Илютович В. О. 156, 158, 188
Исаков М. К. 252, 253
Исрапилов А. К.-М. 5
Ишмаев Н. Е. 172

Каганович А. С. 156, 159, 317
Кадейкин В. А. 129
Калашников Н. Г. 68, 114, 159
Калашников Н. С. 134
Калинин М. И. 37, 109
Калистратов Б. 123
Канатчиков С. И. 20, 33, 52, 53, 229
Кантышев И. Е. 159, 302
Канцелярский П. Г. 124, 318
Капель В. О. 131
Карклин И. И. 159, 194
Карлов А. А. 153, 156
Касаткин И. М. 156, 188, 315, 318
Каулин А. Я. 159, 310
Кириллов А. П. 273
Киселев Д. Д. 68, 114
Киселев 115, 116
Кичанов Ю. Д. 134
Клейнштейн М. П. 159
Кнопинский К. И. 133
Ковалев М. И. 273, 280, 310
Ковригин А. С. 223
Ковылкин С. Т. 32, 33, 43, 82
Коган И. Л. 40
Коган О. Е. 52
Коганович П. К. 33, 43, 84, 97, 98, 315, 316
Козлов Н. М. 122, 123
Козлов П. Г. 132, 153, 158
Козырь М. В. 59, 120, 143, 145, 146, 147
Кокуркин В. М. 123
Колегаев А. И. 316

Колосов Е. Е. 129, 130
Колчак А. В. 11, 28, 49, 51, 61, 62, 64, 74, 75, 77, 126, 129, 142, 143, 151, 152, 165, 171, 174, 175, 201, 266, 269, 270, 290, 309
Коношенков И. С. 156
Коняхин М. П. 223
Коротков И. С. 104, 105
Корняков Г. С. 158
Косарев В. М. 15, 24, 30, 33, 41—43, 47, 51—53, 66, 69, 81, 165, 181, 202, 203, 279, 295, 315
Кохов М. Д. 122, 123
Кравченко А. Д. 59, 68, 118, 318
Кравцов П. А. 316
Крестинский Н. Н. 36, 37
Кринкин П. Г. 158
Кродер Я. П. 310
Крылов Ф. А. 150, 153
Кудельский А. 58, 149
Кузнецов В. 285
Кузнецов Н. 285
Кузнецов П. П. 158
Кулик М. Н. 114
Кулябин Г. Р. 285
Курамжин В. А. 122, 123, 143, 147, 148, 318
Курский Д. И. 41
Кутенни Н. А. 273
Кухтин П. М. 158

Лебедев И. И. 115, 118
Левенсон М. А. 140
Левитин М. Ф. 52, 113, 156, 318
Лейнер С. П. 120
Ленин В. И. 3, 4, 11—13, 17, 18, 23, 36, 41, 51, 54, 55, 57, 61, 62, 65, 68, 72, 75—77, 79, 81, 86, 102, 152, 163, 166, 170, 204, 205, 258, 261, 309, 311, 323
Лесин С. Г. 158
Линицкий П. М. 129
Лисин А. Г. 112
Литвинов В. И. 139, 158
Литвинова Г. И. 5
Литкенс Е. А. 159, 240
Логвинов В. К. 210
Лойко В. М. 63
Локацков Ф. И. 34
Локуцкий В. И. 159, 318

Лосевич Е. В. 125
Лубков П. К. 59
Лукашев 116
Ляпин И. Ф. 117, 305

Маградзе Е. А. 114
Макаров А. Д. 310
Малашкин Г. 184
Малашкин И. Г. 117
Малиновский А. А. 68, 124, 149
Мальшева 130
Мальцев К. А. 273, 288
Мальцев Н. 158
Мамонтов Е. М. 57—59, 114, 143
Мамонтов К. К. 11
Марков Д. Е. 272
Марцинковский А. П. 194
Матиясевич М. С. 23
Маторин Н. А. 112, 272
Матч Э. Я. 19
Мачульский П. Н. 134
Медведев А. П. 124
Медведев В. Т. 197, 209, 277
Мей В. В. 285, 305
Мелков Н. И. 158
Мерхалев В. Н. 134
Мионов К. В. 140
Михайлов В. Л. 119
Михеев П. Е. 297
Мицкевич С. К. 120
Молоков И. Е. 31, 103
Молотов К. М. 125, 159
Молотовников С. П. 310
Молчанов Н. Х. 132, 133, 159, 166
Монастырский Б. И. 19, 52, 53, 77, 94, 98, 159, 241, 262, 308, 316, 318
Морозов А. Н. 123
Мосолов А. И. 119, 153, 158

Наркевич С. Я. 159
Неворотов В. Е. 147, 148, 159
Некундэ Ф. К. 141
Нелюбин П. Ф. 183
Николаев П. Ф. 108
Никольский Н. Г. 117
Новиков П. Я. 124
Ноздрин М. М. 84, 177
Норман Б. А. 67
Нусбаум Ф. А. 310

Озол К. И. 280
Окулов А. И. 38, 40, 156, 280, 315, 318
Ольшевский П. И. 299
Опарин В. Е. 159
Оплоков Г. И. (Ломов А.) 14
Орлов В. Е. 188
Орлов Ф. Е. 13, 156, 158, 188, 189, 272, 318
Осокин Г. П. 225
Османов 310

Павлов С. Г. 61
Павлуновский И. П. 34, 84
Пайкес А. К. 19, 21, 32—33, 41, 43, 53, 98
Палькин М. А. 272
Панафидин И. Д. 156, 159, 272, 282
Папардэ Л. А. 68, 124, 158
Пасынков Ф. А. 194
Патаки Ф. 133—134
Пахмурный П. М. 122, 123, 144, 145
Пахомов П. Л. 159, 194, 315, 318
Певзнер В. 158, 194
Пензин Г. Г. 161, 166, 186, 193, 211
Пелелаяев А. Н. 125
Перимов А. В. 88, 317
Першин И. М. 108
Пестун И. С. 133, 134, 310
Петерсон К. А. 158, 318
Петриков П. Т. 5
Петрашкевич 215
Петров Ф. Н. 158
Петрушин В. П. 112
Петухов В. И. 158
Пиндрик Л. П. 318
Плетнев В. И. 116
Плич О. Ю. 158
Плотников И. Ф. 122, 123, 145
Плотников Ф. Д. 107, 148
Плюснин М. А. 158
Плюхин И. Е. 113
Погодин И. М. 113
Подольский Я. П. 159
Позерн Б. П. 23
Позигун М. Ф. 68, 132, 156
Познанский Я. М. 156, 315, 318
Полюдов Е. В. 67, 112, 228, 253, 272, 315, 318

Померанцев П. Е. 108
Померанцева А. В. 133
Пономарев А. А. 19, 52
Попов А. Е. 122, 123
Попов А. И. 116
Попов В. М. 158
Попов К. А. 318
Постников 141
Потарикина Л. Л. 5
Пузырев И. И. 33
Пуляевский Г. В. 119
Путна В. К. 104, 162
Пясецкий А. П. 222

Радо Э. 133
Раимбеков 310
Раппопорт П. Л. 52
Рассолов А. М. 158
Рахвалов-Гарашенко Н. С. 294
Релин В. И. 158
Решетников Л. В. 318
Рогов А. Г. 52
Рогов Г. Ф. 59, 107
Роднонов С. И. 293
Родичкин И. Б. 144
Романов Д. К. 178, 292
Рудаков Е. К. 68, 119
Рудый 33
Рыбак А. Ф. 123
Рютин М. Н. 114
Рябинов В. В. 158

Сальников Г. 113
Самсонов А. В. 67, 156, 318
Сандомирский Ю. И. 124, 158
Сафонова А. Н. 114
Свердлов В. М. 19
Сегалович И. Л. 260
Селезнев А. А. 52, 149, 150, 159, 188, 280, 306, 318
Семенов С. А. 223
Сенотрусов Н. К. 158, 191
Сибирцев Г. П. 128
Скиба Х. С. 68, 147, 148, 160
Склянский Э. М. 26
Скоромкин П. П. 223
Скрябинский И. М. 156, 277
Слащов 104
Смирнов А. П. 100
Смирнов И. Н. 14, 15, 20, 23—27, 30, 33, 40, 41, 43, 57, 69, 81, 84, 92, 94, 98, 121, 315
Сноскарев А. Л. 139, 158

Соболевский Г. К. 68, 114, 158, 188, 190, 204, 227, 228
Соколов В. Н. 20, 33, 34, 37, 43, 52, 74—76, 80, 84, 189, 190, 219, 250, 279
Солодянкин А. Г. 117, 133
Соломошенко М. Н. 122, 123
Сорокин А. К. 114
Сорокин И. А. 113
Спундэ А. П. 38, 52, 53, 276, 280
Старостин В. А. 286
Старостин П. Н. 113, 159, 160, 205
Степенский М. С. 159
Стишов М. И. 127
Сумецкий М. И. 68, 156
Суница Л. Б. 242, 272
Сургуладзе С. К. 68, 118, 213, 310
Сурнов И. В. 139, 158, 159, 318
Суров 131

Телегин К. 104, 105
Тиман А. Г. 156, 318
Тиунов В. Ф. 159
Тихомиров В. Ф. 114
Толмачев В. Ф. 116
Томский С. Т. 272
Топчин В. С. 112
Торопов А. Н. 52
Троицкий П. С. 128
Третьяк И. Я. 310
Трофимов Н. С. 223
Тулицин Н. Е. 117
Тухачевский М. Н. 53, 58
Тюленев Ж. Т. 156

Удре К. А. 222
Уралов С. Г. 158
Устюжанин В. Н. 133
Усырев М. П. 122, 123
Ушаков М. И. 184

Файдыш В. П. 112
Файнгольд В. М. 166
Федоров П. Ф. 112
Фельдман М. М. 240, 241
Финковский А. И. 159
Флюков А. Я. 68, 154, 158, 188
Франкфурт С. М. 31, 33, 176, 202
Фридман И. С. 132

Фролков 237
 Фрумкин М. И. 14, 15, 19, 24,
 27, 30, 31, 33, 53, 54, 58, 69,
 78, 83, 84, 90, 91
 Фрунзе М. В. 104

Харламов Л. Р. 286
 Харченко И. 285
 Хачатуров Р. Л. 173, 175
 Хвостов Н. А. 220
 Хрипунов В. К. 108
 Хрусталеv П. М. 158

Цветков-Просвещенский А. К.
 70, 269, 272
 Цена Л. Ю. 158
 Цифринович В. Е. 174
 Цюрупа А. Д. 308

Чаромский А. Д. 221
 Червонный-Усатенко М. А. 304
 Черных В. А. 116, 188
 Чугурин И. Д. 67
 Чудинов Д. К. 139, 140, 158,
 171
 Чудновский С. Г. 156, 158, 318
 Чукмасов П. А. 188
 Чусов Г. И. 68, 124, 149, 158,
 88, 310
 Чуцкаев С. Е. 47, 48, 61, 110

Шадрин Д. С. 222
 Шалаев А. М. 158
 Шамсутдинов Р. Т. 5, 6
 Шергов Г. М. 158
 Шергов Р. М. 273
 Шестаков 115, 116
 Шестопалов М. П. 225
 Шеходанов П. И. 223
 Шилин В. М. 307
 Ширямов А. А. 68, 139, 140,
 154, 156, 164, 192, 201, 202

Шишкин В. И. 6
 Шишкин 107
 Шншков А. В. 67, 159, 272
 Шнейдер А. Д. 68, 156, 191, 194,
 315, 318
 Шнейдер А. Р. 129
 Шорин В. И. 26, 30, 31, 33, 43
 Шорников М. М. 266
 Шотман А. В. 31, 33—36, 84, 92,
 279
 Штейнман Р. С. 65
 Шувалов Г. Д. 310
 Шумкин В. П. 67, 153
 Шумский Я. К. 143
 Шумяцкий Б. З. 12, 13, 43, 47,
 53, 67, 156, 269, 271, 280
 Шумяцкий Я. Б. 158

Шагин Э. М. 63, 64, 76, 80, 253
 Щербак Х. П. 159, 272, 318
 Щербинин Я. С. 159, 318
 Щетинкин П. Е. 59, 61, 118,
 227, 310

Эйхе Г. X. 60
 Эйхе Р. И. 52
 Эльцин В. 58, 149

Юденич Н. Н. 65
 Юрченко Е. Я. 113
 Юшкин П. С. 58

Яковенко В. Г. 68, 119, 310
 Яковлев Н. Н. 132
 Яковлева В. Н. 165
 Якубов А. С. 52
 Якушин И. С. 286
 Янсон Я. Д. 18, 68, 84, 125, 126,
 150, 151, 153, 154, 236
 Ярославский Е. М. 47, 108, 229,
 279, 315
 Ясутов И. О. 225

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая. Сибирский революционный комитет (август 1919 — март 1921 г.)</i>	10
Необходимость организации, правовое положение, компетенция и структура	—
Руководство борьбой за восстановление и укрепление Советской власти в Сибири	50
<i>Глава вторая. Губернские и уездные революционные комитеты (октябрь 1919 — январь 1921 г.)</i>	111
Образование ревкомов, их состав	—
Основные направления, формы и методы работы	157
<i>Глава третья. Волостные и сельские революционные комитеты (ноябрь 1919 — октябрь 1920 г.)</i>	207
Восстановление Советской власти в сибирской деревне. Создание ревкомов, их социальный и партийный состав	—
Деятельность волостных и сельских ревкомов	231
<i>Глава четвертая. Создание конституционных органов государственной власти. Переход от ревкомов к Советам (март 1920 — январь 1921 г.)</i>	268
Подготовка и проведение выборов в городские и сельские Советы	—
Съезды Советов. Состав исполкомов	298
Заключение	321
Список сокращений	325
Именной указатель	327

Владимир Иванович Шишкин

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОМИТЕТЫ СИБИРИ В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

(август 1919 — март 1921 г.)

Ответственный редактор
Николай Яковлевич Гуцин

Редактор издательства *Ю. М. Ключников*
Художник *Е. Ф. Зайцев*
Технический редактор *А. В. Семкова*
Корректоры *С. В. Блинова, В. Е. Торгашёва*

ИБ № 10080

Сдано в набор 19.01.78. Подписано к печати 4.07.78. МН-01568. Бумага 84×108^{1/32}, тип. № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. Услови. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 1500 экз. Заказ 21. Цена книги 3 р. 10 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

**СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

готовит к выпуску следующие книги:

Гуцин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса с крестьянством Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.).

Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.).

Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири (XVIII — начало XX в.).

Книги высылаются наложенным платежом. Заказы направляйте по адресу: 630090. Новосибирск, 90, Морской проспект, 22, магазин «Наука».